Сергей Чебаненко

Караул под «ёлочкой»

S.V.Chaser

СТРОСЮЖЕТ

СЕРГЕЙ ЧЕБАНЕНКО

— Товарищ лейтенант, посмотрите в сторону станции! — горячо зашептал на ухо Макарьеву пододвинувшийся вплотную Виктор Русаков. — Видите?

Он вытянул вперед руку, указывая направление. Антон перевел взгляд и почти сразу же увидел тех, кто двигался им наперерез. Их было трое. Они двигались друг за другом, осторожно переставляя ноги и явно стараясь не шуметь.

Присмотревшись, Антон различил у них за плечами большие вещевые мешки. Тот, который шел вторым в цепочке, помимо такой же, как у всех, поклажи, нес на левом плече толстую короткую трубу. "Ничего себе сюрприз!" — Макарьев, напрягая глаза, всматривался в ночь.

Караул под "ёлочкой"

Издательство Ч.С.В.

«S.V.Chaser»

КОТОФЕЙ

Серия детективной, приключенческой и фантастической литературы

Сергей Чебаненко

Караул под ёлочкой»

УДК 821-311.3
ББК 84(2)
Ч34

Чебаненко, С.В.
Ч 34 Караул под «ёлочкой» : роман/ Сергей Чебаненко. – М.: Вече, 2013. – 320 с. – (Остросюжет).
ISBN 978-5-4444-0659-5
Знак информационной продукции 16+

Май 1988 года. Достигнуто соглашение о выводе советских войск из Афганистана в 1989 году. Решение ставит под угрозу тайный бизнес по торговле оружием и наркотиками, который ведут влиятельные лица в руководстве Афганистана. С помощью специальной диверсионной группы они решают сосрвать достигнутые договоренности о выводе войск. Для этого нужно устроить крупную диверсию на территории самого Советского Союза. Выбор злоумышленников падает на космодром Байконур, с которого в августе 1988 года должен стартовать советско-афганский космический экипаж. Гибель космонавтов на советской территории обязательно приведет к обострению политической ситуации и притормозит уход войск из Афганистана.

УДК 821-311.3
ББК 84(2)

ISBN 978-5-4444-0659-5
© Чебаненко С., 2013
© ООО «Издательство «Вече», 2013

ПРОЛОГ

...Луч прожектора ярким языком лениво лизнул забор из колючей проволоки и уперся в пятачок земли, на котором распластался лейтенант Антон Макарьев.

«С возвышенности меня сейчас видно, как на ладони», - с леденящим сердце ужасом успел подумать Антон.

Тишину августовской ночи прорезал треск автоматной очереди. Впереди, всего в полуметре от того места, где лежал Макарьев, песок фонтанчиками взвился вверх.

Антон, - почти машинально, не целясь и даже не поднимая головы, - нажал на спусковой крючок «калашникова». Автомат в его руках возмущенно плюнул огнем, затрясся и загрохотал. Дуло было направлено вверх под углом, и очередь вспорола небо слишком высоко над неясными черными тенями около забора.

Ответом был беспорядочный шквал огня. Несколько коротких очередей с визгом пронеслись над головой Макарьева.

Антон перестал стрелять, резко дернулся вправо и перекатился почти к самому проволочному забору. И вовремя - не прошло и нескольких секунд, как в то место, где он только что лежал, ударила прицельная и длинная автоматная очередь.

Макарьев приподнял голову и увидел, что один из стрелков привстал с земли и из своего короткого автомата буквально поливает огнем его прежнюю позицию.

Он поймал на мушку хорошо различимый на фоне светлеющего предрассветного неба силуэт врага и выстрелил. «Калашников» громыхнул короткой очередью, поперхнулся и замолчал. Патроны закончились.

Стрелок на возвышенности сломался, гортанно вскрикнул и тяжело повалился на землю.

«Попал!» - Макарьев отшвырнул прочь бесполезный теперь автомат, на ощупь расстегнул кобуру и вытащил пистолет. Но прицелиться не успел. Еще одна зыбкая черная тень на возвышенности приподнялась и сделала резкий замах рукой в сторону Антона.

«Граната!» - Макарьев испуганно зажмурил глаза и вжался в землю. Он совершенно ясно осознал, что ни спрятаться, ни убежать уже не успеет. Да и негде было спрятаться, и некуда было бежать в этой почти идеально ровной и плоской степи... Маленькая, ребристая и неотвратимая смерть неслась к Антону по навесной траектории, чтобы сотнями металлических осколков пригвоздить к пыльной поверхности земли его распластавшееся среди высохшей травы тело...

…Антон всполошено вскинулся и открыл глаза.

В купе было по-прежнему темно и душно. Колеса поезда «Москва – Ташкент» оглушительно грохотали на стыках рельсов. За окном вагона начиналось безграничное пространство, соединившее в себе усыпанное звездами небо и непроницаемо черную казахстанскую степь.

«Приснится же такое!» – Макарьев вытер тыльной стороной ладони покрывшийся холодной испариной лоб, повернулся на правый бок и снова уснул.

1.

23 мая 1988 года.

Афганистан, Кабул.

Здание Центрального Комитета Народно-демократической партии.

- Заходи, Ахмад, - полнотелый черноволосый мужчина оторвал взгляд от лежавшей перед ним папки с бумагами и показал рукой на стул около письменного стола. - Присаживайся, разговор у нас будет долгим и серьезным.

- Рад приветствовать вас, уважаемый Махтари, - посетитель слегка наклонил коротко стриженую голову, выражая свое почтение к хозяину кабинета, мягко ступая по ковровому покрытию, прошел к стулу и сел. Ахмад Мухаммед Нарханг командовал одной из полевых частей цорандоя и почти постоянно кочевал по северным провинциям, вылавливая и уничтожая вооруженные отряды исламской оппозиции.

- Ну, что там у нас по последней операции? - Шах Нур Махтари решительным жестом отодвинул бумаги на край стола. - Были проблемы? Можешь говорить спокойно, мой кабинет защищен от прослушивания.

- Все прошло удачно, уважаемый Махтари, - тонкие губы посетителя сложились в довольную улыбку. - Товар успешно переправлен через границу и получен нашими друзьями. Деньги уже поступили. Канал очень надежный...

- Это хорошо, что канал надежный, - Махтари устало откинулся на спинку кресла. Черные колючие глаза изучающе буравили гостя. - Плохо то, что наше дело, может быть, придется свернуть.

Улыбка исчезла с лица посетителя. Взгляд Нарханга мгновенно сделался холодным и жестким.

- Это невозможно, уважаемый Махтари. В деле заняты многие достойные люди. И ваша доля...

- Причем здесь моя доля, Ахмад? - раздраженно прервал собеседника хозяин кабинета. - Есть вещи, которые стоят выше нашей с тобой доли в этом деле. Государственная политика страны, например.

- Я что-то не пойму, уважаемый Махтари... Ваше положение в стране может решить все проблемы... Одно только ваше слово и...

- В Афганистане - да, - утвердительно закивал Махтари. - А вот за пределами страны - нет... Да, я - министр. Да, я член политбюро Центрального комитета партии. Но... Ты слышал, что вчера в Москве Горбачев и Наджибулла согласовали график вывода советских войск?

- Ну, в общих чертах… - Ахмад неопределенно пожал плечами. Он привык жить сегодняшним днем и его никогда не интересовали переменчивые ветры в высоких политических сферах. - Только причем здесь наше дело?

- Ты не понимаешь? - кустистые седые брови Махтари удивленно взлетели вверх. - К середине февраля следующего года войска шурави уйдут из Афганистана, Ахмад. Я не уверен, что без их поддержки Наджибулла удержит власть...

- Но у нас есть отряды цорандоя, есть армия, - робко возразил Ахмад. В его голосе послышались растерянные нотки. - Кроме того, если русские уйдут из Афганистана, Штаты и Европа наверняка тоже уменьшат помощь оппозиции...

- Неужели ты думаешь, что Вашингтон и его европейские прихвостни когда-нибудь согласятся с существованием нашего режима? – проворчал министр и скептически ухмыльнулся. - Но даже если власть в стране удастся удержать, наше с тобой дело все равно придется сворачивать. Друзья из советской армейской группировки окажутся по ту сторону границы. Мы больше не сможем получать оружие для перепродажи...

- Наверняка останутся советские военные советники, - было заметно, что прежняя уверенность оставила Ахмада. Как утопающий, который хватается за последнюю соломинку, он лихорадочно пытался отыскать хоть какой-нибудь выход из складывающейся не в его пользу ситуации. - Можно будет попробовать договориться с ними...

- Новые люди - это всегда новые проблемы, - Махтари устало взмахнул рукой. - И новые затраты... Ты прав, кого нужно из шурави мы бы, конечно, заинтересовали... Но дело еще и в том, дорогой мой Ахмад, что по московскому соглашению Горбачева и Наджибуллы поставки советского вооружения в Афганистан сократятся почти в три раза.

- Ого! - Ахмад ошарашено присвистнул. – Так мы ничего уже не сможем вытащить!

- Вот именно, что не сможем, - озабоченно пожевав губами, подтвердил Махтари. - Более того, окажется под угрозой и второй цикл нашего дела, Ахмад. Порошок, который мы покупаем на вырученные за оружие деньги, теперь не будет без препятствий попадать к нашим таджикским и узбекским друзьям. Количество военных авиарейсов после вывода войск шурави резко сократится. А обычные гражданские рейсы контролируются и пограничниками, и таможней. Твои парни когда-нибудь имели дело с советской таможней, Ахмад?

- Нужно что-то делать, уважаемый Махтари, - Нарханг пропустил язвительную реплику собеседника мимо ушей и упрямо тряхнул стриженой головой. - Должен же быть какой-то выход!

- Выход, выход, выход, - Шах Нур Махтари нервно забарабанил пальцами по столешнице, а потом раздраженно хлопнул ладонью по папке с оперативными сводками на краю стола. В последние несколько недель папка стала непомерно раздуваться от ежедневно поступающих новостей. Как правило, плохих. - Если не будет никаких изменений в существующей схеме переброски товара и его оплате - вот лучший выход.

- Все изменения в наших отношениях с шурави идут от Горбачева, помолчав, заметил Ахмад. - Если не будет Горбачева, не будет и изменений.

- Ты предлагаешь... - чиновник несколько секунд, не скрывая изумления, смотрел на Нарханга, а потом захохотал:

- Ты не в своем уме, Ахмад!

- Горбачев не нравится и самим шурави. Я знаю многих, кто недоволен им в армии и среди партийных работников, - Нарханг, казалось, не заметил насмешки хозяина кабинета и упрямо гнул свою линию. - Если его удастся ликвидировать...

- Хватит! - Шах Нур Махтари остановил его властным жестом. - Я реалист, Ахмад, а не фантазер. Нет, убрать Горбачева не в наших силах. Вынудить шурави

отказаться от вывода своих войск и сорвать всю эту затею с переговорами - вот что нам нужно сделать!

- Русские откажутся выводить войска, если ситуация в Афганистане резко ухудшится, - размышляя вслух, Нарханг наморщил лоб. - Если, например, Раббани наплюет на договоренности, и отряды исламистов начнут новое наступление на Кабул...

- Раббани не пойдет на срыв соглашений, - Махтари покачал головой. - Ему выгодно, чтобы шурави ушли из страны. Тогда ситуация резко изменится в пользу оппозиции. Это во-первых. Во-вторых, советское руководство начало стратегическую игру с Рейганом. Чтобы заставить Штаты отказаться от программы «звездных войн», Горбачев может пойти на любые политические жертвы. И Наджибулла, и Афганистан только разменные монеты в торговле Советов с Америкой... Это как турецкий гамбит в шахматах: жертвуешь одну фигуру, чтобы выиграть всю партию.

- Значит, им наплевать на судьбу Афганистана? - на щеках Нарханга вспыхнул гневный румянец. - А если исламисты перейдут границу и начнут войну на территории шурави? Одна - две диверсии где-нибудь в советской Средней Азии могут резко изменить положение... И зачем нам ждать, когда на это решатся исламисты? Мы можем поручить провести такие акции нашим людям. Естественно, никак не афишируя, что это наши люди...

- Гм, в целом предложение неплохое, - Шах Нур Махтари устремил задумчивый взгляд в окно. Порывистый весенний ветер кружил пыль и мелкий мусор над центром Кабула. - Хотя и не бесспорное...

- Если, например, взорвать что-нибудь в самом центре Москвы, скороговоркой продолжал Нарханг, увлекшись собственной идеей. - Или устроить шурави какой-нибудь новый Чернобыль...

- Нет, это не годится, - решительно возразил министр. - Слишком чувствительный удар только ухудшит общую политическую ситуацию. Я не исключаю

возможность, что в этом случае русские могут вообще ускорить вывод своих войск... Нет, нет, удар должен повлечь минимум жертв, но быть очень чувствительным в политическом плане. Нам нужна громкая политическая пощечина Горбачеву. Удар в такой области, где Советы гордятся своими успехами...

- Гордятся своими успехами? - переспросил Нарханг и лукаво прищурился. - Уважаемый Махтари, кажется, этим летом афганец должен полететь в космос на советском космическом корабле?

- Да, где-то в конце августа. Только причем здесь этот полет? Хотя... Погоди-ка... - глаза Махтари удивленно округлились. - Так ты предлагаешь...

- Именно это я и предлагаю, - Нарханг весело засмеялся, довольный тем, какое впечатление его слова произвели на хозяина кабинета. - Если космического полета не будет... Вот, например, если ракета взорвется еще на старте вместе с русскими и афганским космонавтами, это будет двойная пощечина - и Горбачеву, и Наджибулле. Считайте меня идиотом, если после этого вывод советских частей не будет остановлен...

- Если бы ракета взорвалась... – губы Махтари тронула мечтательная улыбка. - Я бы первым поднял на заседании политбюро вопрос о продлении срока пребывания на нашей территории войск шурави... Молодец, Ахмад, какой ты молодец!

Чиновник окинул собеседника восторженным взглядом.

- Если чего-то ждешь, а это не происходит, нужно помочь ему произойти, - философски заметил Нарханг и пожал плечами. - Идею этой операции можно подкинуть нашей оппозиции... Кого выберем: Исламскую партию, клан Моджаддади, ваэзов? Или может быть, исмаилитов из общины Кияни?

- Ни в коем случае! – министр вскочил на ноги и нервно заходил по кабинету. - Диверсионная группа должна быть оппозиционной, но контролироваться нами

по неформальным каналам. У тебя есть кто-нибудь на примете?

Махтари остановился около окна и прикрыл распахнувшуюся от порыва ветра форточку:

- Нас вполне устроит какой-нибудь из небольших отрядов сопротивления...

- Самый страшный враг - это бывший друг, - Нарханг усмехнулся, показав ровные белые зубы. - Что вы скажете о группе «Шолее джавид» Калакани, уважаемый Махтари? Они всегда ориентировались на Пекин и в свое время вышли из фракции «Хальк» НДПА...

- Калакани? - Шах Нур Махтари воззрился на собеседника с недоумением. - Но его ведь казнили еще лет восемь назад...

- Да, сам Калакани был расстрелян, - Ахмад наклонил голову в знак согласия, - Тогда же были разгромлены и все крупные военные формирования «Шолее джавид». Разгромлены, кстати, с участием советских войск... Но небольшие группы нам удалось сохранить...

- Нам? - появившаяся на лице министра ухмылка была ледяной. - Вам, дорогой Ахмад, вам удалось их сохранить. Вопреки решению партии...

- Пусть так, - миролюбиво согласился Нарханг. Он сегодня не был расположен вступать в спор по пустякам. - Согласитесь, уважаемый Махтари, лучше иметь контролируемое маоистское подполье, чем неконтролируемую партизанскую группу. Люди Калакани до сих пор одинаково ненавидят и шурави, и кабульский режим. Но я знаю о каждом их шаге. И даже немного подкармливаю их структуры финансовыми инъекциями. Члены «Шолее джавид», конечно, и не подозревают, кто в действительности их содержит...

- Кажется, действительно настало время использовать ваших питомцев для наших целей, - Махтари задумался. - Хорошо, это стратегия. А тактика? Как группа попадет на советскую территорию? Как ваши люди проберутся на космическую ракету?

- Мы можем перебросить группу воздушным путем, по нашему каналу. Это совершенно безопасно и надежно. Что же касается ракеты... – продолжил фантазировать Нарханг. - Диверсантам вовсе и не нужно будет к ней пробираться. Я думаю, что достаточно подойти к стартовой площадке на расстояние выстрела из «Стингера». Среди членов «Шолее джавид» достаточно опытных стрелков.

- Но тогда они не смогут скрыться, - возразил Шах Нур Махтари. - Если «Стингер» попадет в ракету и космический корабль взорвется, русские бросят все силы на задержание группы. Вашим людям не удастся уйти, Ахмад.

- И прекрасно. Пусть шурави возьмут живьем диверсантов, которые одновременно связаны и с Пекином, и с исламистами...

- Вы дьявол, Ахмад, - министр снова уселся в кресло за рабочим столом и довольно заулыбался. - Вы настоящий дьявол!

- Я просто не люблю, когда мне мешают зарабатывать себе на хлеб, уважаемый Махтари, - Нарханг развел руками. - Когда начинать планирование операции?

- Немедленно, - государственный чиновник пододвинул к себе папку с бумагами, давая понять собеседнику, что разговор окончен. - И запомните, Ахмад, все детали этой операции должны знать только два человека. Вы и я.

- Я понимаю, уважаемый Махтари, - Нарханг поднялся со стула. - Только два человека: вы и я.

2.
25 мая 1988 года.
Исламская республика Антавия, Маузалибад.
Управление Секретной службы.

- Интересно, - генерал Анвар Халеф сложил вместе листы информационной сводки и отложил их в сторону. -

Очень интересно. Этот блудливый осел Махтари и в самом деле уверен, что его кабинет не прослушивается?

За длинным овальным столом перед генералом сидели руководители трех основных направлений Секретной службы Антавии. Полковник Абдулла Гарид возглавлял внешнюю разведку, майор Абу Мухаммед Али руководил контрразведкой страны, а полковник Хасан Серами уже несколько лет стоял во главе политической полиции - Службы государственной безопасности.

Абу Мухаммед Али старательно промокнул пот на лице носовым платком и изрек:

- Махтари всегда слыл слишком самоуверенным человеком, господин генерал. Специальная аппаратура, установленная в его кабинете советскими специалистами, действительно блокирует подслушивание по радиотелефонным каналам. Но мои люди используют иные способы получения информации. Мы должны еще раз воздать должное техническим средствам, которые смогли купить у наших американских друзей...

- Ну и не будем разубеждать товарища Махтари, - Халеф достал сигару из дорогой шкатулки, прикурил и глубоко затянулся. - Итак, полученная нами из Кабула информация, скорее всего, является достоверной. Вряд ли разведка шурави стала бы использовать Махтари для передачи нам дезинформации. Член политбюро ЦК НДПА - это не та фигура, которую можно принести в жертву, чтобы пару недель поводить нас за нос... Плюс к этому то, что Нарханг и Махтари почти в открытую засветили в этом разговоре всю свою «партийную экономику»... Значит, они действительно будут готовить диверсию на советском космическом комплексе в Казахстане. Вопрос в другом: выгодна ли эта их затея нам?

Генерал Халеф скользнул взглядом по присутствующим на совещании офицерам, и некоторое время молча курил, глядя на тлеющий кончик сигары. Руководители направлений Секретной службы хорошо

знали привычку своего шефа размышлять вслух, поэтому тоже не спешили высказывать свои мнения.

- В целом ситуация, конечно, благоприятна для нас, - произнес, наконец, Халеф. - Война в Афганистане подорвала позиции Советов в странах ислама и серьезно ущемила амбиции Соединенных Штатов на Ближнем и Среднем Востоке. Чем дольше Россия и Америка будут скованы взаимным противостоянием в Афганистане, - пусть даже и не прямым образом, а через контролируемые ими политические силы, - тем лучше для нас. Если советско-афганский полет будет сорван в результате диверсии и выяснится причастность к этому, например, людей из ЦРУ, я не поставлю и ломаного динара не только за договоренности США и СССР по Афганистану, но и за весь диалог Рейгана и Горбачева в течение последних трех лет. И Советы, и США снова вернутся к состоянию «холодной войны», что объективно в наших интересах...

- Махтари и Нарханг будут пытаться привязать к диверсии леворадикальные группы и Китай, а не исламистов и США, - осторожно возразил Гарид.

- Вот и хорошо, - Халеф положил недокуренную сигару в пепельницу и снова придвинул к себе листы информационной сводки. - Пусть и Пекин окажется втянутым во всю эту кашу. Чтобы выглядеть достоверной, интрига должна выходить сразу на несколько уровней... Главной нашей задачей будет убедить русских в том, что к диверсии причастны и Штаты, и Китай. Поэтому оптимальным вариантом я считаю уничтожение всей диверсионной группы сразу после завершения акции. Мертвые не смогут рассказать, чьими агентами они являются на самом деле… А вот среди вещей диверсантов, которые обнаружит советская контрразведка на месте их гибели, должны будут найтись документы, свидетельствующие о заказном характере всей акции. В непрямой форме, но достаточно точно эти документы должны указать именно на Вашингтон и

Пекин, как на финансовых спонсоров и идейных вдохновителей операции.

- Вопрос только в том, как подбросить мертвым диверсантам эти бумаги, - Абу Мухаммед Али задумался, комкая в руках мокрый от пота носовой платок. - Может быть, послать параллельно людям Нарханга еще одну группу?

- Я могу предложить другое решение, - бесстрастным голосом возразил полковник Гарид. Под взглядом его ледяных глаз начальник контрразведки почувствовал себя не в своей тарелке. - Несколько месяцев назад нам удалось завербовать на советском космодроме одного из людей, непосредственно работающих с системами жизнеобеспечения космических кораблей. Это очень осторожный человек, который за деньги и обещанный ему выезд за пределы СССР оказывает нам некоторые услуги. Кстати, именно через него мы получили основную часть технической информации, необходимой для создания в будущем нашей собственной баллистической ракеты... Я думаю, что наш агент без особого риска сможет подбросить дезинформацию в район предполагаемой гибели диверсионной группы. Нам останется только очень точно сориентировать людей Махтари на месте, подсказать им самый выгодный для нас маршрут движения. Это несложно будет сделать – Нарханг поручил подготовку диверсионной группы людям, на которых мы имеем влияние…

- Я не думаю, что нам нужно рисковать вашим агентом на Байконуре, Гарид, - подумав, возразил Халеф. - Есть более простой вариант наших действий. Найдите способ подбросить эти документы в снаряжение диверсионной группы с помощью наших людей в отряде Нарханга. Это возможно?

- Вполне, - начальник внешней разведки слегка склонил голову.

- А я совсем не уверен, что эти маоистские фанатики предпочтут самоубийство сдаче в плен, - Абу

Мухаммед Али не счел нужным скрывать свой скептицизм. - Эта публика всегда храбра только на словах...

- Я не вижу здесь проблемы, - включился в общий разговор полковник Серами. - Одному из диверсантов мы вполне можем поручить ликвидацию всех остальных членов группы, как только поставленная перед ними задача будет выполнена или - упаси Аллах, конечно, от такого варианта! - вдруг окажется под угрозой срыва...

- Это все равно не решает проблему гарантированной смерти последнего из диверсантов, - пренебрежительно фыркнул Али. Он недолюбливал Серами и не преминул воспользоваться возможностью подсунуть шпильку заносчивому полковнику даже здесь, на совещании у шефа. - Кто будет ликвидировать самого ликвидатора? Может быть, секретный агент уважаемого Гарида?

- Это было бы крайне нежелательно, - отозвался начальник внешней разведки. - Этот агент еще два - три месяца будет оставаться для нас достаточно ценным источником информации...

- Необходимости рисковать вашим человеком не будет, господин полковник, - успокоил Гарида Серами и послал Али холодную обезоруживающую улыбку:

- Среди вооружения диверсионной группы могут оказаться осколочные гранаты, которые сработают сразу же после выдергивания чеки. Мы поручим ликвидатору после устранения остальных членов диверсионной группы подорвать их трупы, чтобы окончательно замести следы. Но пяти секунд для того, чтобы спрятаться в укрытие после выдергивания кольца гранаты у исполнителя не будет...

- Прекрасная идея, - одобрил генерал Халеф. - Кому поручим техническую реализацию?

- Этим могут заняться мои люди в отряде Нарханга, - с готовностью предложил Серами. - У них есть и соответствующая техника, и опыт.

- Вот и замечательно... Меня несколько смущает иное... Вся эта затея со стрельбой «Стингером» по ракете... - Халеф сложил руки на груди и скользнул задумчивым взглядом по лицам подчиненных. - Слишком уж примитивно, чтобы сработать наверняка, вы не считаете?

- Мы можем подстраховать наших кабульских друзей, - ухмылка на пергаментном лице полковника Гарида была больше похожа на мелькнувшую легкую тень. - Достаточно будет поручить нашему агенту установить на борту космического корабля одну маленькую микросхемку - и «Стингер» вообще может не понадобиться.

- Неплохо, - секунду поразмыслив над предложением, согласился Халеф. - Если ваша электроника надежна, тогда акция людей Нарханга превратится просто в своеобразное прикрытие наших усилий и канал для дезинформации советского КГБ. Вот что, Гарид... К завтрашнему утру подготовьте подробную схему планируемой нами операции. Давайте на свежую голову еще раз пройдемся по всем этапам этой задачи...

…Солнце миновало зенит, когда Амир Хусейн Хоради, адъютант майора Абу Мухаммеда Али, решил немного передохнуть. Он переоделся в легкий летний гражданский костюм и через черный вход вышел из здания контрразведки.

Неторопливой походкой он пересек бульвар Восстания и на пару минут задержался у стеклянной витрины небольшого магазинчика на улице Ибн-Хосеми, рассматривая выставленные на ней антикварные товары, а заодно проверяя, нет ли за ним слежки. На площади Звезды купил с лотка у торговца банку холодного пива, и неторопливо выпил ее, сидя на лавочке в тени деревьев и любуясь игрой солнечных лучей в серебристых струйках большого фонтана.

Несмотря на густые кроны деревьев вокруг площади и облака мельчайших капель над фонтанами, воздух был зноен, неподвижен и наполнен тяжелой и

ленивой истомой. Вдали, за старыми городскими кварталами, у самого горизонта угадывались белые вершины гор. С автострады, огибавшей площадь, доносился приглушенный шум движущихся машин, шуршали шины, иногда взвизгивали тормоза и истерично рявкали клаксоны.

Когда пиво было выпито, Амир Хусейн Хоради достал из кармана рубашки скомканный бумажный шарик и незаметно сунул его внутрь банки. Окинув внимательным взглядом почти пустую в это время дня площадь, адъютант майора поставил банку на сидение лавки, поднялся и походкой уставшего за день человека медленно побрел в сторону городского парка.

Лавка в тени деревьев не долго оставалась пустой. Не прошло и минуты, как на нее сел передохнуть высокий стройный человек в светлой рубашке с расстегнутым воротом и синих вылинявших джинсах. Свою небольшую дорожную сумку он поставил на лавку рядом с пустой пивной банкой. Достав из сумки иллюстрированный журнал, незнакомец какое-то время листал страницы, читая статьи и рассматривая фотографии, потом взглянул на часы, и заторопился. Он поднялся с лавки и пошел в сторону центральной части столицы.

Пустая банка из-под пива исчезла…

…В номере отеля «Президент-палас» человек, подобравший пустую пивную банку, извлек из нее бумажный шарик, расправил его и внимательно прочитал написанный на листочке текст. Сделав несколько пометок в своей записной книжке, незнакомец выбросил банку в мусорную корзину, а прочитанную записку разорвал на мелкие кусочки и спустил в унитаз.

Вызвав такси, он быстро собрал дорожную сумку и поехал в аэропорт. Билет на рейс, следующий в Париж, был куплен заранее, и незнакомцу оставалось только пройти пограничный контроль.

- Чеслав Сэмюэль Волянецкий? – офицер пограничной службы открыл его паспорт. – Возвращаетесь домой?

- Да, - господин Волянецкий растянул губы в вежливой улыбке. – Моя командировка в вашу прекрасную страну подошла к концу.

- Счастливо пути! – офицер сделал в паспорте отметку о пересечении границы и протянул документ владельцу.

…В парижском аэропорту Орли Чеслав Сэмюэль Волянецкий подошел к первому же телефонному автомату, набрал номер и когда на другом конце провода подняли трубку, сказал:

- Привет, Мишель! Это Корнелий. Нам нужно срочно увидеться.

3.

30 мая 1988 года.

Исламская республика Антавия, Маузалибад.

Управление Секретной службы.

«Резидент – Мулле.

Микросхемы для размещения на объекте получены и через тайник переданы Агенту для немедленного выполнения поставленного вами задания. Прошу разрешения для вывода Агента из комбинации сразу после установки микросхем на объект. Резидент».

- Резидент неоправданно торопится, - генерал Анвар Халеф отложил в сторону лист бумаги с текстом шифротелеграммы. Несколько секунд он задумчиво перебирал тонкими холеными пальцами четки, а потом поднял взгляд на полковника Абдуллу Гарида. – Выводить Агента из игры еще рано. Передайте Резиденту следующее: Агента разрешаю удалить из комбинации только после гарантированного подтверждения уничтожения и объекта, и его экипажа.

4.
31 мая 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.
Монтажно-испытательный комплекс 1А.

Ночь была тихой и безветренной. Поздней весной и в начале лета ночи здесь, на просторах Центрального Казахстана, всегда бывают такими спокойными и пустынно - безмятежными. Нагретый за день воздух словно застывает над степью, уже успевшей выгореть и растрескаться под палящими лучами солнца. Безоблачное небо накрывает остывавшую землю высоким, бархатисто - черным куполом, испещренным яркими точками звезд, среди которых медленно плывет похожий на узкую лодочку серпик Луны.

Агент прошел вдоль серой кирпичной стены монтажного корпуса 1А и остановился у дверей помещения, которое испытатели между собой именовали «космической пристройкой». Это были несколько расположенных друг за другом комнат на первом этаже здания, соединенных общим коридором. Здесь космические экипажи перед стартом надевали скафандры, беседовали с журналистами и руководителями правительственных делегаций из разных стран. Из коридора «космической пристройки» можно было свободно и практически незаметно попасть и внутрь рабочих помещений испытательного корпуса, и в монтажный зал космических кораблей.

Агент выудил из кармана куртки ключи от входных дверей «космической пристройки» и поочередно открыл оба замка. Металлическая дверь с легким скрипом отворилась. Уже через пару секунд агент на цыпочках шел по устланному ковровой дорожкой коридору. Впрочем, особой необходимости осторожничать не было: работы здесь завершились еще днем, когда космонавты приезжали из Ленинска для окончательной примерки скафандров. Но Агент всегда считал, что

береженого и Бог бережет, а поэтому старался никогда не рисковать без причины.

Около обитых пластиком входных дверей в монтажный зал он остановился и несколько секунд прислушивался к звукам внутри помещения. Издалека доносились неразборчивые обрывки слов, шум работающих электромоторов на насосной станции, беспорядочное металлическое позвякивание. Если судить по долетавшим изнутри зала звукам, около самих дверей сейчас никого не было. Агент на ощупь нашел на связке еще один ключ, отпер входную дверь и шагнул через порог в монтажный зал.

Зал условно делился на четыре рабочих зоны. В первой, слева от двери в «космическую пристройку», сейчас готовили к пуску основной корабль «СоюзТМ» для советско-болгарской экспедиции. Внизу раздвижного кольцеобразного стенда, внутри которого застыл поставленный в вертикальное положение космический корабль, деловито сновали, переговариваясь друг с другом, несколько офицеров из отделения двигателистов. Скользнув взглядом по стенду, Агент с удовлетворением отметил, что на его верхних этажах все испытательные работы успели закончиться, и там сейчас никого нет.

Справа, во второй рабочей зоне, на таком же, как и слева испытательном стенде, стоял законсервированный до дня запуска в начале июля автоматический грузовой корабль «Прогресс-37». За деревянным столом у подножия стенда спал солдат-охранник. В третьей рабочей зоне, которая располагалась в правом дальнем углу зала, отделение старшего лейтенанта Гаголинова заканчивал серию электрических испытаний запасного корабля «СоюзТМ». Работы здесь тоже шли только на двух нижних этажах испытательного стенда.

«Значит, если я сейчас поднимусь на верхнюю площадку стенда в первой рабочей зоне, - мысленно прикинул Агент, - меня ни сбоку, ни сверху никто из испытателей не увидит. Вот и замечательно».

Он сунул ключи от входных дверей в карман куртки, еще раз бросил настороженный взгляд по сторонам и торопливо скользнул вдоль стены к первому испытательному стенду.

Одет Агент был в рабочий костюм светло-коричневого цвета и внешне никак не выделялся среди суетившихся у подножия «СоюзаТМ» испытателей. Многие из них хорошо знали его и по имени-отчеству, и в лицо. Именно поэтому никто из работавших на стенде и охранявших космический корабль людей не обратил на Агента особого внимания. Не было ничего странного в том, что сотрудник одного из подразделений появился в рабочей зоне. Правда, работы его испытательного отделения закончились полчаса назад. Ну, так, может быть, он забыл на стенде что-нибудь из оборудования, мало ли что бывает...

Сегодня вечером, перед началом проверки внешнего люка «Союза» на герметичность, Агент действительно «забыл» внутри орбитального отсека корабля небольшой гаечный ключ. Он был абсолютно уверен в успехе сегодняшней операции, но все же решил подстраховаться. Лежащий в корабле медный гаечный ключ был его маленьким алиби на случай неприятных неожиданностей и непредвиденных расспросов.

Стараясь ступать как можно мягче, он начал подниматься по ступеням задней лестницы стенда. На каждом испытательном стенде было две лестницы: передняя, со стороны центра зала, около которой и дремал сейчас хлипкий солдатик из дежурного наряда, и задняя, у самой стены испытательного корпуса. По всем писаным инструкциям положено было подниматься на стенд только по передней лестнице, оставив у дежурного на входе свой пропуск. Задняя же лестница должна была использоваться только во время аварийной эвакуации людей со стенда. Но на практике испытатели передвигались вокруг корабля по обеим лестницам – так было значительно удобнее работать. Поэтому вид поднимавшегося по задней лестнице человека опять же

никого не мог удивить и привлечь к себе внимание. К тому же, металлические конструкции стенда и корабля сейчас практически полностью закрывали Агента даже от случайных взглядов откуда-нибудь со стороны остальных рабочих зон или из центра зала. И он беспрепятственно поднялся до четвертого, предпоследнего, этажа стенда.

Отсюда, сверху, весь монтажный зал был виден, как на ладони. Агент настороженно огляделся по сторонам и еще раз удостоверился, что его передвижения по стенду остались незамеченными работавшими внизу испытателями и охраной. А от взглядов сверху - даже если бы оттуда и было кому смотреть, - его надежно прикрывал настил пола рабочей площадки пятого этажа. Вытащив из кармана полиэтиленовый пакет с микросхемами и обычный складной нож с множеством лезвий, ножницами и маленькими кусачками, Агент подошел к космическому кораблю.

«Союз» был сказочно красив. Агент считал себя человеком прагматичным, рациональным и не склонным к восторженным эмоциям, но даже у него что-то екало в сердце, когда он смотрел со стороны на это чудесное творение человеческих рук. Белоснежный цилиндр приборно-агрегатного отсека находился в нижней части космического корабля и был обрамлен двумя свернутыми в предполетном состоянии прямоугольными панелями ярко-фиолетовых солнечных батарей. Выше располагался светло-коричневый спускаемый аппарат, похожий на огромную автомобильную фару - в нем космонавты находятся во время старта, стыковки и возвращения на Землю. Далее следовал шарообразный орбитальный отсек, одетый в темно-зеленую рубашку экранно-вакуумной теплоизоляции и почти доверху набитый приборами, оборудованием и продуктами. Округлые стеклянные глаза-иллюминаторы делали отсек похожим на гигантскую голову с напыщенно и величаво надутыми щеками. Венчала всю конструкцию

цилиндрическая нашлепка стыковочного узла с короткой башенкой отполированного до зеркального блеска штыревого механизма.

Вопреки распространенному мнению, сформированному фантастическими книгами и фильмами, открыть люк настоящего космического корабля достаточно просто. Для этого вовсе не нужно произносить пароли и вводить с компьютерных терминалов сложнейшие кодированные команды. Нужно всего лишь дважды повернуть против часовой стрелки небольшой запорный штурвальчик, расположенный в центре округлой входной двери, и слегка толкнуть толстую лепешку люка внутрь орбитального отсека космического корабля. Вот и все. Теперь можно стать на четвереньки и спокойно протиснуться внутрь «Союза».

Забравшись в орбитальный отсек, Агент тщательно прикрыл за собой люк. Хотя он и не ожидал, что кто-нибудь сейчас поднимется на верхние этажи стенда и обнаружит его присутствие в корабле, лишний риск был ему ни к чему.

В орбитальном отсеке было почти темно. Только сквозь тройные стекла маленького круглого иллюминатора в борту корабля сочился тусклый свет светильников, висевших под потолком испытательного корпуса. Агент достал из внутреннего кармана куртки плоский электрический фонарик, щелкнул переключателем и направил узкий желтый луч на одну из рабочих панелей на самом днище отсека. «Забытый» вечером медный гаечный ключ терпеливо дожидался возвращения хозяина.

«Ты, дружок, свою часть дела выполнил, - Агент поднял ключ и опустил его в карман куртки. – Теперь моя очередь работать!»

Он открыл внутренний люк, секунду посидел на его кромке, свесив вниз ноги и примеряясь к переходу, а затем ловко скользнул внутрь спускаемого аппарата «СоюзаТМ». Присев на краешек кресла командира корабля, Агент острием перочинного ножа открутил три

едва заметных винта на приборной панели. Чуть поддев пальцами крышку панели, он легко сдвинул ее в сторону.

Взгляду Агента предстали разноцветные электропровода, скрепленные друг с другом кольцами - фиксаторами. Чтобы лучше видеть, он поднес фонарик вплотную к проводке, отыскал нужный проводок оранжевого цвета и ухватил его пальцами левой руки. Снова пустив в ход кусачки, Агент очень аккуратно перекусил провод. Лезвием перочинного ножа он зачистил кончики оранжевого проводка, достал из пакета одну из переданных ему из разведывательного центра микросхем и подсоединил к ее фиксаторам оба конца электропровода. Теперь микросхема была подключена в электрический контур космического корабля и полностью готова к работе.

Этому кораблю предстоял сложный полет. Через несколько дней он доставит на борт станции «Мир» советских и болгарского космонавтов. Пробудет у космического причала станции около двух месяцев, обслуживая экипаж орбитальной станции. А потом на следующем, «свежем» корабле с невыработанным полетным ресурсом к «Миру» прилетит советско-афганский экипаж. Советский и афганский космонавты оставят новый корабль на орбите, а на Землю будут возвращаться вот на этом корабле. Тут-то и должна будет начать свою работу микросхема...

Агент поставил приборную панель на место и закрутил крепежные винты. Достал из кармана тюбик со спецсоставом, снял запорный колпачок и выдавил по почти незаметной капле жидкости на головки винтов. Жидкость мгновенно загустела и стала совершенно прозрачной. Теперь шляпки винтов выглядели так, как будто к ним никто не прикасался, по крайней мере, пару недель.

Агент довольно ухмыльнулся, собрал в карманы свой инструмент, подтянувшись на руках, выбрался из спускаемого аппарата и осторожно приоткрыл крышку входного люка. Пару секунд он прислушивался к звукам

за бортом корабля. Убедившись, что поблизости никто не появился, снова стал на четвереньки и вылез из «Союза» на рабочую площадку.

Тихо насвистывая под нос мотив популярной эстрадной песенки, Агент все так же неторопливо и спокойно спустился со стенда по задней лестнице и никем не замеченный вышел из монтажного зала через дверь «космической пристройки». Не прошло и минуты, как он уже запирал за собой внешнюю входную дверь испытательного корпуса.

5.
1 июня 1988 года.
Москва, разведывательное управление.

«Ротмистр - Центру.

По данным, полученным от «Кентавра» через «Корнелия», группа высших офицеров из разведывательных служб Исламской республики Антавии приступила к подготовке диверсионного акта, направленного на срыв советско-афганского космического полета. Время активной фазы операции - ориентировочно конец августа нынешнего года. Место проведения - космодром Байконур. Ротмистр».

Заместитель начальника разведывательного управления генерал-лейтенант Вересов еще раз перечитал полученное вчера вечером сообщение, аккуратно подколол лист с текстом в кожаную папку с грифом «Совершенно секретно», а саму папку спрятал в стоявший рядом с письменным столом сейф. Пододвинул к себе один из бумажных скоросшивателей, раскрыл его, поправил пальцами очки на переносице и снова принялся за чтение.

«Справочные данные о подготовке советско-афганского космического полета.

В 1987 году между руководителями Советского Союза и Демократической Республики Афганистан была

достигнута общая договоренность о проведении советско-афганской космической экспедиции в третьем квартале нынешнего года. В ходе семидневного полета афганский космонавт примет участие в работе на орбитальной станции «Мир». Программа научных исследований и экспериментов с участием афганского космонавта в настоящее время разрабатывается.

По итогам медицинских тестов и личных собеседований с кандидатами в космонавты для участия в советско-афганском космическом полете отобраны Мохаммед Дауран и Абдул Ахад Моуманд. 25 февраля 1988 года оба кандидата в космонавты прибыли в Звездный городок и начали подготовку.

Предполагается, что старт космического корабля «Союз ТМ - 6» (изделие 11Ф732, заводской номер 56) с советско-афганским экипажем состоится 29 августа 1988 года. 6 сентября 1988 года космонавты вернутся на Землю на корабле «Союз ТМ – 5» (заводской номер 55).

Предполагаемый диверсионный акт антавийских спецслужб, скорее всего, будет направлен непосредственно против членов советско-афганского экипажа».

Вересов щелкнул пальцем по кнопке вызова секретаря. Спустя несколько секунд на пороге кабинета появился стройный молодой майор в тщательно отглаженной военной форме.

- Алексей Борисович, - Вересов снял очки и, близоруко прищурившись, уставился на застывшего около входной двери секретаря, - пригласите на два часа дня ко мне руководителей третьего и пятого управлений.

Он помолчал, раздумывая, и добавил:

- А начальник двести шестнадцатого отдела полковник Стрельников пусть зайдет ко мне в половине второго. И еще… Свяжитесь с нашей службой на космодроме Байконур и попросите немедленно взять под особый контроль все работы по подготовке к запуску космического корабля «СоюзТМ-6».

- Слушаюсь, товарищ генерал - лейтенант, - майор молодцевато развернулся и скрылся за дверями, ведущими в приемную.

Вересов еще раз пробежал глазами по справке.

«Н-да, совсем обнаглели господа из Антавии. Это ж надо додуматься: диверсионный акт на нашей территории! И где? На Байконуре! Уже и сюда хотят протянуть свои грязные лапы!»

Он возмущенно фыркнул, шлепнул ладонью по гладкой поверхности письменного стола и вслух произнес:

- А пусть только попробуют!

6.

25 августа 1988 года.

Космодром Байконур, Ленинск - вторая площадка.

Самое неприятное в первый день после окончания отпуска - это просыпаться. За полтора месяца беззаботного отдыха в родном городе, в родительском доме, лейтенант Антон Макарьев совершенно отвык от ранних подъемов, утренних поездок на службу и построений на плацу.

Дело усугублялось еще и тем, что московский поезд, которым Антон вчера в половине одиннадцатого вечера приехал на космодром, опоздал с прибытием на станцию Тюра-Там едва ли не на два часа. Рейсовые автобусы от Ленинска до второй площадки космодрома Байконур в такой поздний час уже не ходили, а ждать у дороги попутную машину и ехать на ней в свою часть, на ночь глядя, Макарьеву не хотелось.

Поэтому Антон решил заночевать в Ленинске, у друзей в городском офицерском общежитии. Друзья же в лице старшего лейтенанта Игоря Орлина, лейтенанта Сергея Бороздина и примкнувших к ним незнакомых, но тоже дружески настроенных младших офицеров из соседних комнат не могли не устроить легкий

импровизированный ужин в связи с возвращением лейтенанта Макарьева к месту службы. Ужин традиционно оказался обилен по части различного рода напитков, неистощимый запас которых неожиданно обнаружился среди личных вещей практически всех участников позднего торжественного заседания. Старую байконурскую традицию, когда все, что было выставлено на стол, должно быть непременно употреблено, никто пока еще не отменял даже в связи с развернувшейся в стране всенародной битвой с «зеленым змием». Поэтому утром следующего дня у лейтенанта Макарьева возникли весьма специфические проблемы, как с самим пробуждением, так и с ориентацией в пространстве и времени.

Антону потребовалось приложить воистину титанические усилия, чтобы вовремя добраться до городского железнодорожного вокзала и при этом выглядеть бодрым, подтянутым и хорошо отдохнувшим человеком, каким и положено по всем писанным и неписаным канонам быть вернувшемуся из очередного отпуска советскому офицеру.

Городской железнодорожный вокзал Ленинска состоял из нескольких заасфальтированных платформ, расположенных между параллельными железнодорожными путями, которые упирались торцами в такую же, но только более короткую асфальтированную платформу, выходившую оконечностями прямо на городскую улицу. Ежедневно по утрам рабочие поезда отправлялись каждый со своего пути на многочисленные стартовые и технические площадки космодрома. Днем вокзал пустовал, а вечером поезда один за другим заползали в тупички к платформам, чтобы переночевать под открытым небом и завтра с утра вновь отправиться в путь все по тому же стандартному маршруту. Поскольку каждый из поездов отправлялся и прибывал в строго отведенное для него время, а проезд был бесплатным, городскому вокзалу Ленинска не нужны были ни залы ожиданий, ни кассы для продажи билетов.

Рабочий поезд на вторую площадку космодрома отправлялся с вокзала ровно в семь часов утра. Маневровый тепловоз бодро тянул за собой хвост из четырнадцати или пятнадцати обычных купейных вагонов. Поезд следовал до станции «Северная». Еще с давних байконурских времен, где-то с середины пятидесятых, за рабочими поездами прочно закрепилась название «мотовоз», которое в разговорной речи постепенно превратилось в простецки - развязное прозвище «мотыга».

Антон сунул под нос близорукому солдату-проводнику пластиковый прямоугольник пропуска, зашел в вагон и прошел по коридору до седьмого купе, в котором обычно ездили на службу офицеры из его испытательной группы. Пристроив на полу вдоль прохода чемодан и дорожную сумку, Макарьев заглянул внутрь купе и зычным командирским голосом гаркнул:

- Здравия желаю, товарищи офицеры!

Следующие десять минут его восторженно приветствовали, дружески хлопали по спине и засыпали самыми разнообразными вопросами: как и где отдохнул, что интересное во время отпуска видел, ехал из дома прямо на Байконур или завернул по дороге в Москву? Особенно всех интересовала, конечно, Москва. В «радикальную перестройку», о которой во всю трубила центральная пресса, в далеких казахстанских степях верилось с трудом.

Мотовоз между тем незаметно тронулся и неспешно покатил по рельсам. Вдоль окон потянулись длинные ряды металлических и кирпичных гаражей. Проплыли похожие на приземлившиеся инопланетные звездолеты усеченные конусы градирен, беспорядочные заросли труб и скопища хозяйственных построек. По правую сторону от поезда промелькнул строй одинаковых, как близнецы, пятиэтажных «хрущевок». Отсалютовав на прощание гудком охранникам на вышке около окружавшего город бетонного забора, мотовоз

выбрался на степной простор и лениво пополз в сторону второй площадки космодрома.

Когда рабочий поезд прибыл на станцию «Северная», Антон уже успел подустать от расспросов коллег-офицеров и едва мотовоз затормозил у перрона, с облегчением подхватил свои вещи и одним из первых выбрался из вагона. Поторапливаясь, чтобы не опоздать на начинавшееся через пятнадцать минут построение боевой группы, он зашел в офицерское общежитие, которое располагалось на третьем этаже штабного здания. Макарьев оставил чемодан и сумку в своей комнате и быстро переоделся в терпеливо дожидавшуюся его в шкафу все полтора месяца отпуска военную форму. На ходу застегивая пуговицы армейской рубашки, он сбежал по лестнице вниз, пересек дорогу, обогнул слева подковообразное здание казармы и, одним прыжком взлетев на четыре ступеньки, распахнул входную дверь и оказался в расположении второй боевой группы. И только здесь, привычно вскинув в ответ на приветствие стоявшего напротив входа дневального руку к околышу фуражки, Антон Макарьев, наконец, перевел дыхание. Успел, построение группы еще не начиналось.

Воинская часть 25741, в которой служил лейтенант Макарьев, занимала своими учебными и жилыми корпусами добрую половину всей второй площадки – небольшого поселения среди казахстанской степи, в трехэтажных жилых корпусах которого жили и работали военные и гражданские испытатели, готовившие к пускам ракеты-носители и космические корабли «Союз» и «Прогресс». Воинская часть состояла из шести групп, каждая из которых отвечала за свое направление работ – испытания техники, электрические и телеметрические проверки, подготовку к запуску. Вторая боевая группа, проводившая испытания космических кораблей, в свою очередь состояла из трех испытательных команд, делившихся еще на три рабочих отделения. Лейтенант Антон Макарьев служил во втором отделении второй

команды второй боевой группы – из-за такого обилия двоек в названии отделение проверки систем жизнеобеспечения в шутку часто именовали «хроническими двоечниками». Это, однако, не соответствовало действительности, поскольку на деле отделение проверки систем жизнеобеспечения космических кораблей было одним из лучших в воинской части.

Казарма второй группы была самой большой на территории части. Справа от входа располагалась комната командира и начальника штаба группы, слева - просторная и светлая Ленинская комната, которую использовали для различного рода собраний и политзанятий с офицерами и солдатами. А прямо напротив входных дверей находилось помещение для командиров трех испытательных команд, в котором обычно перед построением собирались офицеры группы. Когда Антон запыхавшись влетел в казарму, почти все уже были в сборе. Первыми Макарьева приветствовали офицеры его отделения - старшие лейтенанты Михаил Зеленин и Олег Беланов. Оба подсаживались на мотовоз на первой остановке, около железнодорожной станции Тюра-Там, - сюда им было значительно ближе добираться от дома, чем тащиться почти через весь Ленинск на городской железнодорожный вокзал. По пути в свой вагон оба старлея часто «застревали» в купе у гражданских специалистов, перекидываясь со знакомыми испытателями в картишки или обмениваясь новостями. Поэтому в это утро Антона они еще не видели.

- Привет, Антошка! - рукопожатие Михаила Зеленина было крепким и энергичным. - Как отдохнул? Сил набрался?

- Килограмм пять прибавил, - Антон шутливо похлопал себя по животу. – Не поверишь, в брюки еле влез...

- Ничего, это не надолго, - жизнерадостно заверил его Олег Беланов. - У нас сейчас как раз работа в самом

разгаре - готовим к полету два «Союза» и «Прогресс». Так что не волнуйся - объем талии ты быстро поправишь. Что-что, а это я тебе могу гарантировать.

- А где Андрей Иванович? - Антон окинул быстрым взглядом комнату, отыскивая командира отделения капитана Полякина.

- В отпуске Андрюха, - сообщил Зеленин. - В понедельник отбыл к теще в Рязань со всем своим семейством.

- Так, значит мы с вами снова в режиме «трое в лодке»? - Антон недовольно поморщился. - Магическая цифра «три»...

- А что такого? - Олег Беланов удивленно вскинул брови. - Три человека - на три космических корабля. Что мы на троих не сообразим?

- «Тройка, русская тройка... Какой же русский не любит быстрой езды?» - с иронией продекламировал Зеленин и озабоченно вздохнул:

- Нам, мужики, втроем на трех кораблях попотеть действительно придется...

- Да, брось ты, Михаил, - Олег пренебрежительно отмахнулся. - В первый раз что ли? И потом весь этот аврал всего на пару дней. В понедельник «Союз» стартует, запасной корабль пойдет на консервацию и останется только «Прогресс». Что, не справимся?

- Справиться-то мы, может, и справимся, - Зеленин скептически ухмыльнулся. - Но в предстоящие четверо суток, ребятишки, кровушки нашей с вами кое-кто из начальства попьет всласть...

- Ничего, здоровье мы с тобой как-нибудь восстановим. Народными средствами, - незаметно для Зеленина, Олег весело подмигнул Антону. – Антошка наверняка из дома мешок сала привез. Лучше добром признавайся, куркуль, привез?

Он ткнул Антона пальцем в живот.

- Привез, товарищ комиссар! - азартно подхватил шутку Макарьев. - Сегодня вечером приглашаю вас со

всем личным составом отделения на конфискацию с апробацией и дегустацией.

- Вынужден вас разочаровать, господа офицеры, - заметил Зеленин. - Сегодня, завтра, послезавтра и вообще до самого понедельника мы с вами будем мухами летать по стендам вокруг наших корабликов. Какое уж тут сало?

- Тогда предлагаю легкий фуршет в каморке папы Карло, - сказал Антон. - Позовем наших управленцев, гражданских ребят - и вмажем по пять капель с закуской где-нибудь в промежутке между испытаниями!

«Каморкой папы Карло» офицерский состав второй группы именовал комнату заместителя командира группы по испытаниям капитана Лопатина. В этой небольшой комнатушке на четвертом этаже испытательного корпуса военные и гражданские специалисты в свободное от работ время иногда собирались попить чая, перекусить, а изредка и поднять по какому-нибудь поводу стопку-другую.

- Ох, - Зеленин шутливо закатил глаза. - Олег, ты только послушай, каких слов набрался на гражданке наш лейтенант... Какие смачные и сочные выражения использует, шельмец...

- Придется воспитывать, - кивнул Беланов, придав своему лицу грозное выражение. - Миш, а давай сунем этого аспида в наряд на пару суток?

- Не выйдет, - со смехом сказал Антон и погрозил пальцем. - Иначе, братцы, придется вам вдвоем работать на трех кораблях!

- Имеет место шантаж, - весело констатировал Беланов. - И смотри, Миша, ведь за самое живое берет, паразит...

- Да, Олежка, выучили мы с тобой горе на свою голову, - засмеялся Зеленин и дружески хлопнул Макарьева по плечу.

- Группа, на утреннее построение становись! - раздался за дверями зычный голос дневального.

Не прошло и десяти секунд, как офицеры и солдаты выстроились по отделениям вдоль длинного коридора казармы.

- Равняйсь, смирно! - скомандовал начальник штаба майор Бехтерев. - Равнение налево!

Строй замер. Начштаба четко повернулся в четверть оборота и строевым шагом подошел к вышедшему из своего кабинета командиру группы подполковнику Глуховцеву:

- Товарищ подполковник, вторая группа на утреннюю поверку построена!

Глуховцев молодцевато отдал честь, сделал несколько шагов вдоль строя и повернулся лицом к солдатам и офицерам:

- Здравия желаю, товарищи!

- Здравия желаем, товарищ подполковник! - стекло в двери Ленинской комнаты жалобно задребезжало от мощной звуковой волны.

- Что-то я не расслышал приветствия, - Глуховцев недовольно повертел носом. - В строю, кажется, есть еще не проснувшиеся...

Антон едва заметно усмехнулся. Отпуск закончился, начинались обычные армейские будни.

…В мае нынешнего года Антону Макарьеву исполнилось двадцать пять лет. Выше среднего роста, худощавый и стройный, Макарьев даже среди подтянутых ровесников - офицеров выделялся своей спортивной, немного пружинящей походкой и стройной фигурой. Его темные, почти черные волосы хорошо гармонировали с карими выразительными глазами, подчеркивая их живой блеск и глубину. Более темная, чем волосы на голове, щеточка аккуратно подстриженных усов под тонким прямым носом оттеняла все еще по-мальчишески пухлые губы, делая лицо Макарьева чуть старше и строже.

Детство Антона прошло в Киеве, на Дарнице. Отец работал сменным мастером на заводе «Арсенал», а мама преподавала высшую математику на физмате в

университете. Макарьев рос обычным мальчишкой, в меру шаловливым и в меру серьезным. Занимался волейболом, любил читать книги, часами мог бродить вдоль Днепра, наблюдая за стремительным скольжением по водной глади белоснежных «Комет» и «Ракет».

Особых увлечений у Антона ни в детстве, ни в ранней юности не было. Макарьев любил учиться, но явного предпочтения ни одному из школьных предметов не отдавал. Ему одинаково хорошо давались математика и физика, биология и химия. Поэтому после окончания школы со всей серьезностью встал вопрос, какую специальность получать, где учиться дальше? Отец Макарьева, Сергей Тарасович, предложил сыну попытать счастья в Московском авиационном институте, который в молодости окончил сам. Антон ничего не имел против авиации и космонавтики, хотя особых симпатий к ним тогда не испытывал. Поэтому молча и почти безразлично пожал плечами и согласился.

Все четыре экзамена в институт были письменными. Антон поочередно сдал физику, алгебру, геометрию и сочинение по русской литературе. Общая сумма набранных баллов плюс совсем неплохой средний балл школьного аттестата без проблем и особых волнений сделали его студентом столичного вуза.

Первокурснику Макарьеву очень повезло с преподавателями. Начальный курс «Введение в специальность «Космические аппараты» читал академик Василий Павлович Мишин - один из ближайших сподвижников Сергея Павловича Королева. Лекции и семинары по высшей математике вел Феликс Юрьевич Зигель - тот самый Зигель, который всей стране был известен своими работами по изучению инопланетных цивилизаций и «летающих тарелок». Антон постепенно втянулся в учебу, увлекся космонавтикой и астрономией, открыл для себя невероятно интересный и сложный мир космических исследований.

Очень скоро его перестали устраивать узкие рамки учебных курсов, где многие профильные предметы

изучались только «от сих до сих», с замалчиванием целых страниц, которые бдительные товарищи из режимных отделов полагали совершенно излишним преподавать студентам. Поэтому Макарьев часами торчал в институтской библиотеке, от корки и до корки прочитывая толстые потрепанные подшивки отечественной «Астронавтики и ракетодинамики», английского «Спейсфлайта» и американского «Авиэйшен Вик», самостоятельно выбирая и конспектируя горы дополнительных материалов.

На втором курсе он устроился работать на полставки на кафедре проектирования и, пользуясь возможностью открывшегося свободного доступа в факультетский музей космической техники, в первый же рабочий день облазил все экспонаты – от препарированного разгонного блока ракеты-носителя «Протон» до сверхсекретного посадочного модуля так и не полетевшего в космос советского лунного корабля.

Окончив авиационный институт зимой прошлого года, Антон добровольно написал и отнес в военкомат заявление с просьбой призвать его на действительную военную службу. Кое-кто из знакомых и бывших однокурсников покрутил пальцем у виска – где это видано, чтобы новоиспеченный инженер, блестяще защитивший дипломный проект и получивший диплом с отличием, сам, по собственному желанию шел служить в армию?

А Макарьеву после пяти с половиной лет учебы просто захотелось настоящей практики, на настоящих ракетах, в настоящих боевых частях. В военкомате Антона внимательно выслушали и с пониманием отнеслись к желанию молодого инженера – его направили служить на Пятый испытательный полигон, который все уже давно называли просто Байконуром. Антон попал в воинскую часть, расположенную на легендарной второй площадке, - той самой, на которой когда-то готовился к старту в космос первый космонавт Земли Юрий Гагарин и с которой выходили на

космические орбиты почти все советские космические экипажи.

Командир воинской части номер 25741 полковник Чернов собрал прибывших в часть молодых офицеров в актовом зале, чтобы побеседовать с ними и распределить по испытательным группам.

- А вы чем хотели бы заниматься, товарищ лейтенант? - спросил он, когда очередь дошла до Макарьева. - У вас есть какие-нибудь пожелания по месту вашей службы?

- Так точно, товарищ полковник, - Антон поднялся из кресла. - Я хотел бы заниматься испытательными работами на пилотируемых космических кораблях.

- Угу, - Чернов смерил заинтересованным взглядом стоявшего перед ним худощавого лейтенанта. - Увлекаетесь пилотируемой космонавтикой, значит?

- Да... То есть, так точно. Если есть возможность, товарищ полковник, хотел бы участвовать в подготовке к полету космических кораблей «Союз» и «Прогресс», - на одном дыхании выпалил Макарьев.

- Еще один фанат космоса, - Чернов одобрительно крякнул и повернулся к сидевшему в первом ряду командиру второй испытательной группы подполковнику Глуховцеву:

- Александр Николаевич, забирай лейтенанта к себе в группу.

Так Макарьев начал службу в подразделении, которое на второй площадке космодрома отвечало за весь цикл подготовки к космическому полету советских пилотируемых кораблей и орбитальных станций.

Космические корабли «Союз» и «Прогресс» изготавливались на заводах в Подмосковье, а на Байконур прибывали внутри специальных железнодорожных вагонов. На второй площадке вагоны загонялись внутрь монтажного зала 1А, и огромный мостовой кран ставил космический корабль вертикально внутрь цилиндрообразного пятиэтажного испытательного стенда. В течение примерно месяца

военные и гражданские расчеты специалистов проверяли бортовые системы космического корабля, заполняли его отсеки оборудованием и продуктами для космонавтов, заправляли топливом баки двигательных установок.

Параллельно с космическим кораблем к старту готовили и ракету-носитель. Ее на космодром привозили по частям такие же специальные железнодорожные вагоны. В монтажном корпусе 1Б ракету собирали воедино и проверяли. Перед стартом на орбиту космический корабль присоединяли к ракете-носителю и укладывали на длинную железнодорожную платформу. За два дня до старта в космос тепловоз вывозил эту платформу на стартовую позицию – первую площадку космодрома Байконур. Здесь ракету поднимали в вертикальное положение, заправляли топливом, готовили к запуску и отправляли в космическое путешествие.

С первых же дней служба в прославленной воинской части, которая готовила к старту ракеты-носители и космические аппараты, пришлась Макарьеву по душе. Ему нравилось готовить к полету грузовые корабли «Прогресс», проводить проверки оборудования на пилотируемых «Союзах». Отделение систем жизнеобеспечения, в которое определили служить Антона, занималось всеми бортовыми системами космических кораблей, связанными с жизнью и досугом экипажей космонавтов. Капитан Полякин, старшие лейтенанты Беланов и Зеленин, а теперь и лейтенант Макарьев отвечали за проверки систем воздухо - и водообеспечения, загрузку в корабли продуктов питания, проверку герметичности газовых магистралей и стыковочных узлов, испытания скафандров.

Служба в офицерских нарядах, которых молодому лейтенанту выпадало по пять-шесть в месяц, тоже была Макарьеву не в тягость. А один из армейских нарядов - караул «под елочкой» - Антону Макарьеву даже понравился. «Елочкой» на жаргоне испытателей

космодрома именовалась вывезенная и установленная на стартовой позиции ракета-носитель. Ночью, когда вокруг ракеты на фермах обслуживания зажигались разноцветные габаритные и осветительные огни, все сооружение действительно становилось похожим на огромную стройную ель в блесках новогодних игрушек, одиноко возвышающуюся среди бескрайнего простора казахстанских степей.

Причина, по которой Макарьев предпочитал караул «под елочкой» всем другим нарядам, была более чем прозаичной. Если во время дежурств по испытательному корпусу или по автопарку ты постоянно занят чем-нибудь в течение суток, то в наряд на стартовую позицию заступает сразу четверо офицеров. Пока двое несут караул около ракеты, еще двое отдыхают в дежурном помещении. Этот-то отдых между сменами Антон Макарьев и приловчился использовать для того, чтобы почитать интересную книгу или свежий номер какого-нибудь журнала.

…В ночь на 29 августа 1988 года именно лейтенант Макарьев был назначен в офицерский караул около готовящейся стартовать в космос ракеты-носителя с космическим кораблем «СоюзТМ-6».

7.
29 августа 1988 года.
Космодром Байконур, стартовая площадка 1.

Заступив в караул «под елочку» вечером накануне дня старта советско-афганского экипажа, лейтенант Макарьев прихватил с собой последний номер литературного журнала «Нева», в котором начали печатать новый фантастический роман.

Но едва Антон открыл «Неву», как телефон оперативной связи разразился пронзительной трелью. Макарьев схватил трубку и на одном дыхании выпалил:

- Дежурный по стартовой позиции лейтенант Макарьев!

- Макарьев? - голос в трубке звучал глухо, но Антон сразу же узнал начальника штаба второй испытательной группы. - Говорит майор Бехтерев. Ну-ка, возьми с собой двух солдат и пройдись по периметру стартовой позиции. Проверишь ограждение и посмотришь, чтобы никто там не шатался. Понял?

- Так точно! - отчеканил Антон. - Пройтись вдоль периметра и проверить ограждение.

- Ну, выполняй, раз понял, - буркнул голос и из динамика донеслись гудки отбоя.

Антон положил телефонную трубку и повернулся к сержанту Русакову:

- Виктор, буди рядового Игнатова, берите автоматы и быстро сюда! Приказано проверить периметр стартовой позиции!

Русаков состроил на лице кислую мину, но вслух ничего не сказал и скрылся в помещении казармы, в которой после смены отдыхал наряд.

Антон приоткрыл дверь комнаты отдыха офицерского состава, шагнул внутрь и остановился у металлической койки, на которой, подложив под голову форменную фуражку, сладко посапывал лейтенант Нагорнов.

- Олежка, подъем, - он стал тормошить спящего офицера за плечо. - Вставай, говорю!

- А? – Нагорнов встревожено вскинулся на кровати и сонно буркнул:

- Который час?

- Половина четвертого. Вставай.

- Какого черта вставать? - недовольно засопел еще толком не проснувшийся лейтенант. - Мне еще полтора часа спать...

- Только что позвонил Бехтерев, - пояснил Антон. - Приказал мне проверить периметр ограждения. Останешься здесь за старшего.

- Ох, твою налево и направо, - Нагорнов опустил ноги с кровати и хрустко потянулся. - А что случилось-то?

- Да вроде бы ничего, - пожал плечами Макарьев.

- А, понятно, - Олег Нагорнов криво ухмыльнулся и стал натягивать сапоги. - У нашего Бехтерева очередная заморочка из цикла «Кому не спится в ночь глухую»…

Антон в ответ только рукой махнул и вышел из дежурного помещения. На пороге покуривали одну сигарету на двоих Русаков и зевающий, еще не совсем проснувшийся рядовой Николай Игнатов, оба с «калашниковыми» через плечо. При появлении лейтенанта погасили окурок, поправили ремни.

- Готовы? - Антон осмотрел солдат критическим взглядом.

- Так точно! - Русаков вытянулся по стойке «смирно».

- Игнатов, ты хотя бы лицо умыл, - с укором заметил Макарьев. - А то не ровен час, еще заснешь на ходу.

- Не заснет, товарищ лейтенант, - Виктор Русаков ухмыльнулся и шутливо ткнул Игнатова кулаком в бедро. - А если по дороге начнет похрапывать, я его подзатыльничком разбужу...

- Это надо еще посмотреть, кто кого разбудит, - лениво и зло огрызнулся Игнатов. - Тоже мне нашелся будильничек...

- Разговорчики в строю, - строго одернул обоих Антон. - Значит, так. Задача командованием нам поставлена такая: проверяем периметр ограждения стартовой позиции с внешней стороны. От контрольно-пропускного пункта идем направо, по часовой стрелке вокруг стартовой позиции. При движении не шуметь и не разговаривать. Ясно?

- Так точно, ясно!

- Ну, раз ясно, пошли.

Они прошли мимо здания контрольно-пропускного пункта через металлические ворота и вдоль забора из

натянутой между бетонными столбами колючей проволоки двинулись вправо. Сразу за небольшой асфальтированной площадкой перед воротами, на которой обычно оставляли подъезжавшие к стартовой позиции машины, не имеющие пропуска для проезда на стартовый комплекс, начиналась железнодорожная насыпь. Шагая гуськом друг за другом, они поднялись на насыпь по выложенным из кирпича узким ступенькам, пересекли железнодорожное полотно и остановились у вышки часового.

- Ефименко! - позвал Антон, запрокинув голову. - Спишь там, что ли?

- Никак нет, - бодро откликнулись сверху. Секунду спустя над дощатыми перилами поднятой над землей будки появилось лицо охранника:

- Слежу за дорогой к стартовой площадке, товарищ лейтенант!

- Это хорошо. Зорче следи. И лучше всего – с открытыми глазами, - со смешком посоветовал Макарьев и повернулся к Русакову и Игнатову:

- Идем дальше. Русаков - за мной, Игнатов - замыкающий.

Они стали спускаться по насыпи вниз, стараясь держаться метрах в двух от забора из колючей проволоки. Глаза лейтенанта еще не привыкли к темноте. Сделав несколько шагов, Макарьев споткнулся об обломок металлической трубы, потерял равновесие и едва не упал. Шепотом чертыхнувшись, он поправил съехавшую на лоб фуражку и двинулся дальше. Мусор вокруг стартовой позиции периодически убирали, но в промежутках между уборками под ногами могло оказаться все, что угодно: ржавая арматура, моток колючей проволоки, обломки какого-нибудь списанного прибора. Поэтому ходить вдоль ограждения - да еще ночью - караульные не любили: можно было не только порвать и испачкать обмундирование, но и серьезно пораниться.

Забор из колючей проволоки охватывал стартовую позицию сплющенным сплошным кольцом. Попасть внутрь можно было только через ворота - автомобильные на КПП рядом с дежурным помещением, и железнодорожные: одни - на центральном рельсовом пути, по которому завозили на старт ракету, и другие - на грузовой железнодорожной ветке, используемой для подвоза оборудования и топлива. К этим грузовым железнодорожным воротам и направлялись сейчас, двигаясь вдоль забора, лейтенант Макарьев и двое солдат.

Проволочный двухметровый забор был в полном порядке и непрерывным, едва различимым в ночной темноте контуром тянулся по правую руку от идущих.

«Триста лет он кому-нибудь нужен, этот распроклятый забор,- мысленно выругался Макарьев. - Бехтереву, наверное, сейчас просто нечем заняться. Сидит наш дорогой майор где-нибудь в казарме или в своем кабинете на технической позиции, мучается бессонницей и, усердно накручивая телефонный диск, лепит пистоны всем подчиненным налево и направо! Для общей профилактики и ощущения полноты армейской жизни. Чтобы служба сахаром не казалась!»

Летом в степи светает рано. Зыбкая линия горизонта на востоке начала понемногу светлеть, все отчетливее вырисовывая границу между по-прежнему темной землей и постепенно разгоравшейся зарей. Белесые невесомые отблески лучей установленных на ажурных вышках мощных прожекторов, словно ловкие пальцы невидимого исполинского массажиста, скользили по всему пространству степи, разгоняя мелкие островки тьмы вокруг стартовой позиции. Злополучный проволочный забор, вдоль которого сейчас перемещалась группа под командованием Макарьева, был хорошо виден почти на всем своем протяжении и все так же девственно нерушим. Макарьев шел вдоль ограждения, неслышно ступая по земле мягкими хромовыми сапогами и периодически бросая взгляд то

на переплетенные колючей проволокой столбы, то в постепенно оживающую перед скорым рассветом степь.

Много позже, когда Антон подробно анализировал события этой ночи, он так и не смог четко определить тот момент, когда почувствовал опасность. Наверное, думая о чем-то своем, Макарьев краем уха все же уловил что-то необычное среди ватного безмолвия темного пространства степи. Неясный образ проник в мозг, скользнул в подсознание и вернулся обратно колющим ощущением тревоги.

Антон резко остановился. Шагавший следом и на ходу дремавший сержант Русаков с разгона ткнулся носом ему в спину и испуганно охнул.

- Ну-ка тихо, - шепнул Макарьев, не оборачиваясь, и прислушался.

Тишина не была абсолютной. Справа, на стартовой позиции, металлической скороговоркой тарахтел не отрегулированный автомобильный двигатель, слышались негромкие звуки команд руководителей испытательных отделений и командиров боевых расчетов. Сзади, со стороны шоссе и монтажного корпуса, доносились далекие невнятные голоса. Несколько человек - наверное, из числа инженерного персонала - громко разговаривая, шли по дороге в сторону технической зоны. И еще один звук пробивался спереди, откуда-то из глубины по-прежнему остающегося черным пространства ночной степи. Легкое металлическое позвякивание почти на пределе слышимости.

- Ложись! - шепотом приказал Антон и первым упал на теплую и пыльную землю. Одним отточенным движением сбросив с плеч автоматы, Русаков и Игнатов бесшумно легли рядом с командиром.

Антон приподнял голову и снова прислушался. Через несколько томительно долгих секунд что-то снова едва слышно звякнуло. Какой-то неразличимый в темноте объект перемещался из степи в сторону стартовой позиции и ограждения из колючей проволоки.

«Кто же это может быть? - Антон напряг глаза, всматриваясь в темноту. - Если кто-то из военных или гражданских, то почему идет к периметру, а не в сторону ворот? Может там, в заборе, есть дыра? Лаз в колючей проволоке?»

Макарьев усмехнулся, представив, скольких трудов будет стоить незнакомцу пробраться ночью сквозь дыру в проволочном заграждении, так чтобы не порвать одежду и не пораниться. Гораздо проще пройти через КПП. Если, конечно, у незнакомца есть пропуск на стартовый комплекс...

«Ай да Бехтерев! - с восхищением отметил про себя Антон. – Просто ясновидец наш майор, оказывается! Надо же так угадать: вывести нас ночью почти точно на нарушителя!»

- Товарищ лейтенант, посмотрите в сторону станции! - горячо зашептал на ухо Макарьеву пододвинувшийся вплотную Виктор Русаков. - Видите?

Он вытянул вперед руку, указывая направление. Антон перевел взгляд в сторону едва заметных в темноте далеких корпусов железнодорожной станции и почти сразу же увидел тех, кто двигался им наперерез. Их было трое. Черные, зыбкие в темноте фигуры едва различались глазом на фоне усыпанного звездами ночного бархата неба. Они двигались друг за другом, осторожно переставляя ноги и явно стараясь не шуметь. Идущие казались сгорбленными. Присмотревшись, Антон различил у них за плечами большие вещевые мешки. Тот, который шел вторым в цепочке, помимо такой же, как и у всех поклажи, нес на левом плече толстую короткую трубу.

«Ничего себе сюрприз!»- Макарьев, напрягая глаза, всматривался в ночь. Ни на военных, ни на гражданских испытателей троица, вышедшая из темной степи явно не была похожа.

«Может, это туристы? - мысленно прикинул Антон. - Какие-нибудь заплутавшие в степи лодочники-

байдарочники, приехавшие отдохнуть на Аральское море?»

«Ну, ты и фантазер, братец, - тут же сам себе возразил он. - Какие могут быть байдарочники в трехстах километрах от моря? В самом центре закрытой и тщательно охраняемой зоны? Гм... Что же, придется немного нарушить ваши планы, товарищи туристы или кто вы там есть на самом деле!»

Антон правой рукой нащупал на земле крупную гальку и, чуть приподнявшись на локте, по навесной траектории с силой швырнул камешек в сторону, в направлении стартовой позиции. Камешек, описав в воздухе дугу, выбил пыльный фонтанчик на поверхности степи метрах в пятидесяти от перемещающихся в темноте фигур. Звук от удара получился глухим, но все же хорошо различимым. Троица в степи мгновенно оцепенела. Передний из идущих приподнял левую руку, явно призывая шедших следом за ним к спокойствию и молчанию. Несколько секунд они стояли неподвижно, напряженно вслушиваясь в доносившиеся из степи и со стартовой позиции звуки. Потом передний повернулся к остальным и негромко что-то произнес. Троица снова двинулась вперед.

«Интересная картинка вырисовывается! - Антон во все глаза всматривался в движущиеся в темноте фигуры. – Наши незваные гости, оказывается, не любят резких ночных звуков. Ночные звуки их пугают... Гм, а ведь очевидно, что эти трое пытаются пройти незамеченными к старту и очень боятся, что их обнаружат!»

Он прикинул соотношение сил. Их трое и «гостей» тоже трое. Вроде бы равновесие. Но он - всего лишь офицер - двухгодичник, а Игнатов и Русаков даже в сумме не потянут хотя бы на одного вышколенного «коммандос», которые в приключенческом кино задерживают нарушителей и крошат в капусту бандитов. Так, парочка без пяти минут дембелей в полусонном состоянии с уже успевшей атрофироваться от постоянного отлынивания от утренней зарядки

мускулатурой. Понадеяться на вооружение? С нашей стороны - два «калашникова» и давно не чищенный почти однофамилец «макаров» в кобуре на поясе. Со стороны степных «странников» - неизвестно что. Толстая труба на плече одного из «гостей», кстати, выглядит достаточно внушительно...

- Русаков! - Антон принял решение. - Сейчас тихо отползаешь назад. Пусть Ефименко поднимает по тревоге роту охраны. Передашь: здесь три нарушителя, возможно вооружены.

На лице Русакова отразилась сложная гамма чувств. Ну, какие могут быть нарушители в самом центре Казахстана? В сотнях километрах от государственной границы? За полтора месяца до дембеля? Делать ему нечего, нашему лейтенанту, что ли? Взялся розыгрыши по ночам устраивать? Да нет, глаза смотрят серьезно... И в голосе не чувствуется фальши... А может и вправду нарушители?

- Давай действуй, - слегка подтолкнул Русакова локтем Макарьев, прервав его тягостные раздумья. - И вот что... Свой автомат оставь мне.

Русаков, наконец, сообразил, что дело затевается серьезное, молча кивнул и пододвинул в сторону лейтенанта «калашников». Ловко и почти бесшумно развернулся на месте и пополз обратно в сторону сторожевой вышки.

«До сторожевой вышки метров триста - триста пятьдесят, - Антон мысленно прикинул расстояние. - Значит, где-то минут через пять Русаков должен доползти. Еще пять минут накинем на объявление тревоги и принятие командирских решений... Минут десять на сборы и прибытие роты от казармы сюда. Двадцать минут! Да за это время можно полкосмодрома взорвать!»

- Игнатов, - шепотом позвал Макарьев второго солдата. – Сними-ка на всякий случай автомат с предохранителя. Но стрелять только по моей команде. Будем лежать и тихо дожидаться роту охраны. Понял?

- Так точно, - так же шепотом ответил Игнатов. Сон с него, похоже, как рукой сняло.

Троица в темноте дошла почти до самого проволочного ограждения и остановилась. Шедший первым поднес что-то темное на уровень глаз и направил в сторону стартового комплекса.

«Бинокль или прибор ночного видения, - догадался Антон. - Ребят определенно интересует наша ракета. И с чего бы это, спрашивается, такой пристальный интерес?»

Передний из «гостей», видимо, старший среди троицы, обернулся и тихо произнес несколько слов на незнакомом Макарьеву языке. Второй в цепи сразу же присел на одно колено, поднял толстую короткую трубу на уровень плеча и навел ее в сторону стартовой позиции. Несколько секунд он целился, потом опустил трубу и что-то сказал первому. Первый согласно закивал и коротко о чем-то распорядился. Все трое почти одновременно опустились на корточки и стали стаскивать с плеч свои рюкзаки.

«А эта толстая кургузая трубочка на плече - явно не кинокамера, - сообразил Макарьев. - Э, да наши ребятишки, кажется, только что произвели пробное прицеливание. И судя по всему, удачное».

Он снял с головы фуражку, осторожно положил ее рядом с собой на землю и сдвинул вниз пластину предохранителя на оставленном Русаковым «калашникове».

«Расстояние до наших дорогих гостей сейчас метров шестьдесят или семьдесят, - Антон облизал кончиком языка пересохшие от волнения губы. - Если они вдруг захотят из своей трубочки пальнуть по ракете, мы с Игнатовым их, пожалуй, достанем... Достанем даже раньше, чем они успеют пальнуть... Н-да... Только лучше все равно стрелять поверх голов. Живыми они нужны, гости наши дорогие, живыми... Эх, жаль позиция неудачная: они немного на возвышенности, а мы - в низинке. Ну, да выбирать теперь уж не приходится».

- Русак, ты что, совсем сдурел? - вдруг громко, едва ли не на всю степь, раздался сзади голос караульного Ефименко. - Ты чего на животе ползешь?

Пятно света от прожектора на караульной вышке качнулось вправо и переместилось от железнодорожной насыпи в сторону проволочного забора. Трое незнакомцев около ограждения мгновенно оказались на земле.

- А ну вставай, разведчик хренов! - весело загоготал на вышке Ефименко. - Ты что, решил ко мне незаметно подкрасться, что ли? Чего руками машешь, придурок?

Антон быстро оглянулся назад. Всего в полусотне метров от караульной вышки Русаков приподнялся с земли и, стоя на коленях, отчаянно махал руками, пытаясь заставить караульного замолчать и убрать свет.

- А где Игнат и лейтенант? - никак не унимался Ефименко. - Или они следом за тобой ползут?

Луч прожектора скользнул вдоль забора из колючей проволоки и уперся почти точно в пятачок земли, на котором распластались Антон Макарьев и Николай Игнатов.

«С возвышенности мы сейчас видны, как на ладони», - успел подумать Антон. По спине пробежал неприятный холодок.

Тишину ночи прорезал сухой треск автоматной очереди. Впереди, всего в полуметре от того места, где лежал Макарьев, песок фонтанчиками взвился вверх. Игнатов громко охнул, схватился рукой за левое предплечье и перевалился на бок. Антон, - почти машинально, не целясь и даже не поднимая головы, - нажал на спусковой крючок «калашникова». Автомат возмущенно плюнул огнем, затрясся и загрохотал. Его дуло было направлено вверх под углом, и очередь вспорола небо слишком высоко над головами нарушителей.

Троицу нарушителей около ограждения ослепил прожектор. Поэтому они не смогли сразу точно

прицелиться, и принялась палить из двух или трех стволов наугад. Несколько коротких очередей с визгом пронеслись над головой Макарьева.

Антон перестал стрелять, резко дернулся вправо и перекатился почти к самому проволочному забору. И вовремя - не прошло и нескольких секунд, как в то место, где он только что лежал, ударила прицельная и длинная автоматная очередь.

Макарьев чуть приподнял голову и увидел, что один из нарушителей привстал с земли и из своего короткого автомата буквально поливает огнем его прежнюю позицию.

«Ага, прожектор их все-таки ослепил. Стрелок в темноте еще плохо видит, - сообразил Антон. - Вот и на нашей улице начинается праздник, ребятушки!»

Он поймал на мушку хорошо различимый на фоне светлеющего предрассветного неба силуэт стрелка и выстрелил. «Калашников» громыхнул короткой очередью, поперхнулся и замолчал. Патроны закончились.

Стрелок на возвышенности дернулся, гортанно вскрикнул и тяжело осел на землю.

«Попал!» - Макарьев отшвырнул прочь бесполезный теперь автомат, расстегнул кобуру и вытащил пистолет. Но прицелиться не успел. Один из засевших на пригорке нарушителей на мгновение привстал и сделал резкий замах рукой в сторону Антона.

«Граната!» - Макарьев испуганно зажмурил глаза и вжался в землю. Он совершенно ясно осознал, что ни спрятаться, ни убежать уже не успеет. Да и негде было спрятаться и некуда было бежать в этой почти идеально ровной и плоской степи... Маленькая, ребристая и неотвратимая смерть неслась к Антону по навесной траектории, чтобы сотнями металлических осколков пригвоздить к пыльной поверхности земли его распластавшееся среди высохшей травы тело...

Время странно растянулось. Сердце сначала замерло, и тут же встрепенулось испуганной птицей,

каждым своим ударом отмечая уже не секунды, а миллисекунды жизни, последние мгновения существования… Сейчас будет взрыв, удар, боль, темнота и небытие…

Но взрыв грохнул впереди, метрах в семидесяти от Антона. Что-то массивное с шелестом и воем пронеслось над головой Макарьева в сторону железнодорожной насыпи, и наступила тишина. Антон открыл глаза, осторожно приподнял голову и посмотрел вперед. На возвышенности, широко раскинув руки, лежало чье-то неподвижное тело. Вокруг медленно оседала поднятая взрывом пыль.

«Сам себя взорвал, что ли? - удивился Макарьев, озираясь вокруг. - Да нет же! Я хорошо видел, что один из троих замахнулся, собираясь бросить в меня гранату! Почему же не бросил? Погоди-ка, а может это ловушка, чтобы меня выманить? Я сейчас встану, а они возьмут и срежут меня автоматной очередью. Спокойненько и прицельно, как в тире!»

Несколько томительно долгих секунд он лежал неподвижно, ожидая продолжения боя. Но впереди, на пригорке, никто больше не шевелился. Только слева, метрах в десяти от Макарьева, кто-то завозился в темноте и застонал.

- Игнатов? - шепотом позвал Антон - Живой?

- Руку зацепило, товарищ лейтенант! Больно… И крови много...

- Потерпи! - приказал Макарьев. - Я сейчас.

Держа пистолет наготове, он подполз к Игнатову. Солдат лежал на боку. На левом предплечье расплывалось небольшое темное пятно.

- Я тебя перевяжу, Коля, - пообещал Антон. - Только сначала схожу посмотреть, как там поживают наши гости.

Он подтянул к себе автомат Игнатова, медленно поднялся на ноги, и направив ствол «калашникова» вперед, двинулся к возвышенности. Ему показалось, что эту сотню шагов, которые отделяли его от позиции

нарушителей, он прошел за несколько бесконечно долгих и тревожных часов. Антон осторожно крался в сторону пригорка на полусогнутых, одеревеневших от напряжения ногах, ожидая в любое мгновение вспышки встречного выстрела и удара вонзающейся ему в грудь пули. Но ни вспышек, ни выстрелов больше не было.

Когда он, наконец, поднялся на возвышенность, его глазам открылась страшная картина. Все трое нарушителей были мертвы. В этом не могло быть никаких сомнений. Второй стрелок так и не успел бросить гранату. Она взорвалась у него в руках, искромсав осколками тела всех троих нарушителей. Меньше всего досталось первому из них, тому, которого Антон почти наугад срезал автоматной очередью. В момент взрыва он лежал лицом вниз, и ему только разворотило спину мелкой металлической шрапнелью. От бросавшего гранату незнакомца осталась бесформенная обезглавленная масса туловища. Третьего, того, который нес на плече толстую трубу, отбросило взрывом метра на два в сторону от пригорка. Большой металлический осколок раскроил ему череп прямо посередине лба и превратил лицо в сплошное кровавое месиво.

Антон почувствовал, как к горлу подкатывает ком тошноты. Он резко отвернулся, перекинул через плечо ремень с «калашниковым» и зашагал назад, к раненому Игнатову.

8.
29 августа - 3 сентября 1988 года.
Орбитальная разведывательная группировка США - Вашингтон, Белый дом.

Ночную перестрелку на Байконуре зафиксировал американский разведывательный спутник КН-11 «Кеннан».

Спутник пролетал над космодромом на высоте около трехсот пятидесяти километров и с помощью

новейших телекамер с высоким разрешением вел съемку узких участков земной поверхности под собой. Полученная «картинка» кодировалась в набор цифр и передавалась сначала на летевший на еще большей высоте спутник электронной связи и управления, а оттуда - на принимающую станцию в форте Вельвуар в штате Вирджиния, чуть южнее Вашингтона.

Яркую вспышку взрыва в закрытой зоне космодрома спутник отследил, едва показавшись из-за горизонта. Одна из боковых телекамер «Кеннана» тут же уперла свой зоркий взгляд в ослепительно вспыхнувшее в ночи пятнышко, мгновенно фиксируя его расположение и яркость. Бортовой компьютер выдал оперативный анализ спектральных характеристик появившегося в ночной степи объекта. Через мгновение операторы на станции, принимающей сигнал со спутника, увидели на мониторах то, на что сейчас была нацелена телекамера «Кеннана».

- Пожалуй, стоит, чтобы наш «Кеннан» рассмотрел эту зону повнимательнее, - оценив полученное изображение, заметил руководитель полета. - И сделал привязку по местности.

- Это где-то в районе космодрома Байконур, - оператор повел подбородком в сторону монитора и заглянул в бумаги на рабочем столе. - По нашим данным сегодня планируется старт космического корабля с советскими и афганским космонавтами.

- Сейчас мы постараемся определить координаты вспышки поточнее, - начальник смены потянулся к микрофону оперативной связи. - Придется побеспокоить наших управленцев...

Всего через несколько минут решение было принято. Набор команд ушел из центра управления полетом на бортовые антенны спутника. Повинуясь приказу с Земли, огромный девятнадцатиметровый цилиндр, имевший в диаметре три метра и весивший около пятнадцати тонн, включил двигатели ориентации, качнулся, и медленно завалившись набок, уперся всеми

своими электронными глазами в то место, где было зафиксировано яркое пятно. Журналисты не зря прозвали сверхсекретный КН-11 «замочной скважиной». С этой минуты «Кеннан» надежно фиксировал все, что происходило в районе, где полыхнула огненная вспышка. Но больше ничего необычного он не увидел.

В конце смены сделанную спутником запись просмотрели еще раз. Помимо уже зафиксированного взрыва в том же районе обнаружились и менее яркие вспышки.

- Такие вспышки мы видим едва ли не каждый день, когда спутник ночью пролетает над Афганистаном, - заметил оператор. - Совершенно очевидно, что это стрельба и разрывы гранат.

- На советском космодроме? - скептически ухмыльнулся руководитель полета. - Русские начали войну на собственной территории?

- Похоже, Джон прав, - начальник смены задумчиво потер ладонью подбородок. – Картинка действительно напоминает боевые действия. Коллеги, не забывайте, что на старте сейчас стоит корабль с русскими и афганцем. Возможно, кто-то пытается к нему пробиться. И далеко не с мирными намерениями…

- Зона стрельбы почти вплотную примыкает к стартовой позиции «Союза», - оператор вывел на монитор контуры карты с обозначением расположенных на местности объектов. - Отсюда до ракеты всего несколько сотен метров.

- Как бы там ни было, нам пора поставить в известность кое-кого в Вашингтоне, - начальник смены снял телефонную трубку.

«Кеннан» к этому времени уже покинул пространство над Советским Союзом и теперь пересекал Афганистан, обозревая страну от высоких горных хребтов на севере и востоке до полупустынь и пустынь на юге. Спутник сверкнул яркой звездочкой в лучах восходящего солнца почти точно над горой Тиргаран, окинул взглядом своих электронных глаз вершины

Гиндукуша и Паропамиза и понесся дальше над едва заметными речушками в труднопроходимых ущельях и широкими голубыми лентами Пянджа и Гильменда.

Сообщение от «Кеннана» в течение нескольких дней «гуляло» по этажам различных ведомств, пока не оказалось в одном из кабинетов в здании Центрального разведывательного управления США в Лэнгли.

3 сентября президент США Рональд Рейган получил с утренней почтой краткий, но обстоятельный доклад о событиях, происшедших в ночь с 28 на 29 августа на советском космодроме Байконур.

Он пролистал доклад, просмотрел подшитые к листам с текстом фотографии ночных вспышек и, наконец, добрался до выводов экспертов и аналитиков.

«Гм, попытка диверсии, перестрелка... А советские газеты снова промолчали... Ну, и чего стоят после этого все заверения Горбачева и советского руководства о гласности и перестройке? Всего лишь очередная пропагандистская кампания в коммунистическом стиле! Хотя… Зато будет чем поторговаться с Москвой на переговорах!»

Он закрыл глаза, и устало откинулся на спинку мягкого кресла. В этом году ему исполнилось семьдесят семь, и с некоторых пор он почти физически стал ощущать груз давящих на его плечи прожитых лет.

«Нэнси права, - подумал он, вспомнив разговор с женой сегодняшним утром, - я должен больше отдыхать. Больше и чаще отдыхать, чтобы выдержать эти оставшиеся несколько месяцев президентства. Сколько там осталось до выборов? Полтора месяца? Самое критическое время. Джордж Буш, вице-президент, по опросам общественного мнения чуть-чуть опережает своего соперника-демократа. Если этот разрыв сохранится до дня голосования, то в конце января следующего года я со спокойной совестью передам власть в стране именно ему, а не этому демагогу Майклу Дукакису».

«А что может свести на нет небольшой отрыв Джорджа от соперника? Да все, что угодно! Вот хотя бы эта информация о событиях на советском космодроме, которую Москва снова пытается замолчать. Если эти сведения просочатся в лагерь демократов, Дукакис не преминет заявить, что Россия по-прежнему ведет двойную игру. Гласность и перестройка, скажет он, - это блеф. Значит, были пустопорожними разговорами и все встречи нынешней администрации США с советскими лидерами, начиная с осени 1985 года. И демократы немедленно раздуют шумиху, что под прикрытием болтовни о демократизации коммунистического режима, Советы все так же проводят агрессивную и непрозрачную политику. Страх военной угрозы будет способен поколебать решение избирателей поддержать Джорджа на выборах в ноябре. И тогда через месяц после Рождества в этот кабинет придет хозяином Майкл Дукакис»...

Он принял решение и нажал кнопку вызова референта.

- Вот что, Эдвард, - сказал президент, когда его помощник переступил порог Овального кабинета, - возьмите вот эту папочку и положите в свой сейф. Примерно на полтора месяца. И постарайтесь сделать так, чтобы наш большой демократический друг Майкл не получил откуда-нибудь из недр ЦРУ или АНБ копию этого доклада в свое распоряжение...

9.
29 августа 1988 года.
Космодром Байконур, стартовая площадка 1.

Полковник Владимир Афанасьевич Лахов стартовал в космос третий раз.

Первый раз он побывал на орбите почти десять лет назад, участвуя в длительной экспедиции на станции «Салют-6» вместе с бортинженером Валерием

Рюминовым. Полет выдался тяжелым. Полгода Лахов и Рюминов провели вдвоем внутри тесной орбитальной станции, похожей на доверху набитую исследовательской аппаратурой большую металлическую бутылку. Лица людей они видели только во время сеансов прямой связи на маленьком экранчике бортового телевизора. А в конце полета закапризничала антенна бортового радиотелескопа, не пожелав уходить от станции. Пришлось надевать скафандры, выходить в космос и вручную отводить зацепившуюся антенну от «Салюта».

Через четыре года Лахов вместе с космонавтом-новичком Сашей Александриным полетел на новую станцию «Салют-7». Через пять месяцев их должен был сменить экипаж Тутова и Стрекалина. Но ракета-носитель за полчаса до запуска взорвалась на старте... А поскольку программу исследований никто и не думал отменять, Лахову с напарником в конце полета пришлось выполнять еще и чужую работу.

- Какой-то ты невезучий, Владимир Афанасьевич, - сказал после окончания того полета начальник Центра подготовки космонавтов генерал-майор Шаталин. - Летаешь, летаешь, а перед самым возвращением на Землю - ба-бах! - очередная авария. Наверное, хватит тебе, братец, в длительные экспедиции летать. Переключайся-ка ты лучше на подготовку к краткосрочным полетам.

Следующие пять лет Лахов числился то в резерве, то в дублерах. Попутно прошел подготовку в качестве космонавта-спасателя. Это означало, что теперь он мог стартовать в космос в одиночку, работая одновременно и за командира корабля, и за бортинженера. «Ты, Володька, теперь мастер на все космические руки!» - шутили коллеги по отряду космонавтов.

В июне нынешнего года, сразу после окончания второго советско-болгарского полета, начальник Центра подготовки космонавтов вновь вызвал его к себе в

кабинет и едва Лахов переступил порог, задал вопрос в лоб:

- Владимир Афанасьевич, хочешь еще раз слетать в космос?

- Кто ж из наших ребят этого не хочет? - вопросом на вопрос уклончиво ответил Лахов. - Космонавт должен летать, иначе он перестает быть космонавтом.

- Вот и прекрасно, - изрек генерал с таким видом, словно заранее был твердо уверен в согласии Лахова. - Есть мнение предложить тебе возглавить экипаж с афганским космонавтом. Возражать ты, надеюсь, не будешь?

- А когда лететь? - живо поинтересовался Лахов и, не дожидаясь ответа, принялся размышлять в голос:

- Афганцы начали подготовку в феврале. Значит, готовы к старту будут где-то через год. Так?

- Нет, не так. Полет планируется через два месяца, на конец августа, - сказал генерал. - Сроки подготовки афганских космонавтов значительно сокращены.

- А, ясно, - разочаровано протянул Лахов. - Опять, значит, пассажира катать будем?

- Ну, афганские летчики, в целом, неплохо подготовлены. Они уже завершили обучение на курсах русского языка и достаточно хорошо разбираются в нашей технике, - генерал немного замялся и отвел в сторону глаза. Он, пожалуй, и сам не слишком верил в то, что говорил. - И потом твой большой опыт подготовки...

- Ладно, а кого бортинженером ко мне назначите? - нетерпеливо перебил Лахов. - Сашу Зайцева?

- К-ха, - Шаталин кашлянул и почему-то густо покраснел. - Тут, Володя, понимаешь ли, какая ситуация... Короче говоря, бортинженера в этом полете не будет. Третьим с вами полетит врач из Института медико-биологических проблем.

- Ага, еще один пассажир, - шумно выдохнув, с иронией констатировал Лахов. - Владимир Александрович, тебе не кажется, что мы постепенно, но верно превращаемся в обычных космических

извозчиков? Свози в космос этого, привези того... Чаевые-то хоть брать можно?

- Не дерзи, Володя, - лицо начальника Центра болезненно искривилось. - Сколько лет мы с тобой знакомы? Двадцать один? С шестьдесят седьмого, да? Вспомни, я когда-нибудь наших ребят подставлял? Но ты же должен понимать: здесь замешана политика. Афганца обязательно нужно вывести в космос в этом году. Наверху, в Политбюро и ЦК партии, считают, что эта акция должна поднять престиж правительства Наджибуллы перед уходом наших войск из Афганистана. Ну, а врачам полет мы обещали давно, еще лет пять назад.

- Вот и готовили бы сразу две экспедиции, - проворчал Лахов. - Одну с афганцем, другую - с врачом...

- А деньги где взять? - осведомился генерал и недовольно поморщился. - Ты же знаешь, как нам урезают финансы в последние годы. Вот мы и решили вместо двух экспедиций запустить одну. Лететь должен опытный космонавт, а с ним - врач и афганец.

- Спасибо за утонченный комплимент, - с язвинкой в голосе произнес Лахов. - Они, значит, будут кататься, а я - крутись, как белка в колесе...

- Ну, на то ты и космонавт-спасатель, должен работать за двоих, - жестко отрубил Шаталин. Ему начинало надоедать препирательство полковника. - Так ты как решил, летишь?

- А куда ж я денусь? - Лахов сокрушенно вздохнул и хитро улыбнулся. - Летать же хочется...

На следующий день после этого разговора начались тренировки нового экипажа. К удивлению Лахова и афганец Абдул Ахад Моуманд, и врач Валерий Полинов оказались действительно неплохо подготовлены к полету. Афганец, конечно, еще плохо разбирался в самой космической технике, в конструкции и устройстве бортовых систем корабля, но старательно пополнял свой багаж знаний, а последовательность основных полетных операций и команд вообще успел

выучить на зубок. Неплохо было у него и со знанием русского языка.

«Ну, и хорошо, - с облегчением подумал Лахов. - По крайней мере, не будет смотреть на технику, как баран на новые ворота, и в критических ситуациях - не дай их, конечно, Боже, - говорить что-нибудь вроде «моя твоя не понимай».

Врач Валерий Полинов вообще оказался далеко не новичком в космических исследованиях. Хоть сам он еще на орбиту не летал, но уже дважды успел поработать в составе дублирующих экипажей. После первого же дня совместных тренировок на макете корабля «Союз» Полинов взял Лахова под локоть, отвел в сторону, подальше от ушей инструкторов, и сказал:

- Афанасьич, давай поговорим прямо, по-мужски. Я знаю, что я для тебя обуза. Я знаю, что пахать в полете за двоих тебе будет ох, как не сладко. Но и ты меня пойми. Я жду своего старта уже пятнадцать лет. Возраст у меня, сам знаешь, почти на пределе. Так что, как не крути, этот полет - мой последний шанс. Мельтешить у тебя под ногами и строить из себя всезнайку я не буду. Но если где-то надо будет подсобить, - говори, я подключусь. Лады?

Он протянул Лахову руку.

- Лады, - Владимир хлопнул по ладони врача и усмехнулся:

- Я, Валера, своего первого старта тоже ждал долго, двенадцать лет. Иногда казалось, что уже так и не слетаю никогда. Жизнь-то идет... Ну, и ребята летают, даже те, кто помоложе и намного позже пришли в отряд, да... Так что, можешь поверить, я тебя хорошо понимаю.

- Значит, работаем? - в глазах Полинова мелькнули веселые искорки.

- Работаем, - наклонил голову в знак согласия Лахов.

За неделю до начала полета Лахов, Полинов и Моуманд прилетели на Байконур. Поселили их на самом краю Ленинска, в отгороженной стеной от города

гостинице «Космонавт», которую военные прозаично именовали «семнадцатой площадкой». Оба экипажа - и основной, и дублеры, по очереди ездили в испытательный корпус, осваивали корабль «СоюзТМ» и примеряли скафандры. Потом ракету повезли на стартовую площадку, а космонавтам дали пару дней отдохнуть перед полетом. И вот сегодня утром - старт.

…Лахов пальцем поправил наушник в шлемофоне, покрутил головой, проверяя, не сдавливает ли шею манжета скафандра, и поднял вверх большой палец:

- Полный порядок, Витя!

Виктор Романов, старший инженер фирмы, отвечавшей за изготовление скафандров, облегченно вздохнул:

- Ну, вот и хорошо... А то в прошлом году Борисенко едва смог застегнуть свой скафандр, представляешь? Располнел за два предполетных месяца!

Полинов и Моуманд закончили проверку скафандров, и подошли к ним. Лахов внимательно оглядел экипаж и осведомился:

- Ну, что, орлы, готовы?

- Я готов, - тряхнул головой Моуманд и широко улыбнулся. Полчаса назад в специально отремонтированной по такому случаю комнате афганский космонавт привычно определил направление на благословенную Мекку, совершил намаз, и теперь чувствовал себя бодро и уверенно.

- Нам бы присесть на дорожку, - подсказал Полинов, нервно теребя застежку скафандра. - Подумать, все ли с собой взяли. А то у меня всегда так: еду в командировку и обязательно то паспорт, то билет дома забуду.

Они присели на мягкий диван и пару минут сидели молча, думая каждый о своем.

- Посидели - пора и честь знать, - нарушил, наконец, молчание Лахов. - Нужно идти, ребята. Пресса и телевизионщики ждут.

В сопровождении Романова и подполковника Доцинова космонавты прошли из космической пристройки в монтажный зал, а оттуда, через широко раскрытые ворота, на площадь перед испытательным корпусом. Здесь уже толпились провожающие - представители советского и афганского правительств, работники космодрома, многочисленные стайки журналистов из разных стран.

Лахов чуть замедлил шаг, дождался, когда Полинов и Моуманд окажутся рядом, и, стараясь даже в скафандре шагать по-военному четко, направился к председателю Государственной комиссии генералу Керимову. Юпитеры телевизионщиков слепили глаза, и космонавт почти совсем не различал лиц провожающих.

- Товарищ председатель Государственной комиссии, - космонавты остановились в двух шагах от высокого и широкоплечего генерала, и Лахов вскинул ладонь правой руки к гермошлему скафандра, - экипаж космического корабля «СоюзТМ–6» к совместному советско-афганскому космическому полету готов. Командир корабля полковник Лахов.

- Желаю вам успешного полета и благополучного возвращения на Землю, - голос генерала дрогнул. Керимов, проводивший в космос не один десяток экипажей, все равно не смог скрыть своего волнения.

Генерал сделал шаг вперед и поочередно пожал руки всем трем космонавтам:

- Садитесь в автобус, товарищи. Пора на старт, ракета вас уже заждалась.

- Ничего, без нас все равно не полетит, - пошутил в ответ Полинов. - А полетит, так догоним!

Бело - оранжевый «ЛАЗ» подкатил к воротам испытательного корпуса и в сопровождении одетых в белые комбинезоны врачей и специалистов по предполетным операциям космонавты один за другим поднялись в салон автобуса. Двери закрылись. Автобус мягко тронулся с места, на небольшой скорости

преодолел подъем дороги и повернул влево, к стартовому комплексу.

На стартовой площадке все пошло по годами накатанному сценарию: крепкие рукопожатия, горячие поцелуи, фотографии на память у подножия ракеты. Только когда они оказались в лифте, медленно ползущем вверх, к входному люку космического корабля, Лахов, наконец, смог перевести дыхание.

- Все-таки вся эта процедура прощания немного утомляет, - Полинов чутко уловил настроение командира экипажа. - Слишком много добрых пожеланий на единицу времени.

Лифт грохнул металлом и остановился. Дверь открылась, и космонавты один за другим ступили на посадочную площадку. Снизу донеслись радостные крики - провожающие заметили белые скафандры членов экипажа около вершины ракеты.

- Веселится и ликует весь народ, - бросив взгляд к подножию ракеты, с налетом иронии прокомментировал Лахов. - Абдул, ну-ка помаши им рукой. Пусть телевидение сделает несколько кадров.

Он повернулся к группе инженеров, стоявших около распахнутого люка космического корабля, и поднял руку в приветствии:

- Привет, ребята! Как тут у вас дела? Готова наша лошадка?

- А как же, Владимир Афанасьевич! - подполковник Петровин из управления дивизии сделал шаг навстречу Лахову. - Работает, как новенькие часы!

- Здравствуй, Сергей Николаевич, - Лахов чуть приобнял Петровина. Рослый и плотный подполковник рядом с космонавтом казался настоящим богатырем - великаном. - Как жизнь? Полковника скоро получишь?

- Жизнь как на Марсе: вроде бы есть, а на самом деле - нет. И, наоборот, - со смехом отозвался Петровин, тряхнув рано поседевшей шевелюрой. - А полковника, наверное, мне только к дембелю дадут.

- Вот это ты брось, Николаич, - возразил Лахов. - Какой может быть дембель, если ты моложе меня?

- Перспектива пока туманна, но неотвратимо приближается, - Петровин грустно усмехнулся в ответ. - Как в песне: «А годы летят, наши годы, как птицы, летят»...

- Вот и пусть летят. Все выше и выше, - Лахов повернулся к Полинову и Моуманду, которые, перегнувшись через поручни, махали руками оставшимся внизу провожающим:

- Ребята, познакомьтесь с подполковником Петровиным. Десять лет назад он был последним человеком, лицо которого я видел перед стартом. Признавайся, философ, сколько экипажей ты уже отправил отсюда в космос, а?

- Двадцать шесть, - ответил Петровин и поочередно пожал руки подошедшим к ним Полинову и Моуманду. - Теперь вот молодому поколению опыт передаю.

Он махнул рукой в сторону молодого и стройного человека в кофейно-коричневом комбинезоне, который стоял рядом с пультом опрессовки люка.

- Старший лейтенант Беланов, - улыбнувшись, отрекомендовался тот. У Беланова были коротко стриженные светлые волосы и глубоко посаженные глаза серо-стального цвета. – Инженер отделения систем жизнеобеспечения.

- Очень приятно, - Лахов кивнул. - Ну что, ребята, начнем посадку в корабль?

- Сейчас начнем, - Петровин перегнулся через перила лестницы. - Артур Семенович, ты где там застрял?

С нижней площадки стапеля по металлическим ступенькам быстро поднялся высокий, лет сорока пяти мужчина в белом халате.

- Документацию готовил, - сказал он и повернулся к космонавтам:

- Здравствуйте, товарищи!

- Руководитель группы систем жизнеобеспечения от конструкторского бюро Симонов Артур Семенович, - представил его Петровин. - Артур Семенович начиная с мая заменяет Амирханяна.

- Рад познакомиться, - Лахов пожал руку Симонова. - А что же Армен Суренович?

- Армен Суренович теперь заместитель главного конструктора по испытаниям. Наш главный босс, - ответил Симонов, смешно пошевелив седыми густыми бровями. – А в перспективе, говорят, будет директором завода…

- Вот это здорово! – обрадовался Лахов и повернулся к Петровину. - Растут наши люди, Сергей Николаевич? А ты мне голову дембелем морочишь!

- Ладно, уговорил, - подполковник рассмеялся. - Пока ты летаешь, я на дембель не ухожу. Идет?

- По рукам, - лицо Лахова расцвело довольной улыбкой. - Полезли в корабль!

Существовала строгая последовательность посадки экипажа внутрь корабля. Сначала в спускаемый аппарат через орбитальный отсек на левое кресло усаживали бортинженера, затем на правое – космонавта--исследователя, и только потом, последним, в центральное кресло садился командир корабля. В этом полете слева от Лахова расположился Моуманд, а справа - Валерий Полинов.

- Так, мужики, давайте с вами кое о чем условимся, - проникновенно начал Лахов, когда с наземной командой они уже простились, и посадочный люк в верхней части спускаемого аппарата был закрыт. - Я понимаю, что этот старт у вас обоих первый, эмоции бьют через край... Но, пожалуйста, после старта, когда ракета пойдет вверх, не кричите «поехали» или что-нибудь в этом роде, ладно? Ну, уж если совсем невмоготу будет, то потише, договорились?

Полинов и Моуманд молча кивнули. Лица обоих будущих космонавтов немного побледнели: теперь, когда входной люк закрылся, и они остались в корабле одни со

своим командиром, оба окончательно осознали, что все происходящее – это уже не тренировка. Не пройдет и двух часов, как тысячи тонн металла и топлива под ними придут в движение и устремятся вверх, в космос.

Эта пара часов перед стартом тянулась для экипажа мучительно долго. Они проверили связь и работу бортовых систем, поговорили с главами советской и афганской правительственных делегаций и товарищами по отряду космонавтов. Потом Моуманд зачитал обращение к жителям Афганистана, а Лахов - заявление от имени советско-афганского экипажа о готовности к космическому полету. Несмотря на то, что они, все трое, почти безостановочно разговаривали и шутили, Лахов почти физически ощущал, что эмоциональное напряжение в кабине корабля постепенно нарастает.

И когда оператор стартовой команды закончил обратный отсчет времени и внизу, где-то глубоко под спинками их кресел, глухо зарокотали ракетные двигатели, напряжение выплеснулось через край и все трое в один голос, на всю мощь своих легких заорали в микрофоны гермошлемов единственное и самое подходящее для этого момента слово:

- Поехали!

10.
30 августа 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.

С утра Макарьева вызвали в штаб полигона. Два подполковника и майор, срочно прилетевшие из Москвы, в течение почти четырех часов допрашивали его, стараясь из ответов лейтенанта построить целостную картину событий вчерашней ночи и утра. И Антон уже в четвертый или пятый раз со всеми подробностями и с указанием малейших деталей рассказывал московским

контрразведчикам о своей схватке с нарушителями около периметра стартового комплекса.

Внешне их беседа мало походила на допрос. Они вчетвером сидели в довольно уютной комнате, с мягкими диванами и кондиционером, пили растворимый бразильский кофе с овсяным печеньем и вели свободный и, казалось бы, совершенно непринужденный разговор обо всем, что произошло на второй площадке космодрома в ночь с воскресенья на понедельник.

Судя по темным кругам под глазами и немного осунувшимся лицам, троица из Москвы тоже не сомкнула глаз нынешней ночью. И хотя пара чашек кофе немного взбодрила и офицеров - контрразведчиков, и Антона, усталость отступила только на время. К концу четвертого часа допроса Макарьев вымотался до предела. Вчерашняя бессонная ночь в степи, целый день бесконечных расспросов сначала в штабе части на второй площадке, а потом в особом отделе в Ленинске, новые расспросы сегодня утром – все это слилось в его сознании в бесцветную туманную полосу, в которой растворились лица и фигуры людей, и только гулко, словно из пустоты, звучали голоса, задающие все новые и новые вопросы.

Странно, но, несмотря на это полуобморочное состояние, Макарьев отчетливо понимал, о чем его спрашивают, и давал вполне ясные и логичные ответы. Наверное, какая-то часть его сознания поддалась общей усталости и отключилась, зато другая по-прежнему продолжала бодрствовать и активно работать. Более того, замедленность реакции лейтенанта немного сбивала темп беседы, давала ему возможность хотя бы отчасти обдумывать ответы. И Антон, войдя во вкус, принялся отвечать контрразведчикам нарочито медленно, часто отклоняясь от темы, с кажущейся небрежностью растекаясь по древу, нагромождая несущественные подробности. Но, судя по характеру и формулировке вопросов, московских гостей, кажется, вполне удовлетворяли его ответы.

И все же к концу четвертого часа этой беседы Антон почувствовал, что еще немного - и его сознание окончательно выключится и перестанет реагировать на окружающую реальность. Видимо, на лице Макарьева каким-то образом отразилось это ощущение безмерной усталости, потому что один из московских подполковников, очевидно, старший в этой группе, буквально на полуслове прервал беседу и, удовлетворенно кивнув, сказал:

- Хорошо, Антон Сергеевич. Пожалуй, на сегодня достаточно. В общем, вы довольно подробно осветили все то, что нас интересовало. Если возникнут еще какие-то вопросы, мы вас вызовем.

- Разрешите идти, товарищ подполковник? - Антон поднялся из кресла. Мир перед его глазами расплывался в туманной дымке, а ноги онемели от долгого сидения.

- Идите, - разрешил подполковник и остановил свой взгляд на лице Макарьева:

- Антон Сергеевич, признавайтесь честно, спали сегодня ночью? Нет? Ну-ка, давайте я распоряжусь, чтобы вас подвезли в часть на машине.

Он потянулся к телефонной трубке.

- Спасибо, товарищ подполковник, но не стоит беспокоиться, - Антон сделал попытку улыбнуться. - Я лучше немного пройдусь по свежему воздуху. Прогуляюсь, так сказать, отдышусь...

- Ну, как хотите, - пожал плечами подполковник. На его лице мелькнула легкая тень обиды. Наверное, ему очень хотелось продемонстрировать Макарьеву свою заботу. - До свидания, Антон Сергеевич!

Макарьев вышел из штаба на центральную площадь, нетвердой походкой отошел от входа в здание десяток-другой шагов и, остановившись в тени деревьев около центрального универмага, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов.

Свежий утренний воздух, еще не прогретый беспощадным августовским солнцем, подействовал на него благотворно. Постепенно сознание Антона

прояснилось, туманная дымка перед глазами рассеялась, он слегка взбодрился и неторопливо зашагал по улице в направлении городского контрольно - пропускного пункта.

От центральной площади Ленинска, на которой находилось здание штаба полигона, до КПП на въезде в город было по прямой не более двух километров. Ленинск, который сами испытатели чаще называли «десятой площадкой» или просто «десяткой», был по казахстанским меркам довольно крупным городом. Поговаривали, что в общей совокупности, с учетом близлежащих мелких поселков, в городе постоянно проживает около ста тысяч человек.

Архитектурная структура города была очень простой: жилые кварталы словно нанизывались гроздьями на несколько длинных улиц, пересекающих Ленинск из конца в конец. Дома были, в основном, пятиэтажные - стандартные панельные и кирпичные «хрущевки». Только на западной окраине города, по дороге в аэропорт «Крайний», в последние годы выросли полтора-два десятка блочных девятиэтажек. А вдоль берега Сырдарьи еще в начале шестидесятых годов был выстроен целый район одноэтажных коттеджей, в которых сейчас жили либо приезжие гражданские специалисты, либо местные военные начальники.

Центром города считались две площади – имени Ленина и имени академика Королева, - соединенные между собой коротеньким отрезком небольшой улицы. Площадь Ленина играла в жизни города примерно такую же роль, что и Красная площадь в Москве. Здесь располагался центральный орган управления всем Байконуром - трехэтажное бело-зеленое здание штаба полигона. На площади проходили военные парады, встречи высоких советских и зарубежных гостей, праздничные народные гуляния.

Утро медленно переползало в день. Все «мотовозы», - в том числе и попутные, - которые могли подвезти Антона хотя бы до железнодорожной развилки

на станции «Двадцать первый километр», давно уже ушли. Теперь на «гагаринский старт» можно было попасть только на пассажирском автобусе, ходившем примерно раз в полчаса до сто тринадцатой стартовой площадки. Проще всего в автобус было подсесть во время проверки документов у пассажиров на городском КПП.

Антон прошел мимо центрального универсама, пересек улицу 50-летия СССР и по проспекту имени Королева добрался до бетонного куба городского Дома связи. У него мелькнула мысль заскочить на телефонную станцию и позвонить домой родителям, но, прикинув разницу во времени между Ленинском и Киевом, он сообразил, что и отец, и мать сейчас должны быть еще на работе, а дома может оказаться только двенадцатилетняя сестра Ленка - существо ветреное, своенравное и легкомысленное. Поэтому Антон отложил звонок домой до следующего воскресенья и продолжил путь.

Автобуса на КПП Макарьев дожидался всего несколько минут. Пока шустрый солдатик из части охраны проверял документы у заполнивших салон пассажиров, Антон перекинулся со знакомым водителем парой дежурных фраз и уселся в свободное кресло сразу за шоферской кабинкой.

Дежурный по контрольному пункту закончил проверку документов, выбрался из автобуса и опустил вниз цепь, закрывавшую проезжую часть. «ЛАЗ» выехал на шоссе, стремительно набрал скорость и нырнул под железнодорожный мост.

Антон поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее, и закрыл глаза. До второй площадки от Ленинска ехать чуть больше получаса. Значит, вполне можно расслабиться и немного вздремнуть. Он почувствовал, как по телу разливается приятная усталость, и сознание постепенно проваливается в уютное и по-домашнему теплое пространство сна.

- Валера, ты слышал, что вчера ночью случилось на «двойке»? – раздался вдруг чей-то голос за спиной.

- Нет, а что там произошло? - заинтересовано отозвался еще один голос.

Сон как рукой сняло. Антон открыл глаза и повернул голову влево, делая вид, что рассматривает пейзаж за окном. А сам краем глаза посмотрел назад. Сзади него сидели и разговаривали между собой двое гражданских специалистов, - по внешнему виду, скорее всего, инженеры, командированные на космодром с какой-нибудь фирмы. Первому, худощавому, с крупными залысинами на голове, было около сорока. Второму, черноволосому, с заметным брюшком, можно было дать лет на пять меньше.

- Говорят, стрельба была, - вполголоса сообщил первый.

- Ну? А ракета, вроде бы, нормально ушла. Корабль уже на орбите, я по телику вчера репортаж видел.

- Стрельба ведь не около ракеты была. У меня на второй площадке знакомый работает. Вместе институт заканчивали. Ну, вчера встретились, пивка попили. Он и рассказал: ночью к ракете из степи вышли диверсанты. Но караул их вовремя заметил. Ну, и началась пальба. Офицер наш погиб и солдатики полегли. Шесть или семь человек.

- А что диверсанты?

- Ушли, говорят, диверсанты. Степь прочесывали весь день, полк по тревоге подняли, но никого так и не нашли.

- Да, полетят теперь головушки в армейских фуражках...

«Ну вот, - Антон потерял интерес к разговору и снова закрыл глаза, - теперь появится еще одна байка. Слух про то, как во время запуска геройски погибли офицер и несколько солдат. А на самом деле? Я жив - здоров, Витя Русаков – тоже. А у Кольки Игнатова пуля прошила плечо навылет, не задев, к счастью, кости».

Несколько минут Макарьев отрешенно сидел с закрытыми глазами, но, несмотря на усталость и мягкое, укачивающее движение автобуса, сон больше не приходил. Мысли Антона снова и снова возвращались к картинам и переживаниям прошлой ночи.

Даже беглый поверхностный осмотр вчера утром тел троих незнакомцев, погибших около ограждения стартовой позиции, показал, что они не были ни военнослужащими одной из размещенных на космодроме воинских частей, ни работающими на Байконуре гражданскими специалистами. По крайней мере, двое из них, - те, чьи лица сохранились во время взрыва, - не могли быть отнесены и к местным жителям. Хотя кожа на лице у обоих убитых была смуглой, но разрез глаз был не характерен для коренных жителей Казахстана. Подбородки и щеки погибших закрывали короткие, аккуратно подстриженные бороды.

Все трое погибших были одеты в песочно-зеленые маскировочные комбинезоны, но в их заплечных мешках обнаружились и комплекты гражданской одежды: легкие ветровки, рубашки с коротким рукавом и поношенные джинсы. Скорее всего, незнакомцы добрались до района космодрома поездом как обычные пассажиры, а уже потом переоделись в полувоенное обмундирование, вооружились и двинулись через степь к стартовой площадке.

Вооружены погибшие нарушители были одной из модификаций портативного израильского автомата «Узи», западногерманскими пистолетами с глушителями и несколькими десантными ножами. Толстая труба, которую нес на плече один из убитых, оказалась ракетометной установкой с тепловой головкой самонаведения. Троица, очевидно, намеревалась стрелять по ракете-носителю в момент ее отрыва от стартового стола или в первые секунды полета.

Среди развороченного взрывом багажа троих неизвестных были обнаружены документы на английском языке, карты с китайскими иероглифами и

несколько осколочных гранат. Саперы, присланные из соседней части, тщательно их осмотрели и очень быстро пришли к выводу, что все гранаты имеют один и тот же дефект: если рвануть кольцо и отпустить чеку, то взрыв последует не спустя несколько секунд, а практически мгновенно. Именно поэтому во время боя, завязавшегося ночью около ограждения, граната взорвалась прямо в руках одного из нарушителей.

«А вот если бы она не взорвалась до срока, - подумал Антон, чувствуя, как по спине вновь строем прошлись противные мурашки, - я сейчас вряд ли бы ехал в этом автобусе и медленно сходил с ума от усталости, духоты и жары.

Он понимал, что вчера ночью мог погибнуть, но разум отказывался воспринимать этот факт как неоспоримую истину. Неприятный холодок пробегал по спине при мысли о том, что распорядись судьба иначе, - и сейчас его развороченное осколками и взрывной волной тело лежало бы в ледяной камере городского морга. Но поверить, что это всерьез, что вчера, в ночь с воскресенья на понедельник, он, лейтенант Антон Макарьев, двадцати пяти лет от роду, один из лучших выпускников факультета космонавтики, кандидат в мастера спорта по волейболу, философ и жизнелюб, мог физически перестать существовать в этом мире, - вот этого его разум не принимал категорически.

Автобус тем временем тормознул около кислородно–азотного завода, подбирая новых пассажиров, и фыркнув мотором, устремился дальше. До разъезда «Московский» на двадцать первом километре дорога прямой линией проходила по выжженной палящими лучами солнца и пустой до самого горизонта степи. Антон и не заметил, как под размеренное гудение мотора автобуса он все-таки постепенно забылся и задремал. Очнулся Макарьев только тогда, когда водитель автобуса, толстощекий крепыш Боря, вполоборота развернувшись в своем шоферском кресле, стал тормошить его, ухватившись рукой за колено:

- Подъем, лейтенант! Остановка «Площадка номер два»! Если не хочешь прокатиться со мной до конечной станции, а потом обратно в Ленинск, - вылезай!

- Станция Березай, кому нужно - вылезай, - Антон моментально проснулся, в знак благодарности хлопнул Борьку по плечу и выскочил из автобуса. - Пока!

- Бывай! - двери «ЛАЗа» захлопнулись, и автобус тронулся с места, обдав Макарьева напоследок облаком пыли и выхлопного газа.

Чертыхаясь, Антон отплевался и откашлялся, надел фуражку и бодро зашагал в сторону второй площадки. Хоть Макарьев и вздремнул от силы минут пятнадцать, чувствовал он себя вполне отдохнувшим.

Антон вышел из автобуса около большого указателя - стрелки с надписью «Байконур». Он прошел через въездные ворота, небрежно кивнув в ответ на приветствие стоявшего на КПП дежурного солдата, и зашагал по тенистой аллейке вдоль деревянных домиков-музеев Гагарина и Королева.

Макарьев миновал гостиницу для гражданского персонала, перешел дорогу около штаба части и по ступенькам спустился к казарме, в которой располагалась его воинская испытательная группа. Был уже полдень, рабочий день давно начался, и нужно было доложить командиру группы подполковнику Глуховцеву о причинах задержки в Ленинске.

Глуховцева Антон встретил на пороге казармы. Круглое лицо подполковника с глубокой ямочкой на подбородке осунулось, под глазами залегли темные круги. Похоже, что за последние двое суток командир группы так и не сомкнул глаз.

С Глуховцевым у Макарьева сложились непростые отношения. С первого дня службы Антона подполковник относился к нему очень придирчиво. Когда Глуховцев приходил в испытательный корпус с очередной проверкой режима или санитарного состояния территории, дежурным офицером как назло оказывался именно лейтенант Макарьев. Резкий, иногда грубый почти

до хамства, Глуховцев словно специально выискивал недостатки как раз во время дежурства Антона. Недостатки требовалось, конечно, немедленно устранить и доложить об этом требовательному подполковнику. Если остальные офицеры во время своих дежурств по испытательному корпусу могли позволить себе даже вздремнуть где-нибудь в укромном местечке, то в дни дежурства лейтенанта Макарьева оба монтажных зала и все пристройки гудели, как растревоженные пчелиные ульи. Проводилась генеральная уборка территории, проверялось состояние пожарной и охранной сигнализации, осматривались и приводились в порядок самые дальние закоулки на всех пяти этажах испытательного корпуса. После таких дежурств Антон возвращался в офицерское общежитие полностью измотанным. Он никак не мог понять, где перешел дорогу подполковнику и чем вызваны все эти придирки и повышенная требовательность. «Просто Глуховцев тебе симпатизирует, - объяснил Антону однажды капитан Полякин, который служил под началом Глуховцева уже несколько лет и успел достаточно хорошо изучить характер и привычки подполковника. - Он всегда гоняет тех, кто ему симпатичен. Такой у него характер». Антон в ответ только вздыхал.

- Товарищ подполковник, разрешите обратиться? - Антон сделал шаг навстречу Глуховцеву.

- А, Макарьев... - взгляд подполковника был погасшим, пустым и безразличным. - Ну что, отстрелялся? На все вопросы особистов ответил?

- Так точно! Но сегодня с утра пришлось еще задержаться...

- Это ничего, - взмахнул рукой Глуховцев. - Готовь новые погоны, лейтенант. Генерал подписал представление на присвоение тебе внеочередного звания. Погоны, как и положено, вручим перед строем... Но, сам понимаешь, это уже после похорон.

- После похорон? - переспросил Антон. - Каких похорон?

- Ах, да... Ты же ничего еще не знаешь, - Глуховцев нахмурился. - Вчера утром покончил с собой майор Бехтерев.

- Как это покончил с собой? - Макарьев удивленно заморгал глазами.

- Отравился. Заперся в своем кабинете рядом с монтажным залом и выпил коньяк с цианистым калием...

- Как же так? – ошарашено произнес Макарьев. – Почему?

- Он записку оставил: «Я сильно запутался. Но обратной дороги нет», - подполковник помолчал. - В чем запутался, непонятно... Военная прокуратура сейчас ведет следствие. Вот такие пироги, Антон...

Глуховцев потер ладонью лицо, как будто пытаясь стереть с него маску усталости, и сказал:

- Ладно, шагай на работу. Меня замполит полка ждет. Стружку, наверное, снимать будет.

Он повернулся и зашагал в сторону штаба части. Макарьев проводил его долгим взглядом и, решив не заходить в казарму, направился прямиком к проходной испытательного корпуса.

11.
30 августа 1988 года.
Космодром Байконур, Ленинск.
Площадь Ленина

Агент встретил Макарьева в Ленинске совершенно случайно. Лейтенант вышел на улицу из дверей штаба полигона, бросил рассеянный взгляд по сторонам, сосредоточенно размышляя о чем-то своем, и неторопливо зашагал в направлении площади Королева. Агента, который был всего в полусотне шагов от него, Антон не заметил только потому, что лучи заходящего солнце в этот момент били прямо в глаза Макарьева, и человеческая фигура на фоне яркого света выглядела темной и слегка размытой.

Агент поспешно отступил в глубь аллеи, стараясь укрыться за стволами невысоких деревьев. И только тут сообразил, что со стороны его поведение выглядит нелепо.

«Какого черта я полез прятаться в кусты? Что-то нервишки совсем расшалились, - Агент оперся рукой о ствол ближайшего дерева и перевел дыхание. - Наверное, я просто очень устал за эти два дня».

Тревога, усталость и судорогой сводящее мышцы напряжение навалились на плечи невидимым, но ощутимым грузом.

«Черт бы тебя побрал, лейтенант», - с холодной ненавистью подумал Агент, уперев тяжелый взгляд в спину удалявшегося Макарьева.

Он представил, с каким звериным удовольствием мягкой и быстрой походкой догнал бы лейтенанта, перекинул через его шею тонкий белый шнур самодельной удавки, лежащей в ожидании своего часа в кармане брюк, и резким движением развел руки в стороны, удерживая навесу бьющееся в агонии тело Макарьева. Видение, на доли секунды возникшее перед его глазами, было таким ярким и контрастным, что Агент даже захрипел от возбуждения.

«А ну-ка спокойно, - осадил он себя и испуганно огляделся. - Лишние эмоции еще никогда и никому не помогали. Да и вообще хватит трупов. В них, кстати, больше нет надобности. Ведь этот раунд я выиграл. Выиграл вчистую».

Агент довольно ухмыльнулся. Он спланировал всю операцию очень точно. Поэтому заранее был уверен, что выиграет эту схватку с судьбой, окажется в итоге сообразительнее, умнее и смелее, чем эти недалекие, увязшие в повседневной суете людишки, так смешно всегда путающиеся у него под ногами.

Но вот что странно: чем ближе был день начала операции на второй площадке космодрома, тем острее он начинал ощущать, что в последний момент непременно произойдет какая-то досадная случайность, которая

поставит под угрозу срыва весь его расписанный по этапам и тщательно продуманный план.

Такая случайность и явилась за четверо суток до стартового дня в лице вернувшегося из отпуска лейтенанта Макарьева. Агент смотрел на выходящего из вагона мотовоза Антона и чувствовал, как его постепенно охватывает паника. Строя свои расчеты, он был уверен, что Макарьев появится на службе только утром 29 августа, в понедельник, когда все основные события уже свершатся. Но лейтенант неожиданно вернулся в часть в четверг. Это означало, что в отделении систем жизнеобеспечения, на ключевом направлении операции, запланированной на ночь перед запуском советско-афганского экипажа, появлялся лишний, неучтенный его планом человек - Антон Макарьев. А значит, летели к черту все расписанные заранее схемы, перемещения людей становились случайными и плохо прогнозируемыми. И, следовательно, резко возрастал риск срыва всей операции. «Лишний» Макарьев вполне мог в ту ночь случайно оказаться на пути Агента...

Агент ухмыльнулся, вспомнив, как тонко пришлось ему сработать, чтобы убрать Макарьева подальше от основного театра действий. В ночь накануне старта лейтенант неожиданно получил назначение в наряд…

Вторая случайность проявилась тогда, когда выяснилось, что этот наряд Макарьева - караул около готовящейся стартовать ракеты, офицерский караул «под елочкой». По плану Агента на этом месте мог оказаться любой офицер части - это было несущественно для успешного завершения операции. Вечером, всего за насколько часов до начала событий, исподтишка поглядывая в сторону собирающегося в наряд лейтенанта, Агент вдруг совершенно отчетливо понял, что этот молодой стройный парень в ладно сидящей на нем военной форме уже по существу покойник. Странно, но эта мысль доставила ему даже некоторое удовольствие: Макарьев, - та самая случайность, которая поставила под угрозу срыва весь его замысел, - в итоге

окажется в самом центре событий и должен будет умереть в течение предстоящей ночи. Сама судьба словно бы воздавала по заслугам лейтенанту, нарушившему стройность его планов. Значит, удача была по-прежнему на его, Агента, стороне.

А третьей крайне неприятной случайностью оказалось то, что Макарьев все-таки остался жив. Остался жив только потому, что первым заметил идущих к периметру ограждения диверсантов. Агент же, напротив, предполагал, что более опытная троица, переброшенная из Афганистана, обнаружит осматривающих заграждение солдат и офицера чуть раньше. Обнаружит и попробует тихо устранить...

На деле же все получилось иначе. Макарьев увидел диверсантов первым и с глупым мальчишеским геройством ввязался с ними в открытый бой. Карм Али Шухи, самый опытный из переброшенной из Северного Афганистана тройки, решил уничтожить нападавших шурави одной гранатой. Он-то не знал о дефекте взрывателей. Привычным движением руки рванул кольцо гранаты, отпустил чеку и...

«Но, несмотря на все случайности и препоны, я все равно выиграл, - Агент тихо рассмеялся. - Я победил!»

...Его всегда считали середнячком. Незаметным, послушным и тихим мальчиком.

Он был вторым сыном в семье скромных инженеров, всю свою жизнь проработавших на большом авиационном заводе в Подмосковье. Его старший брат уже оканчивал школу, а семья из четырех человек все еще ютилась в небольшой комнатке в общежитии - с квартирами в их городке было очень напряженно. Власти вбухивали миллионы и миллиарды в военные программы, а простые советские труженики, винтики гигантского хозяйственного механизма, десятки лет ждали, когда народное государство предоставит им приличное жилье.

Говорят, что самые яркие картины своего детства человек запоминает на всю жизнь. Его детство прошло в

длинных узких коридорах заводской общаги, пропахших ароматами общей коммунальной кухни, вонью общественного туалета и едким запахом хлорки, которую использовали и для мытья полов, и для травли крыс и тараканов. Родители опасались выпускать детей даже в грязный проходной двор. Рядом с корпусом общежития располагалась пивная и поддавшие до степени полного отчуждения от окружающей советской действительности мужики - рабочие, техники и инженеры все с того же номерного военного завода, - частенько выбегали справить малую или большую нужду прямо около прогнившего деревянного грибка песочницы или около покосившейся, проржавевшей до основания, детской игрушечной ракеты. А бывали случаи, когда тут же, во дворе, с матами - перематами, подвыпившие завсегдатаи пивнушки начинали выяснять друг с другом далеко не производственные отношения. Тогда в ход шли ножи, булыжники и разбитые под «розочку» бутылки. Когда ему было всего восемь лет, один из таких конфликтов закончился смертью их соседа по общежитию, веселого и бесшабашного токаря дяди Коли. Зарезали дядю Колю еще вечером, в сумерках. В темноте кровь была незаметна, покойник сидел, прислонившись к стене в классической позе подвыпившего мужика, и только утром, часов в шесть, дворник обнаружил, что токарь Коля не просто спит на улице, перепив с вечера, а уже несколько часов как мертв. Зарезали Колю небольшим ножом, который валялся рядом с трупом.

Он хорошо запомнил то сентябрьское утро, когда он, школьник второклассник, выбежал из общаги с ранцем за плечами и остановился, как вкопанный, когда увидел во дворе суетившихся милиционеров, судебно-медицинских экспертов и врачей. Дядя Коля уже лежал на носилках около стены дома, глаза его были наполовину закрыты, а лицо стало непривычно бледным, как будто слепленным из воска. Рядом, с запекшейся на лезвии кровью, лежал тот самый нож.

Это было одно из первых его открытий на пути во взрослую жизнь. Человека, оказывается, можно убить. Даже очень большого и очень сильного человека можно убить совсем небольшим ножом.

После школы он вернулся домой и тайком взял с общей кухни чей-то столовый нож. Долго и очень внимательно рассматривал тонкое, сверкающее в лучах солнца, лезвие. Было что-то завораживающе прекрасное в этом куске металла, способном прервать любую человеческую жизнь. Сжимая рукоять ножа, он представлял как острая сталь пронзает чужое, упругое, но все-таки такое нежное и податливое тело, и чувствовал странное, никогда ранее не испытанное им, тихим мальчиком из скромной семьи, возбуждение.

Второй важный урок - о силе и влиянии денег - он получил, когда учился в шестом классе. К очередной годовщине Октября власть решила продемонстрировать свою заботу о трудящихся, и его отцу наконец-то вручили в райисполкоме ордер на новенькую трехкомнатную квартиру почти в самом центре небольшого подмосковного городка. Как они радовались! В новом доме еще только завершались отделочные работы, а они уже всей семьей бегали смотреть свою будущую жилплощадь, прикидывали, какую мебель придется купить, что и где поставить в казавшихся огромными комнатах. И мама, светясь от счастья, говорила, что у них с братом будет теперь своя - своя! - отдельная комната.

Счастье их семьи длилось почти две недели. А потом отца снова вызвали в исполком и чиновник из жилотдела, почему-то избегая смотреть посетителю в глаза, попросил вернуть ордер. Произошла, мол, накладочка, путаница в бумагах, и ордер на квартиру их семье дали ошибочно. Переехать в квартиру должна совсем другая семья, а их очередь подойдет только через полгода. Или через год.

Когда он вернулся из школы, отец сидел за столом в самом углу их маленькой комнаты, и пьяно уронив голову на руки, срывающимся голосом рассказывал

матери, как и почему у них отобрали квартиру. Бледная и осунувшаяся мама присела рядом с отцом на самодельном деревянном стульчике. По лицу ее медленно катились серебристые бусинки слез.

Сначала он не мог поверить. Несколько дней он ждал, что все прояснится, справедливость восторжествует, и их семья все-таки переедет в новую квартиру. После уроков, почти каждый день, он бежал к тому дому и во все глаза смотрел на новенькие двери в подъездах, весело блестевшие на солнце стекла окон и свежие, только что побеленные в нежно-оранжевый цвет стены. И никак не мог поверить, что это уже не его дом.

Вскоре в дом стали переезжать новые жильцы. И однажды он увидел, как распахнулись двери той самой квартиры, и грузчики стали заносить внутрь домашнюю утварь из подъехавшей к самому подъезду большой машины. Рядом с машиной на деревянной лавке сидел толстый мальчишка, болтал ногами и ел бутерброд с колбасой и сыром.

- Привет! - он подошел поближе к мальчишке. - Переезжаешь?

- Здорово! - мальчишка лениво скользнул по нему глазами. - Переезжаю. Вон в ту квартиру.

Его толстый палец уперся в квадрат окна на третьем этаже. За этим окном была та самая комната, которая всего пару недель назад могла стать его комнатой.

- Долго своей очереди ждали? - поинтересовался он у мальчишки, присаживаясь рядом на лавочку.

- Чего? - глаза мальчишки удивленно округлились. - Какой очереди?

- Ну, на квартиру, - он мотнул головой в сторону дома.

- Да ты что, смеешься? Какая очередь? - мальчишка перестал жевать и растянул в улыбке пухлые губы. - Мой папа - завмаг. Заведующий магазином, понимаешь? Это пусть народ стоит в очередях. А папа никогда стоять не будет.

- Почему не будет? - искренне удивился он. - Все же стоят...

- А мы - это не все, - надменно захихикал мальчишка и его подбородок гордо вздернулся вверх. - Мой папа может дать. Понимаешь? Дать кому нужно. Зачем же ему стоять в очереди, если он может дать?

- Это же не справедливо, - чуть слышно произнес он, рывком поднялся с лавки и что есть силы ударил кулаком в лицо хохочущего мальчишки.

За ним долго гнались. Гнались побросавшие вещи грузчики, гналась горластая, упитанная тетка - наверное, мать того самого толстого мальчишки. Но попробуйте поймать худенького, невысокого и юркого пацана да еще в весеннюю распутицу...

Квартиру их семья все-таки получила. Через полтора года. Пятиэтажный, мрачного вида дом стоял на самой окраине города. Чтобы добраться от их подъезда до ближайшей автобусной остановки, нужно было пройти по вязкой осенней грязи почти полкилометра.

Однажды, поскользнувшись на размокшей, превратившейся почти в болотную жижу земле, и до колен измазав свои единственные школьные брюки, он понял, что будет обречен до старости барахтаться в такой же грязи, если у него не будет денег. Потому, что в удобных и красивых домах в центре города, в домах, к которым проложены асфальтовые дорожки и около которых разбиты нарядные зеленые газончики, живут только те, у кого есть деньги. Если у тебя есть деньги - ты что-то значишь в этой жизни, если у тебя нет денег - ты пустое место. Быдло. Грязь под ногами. Так устроен мир, чтобы там не говорили в школе и по телевизору. У кого есть деньги - тот наверху и процветает, у кого нет денег - тот внизу и гниет.

Правда, был еще один способ преуспеть - полезные связи с влиятельными людьми на государственных должностях. Но все связи, в конечном итоге, тоже сводились к деньгам. Связи заводят с теми,

кто может «решать вопросы», а вопросы решают с помощью денег и ради денег.

У отца Митьки Печенкина, его однокурсника по политеху, куда он поступил сразу после школы, связи были. Поэтому Митька, загуляв и не сдав кандидатский экзамен в аспирантуру престижного московского вуза, осенью в армию не пошел, а стараниями влиятельного папы получил сначала «белый билет» - это при отменном-то здоровье! - а год спустя, когда родитель уже установил нужные контакты в избранном любимым чадом институте, еще и аспирантскую корочку в придачу.

А у его родителей ни связей, ни денег сроду не водилось. Поэтому ему в первую же осень после успешной защиты дипломной работы принесли из военкомата повестку и всего пару недель спустя он, новоиспеченный молодой лейтенант, уже трясся на плацкартной полке железнодорожного вагона, направляясь в составе очередного призыва для прохождения воинской службы где-то в глухом районе Таджикистана.

Но в иссушенной солнцем таджикской степи его ждала еще не собственно служба, а всего лишь учебная воинская часть. Полгода он учился стрелять из автоматов и пистолетов различных моделей, виртуозно владеть ножом и прыгать с парашютом. Полгода он изучал возможности обслуживания ракетной техники в субтропических и тропических условиях. С него взяли подписку о неразглашении государственной тайны, вручили предписание и только после этого откомандировали к постоянному месту службы. В северные провинции одной очень дружественной африканской страны.

В этой стране шла настоящая война. «Коммунистический и просоветский» север сошелся в кровавом конфликте с «буржуазным и проамериканским» югом. Советскому «техническому специалисту» приходилось не столько мудрить с обслуживанием техники и рассказывать аборигенам, как и где применять

ракетные установки залпового огня, сколько самому пускать рыбообразные тела ракет по далеко не учебным целям на контролируемой южанами территории.

Там, на этой тайной войне, он и научился убивать. Убивать не по необходимости, как это вынужденно было делать большинство его соотечественников, оказавшихся в пекле боевых действий. Не во время боя, когда из джунглей к ракетным комплексам прорывались партизанские диверсионные группы. Он научился убивать для себя, для морального удовлетворения того существа, которое иногда просыпалось в глубине его души и властно подчиняло себе и его мысли, и его тело. Он всегда стрелял только на поражение. Бил насмерть даже тогда, когда можно было вообще не стрелять. Главное, чтобы никто ничего не узнал и не смог ничего доказать.

Его считали очень хорошим специалистом, и он без труда получал награды и внеочередные звания. От добра добра не ищут, и он написал рапорт с просьбой оставить его в рядах «технического контингента» в этой африканской стране. Но в политике к тому времени уже подули другие ветры, и советские спецы отправились из африканских саванн и джунглей к родным берегам, по домам.

Когда он вернулся в Союз, жизнь завертелась вокруг него веселым калейдоскопом, но он не чувствовал полного удовлетворения. Ему все чаще и чаще хотелось снова стать тем существом, которое стоит над остальными людьми и которое решает, кому из копошившейся под ногами человеческой массы умереть сегодня, а кому - завтра.

Но здесь, внутри страны, подняться над людьми можно было только с помощью одного испытанного и старинного средства - денег. В год, когда он вернулся в Союз, Горбачев дал старт кооперативному движению. Он взбодрился, полагая, что экономические и политические реформы дадут ему возможность заработать деньги, и в конечном итоге, получить личную свободу и власть над

другими людьми. Но и здесь, на экономической целине, снова поперло вперед старое, привычное. Руководителями новорожденных предприятий и преуспевающих кооперативов становились, как на подбор, все те же бывшие комсомольские и партийные боссы или их верные «шестерки». И тогда он понял, что жить в этой стране больше не сможет. Что рано или поздно найдет способ попасть за границу, несмотря на свой «не выездной» статус специалиста по работе с секретной техникой. А чтобы не стать бесправным быдлом еще и там, вне пределов вскормившей его страны, и получить всю свободу, а не жалкую осьмушку или четвертинку, ему опять же нужны деньги. Первоначальный, стартовый капитал.

Вот тут-то на него и вышел человек, который предложил ему свободу и деньги. И потребовал взамен предоставления кое-каких услуг…

12.
31 августа 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.

Отстояв длиннющую очередь в офицерской столовой, Антон взял пластиковый поднос с комплексным обедом и присел за один из столов около высоких, вечно запыленных окон. Неторопливо поглощая суп с фрикадельками, Макарьев вернулся к своим размышлениям о позавчерашней ночи.

«Я оказался в самом центре каких-то событий. Нападение диверсантов… Внезапная смерть Бехтерева… Связаны ли они между собой? Наверняка это один из главных вопросов, на которые должно ответить следствие.

Мне почему-то кажется, что какая-то незримая связь между смертью майора и вояжем диверсантов имеется. Но вот какая? Эх, хорошо бы в этом разобраться, раз уж я оказался среди действующих лиц

всей этой истории… Но как можно разобраться? У следствия есть возможность опрашивать свидетелей, получать необходимую информацию, проводить экспертизы… А что есть у меня? Ничего!»

«Зато у меня есть желание самому докопаться до истины, - сам себе мысленно возразил Антон. – Что главное в любом расследовании? Чтобы разгадать тайну, нужна, прежде всего, голова на плечах. Мышление, логика, интуиция… Гм, с этим у меня, вроде бы, полный порядок».

«Что, и вправду попробовать пораскинуть мозгами? Все равно ведь уже два дня все мои мысли связаны с происшедшими событиями. Почему бы действительно не попытаться самому, самостоятельно оценить имеющиеся факты? И попробовать сделать выводы… Как говорится, не боги горшки обжигают! Любое преступление требует быстрого расследования. Важен учет малейших деталей, которые могут пролить свет на дело в целом. А что я? Я, один из непосредственных участников событий в ночь перед запуском, видел и знаю больше, чем те, кто сейчас проводит расследование.

Пусть контрразведка ведет свое следствие. А что мешает мне посмотреть на те же события со своей точки зрения? Ничто не мешает. Почему бы и в самом деле не попробовать? Почему бы, например, не поискать связь между нападением диверсантов и смертью майора Бехтерева? Ну, что, решено?»

«Эх, была, ни была. До Бога высоко, до царя далеко… Решено! Попробую-ка я сам разобраться во всей этой истории!» - Макарьев залпом допил фруктовый компот.

«Итак, начнем…. Бехтерев... Именно он фактически навел наш караул на афганских диверсантов. Вопрос: случайно или намерено он это сделал? Если случайно, то почему покончил с собой? А если намерено... Тогда указание Бехтерева осмотреть периметр стартового комплекса - это составная часть какой-то заранее

спланированной операции. Гм, еще интереснее... Получается, что Бехтерев вовсе не раскаивающийся грешник, как следует из его предсмертной записки, а, предположим, ловко действующий вражеский агент, который для чего-то наводит караул на диверсантов. Ну, а когда лже-майор понял, что его план не сработал и ему грозит разоблачение, он запаниковал и покончил с собой».

«Красивая версия. Но есть три очень больших «но». Во-первых, я лично знаю… Знал Бехтерева. Умный офицер, очень порядочный человек… Не верится, что он мог быть чьим-то агентом… Притворялся? Сомнительно, но допустим».

Есть еще «во-вторых» и «в-третьих». Почему майор решил, что задуманная им операция провалилась? И еще… Если предположить, что Бехтерев цинично и хладнокровно действующий вражеский агент, в мою версию никак не вписывается его предсмертная записка. Записка, которую мог написать только отчаявшийся и раскаявшийся человек. Снова получается нестыковка».

«Так, а если предположить другое... Если предположить, что Бехтерев вообще случайное звено в этой комбинации. Предположим, некий Икс просит... Нет, скорее даже приказывает Бехтереву сделать звонок на КПП и послать караульных проверить периметр. Как раз для того, чтобы караул обнаружил диверсантов и вступил с ними в бой. После этого майор раскаивается, пишет записку и накладывает на себя руки… Или не раскаивается… Тогда Икс хладнокровно убивает майора и подбрасывает его якобы предсмертную записку».

«Кстати, есть еще один косвенный довод в пользу существования этого Икса. Почему майор, заместитель начальника группы, который имеет свободный доступ к оружию, вдруг отравился? Почему он не взял пистолет и просто не застрелился? Как-то это самоубийство выглядит по-женски, что ли… Я бы сказал даже театрально…»

Антон сложил тарелки на поднос, отнес к столику с грязной посудой и вышел из столовой. Шагая в сторону испытательного корпуса, он продолжал размышлять.

«Допустим, загадочный Икс и в самом деле существует. Как его разыскать? Чтобы обнаружить этого гипотетического Икса, нужно знать, откуда Бехтерев звонил на КПП и кто в это время находился рядом с ним. Тот, кто был рядом с майором в момент его смерти и будет искомым убийцей!»

«Примерно за полтора часа до звонка Глуховцев и Бехтерев проехали на своем «газике» через наш КПП в сторону старта. А еще конкретнее - в сторону смотровой площадки. Это я сам видел».

«На смотровой площадке перед стартом устанавливают всего один телефонный аппарат. Дежурит у этого телефона переодетая в гражданскую одежду девушка-телефонистка из отделения связи. Значит, дежурившая на смотровой площадке телефонистка могла видеть и звонившего Бехтерева, и того, кто мог бы отдать ему приказ».

Антон резко свернул влево, перешел дорогу и зашагал в сторону казармы роты телефонной связи.

…Через пятнадцать минут, поболтав о том и о сем со своим старым знакомым заместителем командира роты связи лейтенантом Голубевым, Макарьев выяснил, что в ночь, когда на орбиту стартовал «Союз» с советско-афганским экипажем, дежурным оператором–телефонистом на смотровой площадке была ефрейтор Ульяна Соронина.

13.
31 августа 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.

Поговорив с лейтенантом Голубевым и поблагодарив его за проявленную бдительность,

Контрразведчик положил на рычаг трубку телефона и подошел к окну.

Из окна его кабинета на третьем этаже нового монтажного корпуса открывался фантастически красивый вид. Сразу за рельсовыми путями железнодорожной станции «Северная» начиналась техническая зона космодрома. Отсюда, с десятиметровой высоты, были хорошо видны аккуратные бело - серые параллелепипеды залов подготовки ракет-носителей и проверки электрических сетей космического корабля, чем-то неуловимо напоминавшие Контрразведчику огромные океанские корабли, целеустремленно идущие за горизонт по бескрайним зеленовато - коричневым водным просторам. Но самое главное - из окна как на ладони была видна соседняя пусковая площадка, на одном из стартовых столов которой сейчас возвышалась могучая громада ракеты-носителя «Энергия» и крылатого корабля «Буран». Космический комплекс своими очертаниями походил на огромный устремленный в небесную высь церковный собор, на боковую поверхность которого присела отдохнуть, широко распластав крылья, большая бело-черная птица.

«Ладно, вернемся, как говорится, к нашим баранам», - Контрразведчик отошел от окна, налил воды в большую металлическую кружку с пластмассовой ручкой и опустил в воду кипятильник. За время работы на полигоне он пристрастился по несколько раз в день пить крепкий горячий чай. Зимой ароматный напиток надежно защищал от простуды и просачивавшегося даже сквозь толстые кирпичные стены зданий холода, а летом, наоборот, предохранял от удушливого зноя и непереносимой жары. Контрразведчик так привык к ежедневным чаепитиям, что теперь уже не мог представить себе, как раньше, во время работы в центральном управлении в Москве, он мог обходиться без нескольких стаканов горячего и бодрящего чая.

Вода в кружке быстро закипела. Контрразведчик выключил кипятильник из розетки, насыпал полную

чайную ложку индийского чая на дно граненого стакана, вставленного в медный подстаканник, и залил заварку крутым кипятком. Теперь нужно подождать пару минут - и волшебный напиток, спасающий его от жары лучше всяких «Байкалов» и «Пепси-Кол», будет готов. Чай он любил заваривать именно так, в стакане, «по черному», как шутили коллеги, и пил его без сахара, в полной мере наслаждаясь специфическим ароматом и вкусом напитка.

Контрразведчик подождал, пока чай заварится и немного настоится, сделал несколько маленьких глотков, придирчиво оценивая полученный результат, остался доволен, и со стаканом в руке присел в кресло около письменного стола, расправил плечи.

«Хорошо, что Голубев позвонил, - подумал он, мысленно вернувшись к служебным делам. - Итак, лейтенант Макарьев интересуется телефонистом, дежурившим на смотровой площадке... С чего бы это?»

Контрразведчик за время своей работы на космодроме успел неплохо узнать Антона, а нынешним утром еще и внимательно изучить его личное дело, затребованное из штаба части. Макарьев - человек очень работоспособный и педантичный. Отношения в коллективе практически со всеми коллегами поддерживает ровные и дружеские. Хотя, по мнению непосредственного командира капитана Полякина, все-таки немного замкнутый. Как говорится, себе на уме. Много читает. В формулярах городской и научной библиотек в Ленинске отмечены, в основном, книги по космонавтике и астрономии, сборники фантастики и детективы. Космонавтика и астрономия - это понятно. В части и Макарьев, и его друг и сослуживец Зеленин давно слывут самыми большими спецами по части истории и теории космических полетов. Шутки - шутками, а совсем не у многих офицеров хватает сил и желания вечером, после работы на стендах и на старте, тащиться в техническую библиотеку, чтобы систематически пополнять свои знания, выискивая едва ли не по крупицам новую информацию в ворохе отечественных и

иностранных книг и журналов. Значит, приплюсуем к личным качествам Макарьева еще целеустремленность и волю. И сюда же добавим, опять же судя по рассказам коллег, хорошую порцию упрямства. Такие ребята, как Макарьев, обычно имеют сложный характер, не умеют лебезить и прогибаться, часто не ладят с начальством, ершисты и самолюбивы.

Если космонавтика и астрономия - это дань профессии, то запойное чтение фантастики и детективов может говорить о склонности Макарьева к аналитическому мышлению и развитом воображении. Что тоже можно записать в число достоинств лейтенанта…

Теперь кое-что из личных впечатлений… Макарьев честолюбив. Самую малость, но все-таки это заметно. Работу выполняет дотошно, доходит всегда до малейших нюансов. Требователен и лично к себе, и к окружающим. Может быть, поэтому иногда бывает излишне резок. В любом деле всегда предпочитает полагаться, в основном, на свои собственные силы. Если кого и просит о помощи, так только очень близких друзей. И просит очень редко…

«Так, ну и что мы имеем в итоге?» - Контрразведчик допил поостывший чай и отодвинул стакан в сторону.

Что будет делать работоспособный, честолюбивый лейтенант с аналитическим мышлением и развитой фантазией, который оказался в самом центре событий той предстартовой ночи? Учтем, что он предпочитает во всем опираться на собственные силы, любит доводить до конца любое дело и органически не переносит никаких тайн и неясностей. Что он будет делать?

«Да он же неминуемо начнет свое собственное расследование, - лицо Контрразведчика озарилось лучистой улыбкой. - Вот как пить дать, начнет! И будет вести это расследование дотошно и максимально

скрытно. Перекопает все сам, лично, и рыть будет до тех пор, пока не нападет на какой-нибудь след!

Он задумчиво пробарабанил пальцами по поверхности стола.

«Н-да, только частного детектива Макарьева нам как раз и не хватает… Ну, куда мы, бедные, денемся, спрашивается, без молодого Шерлока Холмса в степях Казахстана?»

Он достал из кармана рубашки зажигалку и пачку «Стюардессы», вытащил сигарету, помял ее пальцами, зачем-то понюхал и, наконец, закурил.

«Нет, это никуда не годится. Ничего хорошего, если мальчишка будет путаться под ногами у следствия. Мало ли что... Пожалуй, следует поручить кому-нибудь из наших ребят серьезно поговорить с Макарьевым. Наставить его на путь истинный, так сказать...»

Рука Контрразведчика потянулась к телефонной трубке, но вдруг замерла в воздухе. В голову ему пришла неожиданная мысль.

«Что плохого, если Макарьев и вправду начнет заниматься своим любительским частным сыском? Да, он не профессионал. Но глаза у него не зашорены. Совершенно иной взгляд на происшедшие события, чем у меня и ребят из контрразведки полигона»...

Главный вопрос сейчас состоит в том, связана ли с попыткой диверсантов обстрелять ракету на старте более чем странная смерть майора Бехтерева?

Несколько месяцев назад контрразведка получила информацию, что против советско-афганского экипажа готовится диверсия. Но какой будет нанесен удар, когда и кто будет исполнителем - все это было неясно.

И сейчас ясности не прибавилось. Ни на йоту. Диверсионную группу, переброшенную из Афганистана, засекли еще на подходе к Байконуру и силами роты спецподразделения незаметно сопровождали по степи на расстоянии примерно полкилометра. Контрразведчик уже собирался дать команду на захват трех душманов, но

судьбе было угодно, чтобы раньше на «гостей» из-за кордона вышел наряд лейтенанта Макарьева…

В итоге диверсионная группа была уничтожена и задачу свою не выполнила. Но, если поразмыслить, диверсантов Макарьев обнаружил только потому, что именно покойный Бехтерев приказал ему проверить периметр ограждения стартовой позиции. А потом почему-то отравился. Или же все-таки его отравили? Гм, тогда нужно искать убийцу... И возможно, не просто убийцу, а пособника диверсантов, вражеского агента...

«Вот тут-то на поле нашей операции и появляется частный детектив-любитель лейтенант Антон Макарьев. Ясно, что как непосредственный участник событий в ночь перед стартом, он сразу же попадет в зону внимания убийцы. Или вражеского агента. Гм, если, конечно, этот агент вообще существует в природе, а не является плодом нашего воображения... Макарьев начинает самостоятельно копаться во всем этом деле. Добросовестно и тщательно рыть в непосредственной близости от вероятного врага. Возможно, он ничего и не найдет, но, по крайней мере, будет постоянно отвлекать на себя какую-то часть внимания шпиона. Может быть, даже заставит его занервничать и чем-то выдать себя... А нервы - это ахиллесова пята любого агента, даже самого опытного. Мы же, контрразведка, при таком раскладе сможем действовать куда более раскованно. И есть вероятность, что быстрее сможем выйти на затаившегося противника».

Ну, а если Макарьеву действительно удастся на что-то наткнуться в своих дилетантских изысканиях? Реально потревожить схоронившегося агента? Вот тогда-то агент непременно активно проявит себя. Обязательно проявит. И, скорее всего, сделает это резко и решительно. Макарьев вполне может оказаться под его ударом...

Контрразведчик любил планировать операции так, чтобы рассчитать их с почти математической точностью. Чтобы заранее предусмотреть практически все, нужно

было учесть множество факторов, в том числе и неизвестных, учесть случайности и неожиданности, предусмотреть все возможные опасности. В итоге получалось уравнение со многими неизвестными, но благодаря своему уму и логике, Контрразведчик уже не однажды решал такие уравнения. Руководство контрразведки каждый раз удивленно пожимало плечами, когда он излагал результаты очередной разработки – у многих не укладывалось в голове, как он мог так тонко и умело вычислить очередного врага, сорвать продуманные на десять ходов вперед планы иностранных разведок. В управлении контрразведки его считали баловнем судьбы и везунчиком, завидовали и даже немного опасались. Он не обращал на болтовню за спиной никакого внимания, старался избегать аппаратных интриг и по-прежнему ставил в работе на тройку проверенных лошадей – логику, интуицию и разумное упрямство.

…Через полчаса, набросав на листе бумаги общий план операции, Контрразведчик вызвал к себе сотрудников службы наружного наблюдения и, скользнув придирчивым взглядом по пятерым переодетым в гражданскую одежду офицерам, сказал:

- Ребята, лейтенанта Макарьева, надеюсь, в лицо все знаете? Герой минувшей бурной ночи... Ну, так вот с этой минуты будете поочередно его водить. Круглые сутки. Следить за каждым шагом. Нужно негласно и незаметно обеспечить его полную безопасность. Имейте в виду, что одновременно с вами за Макарьевым может вести слежку еще кто-то... Вот этот «кто-то», в конечном итоге, нам и нужен. Ясно?

14.

1 сентября 1988 года.

Космодром Байконур, вторая площадка.

Командный пункт.

Макарьев легко взлетел по лестнице на третий этаж здания монтажно-испытательного корпуса, пересек

небольшой коридорчик, свернул направо и оказался перед обшитой металлическим листом широкой дверью. Над дверью прямо на поверхности стены большими синими буквами была сделана аккуратная надпись: «Командный пункт». Слева от двери чуть выступала из косяка черная пуговка звонка. Антон секунду помедлил, собираясь с духом, и резко нажал указательным пальцем на кнопку.

Несколько томительно долгих секунд из-за двери не было слышно ни звука. Потом, наконец, гулко забухали по металлическому полу чьи-то размеренные шаги, послышалось раздраженное невнятное бормотание. Заскрежетала щеколда и в проеме приоткрывшейся двери появилась прыщавая физиономия в поношенной солдатской панаме. На левой щеке часового предательски розовело большое пятно пролежня.

- Спишь, дежурный? - весело хохотнул Антон и укоризненно погрозил пальцем. - Солдат спит, а служба идет?

- Здравия желаю, товарищ лейтенант, - часовой приложил титанические усилия, чтобы подавить зевок. - Никак нет, не сплю.

- Ну-ну, - скептически покачал головой Макарьев. - Вот что, дружище, вызови-ка мне ефрейтора Соронину.

- Слушаюсь, - часовой отступил на шаг от двери. - Только вам, товарищ лейтенант, придется здесь подождать. Такой у нас порядок.

- Порядок есть порядок, - безропотно согласился Макарьев. - Я со своим уставом в чужой монастырь не хожу. Только ты уж давай побыстрей, ладно?

- Одна нога здесь, другая там, - солдат растянул губы в ухмылке и прикрыл дверь. Было слышно, как он, напевая что-то себе под нос, удаляется в глубь коридора.

Ждать действительно пришлось недолго. Не прошло и минуты, как за дверью вновь послышались шаги. Только теперь это был не звук грохочущих по металлическим перекрытиям тяжелых солдатских

ботинок, а легкий и стремительный перестук туфелек на каблучках.

«Звенящие каблучки таинственной незнакомки», - с усмешкой подумал Антон.

Щеколда звонко лязгнула, дверь приоткрылась и в коридор выглянула коротко стриженная женская головка. Длинные черные ресницы удивленно взметнулись вверх, и в следующее мгновение Макарьева поглотила бездонная глубина двух ясно-голубых озер. Сердце лейтенанта стремительно ухнуло вниз, в открывшийся вдруг бездонный колодец, а лицо сделалось застывшим, бумажно-деревянным, похожим на безжизненную карнавальную маску. Что-то огромное, плотное и невидимое сжало грудь, и Антон почувствовал, что просто не может дышать.

Девушка тем временем полностью открыла двери и шагнула в коридор. Зеленая военная рубашка и такого же цвета юбка сидели на ней удивительно ладно и подчеркивали стройность и хрупкость ее фигурки.

- Это вы хотели меня видеть, товарищ лейтенант?

- Я? - Макарьев услышал свой сдавленный и испуганный голос откуда-то издалека. - Д-да... Я...

Ему показалось, что узкий коридор вдруг стремительно расширился, стены закачались и разъехались в стороны, открывая над головой высокую синь небес.

Антон, наконец, сделал судорожный вдох и закашлялся. Кровь мгновенно ударила ему в лицо.

- Извините... Здесь так пыльно...

- Пыльно? - в голубых глазах-озерах мелькнули озорные искорки.

- Я к вам по важному делу, - нашелся, наконец, красный, как рак, Макарьев.

- Конечно, по делу, - девушка понимающе улыбнулась и с легкой иронией добавила:

- По всему Байконуру уже два дня только и разговоров, что о страшно героическом и страшно деловом лейтенанте Макарьеве.

- Э... - Антон почувствовал себя полностью раздавленным. - Вас, наверное, Пашка Голубев успел предупредить, что я зайду, да?

- Ну, что вы, товарищ лейтенант, - Ульяна рассмеялась. - Чтобы замначальника роты связи Голубев разглашал большую военную тайну? Нет, у нас, товарищ лейтенант, свои собственные источники информации.

- К-ха... - Антон снова поперхнулся воздухом, но быстро овладел собой:

- И о чем же, интересно, вас проинформировали ваши источники?

- О чем? - переспросила девушка и пожала худенькими плечиками.

- Конечно, о том, что героический лейтенант Макарьев продолжает свою такую нужную Родине службу. Позавчера ночью он в одиночку разгромил целую банду душманов, - в ее словах прозвучала уже не скрываемая насмешка. - А сегодня он пытается поймать их сообщника-шпиона. Правильно?

- Правильно, - Антон машинально кивнул, но тут же спохватился:

- Ну, не то, чтобы шпиона...

- Именно шпиона, - решительно прервала его Ульяна. - Давайте называть вещи своими именами.

Она окинула Макарьева иронично - оценивающим взглядом и продолжала:

- Но вы избрали не самое лучшее время для визита, товарищ лейтенант. Во-первых, я сейчас занята на испытательных работах. Во-вторых, кто же беседует на такие темы в коридоре? Нас вполне могут подслушивать!

Она заговорщицки подмигнула Антону и засмеялась. Смех у нее был тихий и приятный.

«Как будто зазвонил маленький колокольчик, - подумал Макарьев. – Маленький, ласковый и нежный колокольчик…»

- Поэтому у меня есть предложение перенести нашу с вами встречу и беседу во времени и

пространстве, - ее глаза блеснули веселыми искрами. – Я надеюсь, вы не будете возражать?

- Не буду, - покорно пролепетал Антон. Он все никак не мог перехватить инициативу в беседе.

- Прекрасно, - улыбка Ульяны была обворожительной и обезоруживающей. - Ну, а поскольку вы, видимо, знакомы с дедуктивным методом мышления имени Шерлока Холмса, я просто сообщу вам некоторую дополнительную информацию, из которой вы, конечно же, сделаете правильные выводы. Вы готовы?

- Э... Я... - единственное, что Антон смог сделать, так это натянуто улыбнуться в ответ:

- Я готов.

- Очень хорошо, - Ульяна удовлетворенно наклонила голову. - Итак... Я очень люблю мороженое. Лучшее мороженое в Ленинске продают в кафе «Снежинка». Чтобы переодеться и привести себя в порядок после работы мне понадобится пара часов. А теперь можете делать ваши выводы, товарищ лейтенант.

Она усмехнулась и шагнула к двери.

- Одну минутку, - остановил ее Антон и, не переставая поражаться обнаружившейся, наконец, собственной смелости, на одном дыхании произнес:

- Ульяна, позвольте мне пригласить вас в кафе «Снежинка». Просто отдохнуть... Потанцевать и поесть мороженого. Сегодня, часиков так в восемь, а?

Ульяна весело фыркнула и осведомилась шутливо-строгим тоном:

- Должна ли я, товарищ лейтенант, понимать ваши слова как приглашение на свидание, а не на деловую встречу?

- Абсолютно верно! - совсем уже осмелел Макарьев. - Именно так мое предложение и следует понимать.

Ульяна устремила на него полный искреннего удивления взгляд:

- А как же ваши поиски шпиона?

- Расследование вполне может подождать! - горячо выпалил Макарьев. - М-м... Ну, хотя бы некоторое время...

- Хорошо, - Ульяна перестала улыбаться и чуть наклонила голову, с любопытством разглядывая Макарьева. - Считайте, что ваше приглашение просто отдохнуть, поесть мороженого и потанцевать принимается.

Она секунду помедлила и чуть слышно, одними губами произнесла:

- Антон...

…Ульяна Соронина приехала на космодром Байконур летом позапрошлого года вместе с мужем - лейтенантом Виктором Ильенко.

Родом Ульяна была из Саратовской области. Здесь, на берегу Волги, в маленьком старинном городке Острожске прошли ее детство и юность. Мама Ульяны, Прасковья Дмитриевна, всю свою жизнь проработала школьной учительницей, преподавала старшеклассникам русский язык и литературу в одной из местных школ. Своего отца Ульяна почти не помнила. Максим Соронин был водителем - дальнобойщиком. Как-то в рейсе, на подледеневшей трассе, его напарник не справился с управлением и груженый консервами МАЗ на приличной скорости выскочил на обочину, несколько раз перевернулся и ткнулся крышей кабины в каменистую насыпь. Когда помощь добралась до покореженной машины, и напарник Максима, и сам Максим, дремавший в кабине рядом с водителем, были уже мертвы...

Школу Ульяна закончила с отличием. Она твердо решила пойти по маминым стопам и стать учительницей. Поэтому, прокорпев все лето над учебниками, с первого же захода поступила в педагогический институт в Москве.

Пять студенческих лет пронеслись весело и быстро. Незадолго до выпускных государственных экзаменов на институтской дискотеке Ульяну пригласил танцевать статный и высокий молодой человек. А потом они отправились гулять по ночным московским улицам. Молодой человек, назвавшийся Виктором, оказался

курсантом последнего курса высшего командного училища. Слово за слово, взгляд на взгляд - и голова Ульяны закружилась от нахлынувшего чувства. Будущий лейтенант Виктор Ильенко мало того, что оказался земляком с Поволжья, так еще и вобрал в себя все самые сокровенные девичьи мечты. По крайней мере, так тогда Ульяне казалось.

Сразу же после выпускных экзаменов бурный роман студенческой пары завершился гражданской процедурой под марш Мендельсона в одном из ЗАГСов Саратова. Жене военнослужащего надлежало сопровождать супруга к месту службы. А назначение новоиспеченный лейтенант Ильенко получил за тридевять земель - в воинскую часть 11284. Ехать предстояло от московского Казанского вокзала до затерявшейся где-то в глуши казахстанских степей маленькой станции со смешным названием Тюра-Там.

Выпускников высшего командного училища редко распределяли в тот район. Поэтому молодому офицеру так толком некто и не объяснил, где конкретно ему придется служить и чем именно заниматься на этом самом Тюра-Таме. Кто-то из старших преподавателей туманно - что поделаешь, секретность! - намекнул, что военную карьеру выпускнику командного училища придется начинать в ракетных войсках.

Виктор и Ульяна сразу после свадьбы сняли небольшую однокомнатную квартирку в Медведково, на самой окраине Москвы. Вечером, в день получения распределения для прохождения службы, лейтенант Ильенко вернулся домой в несколько подавленном настроении. Честно говоря, он очень рассчитывал, что попадет служить в престижную Западную группу войск в Германии или, в крайнем случае, куда-нибудь на морское побережье Прибалтики. Ульяна молча выслушала мужа и достала с книжной полки географический атлас. Две головы склонились над страницами книги в поисках загадочного Тюра-Тама. Потратив почти час на поиски и несколько раз едва ли не с лупой осмотрев с севера на

юг и с востока на запад всю карту Казахстана, ни молодой офицер, ни его жена-учительница населенного пункта с названием Тюра-Там не обнаружили.

- Слушай, Витька, а ты ничего не перепутал? - спросила Ульяна, задумчиво грызя карандаш, которым только что разграфила территорию Казахской ССР на отдельные зоны поиска. - Может название другое: не Тюра-Там, а, например, Тмутаракань или какой-нибудь Тюм-тарарам? Или, может быть, этот твой Тюра-Там находится где-нибудь в Узбекистане или на Крайнем Севере?

- Да вроде бы нет, - лейтенант Ильенко растерянно почесал затылок и пожал плечами. - Посуди сама, какой может быть Крайний Север, если ехать на этот самый Тюра-Там нам с тобой придется с Казанского вокзала?

Он достал из кармана кителя железнодорожные билеты:

- Вот смотри, все точно: Казанский вокзал, станция назначения - Тюра-Там...

- Может быть, это в целях секретности? - предположила Ульяна, нахмурив брови. - Придем мы с тобой садиться в поезд, а к нам подойдут и скажут: вам, молодые люди, на самом деле туда-то и туда-то. Берите вещи и шагом марш следом за нами. И не болтать!

- Ох, ну что ты такое городишь? - возмутился Виктор. - Какая может быть секретность, если я купил эти билеты в самой обычной кассе на Ленинском проспекте?

- Тогда остается предположить только одно, - глаза Ульяны погрустнели. - Этот Тюра-Там настолько мал, что на географических картах его не обозначают...

Воображение ее нарисовало деревянную будочку-станцию в бескрайней выжженной солнцем степи. На будочке висела покосившаяся от времени вывеска с выцветшими буквами «Тюра-Там», а рядом лениво пощипывала колючки пара стреноженных верблюдов. Чуть дальше, в степи, виднелась огороженная колючей проволокой приземистая крышка пусковой шахты баллистической ракеты, вокруг которой жались друг к

другу несколько грязно-белых одноэтажных домиков для обслуживающего персонала и членов их семей.

Ульяна печально вздохнула и тут же, ободряюще хлопнув по плечу приунывшего мужа, решительным тоном изрекла:

- Ничего, детей и там нужно учить. И вообще, Вить, давай поищем Тюра-Там в другом атласе?

- Давай, - обречено махнул рукой в ответ лейтенант Ильенко. В этот момент он был уже совершенно уверен, что его военная карьера – а, следовательно, и вся жизнь, - рухнули окончательно.

Другой атлас, намного более подробный, выпуска 1948 года, был через полчаса интенсивных расспросов соседей найден и взят с возвратом под самое твердое Ульянино честное слово в квартире престарелого профессора Минца, проживавшего в соседнем подъезде.

Конечно, карта Казахстана в профессорском атласе была куда более подробной, хотя и не содержала обозначений населенных пунктов, построенных в годы славной целинной эпопеи. Но Тюра-Там оказался все-таки старше, чем хрущевская кампания освоения девственно-залежных земель, и всего через полминуты не особенно напряженных поисков был найден рядом с черной линией железной дороги между станциями Новоказалинск и Джусалы.

- Вот видишь, - Ульяна торжествующе ткнула ногтем в кружочек на карте. - Кто ищет, тот всегда найдет.

- Нашли на свою голову, - зло процедил сквозь зубы Виктор. - Вот уж действительно Тмутаракань...

- Не расстраивайся, - Ульяна взъерошила ладонью волосы на голове мужа. - Не так уж и далеко от Москвы, если разобраться... Это где? Ага... Ну, вот, это Кзыл-Ординская область. Говорят, Кзыл-Орда большой город...

- Кто говорит? - с сомнением осведомился Ильенко.

- Ну, - Ульяна на секунду замялась, не находя ответа. - Разные люди говорят...

К месту службы они выехали через неделю. Вещей с собой было немного - весь скарб молодой семьи умещался в двух чемоданах и рюкзаке.

Двое с хвостиком суток поезд, ненадолго останавливаясь только на крупных железнодорожных станциях, грохотал по рельсам. Дождливое подмосковное лето за одну ночь сменилось мрачноватым редколесьем средней полосы, а к следующему утру за окном вагона от горизонта до горизонта уже раскинулась бескрайняя желто-серая казахстанская степь.

Духота в вагоне стояла неимоверная. От влажной жары не спасали ни открытые настежь окна, ни крепкий зеленый чай в пиалах, который трижды в день приносил в купе неразговорчивый проводник-казах. Одежда, простыни и подушки, казалось, насквозь пропитались потом пассажиров. Виктор переносил жару своеобразно - едва поезд отошел от Казанского вокзала, он завалился спать и практически все двое суток от Москвы до Тюра-Тама похрапывал на своей полке, просыпаясь только для того, чтобы перекусить и прогуляться до туалета. Ульяна же мучалась страшно. Голова раскалывалась от жуткой боли. Ни читать взятые в поездку книги, ни просто смотреть на пролетающие за запыленным стеклом окна пейзажи не было никаких сил. К концу вторых суток пути ей стало казаться, что еще несколько часов такой пытки - и она гарантировано сойдет с ума. К счастью, с небольшим опозданием, около двух часов ночи поезд прибыл на станцию Тюра-Там.

Виктор спрыгнул на перрон первым, подхватил с металлических ступеней вагона замешкавшуюся жену и один за другим стащил вниз из тамбура чемоданы и рюкзак.

Вопреки опасениям Ульяны, железнодорожная станция Тюра-Там оказалась отнюдь не затерянной деревянной будочкой среди голой степи. Рядом с полотном железной дороги тянулись одноэтажные каменные прямоугольники складов, и возвышалась

выложенная красным кирпичом башенка диспетчерской. Чуть в стороне располагалось небольшое и какое-то очень уж аккуратное здание местного вокзальчика. За маленьким сквером в сумраке угадывалась привокзальная площадь и бело-серые контуры жилых домов. Чуть правее железнодорожной станции над стайкой одноэтажных домиков гордо вырастала из темноты единственная на весь поселок панельная пятиэтажка.

- Приехали, - произнес Виктор, озираясь по сторонам. - Станция Тюра-Там.

- Теперь уже не Тюра-Там, а Тюра-Тут, - бодро сообщила Ульяна и заулыбалась. Свежий прохладный воздух мгновенно укротил головную боль, и к ней начало возвращаться хорошее настроение.

- Тут или там - будем разбираться утром, - озабоченно заметил Виктор. - Сейчас главное где-нибудь устроиться на ночлег.

Устроиться на ночь им удалось довольно просто. Виктор прошелся в сторону вокзала и разыскал на перроне дежурного железнодорожника. Оказалось, что от железнодорожной станции до штаба воинской части 11284, номер которой значился в командировочном предписании лейтенанта Ильенко, ходит рейсовый автобус. Старенький ЛИАЗ терпеливо дожидался пассажиров с московского поезда прямо на привокзальной площади.

Сначала они ехали по неширокой улочке, состоящей сплошь из похожих друг на друга как близнецы одноэтажных белых домиков. Потом автобус свернул вправо, и глазам Ульяны и Виктора открылась панорама огней ночного города. Мириады маленьких огоньков больше всего были похожи на огромное, растянувшееся вдоль темного ковра земли созвездие. Слева от дороги причудливым узором горели в ночи красные габаритные фонарики высокой даже по московским меркам телебашни. А прямо, за воротами контрольно-пропускного пункта начиналась широкая

улица-проспект. Обозначенные в ночи редкими квадратиками светящихся окон, пятиэтажные жилые дома выстроились ровной шеренгой вдоль дороги и тянулись, казалось, куда-то вдаль до самого горизонта.

- А кое-кто говорил мне, что здесь глухомань... - Ульяна бросила на мужа лукавый взгляд.

- Гм, - лейтенант Ильенко немного смутился. - Ну, некоторые признаки цивилизации, вроде бы, есть...

На конечной остановке автобуса - широкой площади с громадным памятником Ленину в самом центре – «признаки цивилизации» материализовались в шикарную четырехэтажную гостиницу. Сонная девушка-регистратор бегло пролистала документы молодой пары и выдала Ульяне и Виктору ключи от двухместного номера:

- Только карточки проживающих утром заполнить не забудьте...

Сил у обоих путешественников едва хватило на то, чтобы затащить свой багаж в номер на третьем этаже, кое-как умыться и, даже не перекусив с дороги, завалиться спать.

Утром Виктор отправился разыскивать штаб воинской части, а Ульяна быстренько уладила формальности с оформлением документов в гостинице и принялась распаковывать вещи.

Виктор вернулся только к вечеру. Штаб воинской части 11284 оказался в буквальном смысле едва ли не на расстоянии протянутой руки: на противоположной стороне центральной городской площади пряталось за деревьями трехэтажное светло-зеленое здание. Молодого лейтенанта помариновали в приемных, погоняли из кабинета в кабинет, отобрали старое предписание и немедленно выдали новое, из которого явствовало, что лейтенант Ильенко направляется для прохождения службы в воинскую часть 25741 на площадку номер два. Словоохотливый прапорщик, выписывавший Виктору новое предписание в штабной канцелярии, пояснил, что воинская часть 11284 – это «в

целом весь полигон». А за конкретными пусковыми площадками закреплены специальные воинские части со своими номерами.

- Ну, и что же пускают с этих самых пусковых площадок? - поинтересовался молодой лейтенант. Он до сих пор толком не представлял, в каком роду войск ему придется служить и чем заниматься.

- Ракеты... Со спутниками и космическими кораблями, - прапорщик за канцелярской конторкой оторвал взгляд от бумаг и удивленно вытаращил глаза на стоявшего перед ним офицера:

- Так вы что, товарищ лейтенант, еще не в курсе? Наш полигон - это же космодром. Космодром Байконур.

Так лейтенант Виктор Ильенко, а полчаса спустя и его супруга Ульяна, впервые узнали, куда судьбе было угодно их забросить.

Почти месяц Ульяна и Виктор прожили в гостинице. А потом командование части выделило молодой семье двухкомнатную служебную квартиру в новом девятиэтажном доме.

А еще через полгода лейтенант Ильенко принял решение круто изменить свою судьбу...

На Байконуре выпускник высшего командного училища Виктор Ильенко был сразу назначен на перспективную должность - заместителем командира роты охраны. Казалось, все складывалось блестяще для молодого лейтенанта: на службе - хорошая возможность карьерного роста, дома - красавица-жена.

Но лейтенанту Ильенко хотелось иного. Уже через полгода ему опротивела служба: все эти бесконечные учебные тревоги и инспекторские проверки, муштра на плацу и наряды по выходным и праздникам, борьба с дедовщиной и высосанные из пальца темы для очередной идеологической накачки личного состава. Слишком грязной, слишком приземленной оказалась военная служба. Она не была похожа на тот идеал, который рисовал в своем воображении курсант Виктор Ильенко. Эх, если бы ему во время учебы в училище

удалось жениться на дочке какого-нибудь генерала и зацепиться в Москве! Жил бы себе сейчас в ус не дуя! Служил бы где-нибудь при московском штабе, сидел бы в чистеньком прохладном кабинетике, а не изнывал от жары и глотал пыль в самом сердце казахстанской степи. Нет, конечно, можно с годами дослужиться и до прохладного кабинета в московском штабе. Но это же годы - годы! - службы, годы унижений со стороны начальников, многие из которых, по мнению Виктора, и в подметки ему не годились по своему интеллектуальному уровню. Нет, терпеливо ждать и шаг за шагом строить свою карьеру он не будет. Ему, Виктору Ильенко, нужен быстрый успех, резкий взлет к вершинам. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на карабканье по карьерным склонам.

А страна тем временем постепенно начала меняться. У власти укрепился Горбачев. Стало развиваться и расти кооперативное движение. Из писем родных Виктор Ильенко узнавал, какие бешеные деньги заколачивают его бывшие друзья и одноклассники, с головой ушедшие в торговлю всем, что только можно было продать. Молодому лейтенанту больше не хотелось служить. Теперь ему хотелось больших денег, быстрого успеха и много развлечений.

Ульяна в качестве жены за эти полгода, прошедшие после свадьбы, тоже как-то померкла. Приелась, что ли? Ну, красивая. Ну, характер не склочный. Готовит хорошо. Но... Что вот так всю жизнь теперь и виться вокруг одной и той же юбки, когда вокруг столько симпатичных и доступных женщин?

Обида Виктора на судьбу крепла с каждым днем. Постепенно свое раздражение он стал переносить на сослуживцев, а затем и на жену. Немного помогала расслабиться водка. По вечерам молодой лейтенант стал все чаще прикладываться к бутылке. Потом стал попивать и на службе. Конечно, ничем хорошим это закончиться не могло.

В прошлом году, в новогодние праздники, находившийся в наряде по части лейтенант Ильенко принял на грудь весьма солидную дозу, вытолкал сержанта водителя из кабины командирского «газика», и сев за руль, выехал на шоссе. «Газик» начертил на трассе достаточно сложную плоскую кривую и въехал в четвертый по счету от здания штаба части бетонный столб. Лейтенант Ильенко был крайне возмущен препятствием, возникшим на пути движения его машины. Поэтому он достал из кобуры табельное оружие - - пистолет Макарова - и прямо через ветровое стекло четырьмя выстрелами расстрелял ненавистный бетонный столб. Пули, к счастью, отрикошетили в землю, не причинив никому вреда.

История второй площадки космодрома знала случаи пьянства и солдат, и офицеров. Но никогда еще офицер в подпитии не угонял машину и не открывал стрельбы. Может быть, командование части и попыталось бы как-то замять неприятный инцидент. Но на беду одним из первых к упершейся в столб машине с уснувшим, уронив голову на руль, бравым лейтенантом подъехал заместитель командира дивизии по политической части полковник Орловский...

Скандал получился грандиозный. Шел конец 1987 года. Развернувшаяся два с половиной года назад всесоюзная борьба с «зеленым змием» начала выдыхаться, но была еще весьма далека от своего бесславного конца. Стараниями старших товарищей от приговора военного трибунала лейтенанта Ильенко все же удалось спасти, но увольнение из армии было уже неминуемым.

...В тот вечер Ульяна немного задержалась в гостях у подружки, которая жила в доме по соседству. Пили чай с вареньем, болтали о жизни и общих знакомых. Виктор был на службе, и вернуться должен быть не раньше восьми вечера. Честно говоря, в последнее время Ульяне не хотелось оставаться наедине с мужем. После новогоднего происшествия Ильенко пил уже не

скрываясь, и часто возвращался с площадки в подпитии. Свое раздражение всем и всеми он нередко выплескивал на подвернувшуюся под руку супругу. Нет, до открытых ссор дело не доходило. Но что хорошего в постоянных укорах о загубленной жизни, в мелких постоянных придирках и в недовольном ворчании? Ульяна старалась изо всех сил угодить мужу, надеясь, что их семейная жизнь еще как-то образуется, но Виктор с каждым днем становился все более и более груб, своеволен и неуправляем.

Ульяна поднялась на третий этаж, достала из кармана шубы ключи и открыла дверь. Из квартиры пахнуло табачным дымом и винным перегаром.

«Значит, Виктор уже успел вернуться со службы, - отметила про себя Ульяна. - Что-то рановато он сегодня»...

Из гостиной доносилось негромкое мурлыканье магнитофона и какое-то невнятное, приглушенное бормотание. Ульяна тихонько прикрыла входную дверь, сняла сапоги, и, не снимая шубы, заглянула в комнату. То, что она увидела, заставило замереть ее прямо на пороге.

На журнальном столике в беспорядке были выставлены пустые и полупустые бутылки из-под водки и пива, пара граненых стаканов, неопрятными горками лежали на тарелках грубо нарезанные хлеб, сыр и колбаса, стояли две или три открытые жестяные банки с рыбными консервами. Столик был почти вплотную придвинут к дивану. А на самом диване...

Несколько показавшихся ей бесконечно долгими секунд Ульяна не могла взять в толк, что же она видит. Просто отказывалась верить своим глазам.

Из-под наполовину сползшего на пол ватного одеяла был виден бритый затылок и голая спина Виктора. Приподнявшись на локте, лейтенант Ильенко, пьяно похрюкивая от возбуждения, самозабвенно целовал шею и большую бесформенную грудь лежавшей под ним женщины. Женщине на вид было уже далеко за

сорок. Ее белокурые крашеные волосы неряшливо разметались по мокрой от пота и сбившейся подушке. Сквозь густой слой пудры на щеках розовыми беспорядочными пятнами прорезался румянец.

- Ох, Вите-ек! - хриплым голосом сладострастно застонала женщина. Ее глаза на секунду открылись, бессмысленным взглядом скользнули по комнате и остановились на застывшей в дверях Ульяне. В течение почти неуловимого мгновения выражение сладострастья на лице женщины сменилось сначала безмерным удивлением, а потом откровенным испугом. Она сдавленно взвизгнула, оттолкнула от себя Виктора и резко потянула одеяло к себе.

Ильенко не удержался на краю дивана и рухнул на пол, едва не опрокинув ногой столик с водкой и закусками. Лейтенант был совершенно гол.

- Ну, Оль, чего ты брыкаешься? - Виктор пьяно заворочался на полу, пытаясь подняться на ноги. Он с трудом встал на четвереньки, вскинул голову и встретился взглядом с Ульяной. Горло лейтенанта исторгло похожий на икоту звук.

- А, Уля, - Ильенко все-таки удалось принять вертикальное положение. - Ты как всегда вовремя...

- По какому случаю праздник? - холодно поинтересовалась Ульяна. Ей показалось, что она не узнала собственного голоса.

- А повод есть... Есть! - Виктор потянулся к небрежно брошенному на кресло кителю, вытащил из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист бумаги и помахал им перед лицом Ульяны. - Они меня уволили, понимаешь? Все! Теперь - свобода!

- Так, а это кто? - Ульяна кивнула в сторону окаменевшей на диване женщины. - Символ свободы или боевая подруга?

- Это Оля, - Виктор пьяно замотал головой. - Технический спес... Специалист из Москвы.

- Вижу, что специалист, - Ульяна повернулась и через плечо бросила:

- Я буду на кухне. Чтобы через пять минут вашего духу здесь не было, ясно?

Она прошла по коридору и закрыла за собой дверь на кухню. Сбросила шубу на табурет, долила в чайник воды и, чиркнув спичкой, поставила его на газ. Присела на краешек стола и замерла, устремив невидящий взгляд в молочно-белую снежную пелену за окном.

Из комнаты доносились сдавленный шепот и короткое переругивание. Возмущенно звякнули бутылки на задетом кем-то журнальном столике. Потом гулко хлопнула входная дверь. Еще через минуту дверь на кухню приоткрылась и в проеме появилась помятая физиономия Виктора Ильенко.

- Уль, ты не обижайся, - нетвердо ступая по полу босыми ногами, лейтенант шагнул в кухню. Он уже успел натянуть трусы и накинуть китель прямо на голое тело. - Ну, расслабился чуток... Ну, с кем не бывает...

Он обхватил Ульяну за плечи и с силой потянул к себе. Ульяна выставила вперед локти и уперлась ему в грудь.

- Что же ты даму свою не пошел провожать? - она едва не задохнулась от нахлынувшего на нее отвращения к стоявшему рядом мужу. - Попользовался и бросил?

- Ой, ну какая она дама? - Виктор дыхнул густым перегаром. На лице его появилась брезгливая гримаса. - Обыкновенная командировочная шлюха. Таких тут знаешь сколько? Тысяча на две копейки!

- Она, может быть, и шлюха, - Ульяна резко оттолкнула от себя Ильенко, - а ты, Витюша, - просто дрянь! Пошел вон!

Виктор икнул и испуганно отшатнулся от нее. Какое-то время он мутными пьяными глазами смотрел на жену.

- А ты сама стерва, - наконец выдавил он из себя и хрипло рыкнул, смелея:

- Ты думаешь, ты мне нужна?

Ильенко криво ухмыльнулся, свернул пальцы в кукиш и поднес к лицу Ульяны:

- Вот, видела? Я теперь свободный человек, поняла?

Он пьяно качнулся, уперся спиной о косяк двери, и, брызгая слюной, зло зашипел:

- На кой ты мне теперь нужна, женушка дорогая! Ту-ту завтра Витя Ильенко с вашего раздолбанного Байконура! Ясно? Прямо в Москву! Ту-ту!

Он нетвердо шагнул вперед и грохнул кулаком по кухонному столу:

- Я теперь по-новому жить начну! По настоящему жить, слышишь? И ты в моей жизни - пройденный этап, дорогая моя Улечка!

Ильенко гулко загоготал, выпятив нижнюю челюсть.

- Пусть так и будет, - покорно согласилась Ульяна бесцветным голосом и поспешно опустила взгляд, чтобы стоявший почти вплотную муж не заметил предательски навернувшихся на ее глаза слез:

- Значит, и ты тоже - пройденный этап.

- О, согласие это хорошо! - Виктор поднял указательный палец вверх. - Слушай, Уль, пойдем, выпьем, а? Отметим увольнение! И напоследок с тобой парочку раз...

Ульяна отстранилась и бессильно опустилась на табурет. Разом навалились апатия и усталость.

Ильенко громко рыгнул, сполз на пол, прислонившись спиной к стене, и сидя на корточках, фальцетом запел:

- А ночка темная была...

Его язык стал заплетаться, речь сделалась бессвязной. Пьяно клюнув носом, Ильенко вдруг мягко завалился набок, подтянул под себя ноги и захрапел.

Так завершилась семейная жизнь Ульяны Сорониной. На следующий день уволенный из армии лейтенант Ильенко собрал свои вещи и даже не простившись с супругой, поспешно отбыл в Москву на первом же проходящем через Тюра-Там поезде.

Ульяна осталась в квартире одна. Почти неделю она просидела в четырех стенах, тупо и бессмысленно глядя в пространство перед собой. Потом в двери позвонили, и на пороге квартиры появился безукоризненно вежливый прапорщик из жилищно-эксплуатационного отделения полигона, который сообщил, что в связи с увольнением лейтенанта Ильенко служебную жилплощадь Ульяне следует освободить в десятидневный срок.

Денег на обратную дорогу домой у Ульяны не было. Да и куда, спрашивается, ей возвращаться? В Острожск, к маме? Приехать и поплакаться в жилетку? Ах, я такая несчастная и разнесчастная, меня муж бросил!

«Нет, - твердо сказала себе Ульяна. - Это не выход».

Она долго сидела, уперев невидящий взгляд в стену комнаты, и думала. Приняла решение, прошла в спальную и легла в кровать. Закрыла глаза, расслабилась и почти сразу же уснула.

Утром Ульяна Соронина проснулась другим человеком.

В женском зале парикмахерской Дома офицеров длинные русые Улькины волосы были беспощадно острижены до плеч и выкрашены в цвет вороньего крыла. Темно-каштановые ресницы и брови тоже приобрели более темный оттенок, еще больше подчеркнув глубину и голубизну Ульяниных глаз.

Незадолго до полудня в здание военкомата города Ленинска вошла хрупкая черноволосая девушка в подобранном под цвет волос строгом деловом костюмчике и с маленькой сумкой через плечо. Через несколько минут она, легонько постучав длинными тонкими пальчиками по поверхности двери, переступила порог кабинета первого заместителя коменданта полигона майора Половинкина.

Майору Половинкину было давно за пятьдесят. Оттрубив два десятка лет на одной из стартовых площадок космодрома и честно заработав пару медалей

и язву желудка, майор Половинкин по состоянию здоровья был списан в запас. Но уезжать на «большую землю» он не захотел и после нескольких месяцев ожесточенной борьбы с местной военной бюрократией, зацепился за неплохой пост в городской комендатуре.

- Здравствуйте, - девушка вошла в кабинет и остановилась напротив письменного стола замвоенкома. - Я хотела бы поступить на военную службу.

- Набор женщин на все должности в этом году закончен, - не поднимая глаз от бумаг, холодно буркнул в ответ Половинкин. Он готовил срочный отчет для военкома и не собирался терять ни минуты своего драгоценного времени на какую-то пигалицу, которой взбрело в голову поесть солдатской каши.

- Мне очень нужно, - твердо сказала девушка.

- Я же сказал вам русским языком: набор уже закончен, - едва сдерживая раздражение, произнес майор, по-прежнему устремив взгляд в таблицы отчета. - Вакансий нет.

- Но мне очень нужно, - спокойно, но настойчиво повторила девушка.

Половинкин резким движением руки отодвинул свои бумаги в сторону и, наконец, поднял голову, собираясь самым решительным образом поставить наглую девицу на подобающее ей место.

Но все колкие и обидные слова, которые он приготовил, вдруг застряли в горле. У незнакомки были ясные голубые глаза, безукоризненный овал лица, обрамленный аккуратной копной коротко стриженных темных волос, розовые чуть припухшие губы…

- Я хочу поступить на военную службу, - повторила девушка и мило улыбнулась.

- Пожалуй, одна вакансия у нас все-таки найдется, - пролепетал майор и принялся лихорадочно рыться в рабочих бумагах. – Вот… Вас устроит работа телефонисткой на второй площадке? Но жить придется в общежитии...

- Мне это вполне подходит, - девушка легонько кивнула черноволосой головкой.

Почти перестав дышать, майор открыл ящик письменного стола и на ощупь стал искать среди папок бланки направления на учебу.

Через десять минут Ульяна Соронина вышла из здания военкомата слушательницей ускоренных курсов подготовки операторов-телефонистов. А еще через две недели в телефонный узел на второй площадке космодрома впорхнуло стройное голубоглазое существо в хорошо подогнанной военной форме и с нашивками ефрейтора на погонах.

На телефонном узле второй площадки служили несколько вольнонаемных женщин. В первое же свое дежурство Ульяне выпало работать вместе с Зиной Кислицкой.

- Гм, - перед началом дежурства начальник узла связи капитан Беклемишев придирчиво осмотрел девушек, - вы, девчонки, прямо как близнецы: и фигуры похожи, и глаза у обоих голубые. Вот только волосы у тебя, Зинаида, немного светлее...

- А вы бы, товарищ капитан, поменьше заглядывались на фигуры подчиненных, - кокетливо отрезала острая на язык Зинаида. - А то, не ровен час, ваша жена узнает...

- Ну, это я просто так, - капитан смущенно кашлянул в кулак. - В виде отстраненной экспертной оценки, так сказать...

- Знаем мы вашу отстраненную оценку, - с иронией хмыкнула Зинаида и лукаво подмигнула Ульяне.

Выяснилось, что Зина Кислицкая живет в том же женском общежитии в Ленинске, что и Ульяна. Со временем девушки сблизились и подружились. Разменяться им оказалось совсем не сложно и вскоре подруги не только заступали вместе на дежурство, но и жили в одной комнате. А однажды утром капитан Беклемишев вошел в помещение узла связи и удивленно замер: за рабочим пультом сидели две абсолютно

одинаковые Ульяны Соронины. Обе черноволосые и голубоглазые, обе в одинаковых зеленых рабочих костюмчиках.

- Проходите, товарищ капитан, проходите, - сказала одна из Ульян голосом Зинаиды. - Нечего в дверях стоять. Сквозняк.

- Ага, - догадался, наконец, капитан, - наша Зина сменила камуфляж.

- Вообще-то сейчас это принято называть «имидж», - с милой улыбкой на губах поправила начальника настоящая Ульяна Соронина.

- Ну, и как же, скажите на милость, я теперь буду вас различать? - Беклемишев озадаченно почесал затылок.

- По голосам, товарищ капитан, - шаловливо рассмеялась в ответ Ульяна. - Исключительно по голосам!

15.
1 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.
Монтажно-испытательный корпус 1А.

Агент заметил Макарьева, когда тот вышел на асфальтовую дорожку, соединявшую здание командного пункта и территорию монтажно-испытательного корпуса.

Агент сидел в деревянной беседке напротив старой компрессорной и курил. После позавчерашнего успешного старта советско-афганского экипажа запасной корабль «Союз» стали готовить к консервации. Полным ходом испытательные работы шли только на грузовом корабле «Прогресс». Сегодня в этих испытаниях ни отделение систем жизнеобеспечения, ни управленцы, ни гражданские специалисты задействованы не были. Поэтому Агент мог позволить себе отвлечься от дел и немного расслабиться в беседке, покурить на свежем воздухе.

С некоторых пор он стал замечать, что общество людей тяготит его. Если раньше, всего год назад, еще до того, как он стал работать на зарубежный разведывательный центр, ему нравилось посидеть в теплой компании, перекинуться в картишки с коллегами по работе, обсудить последние новости или очередные сплетни, то в последние несколько месяцев дружеские посиделки и застолья стали вызывать растущее день ото дня отвращение. Агент часто ловил себя на мысли, что, общаясь с коллегами по работе даже в самой неформальной обстановке, перестал воспринимать это общение как отдых. Раньше он был одним из них. Мог весело проводить время в любой компании. Мог до икоты хохотать над сальным анекдотом, рассказанным кем-то из друзей-испытателей. Или напиться вдрызг, до потери памяти, так, чтобы на следующее утро с трудом вспоминать, с кем и по какому поводу пил.

Теперь же он стал чужим. Чужаком, который в любом самом простом и обыденном разговоре пытается нащупать полезную для своих зарубежных хозяев информацию, способную принести ему все новые и новые деньги. Чужаком, который боится любой двусмысленной ситуации и испуганно шарахается от любой полутени. Чужаком, над которым дамокловым мечом постоянно висит смертельная угроза разоблачения. Невидимая и непреодолимая стена навсегда отделила его от бывших друзей, сослуживцев и знакомых.

Часто ночью он просыпался и потом долго не мог заставить себя уснуть. Страх разоблачения, страх за свою жизнь гнал сон прочь, холодными клещами стискивал горло. Только ближе к утру, измучившись и обессилев от напряжения, Агент проваливался в тревожную короткую дрему, в которой почти не было сновидений, но все так же незримо присутствовал леденящий душу ужас и скользили на грани сознания темные страшные тени.

С одной стороны ему нравился риск, нравилось играть и выигрывать в незримой схватке с советской контрразведкой. Он почти постоянно чувствовал свою избранность, свое психологическое превосходство над окружающими его людьми, над теми, кого он с презрением именовал про себя быдлом.

А с другой стороны он боялся. Боялся всегда, каждый день и час, каждую секунду. Страх жил в нем постоянно, то засыпая на некоторое время, то внезапно пробуждаясь и заставляя гулко стучать сердце.

Вот и сейчас Агент хотел окликнуть Макарьева, но где-то в глубине души вновь шевельнулся липкий противный ужас и медленно пополз вверх, сковывая тело ледяной стужей. Может быть, это было пресловутое шестое чувство, а может просто интуиция, но он вдруг почувствовал опасность. Страшную опасность. Смертельную опасность. И исходила эта опасность от лейтенанта Антона Макарьева, который только что прошествовал мимо по асфальтовой дорожке и скрылся за поворотом к зданию старого испытательного корпуса, так и не заметив сидевшего в беседке Агента.

Агент раздраженно отшвырнул недокуренную сигарету и шепотом выругался.

«Я скоро так совсем изведусь, - он сглотнул образовавшийся в горле ком. – Стоит ли так нервничать? Все же идет по плану. Осталось сделать всего-то пару шагов. А потом будет избавление навсегда от этого кошмара. Будут свобода и деньги. Деньги и свобода».

«Нужно успокоиться, - он сделал глубокий вдох и попытался взять себя в руки. - Что, собственно, произошло? Да ведь ничего!»

Его взгляд скользнул обратно к зданию командного пункта.

«Ну, шлялся по чьим-то кабинетам наш лейтенантик, - он заставил себя усмехнуться. - Мало ли что ему там было нужно»...

Агент закрыл глаза и несколько секунд сидел, зажмурившись и запрокинув голову. Это несложное

упражнение иногда помогало ему привести свои мысли в порядок.

Когда он открыл глаза, то увидел на асфальтовой дорожке молодого человека среднего роста и абсолютно неприметной наружности. Молодой человек внимательно и как-то по-особому цепко смотрел вдоль стены испытательного корпуса, в ту сторону, куда только что направился Антон Макарьев. А потом молодой человек приподнял правую руку и сжал ладонь в кулак. И тотчас двери старой компрессорной, расположенной напротив беседки, в которой сидел Агент, распахнулись, и на пороге появился еще один молодой человек.

Если бы Агента спросили, чем второй незнакомец отличается от первого, он вряд ли сумел бы ответить. Нет, одеты они были по-разному, но сосредоточенное выражение лиц, цепкий и напряженный взгляд делали их очень похожими друг на друга. Похожими, как близнецы.

Второй молодой человек коротко взглянул на первого, едва заметно качнул головой и двинулся в ту же сторону, что и Макарьев. Первый проводил вышедшего из компрессорной молодого человека взглядом, повернулся и зашагал по дорожке обратно к зданию командного пункта.

«Пост сдал, пост принял, - мысленно констатировал Агент. - А ведь это «хвост»... Настоящий «хвостик», который кто-то пустил за нашим лейтенантом. Гм, а почему «кто-то»? Называй вещи своими именами. Слежку за Макарьевым могла устроить только контрразведка».

Агент вытащил из нагрудного кармана рубашки пачку сигарет и зажигалку, поднес колеблющийся язычок пламени к сигарете и жадно затянулся.

«Значит, они водят нашего Антошу... А зачем его водить-то? Чем вообще может быть интересен контрразведке наш лейтенантик? Герой ночных сражений... И не более того. А если его все-таки водят - значит, контрразведка не поверила в самоубийство раскаявшегося в своих грехах майора Бехтерева. Значит,

где-то в моих построениях есть прокол. Что-то я упустил из виду».

«Ну-ка, попробуем поставить себя на их место... Первое, что должна сделать контрразведка в нашем случае, - заподозрить самого Макарьева. Слишком уж точно караул вышел на диверсантов. И первое, что приходит в голову - караул навели. Если не Бехтерев, так сам Макарьев. Вот это уже теплее... Отсюда и слежка за лейтенантом. Хорошо, предположим, что где-то неделю они потратят на отработку этой версии. Проверят его биографию, проследят контакты и связи. Потом, конечно, окажется, что Макарьев абсолютно чист. Ну, и что дальше?»

«А дальше, - ответил он сам себе, - дальше они начнут искать того, кто действительно устранил Бехтерева. Кто действительно причастен к неизбежной уже аварии на летящем сейчас вокруг Земли космическом корабле. То есть они начнут искать меня».

«Что-что, а искать они умеют, этого у них не отнимешь. Особенно, когда точно знают, кого искать и где... Значит, у меня есть всего лишь неделя. Есть только семь дней, чтобы что-то изменить и снова пустить их по ложному следу. А потом тихо и незаметно исчезнуть»...

Есть только семь дней.

16.
1 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.
Монтажно-испытательный корпус 1А.

- Разрешите войти, товарищ полковник? - капитан Чекмаев приоткрыл дверь и робко заглянул в кабинет.

- Костя, - Контрразведчик снял с кончика носа очки и отложил в сторону свежий номер газеты «Известия», - ты, как я понимаю, хочешь полностью рассекретить меня и провалить всю нашу операцию? Мы как договаривались? Никаких званий, обращаться только по

имени-отчеству. Скоро весь полигон будет знать, что на второй площадке в монтажно-испытательном корпусе в кабинете на третьем этаже сидит полковник контрразведки из Москвы…

- Извините, Вадим Алексеевич, - капитан густо покраснел. - Забылся...

- Забылся, потому что расслабился, - недовольно проворчал Контрразведчик. - Проходи, присаживайся. Какие новости?

- Наши ребята продолжают наблюдать за Макарьевым. Пока ничего интересного, - Чекмаев присел на краешек стула, стоявшего около письменного стола. Быстрым взглядом окинул комнату. Высокие шкафы с книгами и технической документацией вдоль стен, плотные шторы на окнах, старенький диванчик в углу – все просто, без шика, по-спартански, но добротно и основательно. «Это как раз тот случай, когда кабинет точно отражает характер работающего в нем человека», - подумал капитан. Он кашлянул и сообщил:

- Вадим Алексеевич, пришел ответ из Москвы…

Чекмаев положил перед Контрразведчиком тонкую коричневую папку – скоросшиватель:

- По вашему заданию я запрашивал подробную информацию о лейтенанте Макарьеве. Полчаса назад ее доставили.

- Интересно, интересно, - Вадим Алексеевич быстро пролистал папку и отложил на край стола. - Ладно, подробно я вечером почитаю, а ты сейчас мне вкратце изложи основные моменты...

Он окинул собеседника цепким оценивающим взглядом.

В подразделении контрразведки капитан Константин Чекмаев считался человеком сообразительным, исполнительным, но несколько высокомерным и гордым. Но Контрразведчик за несколько месяцев их совместной работы уже успел разобраться в характере коллеги: порой прорывавшаяся в общении с товарищами излишнее высокомерие

Чекмаева было напускным и являлось лишь следствием его природной застенчивости. То, что некоторые считали высокомерием Константина, на самом деле было психологической защитой, начинавшей проявляться лишь тогда, когда Чекмаев оказывался в неловких ситуациях. Константин действительно старался держать себя на расстоянии от людей, которые незаслуженно пытались ставить себя по опыту и заслугам выше его. Вот это умение держаться на расстоянии от различного рода хвастунов и лезших с ненужными советами «опытных наставников» и воспринималось многими, как гордость и высокомерие.

- В студенческие годы, – начал Чекмаев, - Макарьев возглавлял специальный оперативный отряд дружинников...

- Что, борьба с пьянством и вахтенный режим в общежитиях? – Контрразведчик быстро взглянул исподлобья на капитана.

- Никак нет, спецотряд занимался профилактикой наркомании и оперативным реагированием на случаи мелкого воровства.

- Вот даже как? - брови Контрразведчика удивленно взлетели вверх. - Получается, Костя, что у нашего лейтенанта есть некоторые навыки следственной работы?

- С помощью Макарьева местным отделением милиции было раскрыто несколько преступлений. И некоторые – очень серьезные. Городское управление милиции Москвы даже наградило Макарьева именными часами.

- Ого! – полковник в изумлении присвистнул. - Еще интереснее... Твое мнение, Костя, как поведет себя лейтенант Макарьев в сложившейся ситуации? Он ведь оказался в самом центре истории с диверсантами. Плюс еще самоубийство Бехтерева, который тоже может быть связан с попыткой диверсии…

- Макарьев парень не глупый, - капитан задумчиво потер указательным пальцем переносицу. - Я думаю,

Вадим Алексеевич, что он попытается сам во всем разобраться. Может быть, даже начнет свое собственное расследование. И рано или поздно со своими соображениями и выводами непременно выйдет на кого-нибудь из сотрудников нашей службы.

- Браво, Константин! – похвалил полковник. – Я, знаешь ли, пришел к такому же выводу. Как ты полагаешь, на кого из нашей службы попытается выйти лейтенант Макарьев?

- Гм… Думаю, он может обратиться в особый отдел дивизии, - Чекмаев принялся загибать пальцы. - К подполковнику Жукову или кому-то из его замов. Может еще попытаться связаться с нашей следственной группой в Ленинске.

- Со следаками я уже договорился, - сообщил Контрразведчик. - Они выслушают нашего лейтенанта и порекомендуют ему переключиться на другие интересы. Каждый, мол, должен заниматься своим делом, товарищ лейтенант… Что касается особого отдела дивизии и службы Жукова... Вот что, Константин, загляни-ка сегодня к ним и от моего имени попроси вот о чем. Если Макарьев к ним обратится, его нужно внимательно выслушать, принять информацию к сведению и в очень корректной форме отшить. Добро?

- Ясно, Вадим Алексеевич.

- И вот еще что… Макарьев очень дружен со старшим лейтенантом Михаилом Зелениным. Друзья – не разлей вода… Поэтому через командование полка нужно срочно убрать Зеленина от Макарьева. Пусть с завтрашнего дня его командируют куда-нибудь подальше… Например, на завод в Подмосковье, получать новое оборудование. Недельки так на две…

Перехватив непонимающий взгляд Чекмаева, Контрразведчик пояснил:

- Пусть Макарьев останется наедине со своими размышлениями, выводами и подозрениями, поварится в собственном соку, позанимается собственным расследованием. Он дилетант, и рано или поздно сделает

что-то такое, что неминуемо привлечет к нему внимание того человека, которого мы с тобой, Костя, пытаемся найти. Нам сейчас главное вынудить агента начать действовать. Только так он может обнаружить себя.

- Вы уверены, что Макарьев способен выступить в качестве приманки для Агента? – усомнился капитан.

- Вряд ли стоит считать его только приманкой, - возразил Контрразведчик. - Макарьев – это полноценный игрок в нашей операции. Для агента он должен стать постоянным раздражающим фактором. Дамокловым мечом, висящим над головой.

- А если агент пойдет на активные действия?

- Другими словами, ты хочешь сказать, что мой план может оказаться опасным для жизни нашего лейтенанта?

- Вадим Алексеевич, я не уверен, что у Макарьева хватит сил и опыта противостоять действующему здесь агенту. И это может оказаться действительно опасно...

- А мы с тобой на что, Костя? - Контрразведчик лукаво прищурил веки. - Твои парни не должны глаз спускать с Макарьева. Бдить денно и нощно. И одновременно очень внимательно следить за всем, что происходит вокруг нашего лейтенанта. Для нас может иметь значение малейшая мелочь.

- Постараемся ничего не упустить, Вадим Алексеевич.

- Да, уж постарайтесь... Так, а что нового у нас по смерти майора Бехтерева?

- Я утром звонил в Москву. Эксперты пока затрудняются точно установить, каким ядом он отравился... Или был отравлен.

- Ты-то сам как считаешь? Он сам на себя руки наложил или это убийство?

- Я подробно изучил личное дело Бехтерева. Разговаривал с его сослуживцами... - капитан полистал свой блокнот. - Глуховцевым, Черновым, Лопатиным... Составил психологический портрет майора Бехтерева...

- Да Бог с ним, с психологическим портретом, - нетерпеливо прервал Чекмаева Контрразведчик. - Ты сам как считаешь: это самоубийство или убийство?

- Я считаю... - капитан немного смутился. - Я считаю, что мы имеем дело с убийством, Вадим Алексеевич.

- Угу, - Контрразведчик нахмурил брови, и какое-то время молча разглядывал сидевшего напротив офицера. - Я, Костя, знаешь ли, не люблю делать поспешных выводов, но в этом случае с тобой полностью согласен... Правда, досье на Бехтерева я не изучал, но за то время, которое я нахожусь здесь, мы с майором несколько раз беседовали. И даже выпивали в одной компании... Можешь поверить моей интуиции, Бехтерев так же похож на самоубийцу, как наш общий знакомый генерал Шумилов на последнего китайского императора.

- В психологическом портрете Бехтерева тоже полностью отсутствует склонность к суициду, - оживился Чекмаев. Ему все-таки очень хотелось похвастаться перед Вадимом Алексеевичем плодами проделанной работы. - Хотя, конечно, чужая душа - потемки...

- Разумеется, мы с тобой можем и ошибаться, - продолжал размышлять вслух Контрразведчик. - Один процент из ста я, конечно, оставляю для версии самоубийства. Но с позиции остальных девяносто девяти процентов, выводы напрашиваются весьма любопытные...

- С какой стороны не подходи, а Бехтерев все-таки так или иначе был связан с группой душманов, - пожал плечами Чекмаев. - Своим звонком Макарьеву он очень точно наводил караул на цель.

- А случайное совпадение ты исключаешь полностью?

- Теоретически, конечно, все возможно. Но практически...

- Н-да, - Контрразведчик задумался. - Ну, а тогда, Константин, вот что получается... Ну-ка, давай вместе пораскинем мозгами.

Он пододвинул к себе чистый лист бумаги, достал из нагрудного кармана рубашки цанговый карандаш и стал рисовать на листе прямоугольники и круги, время от времени соединяя их стрелками:

- Будем считать, что Бехтерев - активный участник событий. Сразу возникает вопрос о мотивах его действий. Поставь себя на место Бехтерева. Предположим, ты - резидент чужой разведки. Или пусть даже простой агент, просто исполнитель...

- Не простой агент, - возразил Чекмаев, - а получивший приказ на крупнейшую диверсию. Заметьте, Вадим Алексеевич, в мирное время. Но даже при таком раскладе Бехтерев никак не тянет на роль вражеского агента. Глупость получается: он звонит Макарьеву, наводит караул точно на диверсионную группу - и сразу кончает жизнь самоубийством. Чепуха!

- Да, что-то явно не вяжется, - Контрразведчик озабоченно вздохнул. - Логичнее предположить, что Бехтерев - все-таки не был агентом. Но о планах настоящего агента он, видимо, знал. Знал и о маршруте движения группы. Он звонит Макарьеву и наводит его на афганцев… А дальше действительно начинается что-то несуразное: став активным участником событий, он тут же раскаивается и принимает яд.

- Снова неувязка, Вадим Алексеевич. Если Бехтерев - раскаявшийся пособник агента, почему он в своей предсмертной записке не назвал имя врага?

- Может быть, он не знал этого имени? С ним могли общаться только через «почтовый ящик»...

- Если это так, то тогда вообще непонятна роль Бехтерева в этой истории. Имени агента он не знает, а маршрут движения диверсионной группы ему хорошо известен.

- Нестыковочка получается... - согласился Контрразведчик. - Да, Константин, скорее всего мы с тобой пока что-то не понимаем, чего-то не улавливаем в происходящих событиях...

17.
1 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, Ленинск.
Кафе «Снежинка».

Ровно без пятнадцати восемь Макарьев сидел за столиком в кафе «Снежинка». Посетителей оказалось совсем немного, и Антон выбрал столик у самых окон.

Окна «Снежинки» выходили на площадь имени академика Королева. Даже сквозь шторы из желтоватого тюля, Антону хорошо был виден памятник Сергею Павловичу Королеву, небольшой сквер и здание технической библиотеки. В золотисто-оранжевых лучах заходящего солнца обычные пятиэтажные дома вокруг площади превратились в подобие высоких крепостных стен, окружающих светлый сказочный городок, сложенный из розового мрамора и желтого кирпича и усыпанный блестками изумрудной крошки. Длинные, ломкие, причудливые тени, которые отбрасывали люди, деревья и дома, казалось, жили своей собственной жизнью, суетливо перемещались, кружились в хороводах, совмещались в единое целое и снова расходились.

«Сказочное королевство, - усмехнулся Антон, жмуря глаза в теплых лучах вечернего солнца. – Королевство, в котором живет прекрасная принцесса по имени Ульяна».

Личная жизнь у Антона Макарьева как-то пока не складывалась. Во время учебы в институте он был влюблен в свою однокурсницу, но судьбе было угодно, чтобы их любовный союз не состоялся. Здесь, на космодроме, у Антона было несколько ни к чему не обязывающих романчиков, каждый из которых так и не перерос в длительные и серьезные отношения. Нынешним летом во время отпуска, проведенного в родном городе, Макарьев познакомился на дискотеке с симпатичной молоденькой женщиной, но, как оказалось,

и его, и ее интересовала только физиологическая составляющая возникших симпатий. Их любовная связь разорвалась раз и навсегда в день отъезда Антона на службу. Девушка однозначно дала понять, что ни в ближайшем, ни в отдаленном будущем не собирается менять веселую и свободную жизнь в крупном городе, на брачные узы и тихое семейное существование «где-то у черта на куличках».

Ульяна Соронина не заставила себя долго ждать. Она переступила порог кафе едва лишь маленькая стрелка на циферблате настенных часов, висевших над стойкой бара, коснулась цифры «восемь». Светло-голубой сарафан, снежно-белые босоножки и такого же цвета маленькая сумочка через плечо выгодно подчеркивали не только достоинства ее стройной фигуры, но и придавали еще большую черноту ее волосам и бровям, контрастней выделяя и тонкий овал лица, и бездонную синь глаз.

Макарьеву показалось, что все в кафе вдруг озарилось мягким лучистым светом. Антон стремительно поднялся из-за столика и шагнул навстречу девушке.

- Добрый вечер, Антон! - Ульяна мило улыбнулась. Ее искрящиеся озорным весельем глаза смотрели в лицо Макарьева. - Вы не будете против, если я буду обращаться к вам по имени? Знаете, все-таки не слишком удобно называть пригласившего меня в кафе молодого человека уставным обращением «товарищ лейтенант».

Макарьев нахмурил брови, насупился, делая вид, что он серьезно раздумывает над предложением девушки, и, наконец, изрек:

- Пожалуй, я соглашусь на ваше предложение, Уля. Иначе мне в свою очередь придется называть вас «товарищ ефрейтор». А мне это совсем не по душе.

Они оба рассмеялись, по-прежнему не сводя друг с друга глаз и сели за столик.

- Что будем заказывать? - Антон протянул Ульяне плотную папку с меню.

- Мороженое, конечно. С вареньем, фруктами и шоколадом. И шампанское, если вы не против?

- Я – «за» самым решительным образом, - Макарьев подозвал проходившую мимо их столика девушку-официантку и сделал заказ. - Со студенческих времен обожаю есть мороженое именно с шампанским.

- Вот как? – шутливо удивилась Ульяна. - А мне почему-то казалось, что героический лейтенант Макарьев должен предпочитать более крепкие и менее романтические спиртные напитки...

- Ну, в целом это зависит от настроения и подходящей компании. Хотя до признанных специалистов алкогольного дела мне, откровенно говоря, очень далеко.

- Неужели вас это огорчает?

- Наоборот. Это предмет моей гордости. Особенно в свете разразившейся в стране антиалкогольной кампании, - с легкой язвинкой заметил Макарьев.

Девушка-официантка принесла заказ. Антон аккуратно наполнил бокалы шампанским:

- За что будем пить?

- Давайте за что-нибудь оригинальное, - весело предложила Ульяна. - Например, за разоблачение всех шпионов.

- За своевременное разоблачение всех шпионов, - хохотнув, поправил Макарьев. - Прекрасный тост!

Бокалы Антона и Ульяны с коротким мелодичным перезвоном встретились над столом.

- Кстати, Уля, с чего это вы взяли, что меня интересуют шпионы? - спросил Антон, когда они выпили и принялись за мороженое.

- Вовсе не нужно быть Шерлоком Холмсом или хотя бы доктором Ватсоном, чтобы прийти к такому выводу, Антон, - улыбка снова коснулась розовых губ Ульяны. - Я просто сопоставила некоторые известные мне факты. Во-первых, меня вызывали для беседы в особый отдел...

- Да? И что же интересовало наших чекистов, если не секрет?

- События позапрошлой ночи, что же еще? В частности, их интересовало, звонил ли со смотровой площадки майор Бехтерев некому лейтенанту Макарьеву. А если звонил, то о чем говорил. Поэтому, когда вы, Антон, сегодня днем явились к нам на командный пункт, я и подумала, что вас, наверное, будут интересовать те же вопросы. Так ведь?

- Поймите меня правильно, Уля, - Макарьев задумчиво потер пальцами лоб. - Во всей этой истории с диверсантами и смертью майора Бехтерева очень много неясного. А я, как на грех, оказался в самом центре событий.

- И поэтому вы решили заняться самостоятельным расследованием, закончила за него Ульяна. - Может быть я не права, но мне кажется, что вы каким-то образом связываете смерть Бехтерева с диверсантами.

- Я действительно связываю эти два события, - согласился Антон. Ульяна все больше нравилась ему, и он решил говорить с девушкой откровенно. – Майор Бехтерев звонит мне по телефону, приказывает осмотреть периметр ограждения и фактически наводит нас на диверсантов. А примерно через пару часов после своего звонка кончает жизнь самоубийством. Разве это не странно? Уля, мне очень нужно знать, кому еще звонил Бехтерев в ту ночь?

- Я отвечу вам то же, что ответила и особистам, - Ульяна чуть пригубила бокал с шампанским. - Майор Бехтерев в тот вечер вообще не подходил к телефону. А подполковник Глуховцев говорил по телефону только один раз – с дежурным по части. Но это уже было после того, как в степи началась стрельба...

- То есть после того, как мы обнаружили диверсантов, - Антон задумался. - Уля, а что делали в это время Бехтерев и Глуховцев?

- Стрельбу и взрыв мы на смотровой площадке услышали сразу... Глуховцев забеспокоился: мол, что за

чертовщина? А Бехтерев только пожал плечами и предположил, что это чья-то учебная тревога. Роты охраны, например. Глуховцев сказал, что головы кое-кому нужно оторвать за учебную тревогу перед самим стартом. Нашли, мол, время и место. Он подошел к телефону, а тут как раз и позвонил дежурный по части.

- Так, а что было потом? Когда Глуховцев поговорил по телефону?

- А потом Глуховцев подозвал майора Бехтерева и они оба уехали...

- Одну минутку, Уля, - Антон отодвинул в сторону вазочку с остатками мороженого. - А как долго Глуховцев и Бехтерев находились у вас на смотровой площадке?

- Ну, как минимум часа полтора. Стояли около ограждения, курили и о чем-то негромко беседовали.

- И никуда не уходили?

- И никуда не уходили, - эхом отозвалась девушка. – Так полтора час и простояли…

- Полтора часа... А ведь этот факт меняет все дело, Уля! - Макарьев ударил себя кулаком по колену. - Настолько меняет, что я даже рискну предложить вам сейчас поднять наши бокалы за удачу, которая - во всяком случае, пока, - к нам все еще благосклонна!

Антон разлил шампанское, и они неторопливо выпили. Ульяна поставила на стол бокал и пытливо взглянула в лицо Макарьева:

- Антон, теперь объясните мне, что меняет в раскладе вашего расследования время пребывания Глуховцева и Бехтерева на смотровой площадке?

- Честно говоря, я даже не знаю, имею ли я право... - Макарьев осекся.

- Договаривайте, договаривайте, - щеки Ульяны чуть порозовели. Она подняла бокал с шампанским и чуть улыбнулась иронически над золотистой кромкой тонкого стеклянного фужера. Свет заходящего солнца волшебно дробился в стекле на мелкие блики, искорками отражаясь в небесно-голубых глазах девушки. - Вы сомневаетесь, стоит ли посвящать в ваши страшные

государственные и военные тайны какую-то сопливую девчонку-телефонистку? Так ведь, Антон?

- Гм, ну... - Макарьев почувствовал, что краснеет. - Конечно, я подумал не в таких резких выражениях, но в целом вы правильно угадали, Уля... По-видимому, у диверсантов из Афгана на нашей площадке действительно имеется сообщник...

- Очень интересно, - Ульяна доела мороженое и аккуратно промокнула салфеткой губы. - Продолжайте. Я с детства обожаю читать детективы.

Голос ее звучал по-прежнему весело и совершенно безмятежно.

- Уля, вы не понимаете, - Антона слегка покоробил слишком легковесный тон Ульяны. - Все это очень серьезно. И, наверное, очень опасно.

- У каждого Шерлока Холмса должен быть свой доктор Ватсон, - пропустив мимо ушей последнюю реплику Макарьева, без тени насмешки на лице произнесла Ульяна. – Антон, вы никогда не замечали, что в любом детективе расследование ведут обычно двое или даже трое людей? Вспомните, знатоков. Вспомните Жеглова с Шараповым, наконец.

- Вы правы, - вынужден был согласиться Макарьев. – Но… Мы с вами не персонажи детективного романа. Вражеский агент на нашей площадке - это реальная опасность.

Макарьев замолчал и после паузы тихо добавил:

- Уля, я вовсе не хочу подвергать риску вашу жизнь...

- Ерунда, - Ульяна тряхнула головой, решительно отметая возражения Макарьева. - Во-первых, этот агент - если он, конечно, действительно существует, - в чем я лично пока не уверена, - не знает, что вы ведете свое независимое расследование. Вы же, надеюсь, не оповестили его о своих намерениях?

Она весело фыркнула, скользнула ироничным взглядом по лицу Антона и продолжала:

- Поэтому опасность для моей драгоценной жизни существует пока чисто гипотетически. Во-вторых... Что говорит нам народная мудрость? Народная мудрость говорит нам, что одна голова хорошо, а две - все-таки лучше. Так что колитесь, Антон.

- Ладно, Бог с вами, - Макарьев решил сдаться и махнул рукой. Его не слишком убедили аргументы Ульяны, но потребность поделиться хоть с кем-то своими соображениями все же превзошла опасения. А Ульяна, - Макарьев интуитивно почувствовал это, - могла и впрямь оказаться неплохим компаньоном. - Уля, мне действительно нужен советчик. И помощник.

- Вот и отлично. Будем считать, что процедура оформления детективного союза лейтенанта Макарьева и ефрейтора Сорониной завершена, - голубые глаза Ульяны лукаво прищурились. - Я вас внимательно слушаю, Антон.

- Майор Бехтерев действительно позвонил мне и приказал проверить периметр ограждения. Но если Бехтерев, как вы говорите, не подходил к телефону ни разу и вместе с Глуховцевым находился на смотровой площадке в течение примерно полутора часов, то он, получается, никак не мог мне звонить.

- Он мог позвонить не со смотровой площадки, - возразила Ульяна. – Например, из испытательного корпуса.

- По времени не получается. От звонка на КПП до стычки с диверсантами прошло не более часа. Все это время Бехтерев, - как вы утверждаете, - был на смотровой площадке и к телефону не подходил.

- Антон, а почему вы уверены, что вам звонил именно майор Бехтерев?

- Гм... - Макарьев на мгновение замялся. Такая мысль до сих пор не приходила ему в голову. - Ну, во-первых, человек, звонивший мне, назвался. Во-вторых, я узнал его по голосу.

- Но Бехтерев не подходил к телефону на смотровой площадке, - с нажимом повторила Ульяна и

задумалась. - Значит, тот человек, который разговаривал с вами, во-первых, соврал, что он - Бехтерев. А во-вторых, говорил измененным голосом. Так получается?

- Н-да, любопытное предположение... Кто-то звонит на КПП и от имени Бехтерева, говоря его голосом, отправляет наш наряд вдоль ограждения стартовой позиции... В результате - диверсанты обнаружены и уничтожены. А утром Бехтерева находят мертвым в собственном кабинете... Следствие утверждает, что майор покончил с собой...

- Очень удобное и своевременное самоубийство, вы не находите, Антон? - заметила Ульяна и, перехватив непонимающий взгляд Макарьева, пояснила:

- Если бы Бехтерев остался в живых, то уже после его первого допроса особистам стало бы ясно, что он вам ночью не звонил, и приказа искать диверсантов не отдавал. Что от его имени и его голосом говорил другой человек. А значит, следствие неминуемо пришло бы к выводу, что у афганских диверсантов среди работников на стартовой позиции или на испытательном комплексе есть сообщник.

- Пожалуй, вы правы, Уля, - Макарьев наклонил голову в знак согласия. - Майор Бехтерев просто таки обязан был умереть в ту ночь. Иначе утром обман бы непременно раскрылся и звонившего на КПП стали бы очень интенсивно искать.

- Есть, правда, и другой вариант, - задумчивый взгляд Ульяны сейчас был устремлен куда-то вдаль, и она, казалось, не замечала Макарьева, а всего лишь рассуждала вслух. - Бехтереву сохранили бы жизнь, если бы погибли вы, Антон...

- Но почему?

- Давайте рассуждать логически, - предложила Ульяна. На ее лбу чуть выше носа обозначились едва заметные вертикальные морщинки. - Голос лже-Бехтерева в телефонной трубке слышали только вы, не так ли? Поэтому, если бы вас убили диверсанты, уже не

было надобности в смерти майора. Никто бы не знал, что кто-то отдал приказ от имени и голосом Бехтерева.

- Гм, интересно... Признаться, я не смотрел на события с этой точки зрения... – лейтенант смутился.

«У нее потрясающая логика! - с восхищением отметил про себя Антон. - Да, дружище Макарьев... Ну, и кто из нас теперь будет считаться Шерлоком Холмсом, а кто - доктором Ватсоном, а? Ай да Ульяна!»

Солнце уже почти скрылось за горизонтом. Его последние, уже красноватые лучи тревожащее играли бликами в устремленных на Антона нежно-синих глазах девушки, наполовину прикрытых антрацитово-черными веками. Мысли лейтенанта беспорядочно разбегались. В ушах громко, как накатывающие на берег морские волны, шумело шампанское. Антон с удивлением обнаружил, что опьянел всего лишь от одного бокала вина. Да только ли от вина? Макарьев почувствовал, что нет в его смятенной, ошалевшей от хмельного счастья общения с Ульяной душе такого уголка, в который не могла бы добраться своим чуть ироничным и веселым, сводящим с ума окончательно и бесповоротно взглядом эта тоненькая, хрупкая, как весенняя веточка, черноволосая девушка.

- Больше того, Антон, я убеждена, что вариант с вашей гибелью был основным в планах вражеского агента, - между тем уверенно продолжала Ульяна строгим деловым тоном. - Только когда ему стало ясно, что вы остались живы после ночного боя с диверсантами, он и решился на убийство Бехтерева. У него не было другого выхода, чтобы остаться в тени.

- Ему и не удалось остаться в тени, - нашелся, наконец, Макарьев. - Теперь мы точно знаем о его существовании.

- Мы знаем об этом только потому, что вы принялись за самостоятельное расследование всего этого дела, - бесстрастно уточнила Ульяна. - И если бы наш с вами разговор сегодня не состоялся, убийца имел бы все шансы остаться незамеченным. Кстати, Антон, вы

не знаете, как все-таки следствие объясняет причины неожиданной смерти Бехтерева?

- Насколько мне известно, следователи пока считают, что майор помогал диверсантам, а потом вдруг раскаялся и наложил на себя руки. Или, может быть, испугался, что его очень быстро найдут...

- Бред, - с абсолютной уверенностью в голосе сказала Ульяна. - Преступник, который покаялся через несколько минут после совершения тщательно подготовленного им преступления? Фан-тас-ти-ка!

- Согласен, так не бывает. Мы теперь можем с определенной долей уверенности утверждать, что смерть майора не была самоубийством...

- Антон, а вы вообще часто разговаривали с Бехтеревым по телефону?

- Часто ли? – Макарьев наморщил лоб. - Ну, не так, чтобы... Во время нарядов по испытательному корпусу каждый дежурный обязан три раза в сутки докладывать или Глуховцеву, или Бехтереву о ходе дежурства. Ну, и они сами периодически позванивают, конечно...

- Так... Вспомните, вы никогда не путали голос Бехтерева с кем-то из звонивших вам?

- Э... Гм, а ведь действительно! Однажды позвонил наш капитан Полякин, а я принял его голос за голос Бехтерева.

- Капитан Полякин? Начальник вашего отделения?

- Да, - Макарьев кивнул. - Уля, но Полякин не мог звонить мне той ночью. Он сейчас в отпуске, у тещи в Рязани.

- Антон, - по губам Ульяны пробежала улыбка, - скажу вам как профессиональный связист: на нашу закрытую линию связи при желании можно выйти даже из Рязани...

- Вы и в самом деле подозреваете Полякина? – ошарашено пробормотал лейтенант.

- Нет, но я не исключаю, что именно Полякин мог бы с вами поговорить голосом Бехтерева, - сказала Ульяна, расправляя на столе скомканную салфетку. - Тем

более, что вы однажды уже спутали их голоса. Кстати, почему вы уверены, что Полякин сейчас находится именно в Рязани?

- Ну... - Макарьев не нашелся, что ответить.

- Вот поэтому, мы должны немедленно узнать, где сейчас находится капитан Полякин, - констатировала Ульяна. - У вас есть телефон его тещи в Рязани?

18.
1 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, Ленинск.
Дом связи.

Переговорный пункт междугородной телефонной связи размещался недалеко от кафе «Снежинка». Четырехэтажное здание, сложенное из бетонных плит, издалека напоминало огромный серый куб и официально именовалось Домом связи. Это название служило объектом постоянных шуток и насмешек как со стороны коренных байконурцев, так и приезжавших в командировки специалистов.

На первом этаже здания располагались почта и зал телефонных переговоров, а на верхних этажах - технические и управленческие службы. В вечернее время в зале переговоров было всегда многолюдно. Но Антону и Ульяне повезло: сразу несколько телефонных кабинок оказались свободными. Макарьев одним пальцем набирал код Рязани и номер телефона тещи капитана Полякина и чувствовал на своей щеке легкое, немного щекочущее, дыхание Ульяны. Словно легкий летний ветерок нежно касался его кожи…

Настойчивый гудок вызова успел дважды или трижды пройтись по сети, прежде чем на том конце провода подняли телефонную трубку.

- Слушаю! - судя по тембру, голос принадлежал женщине в летах.

Антон надавил ладонью на большую кнопку с надписью «ответ» на корпусе телефонного аппарата и, приблизив трубку почти к самим губам, громко и отчетливо произнес:

- Здравствуйте! Вы не могли бы пригласить к телефону Андрея Ивановича Полякина?

- Андрея Ивановича? А вы кто будете?

- Его сослуживец с Байконура. Макарьев моя фамилия.

- Ах, сослуживец... Сейчас позову, подождите. Андрюша в саду работает.

Послышался звук удаляющихся пришаркивающих шагов, потом что-то скрипнуло - женщина, скорее всего, открыла окно или форточку, и позвала:

- Андрю-юша! Андрей! Тебя к телефону!

- Это, наверное, теща Полякина, - Макарьев повернул лицо к Ульяне. - Пошла звать Андрея Ивановича.

Ульяна кивнула и спросила:

- Антон, а вы сможете узнать капитана Полякина по голосу?

- В каком смысле? - не понял Макарьев.

- В том смысле, чтобы сейчас отличить по голосу настоящего капитана от фальшивого, - Ульяна говорила почти шепотом.

- Неужели вы думаете, что... – начал опешивший Антон, но Ульяна резко осадила его:

- Я думаю, что если кто-то смог подделать голос Бехтерева, то почему бы ему не подделать сейчас и голос вашего Андрея Ивановича? Вы сможете точно узнать Полякина по голосу?

- Ну, я не знаю, - промямлил Антон неуверенно. - Постараюсь узнать...

- Антон, - Соронина решительно сжала пальцами плечо Макарьева, попробуйте сейчас спросить Полякина о чем-нибудь таком, что знает только он. Тогда мы будем уверены, что нас не водят за нос!

- Алло! - раздалось, наконец, в трубке. Антон готов был поклясться, что слышит голос самого Полякина, но все же осторожно переспросил:

- Алло, Андрей Иванович?

- Я слушаю, - знакомый голос звучал уверенно и четко. - Кто говорит?

- Андрей Иванович, это Макарьев. Привет!

- Антошка! - Полякин захохотал. - А я бегу из сада к телефону и думаю, кто это звонит? Привет, старик! Ты что, уже из отпуска вернулся?

- Ага, пять дней назад приехал, - Макарьев теперь почти не сомневался, что говорит именно с Полякиным.

- Как там у вас дела? С работой справляетесь?

- Да все нормально! Позавчера вот афганца в космос отправили...

- Ха, ты что думаешь, я тут совсем погряз в садово-огородных делах? - весело фыркнул в ответ Полякин. - Я, брат, вчера запуск по телику два раза посмотрел. Нашего Петровина, между прочим, тоже мельком показали.

- На старте, около ракеты? Он там с Олегом Белановым работал!

- Как там, кстати, Олежка с Мишкой? - осведомился Андрей Иванович. - Еще не забыли старшего начальника?

Антон уже набрал воздуха в грудь, чтобы рассказать о событиях предстартовой ночи, но Ульяна дернула его за рукав и жарко шепнула в самое ухо:

- Про Бехтерева и диверсантов - ни слова!

Антон поперхнулся, кашлянул, но быстро нашелся:

- Не забыли, Иваныч! Ждут - не дождутся, когда из отпуска вернешься! Особенно Олег ждет.

- Что, несладко ему оказалось в шкуре начальника отделения? - снова засмеялся Полякин. Перед отъездом в отпуск он оставил за старшего в отделении систем жизнеобеспечения Олега Беланова.

- Ох, несладко! – подтвердил Антон. - Олежка, бедняга, совсем с лица спал.

- Ничего, пусть месячишко походит в моей шкурке! Ну, а я вернусь - мы его в командировку отправим. Дней

на десять, куда-нибудь в Сочи. Чтобы подорванное здоровье поправил!

- Кстати, Андрей Иванович, - Макарьев решил круто сменить тему, -замполит на завтра назначил меня проводить политзанятия, а твои конспекты по партийному съезду я что-то никак не найду...

Макарьев прикрыл трубку ладонью и быстро шепнул Ульяне:

- Где лежат конспекты, знает только сам Полякин.

- Гм...- Полякин на другом конце провода на секунду задумался. - А на второй полке в сейфе ты смотрел?

- Смотрел, - радостно сообщил Макарьев и показал Ульяне большой палец. Теперь у него не осталось никаких сомнений, что сейчас он разговаривает именно с Полякиным. У Андрея Ивановича были лучшие в части конспекты по партийно-политической работе. Очень часто офицеры полка пользовались тетрадями Полякина на политинформациях для личного состава. Когда конспекты однажды позаимствовали безвозвратно, и их пришлось в срочном порядке восстанавливать к очередному занятию, капитан стал прятать свои записи в сейф и разрешил выдавать их только сослуживцам по второй испытательной группе.

- Нет в сейфе тетрадей, Андрей Иванович, - не без сожаления сказал лейтенант. - Уж не знаю, что и делать...

- Значит, снова зачитали, паразиты, - огорченно вздохнул Полякин. - Ладно, это горе - не беда. Хорошие конспекты есть у Сережки Снеткевича.

- О, спасибо, - Антон сделал вид, что обрадовался. - Ладно, Андрей Иванович, не буду отрывать тебя от сельхозработ. А то еще твоя теща обидится!

- У меня, Антошка, мировая теща, - жизнерадостно хохотнул в трубку Полякин. - Я тебе такую же желаю! Слушай, а ты пока был в отпуске, случайно не женился?

- Нет, - поспешно ответил Макарьев, искоса мельком взглянул на стоявшую почти вплотную к нему

Ульяну и почувствовал, что почему-то краснеет. - Привет жене и теще!

- Ну, пока. Олежке с Мишкой привет передавай.

- Обязательно передам, Иваныч! До свидания!

- До встречи, Антошка!

Макарьев повесил трубку и с облегчением констатировал:

- Уля, Полякина можно вычеркнуть из списка подозреваемых. У меня нет никаких сомнений, что он сейчас действительно находится у своей тещи в Рязани и, следовательно, никак не мог позавчера ночью тайком быть на космодроме.

- Да, капитан Полякин выбывает из списка подозреваемых, - Ульяна толкнула ладонью дверь и вышла из телефонной кабины. Антон шагнул следом за ней. - Если вы, Антон, полностью уверены, что разговаривали не с фальшивым капитаном...

- На все сто процентов, Уля! Я абсолютно уверен, что сейчас говорил именно с Андреем Ивановичем, - Макарьев энергично закивал. - Его голос, его интонации... Ну, и про конспекты в сейфе чужой человек не знал бы.

- Да, конспекты в сейфе - это, пожалуй, весомо, - согласилась Ульяна, поразмыслив. - А голос все-таки можно и подделать. Кто-то же говорил с вами голосом Бехтерева в ту ночь. И вы не сомневались, что это Бехтерев...

- Тогда был очень короткий разговор, - подумав, сказал Антон. - Говоривший приказал проверить периметр ограждения и сразу же положил трубку. Если бы он говорил дольше, я бы, наверное, все-таки догадался, что со мной говорит не наш майор. Ведь голос и интонации Бехтерева я тоже хорошо знаю.

- Поэтому звонивший вам лже-Бехтерев и был так краток, - сделала вывод Ульяна. – Антон, вы ни в коем случае не должны были обнаружить, что с вами говорит фальшивый майор.

Некоторое время они молча шагали по улице в сторону центральной части города. Дневная жара уже

спала. Едва ощутимый ветерок примчался откуда-то из-за Сырдарьи и легко теребил листья деревьев на аллее. Антон незаметно взглянул на часы. Стрелки показывали половину десятого.

«Как все-таки быстро пронеслось время, - с горечью подумал Макарьев. - Ульяна сейчас, наверное, простится со мной и отправится домой. А мне этого так не хочется... Вот так бы гулять и гулять по улицам до самого утра!»

- Какие у вас планы на сегодняшний вечер, Уля? - Антону снова показалось, что его голос звучит отчужденно и неестественно.

- На сегодняшний вечер? - переспросила Ульяна, и ее тонкие черные брови удивленно взметнулись вверх. - Ну, первую часть вечера я уже провела в компании некоего лейтенанта Макарьева...

Она засмеялась и, скользнув по лицу Антона игривым взглядом, сообщила:

- И будем говорить откровенно, совсем неплохо провела. Мороженное было изумительно вкусным, детективная история - занятной. А почему вы спрашиваете, Антон?

- У меня есть предложение по второй части вечера, - осмелев, поспешно выпалил Антон. - Вы не будете против, если я предложу вам провести ее в компании все того же лейтенанта Макарьева?

Сердце замерло в груди… Согласится или не согласится?

- Пожалуй, я соглашусь, - веселые искры мелькнули в глазах Ульяны. Макарьев заметил, что щеки ее чуть порозовели. - И куда же мы теперь направимся?

- Можно сходить к реке, - с готовностью предложил Антон. - Или на какой-нибудь фильм в Доме офицеров.

- Кино сегодня исключается, - решительно заявила Ульяна. - В Доме офицеров идет «Лицензия на убийство». Джеймс Бонд, агент ноль-ноль-семь. Во всех ракурсах.

- Вы же говорили, что любите детективы?

- Вот именно. Детективы, - Ульяна многозначительно усмехнулась. - А «Лицензия на убийство» - обычный боевик. И потом я уже видела этот фильм. Смотреть его дважды - это слишком большая для меня жертва. Уж поверьте мне на слово, Антон.

- Верю, верю, - Макарьев рассмеялся.

- Поэтому, - продолжила Ульяна, кокетливо склонив черноволосую головку, - остановимся на вашем предложении погулять у реки.

- Тогда позвольте предложить вам свою руку.

- Очень своевременно, я немного устала, - Ульяна взяла Макарьева под локоть. - Кстати, возвращаясь к нашему расследованию... Антон, каким образом вы оказались позавчера ночью в карауле?

- Да как обычно, - Макарьев пожал плечами. Его немного удивил ее вопрос. - Накануне, на вечернем построении, капитан Лопатин объявил, что завтра мы с Олегом Нагорновым идем в наряд «под елочку»...

- Лопатин? Почему Лопатин? Вашей группой, если мне не изменяет память, командует подполковник Глуховцев...

- Глуховцев вместе с Бехтеревым были на совещании в штабе части, - пояснил Антон. - Поэтому построение проводил замкомандира по технике капитан Лопатин. Он же и наряды назначал. А какое это имеет значение, Уля?

- Я вот о чем подумала, Антон, - тонкие пальцы Ульяны сжали руку Макарьева. - Если бы вас не послали в караул к ракете, где бы вы были в ночь перед стартом?

- Где бы я был? - Макарьев на секунду задумался. - Скорее всего, в комнате нашего отделения. У нас так договорено: когда Мишка Зеленин и Олег Беланов работают на старте, я нахожусь в комнате нашего отделения. Мало ли что... Вдруг потребуется срочно подготовить какое-нибудь оборудование.

- Так, а комната вашего отделения находится, насколько мне известно, рядом с кабинетом майора Бехтерева?

- Да... Вы думаете... - у Макарьева перехватило дыхание от мелькнувшей в голове догадки.

- Вот именно, - Ульяна удовлетворенно кивнула. - Это значит, что вы вполне могли оказаться в ту ночь помехой для того, кто говорил голосом Бехтерева. Ненужным свидетелем.

- Да сто процентов, что оказался бы! – с жаром согласился Антон. - Бехтерев почти всегда заходил к нам попить чаю. Ну, и поговорить, если у него было свободное время...

- Вот-вот, - Ульяна остановилась и внимательно посмотрела Макарьеву в глаза. - Вы могли оказаться рядом с настоящим майором Бехтеревым и тогда бы он, может быть, остался в живых. Верно?

- Верно, - эхом отозвался Антон.

- Значит, чтобы Бехтерев оказался в своем кабинете, а не чаевничал у вас в отделении, вас, Антон, нужно было убрать из испытательного корпуса, - с абсолютной уверенностью в голосе констатировала Ульяна.

- Но Бехтерева в ту ночь вообще не было в кабинете! – возразил Макарьев. – Он был на смотровой площадке!

- Но потом он вернулся в свой кабинет. Здесь его и настиг убийца… Чтобы вы не стали случайным свидетелем убийства, вас очень своевременно отослали в наряд к ракете. И в нужный момент фактически подставили под пули душманов.

- Вы что, всерьез считаете, что Лопатин - шпион? - Макарьев, наконец, сообразил, к чему клонит Ульяна, и не сдержавшись, захохотал. - Наш капитан Лопатин?! Наш Александр Васильевич?!

- Я не говорила, что Лопатин - шпион, - сухо возразила Ульяна, обижено поджав губы. - А вот поинтересоваться как-нибудь невзначай у вашего капитана, как ему пришла в голову гениальная мысль послать вас в караул к ракете именно в ночь перед стартом, я думаю, стоит. Очень уж любопытное

совпадение: тот, кто может помешать убийству майора или стать нежелательным свидетелем, сам оказывается под душманскими пулями.

- Не обижайтесь на меня, Уля, - миролюбиво сказал Антон, чутко уловив перемену в настроении собеседницы. - Знаете, мне уже порядком поднадоел за последние пару дней весь этот детектив с моим участием. Самое неприятное знаете что? То, что подозревать приходится людей, которых я хорошо знаю. Мерзко это все как-то...

- Наверное, вы правы, - Ульяна понимающе склонила голову. - Но ведь и в белых перчатках это дело не распутаешь...

- Да, в грязи нам с вами придется покопаться изрядно, - с брезгливой гримасой согласился Макарьев. - Но сегодня... Сегодня давайте просто отдыхать и говорить о чем-нибудь приятном. Уговор?

- Уговор, - глаза Ульяны снова весело блеснули. - Тогда о чем будем говорить?

- Расскажите мне о себе, - попросил Макарьев. - Я вот совершенно ничего о вас не знаю…

- А я - о вас, - Ульяна улыбнулась. - Что-то на меня совсем непохожее: гулять под руку по вечернему городу с абсолютно незнакомым молодым человеком.

- Так уж совсем и незнакомым? - не поверил Макарьев.

- Не скрою, - Ульяна подняла на него смеющиеся глаза, - смутные слухи о ваших подвигах, Антон, доходили до роты связи... Но это были, наверное, очень преувеличенные слухи?

- Поэтому мне ничего не остается, как рассказать о себе всю правду, - в тон ей закончил Макарьев.

И они отправились гулять. Антон рассказывал веселые истории из своей студенческой жизни. Ульяна смеялась и в ответ рассказывала свои смешные истории. Так, весело болтая, они сходили к Сырдарье, а потом долго бродили по улицам вечернего города, пока Ульяна

твердой рукой не изменила их маршрут и они не оказались у дверей женского общежития.

Ущербная желто-голубая луна висела над городской телебашней, чем-то напоминающей металлический скелет огромной ракеты. Высокое небо было усеяно мириадами звезд, похожих на рассыпанный по черному бархату золотой песок. Прилетевший с севера прохладный ветерок мягко и нежно шелестел в листве невысоких деревьев.

Макарьев, исподтишка бросая короткие взгляды на Ульяну, любовался идущей рядом девушкой. Ульяна была не просто красива. Антон интуитивно чувствовал в ней что-то свое, родное, домашнее, но одновременно свободное и грациозное. Ее лицо было по-особенному нежным, чистым, лучилось добротой и очарованием. Даже сейчас, в сумерках, лейтенанту было тепло и солнечно от лучистых глаз девушки, от ее длинных черных ресниц, окаймляющих большие и озерно-чистые голубые глаза. Сердце сладко сжималось, подчиняя свой ритм нежному тембру ее голоса.

Ульяна отпустила локоть Антона и посмотрела на светившиеся окна второго этажа:

- Моя соседка уже вернулась домой. И, наверное, меня ждет. Мне пора идти, Антон.

- Может, еще погуляем? - Макарьеву никак не хотелось расставаться.

- Становится прохладно, - Ульяна зябко повела плечами. - Да и поздно... Который, кстати, час?

Антон поднес часы к лицу:

- Детское время - половина двенадцатого.

- Половина двенадцатого?! - испуганно охнула Ульяна. - Антон, как же вы будете добираться домой?

- Ерунда, - отмахнулся Макарьев. - Ровно в полночь до сто тринадцатой площадки идет попутный автобус. Я как раз успеваю.

Несколько секунд они стояли молча, глядя друг другу в глаза.

- Это был очень хороший вечер, Антон, - наконец, нарушила молчание Ульяна. - Спасибо.

Макарьев осторожно взял пальцы ее рук в свои ладони:

- Это был чудесный вечер, Уля. Наверное, самый замечательный в моей жизни.

Ульяна осторожно освободила пальцы из его рук и шагнула к двери:

- До свидания, Антон.

- Уля, - Макарьев сделал шаг следом.

Ульяна обернулась. Ее лицо оказалась рядом с лицом Макарьева.

- Уля, можно я завтра зайду к вам на командный пункт? – Антон задохнулся от жаркого волнения.

- Конечно, можно, Антон, - уголки губ девушки снова тронула озорная улыбка. – Приходите где-нибудь ближе к обеду. Нам ведь еще нужно найти вражеского шпиона, вы не забыли?

И они оба весело рассмеялись.

19.

2 сентября 1988 года.

Космодром Байконур, вторая площадка.

Монтажно-испытательный корпус 1А.

Следующее утро началось для Антона Макарьева с работы на грузовом космическом корабле «Прогресс». Проверки бортовых систем грузовика шли непрерывным потоком, и только ближе к полудню у Антона появилось время, чтобы немного отдохнуть. Макарьев внимательно оглядел монтажный зал и направился к соседнему стенду, на котором готовили к консервации запасной корабль «Союз ТМ». Среди работавших около космического корабля гражданских специалистов и офицеров лейтенант заметил худощавую фигуру капитана Лопатина.

Этой весной капитану Александру Лопатину исполнилось тридцать два года. Это был среднего роста крепко сбитый человек со скуластым и несколько удлиненным лицом. Крупный прямой нос и тонкие, бледные и почти незаметные губы с чуть загнутыми вниз кончиками придавали его лицу выражение вечной насупленности и недовольства окружающим миром. Лопатин славился в части своим спокойным и флегматичным характером. Его редко видели улыбающимся, но еще реже видели раздраженным или повышающим голос на кого-нибудь из подчиненных. Даже разносы провинившимся солдатам и младшим офицерам Лопатин умел устраивать ровным и бесстрастным тоном. Но этого расчетливого и беспощадно точного в оценках бесстрастия многие опасались гораздо больше, чем горячей эмоциональности подполковника Глуховцева.

Несмотря на внешнюю сухость, на деле Лопатин был очень дружелюбным человеком, близко принимавшем к сердцу и радости, и горести коллег по службе. Как-то само собой сложилось, что ближе всего он сошелся именно с офицерами отделения систем жизнеобеспечения. В небольшом кабинетике Лопатина на четвертом этаже испытательного корпуса, невзирая на продолжавшуюся полным ходом в стране антиалкогольную кампанию, изредка собирались выпить разбавленного водой спирта и офицеры полка, и офицеры из управления дивизией. Постепенно к этим посиделкам присоединились и гражданские спецы. Бывало, что «на огонек» к Лопатину заглядывали подполковник Глуховцев и майор Бехтерев.

Макарьев несколько минут постоял у решетки ограждения стенда, на котором проверяли «Союз», ожидая пока Лопатин закончит инструктаж отделения телеметрии старшего лейтенанта Блиновского. Наконец, капитан освободился и отошел к столику дежурного, на ходу что-то помечая карандашом в своем рабочем

блокноте. Спустя пару секунд, около столика оказался и Макарьев.

- Здравия желаю, товарищ капитан! - поздоровался Антон.

- Привет, товарищ лейтенант! - Лопатин оторвал взгляд от своих записей. - Что это ты сегодня такой официальный?

Макарьев отметил про себя, что капитан с утра пребывает в неплохом расположении духа, и решил с ходу подстроиться под его настроение:

- Так за мной же должок! Хочу только уточнить, чем и когда отдавать?

- Какой должок? - Лопатин непонимающе наморщил лоб.

- А кто меня в караул «под елочку» послал? На ратные подвиги? - усмехаясь, съязвил Антон. - Вы, Александр Васильевич, не отпирайтесь! И что мы имеем в результате? Мне за обнаружение диверсантов обещаны именные часы от командира дивизии. Вот я и хочу поинтересоваться: где и когда выставлять? Заодно и часики обмоем! Чтобы хорошо ходили.

- Ну, ты даешь, Антошка! – Лопатин расхохотался. - В соавторы своих подвигов меня, что ли записать хочешь?

- Без причины не было бы и следствия, - дипломатично развел руками Макарьев. - Не попади я в ту ночь в караул к ракете - часики бы тю-тю...

- Да, расположение звезд оказалась счастливым, - Лопатин задумчиво почесал затылок. - Жизнь - штука непредсказуемая...

- А все-таки, Александр Васильевич, - Макарьев хитро прищурился, - как появилась мысль послать в наряд именно меня? Если не секрет...

- Скажу - не поверишь... - Лопатин махнул рукой и ухмыльнулся. – Судьба, братец!

- Ну, все-таки, Александр Васильевич!

- Ладно, - фыркнул в ответ капитан и, поманив к себе пальцем Макарьева поближе, вполголоса продолжил:

- За пару дней до запуска «Союза», вечером двадцать седьмого августа, собрались мы, значит, у меня в каптерке... Ну, посидеть, как обычно... Тебя только не было, Зеленина и Симонова. Михаил наряд в автопарке сдавал, Артур по каким-то личным делам в Ленинск подался, а ты - ребята так сказали – был у кого-то на дне рождения.

- Точно, - подтвердил Макарьев. - Вадику Сысуеву двадцать пять стукнуло.

- Ну, посидели мы, выпили... Часиков так до восьми или около того. Ребята уже немного раскочегарились. Тут Витя Михайленко и предложил звякнуть Глуховцеву и Бехтереву - к нашему столу пригласить. «А то, говорит, совсем мужики перед стартом зашились. Пусть хоть немного расслабятся». Ты же знаешь Витю, они с Глуховцевым старые приятели, еще с военного училища... Витька уже к телефону потянулся, а я и говорю, что, мол, впустую звонить. Глуховцев и Бехтерев второй день у командира части на совещании. Какое-то высокое московское начальство приехало, и вторые сутки всему нашему командному составу мозги вправляет. Виктор был навеселе, выслушал меня и говорит: «Тогда, Васильич, ты сейчас выпьешь пару штрафных доз. Тебя же Глуховцев вместо себя и Бехтерева на командовании оставил? Вот и дуй теперь за троих!» Ну, все, конечно, засмеялись, а я и говорю, что куда мне еще чужие дозы на грудь брать, если от чужих обязанностей и так голова кругом. Вот, говорю, завтра караул «под елочку» ставить, а посылать некого: половина офицеров в летних отпусках, а вторая - на испытательных работах. А ты, говорит Витька Михайленко, кого-нибудь из наших орлов пошли. Вон, говорит, Антошка Макарьев из отпуска вернулся. Пусть в наряд сходит, на службу настроится. А то, говорит, совсем от рук отбился - сегодня с нашей вечеринки куда-

то слинял без уважительной причины. Олег Беланов тебя защищать стал, мол, завтра ответственный день, работы на технике много. А Витька на своем стоит, хохочет, говорит, что работ как раз на два расчета - на стартовой позиции и на «Прогрессе», для Беланова и для Зеленина. А третий офицер получается лишним. Только под ногами будет путаться. Тут кто-то предложил тащить жребий. Сломанная спичка - значит, посылать в караул тебя, целая кого-нибудь из другого отделения. Ну, Олег Беланов и вытащил сломанную...

- Да, прямо таки иллюстрация к учебнику по теории вероятностей, - Макарьев усмехнулся.

- Я же говорю - звезды... Кому - везет, кому - наоборот.

- Звезды... Бехтереву вот не повезло, - с горечью заметил Макарьев, резко меняя тему разговора. - До смерти не повезло...

- Знаешь, а я не верю, что наш Трофимыч мог наложить на себя руки, - Лопатин покачал головой. - Чтобы там не говорило следствие - а я вот не верю! Не такой человек Бехтерев, чтобы добровольно уходить из жизни!

- Да и я тоже не верю, - скептически хмыкнул Антон. - Только наши с вами сомнения, Александр Васильевич, к делу не подошьешь... Когда похороны будут? Что командование решило?

- А ничего командование не решило! - в голосе капитана прорезались злые нотки. - Тело Трофимыча все еще на экспертизе. Черт его знает, что они ищут! Я вчера вместе с Глуховцевым ездил к жене Бехтерева... Елена опухла от слез, а сын... Ты можешь объяснить четырнадцатилетнему парню, почему его отец наложил на себя руки, а?

Он устало потер ладонями лицо:

- Умом понимаю, что Сережка Бехтерев в морге лежит, а сердце все равно не принимает. Антошка, мы же с Трофимычем уже лет пять, как вместе на рыбалку мотались! Неделю назад сидели у меня в каптерке!

Лопатин замолчал и несколько секунд потускневшим взглядом смотрел куда-то в пространство перед собой, потом повернулся к Макарьеву и с горечью сказал:

- Ладно, Антон, давай шагай... Не трави душу...

20.
2 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.
Монтажно-испытательный корпус 1А.

У выхода из монтажного зала Антона окликнул замполит второй испытательной группы капитан Василий Андрущаков:

- Привет, лейтенант! Как дела?

- Нормально, - пожал плечами Антон. - Проверку на «Прогрессе» только что закончил...

- Тут вот какое дело, Макарьев, - Андрущаков достал несколько крупных фотографий из папки, которую держал в руках. - За день до старта «Союза» почти вся наша рабочая смена фотографировалась с космонавтами. Вот эта пара фотографий - для старшего лейтенанта Беланова. Сможешь передать?

- Конечно, - Антон взял фотоснимки. - Мы с Олегом сейчас на пересмене увидимся.

- Ну, вот и замечательно, - Андрущаков кивнул. - Пока, Макарьев!

Но в комнатах отделения систем жизнеобеспечения Макарьев уже никого из сослуживцев не застал. После окончания уборки Олег Беланов отправил солдат в казарму для построения на обед, а сам ушел куда-то по своим делам.

Антон сходил по воду, включил электрический чайник в сеть и переоделся в военную форму. Удобно расположился на стуле около стола в комнате отдыха и достал из своей полевой сумки «Неву» с недочитанным романом.

Он уже было раскрыл журнал на странице с закладкой, но тут его взгляд случайно упал на фотографии, лежавшие на столе.

Еще со времен первых космических стартов традицией стало фотографирование рабочих смен с готовящимися лететь на орбиту космонавтами. Обычно за два-три дня до старта экипажи - и основной, и дублирующий, - приезжали в испытательный корпус, чтобы примерить скафандры и немного посидеть в отсеках своего будущего корабля. На жаргоне испытателей вся эта процедура так и называлась - «примерка».

Так было и перед стартом советско-афганского экипажа. В прошлую пятницу, двадцать шестого августа, экипаж Лахова, Полинова и Моуманда провел последние тренировки в космическом корабле и вышел для фотографирования с рабочей сменой. Космонавты в белоснежных полетных скафандрах расположились на ступенях лестницы испытательного стенда, на котором стоял корабль «Союз», а очередная рабочая смена собралась внизу, у подножия корабля.

Многих из тех, кто был запечатлен на фотографии, Макарьев знал лично. Управленцы из воинской части 44275 полукольцом окружили космонавта генерал-майора Владимира Джанибекина. Антон узнал заместителя командира дивизии по испытаниям полковника Паршинова, телеметриста подполковника Тимашевского, офицеров группы заправки двигателей. Отделение систем жизнеобеспечения было представлено одетым в белый халат и круглую щегольскую докторскую шапочку подполковником Доциновым и Олегом Белановым в скромном рабочем комбинезоне. Гражданские спецы «делегировали» на фотографирование мастера сборочного цеха Валеру Павлова, седоголового ветерана - испытателя Георгия Филимоновича Кузнецова из группы обслуживания головного обтекателя и стажера отделения термостатирования Кирилла Ушакова.

«Жаль, что я в тот день не был на испытательных работах, - с легкой завистью отметил про себя Антон. - Глядишь - и получил бы на память такую же фотографию».

Он раздосадовано вздохнул, отложил в сторону фотоснимки и снова раскрыл журнал. Но сосредоточиться на чтении не смог. Что-то такое было на фотографиях, что прошло мимо восприятия Макарьева, но оставило легкую отметину в подсознании. Что-то почти неуловимое. На грани ощущения.

«Наверное, сказываются напряжение и усталость двух последних суток. - Антон раздраженно тряхнул головой, стараясь отогнать тревожившие его мысли. - Поэтому и лезет в голову всякая дурь».

Он заставил себя читать и пару минут добросовестно водил глазами по строкам, пока не сообразил, что совершенно не воспринимает прочитанный текст. Перед его внутренним взором стояли запечатленные на фотографии люди. Космонавты и рабочая смена. Обычная фотография, но что-то на ней было такое, что отпечаталось в глубине подсознания и теперь напоминало о себе легким и почти незаметным беспокойством. Лица... Нет, только одно лицо. Чье-то лицо, с которым связано какое-то тревожащее душу воспоминание.

- Ерунда какая-то! - вслух произнес Макарьев, захлопнул журнал и вновь пододвинул к себе фотографии.

«Ну, что тут может быть особенного? Полинов, Моуманд, Лахов... Плюс космический генерал Джанибекин… Гм, космонавты как космонавты, лица как лица. Так, рабочая смена... У Паршинова усталое лицо и круги под глазами. Не удивительно - все испытания полковник провел фактически без смены, дневал и ночевал в испытательном зале. А вот подполковник Доцинов, напротив, доволен жизнью и улыбчив. Михаил Васильевич явно не перетрудился на подготовке нынешнего полета, но свою долю поощрений и

благодарностей отхватил, как всегда, сполна. Валера Павлов, мастер с завода. Тоже лицо как лицо. Правда, немного хмурое. Моуманд при посадке в корабль зацепился за штырь радиоантенны и немного его погнул. Поэтому Валерку ждут внеплановые работы в ночь с заменой распроклятой антенны. Н-да, поулыбаешься тут... Зато стажер Кирилл Ушаков тоже доволен, как слон после кормежки. Стажировка удалась. Начальник цеха объявил ему благодарность и от барских щедрот даже выписал небольшую денежную премию. И поэтому у вчерашнего студента и бессменного капитана команды клуба веселых и находчивых авиационного института есть маленький повод, чтобы порадоваться жизни. Типичная улыбка в американском стиле: растянутые губы и тридцать два зуба напоказ. Чи-из, дамы и господа! Кавээнщиков, что ли, специально так учат улыбаться?»

«Стоп! – Макарьев звонко хлопнул себя ладонью по бедру. - Вот же оно! Кавээнщик»...

Он вспомнил! То, что мельком отметило подсознание, вырвалось, наконец, из тьмы полузабытья и сфокусировалось в ясное и точное воспоминание.

Почти три месяца назад, в июне, сразу после запуска космического корабля с советско-болгарским экипажем, в кабинете капитана Лопатина на традиционный «мальчишник» собралось отделение систем жизнеобеспечения - Доцинов, Петровин, Беланов, гражданские инженеры. Потом подошли Глуховцев и Бехтерев, а с ними и Кирилл Ушаков. Ушаков тогда был явно в творческом ударе и блистал своими талантами весь вечер. Он пел под гитару, хохмил и как из рога изобилия сыпал очень смешными анекдотами. Но вершиной веселья стала его достаточно злая политическая пародия, когда он поочередно вдруг заговорил голосами Брежнева, Черненко и Горбачева. Ну, а потом Кирилл стал копировать голоса Доцинова, Глуховцева, Бехтерева...

Антон вскочил со стула, на ходу выдернул из розетки шнур начавшего пускать пар чайника и выскочил в коридор.

21.
2 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.

Командира отделения термостатирования капитана Тараса Якушина Макарьев нашел около испытательного стенда корабля «Союз». Якушин расстелил на рабочем столе похожую на грязно-розовую простынь схему испытаний одного из агрегатов и сосредоточенно водил пальцем по запутанным пересечениям линий и кривых.

- Добрый день, Тарас Алексеевич! - поздоровался Антон.

Якушин оторвался от изучения документации и поднял взгляд на Макарьева:

- Привет, Антон. Что нового в братском отделении систем жизнеобеспечения?

В голосе Якушина звучала обычная дружеская подначка.

- Все по-старому. Доцинов работает на стартовом комплексе, Петровин - на заправке, Беланов вообще куда-то смылся...

- Ага, а ты шатаешься по испытательному залу вместо того, чтобы заниматься общественно-полезным трудом, - шутливо съязвил Якушин.

- Я сегодня уже внес свой большой вклад в светлое дело освоения космического пространства, - весело парировал Макарьев и со значением добавил:

- В точном соответствии с инструкциями по эксплуатации и утвержденной программой испытаний, между прочим.

- Информацию принял, - капитан хитро улыбнулся уголком рта. Во второй испытательной группе капитан Якушин отвечал за соблюдение всеми расчетами правил

техники безопасности. - Ну, а сейчас ты явился, чтобы подставить свое крепкое мужское плечо коллегам из отделения термостатирования, которые зашиваются от чрезмерного объема работы? Антоша, я всегда верил в пробуждение твоей совести!

- Хочу тебя огорчить, Тарас Алексеевич, - с язвинкой хохотнул в ответ Макарьев. - Моя непутевая совесть где-то по-прежнему беспробудно дрыхнет.

- Ты только не ори об этом так громко, - Якушин заговорщицки подмигнул Антону. - Услышит комсорг части - беды не оберешься! Завалит тебя общественными нагрузками до самого дембеля.

- Отобьюсь как-нибудь! - бесшабашно отмахнулся Антон. - Тарас Алексеевич, ты мне вот что скажи… Где можно найти вашего стажера Кирилла Ушакова?

- Ха, да ты никак соскучился? - Якушин криво усмехнулся. - Спроси что-нибудь полегче!

- В каком смысле? - не понял Антон.

- В том смысле, что загулял наш адмирал Ушаков, - засмеялся Якушин. - В воскресенье вечером сказал друзьям, что собирается съездить на денек-другой в Кзыл-Орду - и все, только мы его и видели!

- Что, так за три дня и не появился?

- Да пропал с концами, я тебе говорю! Как ушел двадцать восьмого вечером, так и нет до сих пор.

- Может, заболел? Лежит у себя в общежитии, температурит…

- Ага, заболел, как же! - Якушин покачал головой. - Парень, который с ним живет в одной комнате в общаге, говорит, что с понедельника нашего Кирилла как корова языком слизала! Поверь, загулял наш стажер, Антоша! Шерше ля фам, скорее всего!

- Гм, что-то раньше за ним такого не наблюдалось...

- Все когда-нибудь происходит впервые, - философски изрек Якушин, но потом его лицо сделалось серьезным:

- Шутки шутками, Антон, а Кирилла действительно нет больше трех суток. Мы с ребятами из нашего отделения уж не знаем, что и думать...

22.
2 сентября 1988 года.
Космодром Байконур,
Ленинск - вторая площадка.

Агент начал нервничать.

Все началось еще позавчера, когда он после окончания работ ехал домой в Ленинск.

Было жарко и душно. Он стоял у открытого окна вагона мотовоза и смотрел, как на нижнем плацу заместитель командира части подполковник Тихонравов проводит смотр очередной дежурной смены. Зрелище обещало быть веселым. Тихонравов славился на второй площадке своим неуемным стремлением всегда и везде строить жизнь строго по военному уставу. И следствия его жизненных принципов в полной мере сейчас ощущала на себе заступающая в суточные наряды дежурная смена, молодцевато мерявшая шагами размякший от жары асфальт плаца.

Досмотрев спектакль на плацу до конца, Агент уже было собрался вернуться в купе, где коллеги готовились «расписать пульку», когда уголком глаза заметил около перрона знакомую фигуру. Перепрыгивая через две ступеньки, по лестнице к мотовозу спешил переодетый в гражданскую одежду Антон Макарьев. Движения его гибкого, мускулистого тела были мягки и легки, как у устремившегося в погоню за добычей тигра.

«Этот еще куда собрался? – зло скрипнул зубами Агент. - Снова в штаб полигона, что ли?»

Он проводил глазами вскочившего в вагон почти на ходу Антона, шепотом выругался и ушел в купе. Агент попытался забыться за игрой в карты, но настроение было испорчено окончательно. Может, поэтому не шла и

карта. К моменту приезда мотовоза в Ленинск, Агент вдрызг проигрался и, раздраженно швырнув на стол колоду карт, не отвечая на подначки и хохмы коллег, выскочил из вагона едва только поезд начал тормозить у платформы вокзала.

Он быстрыми шагами пересек улицу 50-летия СССР, круто свернул вправо у ворот городской комендатуры и, наконец, замедлил шаг. Агент достал из кармана рубашки пачку сигарет и зажигалку. Пальцы мелко дрожали, и ему с трудом удалось прикурить.

«Это все проклятые нервы, - подумал он, глубоко затягиваясь сигаретным дымом. - Мне сейчас нужно взять себя в руки и успокоиться. Я же выиграл, я уже стопроцентно выиграл. Осталось сделать несколько шагов - и я получу свободу и деньги. Нет, наоборот: деньги и свободу. Ведь именно деньги дают свободу. Хотя, впрочем, какая мне разница, что первично – деньги или свобода? Важен результат. Конечный итог. И вообще, если хорошенько подумать, - это на самом деле одно и то же: деньги и свобода».

Стоя в тени деревьев, Агент докурил сигарету, двумя пальцами отстрелил окурок в сторону и неторопливо, расслабленной походкой уставшего за день человека зашагал в сторону площади Ленина. Домой ему идти не хотелось, и он решил немного прогуляться.

Следующую пару часов Агент потратил исключительно в свое удовольствие. Прошелся по улицам, полной грудью вдыхая посвежевший вечерний воздух и окончательно приводя нервы в порядок. Зашел в небольшое кафе на углу улиц Горького и 8-го марта, где пару недель назад, после трех лет жестокой антиалкогольной кампании, снова начали продавать на разлив пиво, и не торопясь, смакуя янтарный напиток, выпил пару пол литровых, слегка запотевших бокалов. Тревога и страх окончательно ушли прочь, уступив место безразличию и усталости.

«Теперь домой - и спать, - приказал он сам себе, когда почувствовал, что глаза начинают слипаться, и

поднялся из-за стола. - Спать, спать и спать. Чтобы завтра проснуться отдохнувшим и свежим. Мне нужно хорошо отдохнуть, чтобы сделать оставшиеся несколько шагов и получить свободу и деньги. Деньги и свободу».

Едва передвигая налившимися тяжестью ногами, ссутулившись, он медленно побрел по улице в сторону своего дома.

Агент пересекал площадь Королева, когда снова увидел Макарьева. Стройная фигура лейтенанта показалась в дверях кафе «Снежинка». Рядом с Макарьевым шла хрупкая черноволосая девушка в голубом летнем платьице.

Страх накатил внезапно и удавкой сжал горло. Агент судорожно открывал рот, но несколько мгновений просто не мог дышать. Сделав шаг в сторону с тротуара, он постоял, бессильно прислонившись плечом к еще теплой стене «хрущевки», выходившей своим фасадом на площадь Королева. Потом, собравшись с силами, он оттолкнулся ладонями от бетонной плиты и нетвердой походкой зашагал через площадь.

Агент старался держаться на расстоянии и не упускать из виду Макарьева и его спутницу. И очень скоро снова смог убедиться: лейтенанта опять «ведут». Двое «топтунов» незаметно двигались следом за парочкой, неспешно шагавшей куда-то по проспекту Королева. Один, тот самый, которого Агент видел вчера днем около испытательного корпуса, шел за Макарьевым и его подругой, отставая примерно метров на тридцать. Второй - Агент раньше его еще не встречал - двигался параллельным курсом по другой стороне проспекта.

«Значит, «топтунов» - если считать и вчерашнего сменщика этого первого, - как минимум, трое, - отметил про себя Агент. Хмель окончательно выветрился из его головы. - Ого, а это уже серьезно! Что же, черт возьми, происходит?»

Страх постепенно оставлял Агента. Осталась только злость. Злость на распроклятого лейтенанта, который неожиданно возник буквально ниоткуда перед

самым началом всей операции. Который почему-то все время путается под ногами. И который, очевидно, стал важным свидетелем какого-то события, если его «вели» - а, значит, и охраняли, - по крайней мере, три «топтуна».

«Вряд ли дело тут только в том, что контрразведка может подозревать Макарьева в двойной игре. Например, в том, что он не случайно вышел на диверсантов, - лихорадочно думал Агент. - Слишком уж мощно они за него взялись. Шутка ли, три человека на «хвосте»! Сменяя друг друга! Нет, все не так просто!»

«А эта девчонка рядом с ним... Где-то я ее раньше видел... Ах, да! Узел связи командного пункта! Телефонистка!»

«Ну, и причем в нашем раскладе телефонистка? Очередная девка, за которой решил приударить наш лейтенант. Молодой, гормоны играют. Телефонистка...»

Догадка пришла так внезапно, что Агент даже остановился.

«Телефонистка! Телефонистка узла связи командного пункта!»

Его лоб моментально покрылся холодным потом.

«Узел связи командного пункта контролировал всю связь на площадке в ночь перед стартом. И телефонную связь тоже. Может эта телефонистка что-то знает о том звонке на КПП? Нет, не может быть... Или все-таки да? Можно ли с узла связи командного пункта определить, откуда был звонок на КПП? Наверное, можно... Черт возьми, а я ведь упустил из виду такую возможность! А что если оператор связи, вот эта девчонка-телефонистка, запомнила, с какого аппарата был сделан звонок? И знает, что на КПП Макарьеву в ночь перед стартом космического корабля звонили не со смотровой площадки?»

Макарьев и Ульяна тем временем дошли до Дома связи и скрылись из виду за дверями переговорного зала. Один из «топтунов» скользнул за ними следом, а второй сел на лавочку недалеко от входа и развернул газету, делая вид, что внимательно что-то читает.

«Плотненько опекают. Интересно, куда это Макарьев собрался звонить? Домой, к родителям, что ли? Или нет? Вот бы узнать! Пойти следом за ними, открыто зайти в переговорный зал? Нет, нельзя, я сразу же попаду в зону наблюдения и «засвечусь». Мне только еще не хватает, чтобы эти «топтуны» заодно заинтересовались и мной! Вот уж это совсем мне ни к чему! Но куда же, черт побери, он звонит?»

Агент внимательно огляделся вокруг. Быстрым шагом пересек улицу и вошел в крайний подъезд пятиэтажной «хрущевки», окнами выходившей на Дом связи. Он поднялся до лестничной клетки между третьим и четвертым этажом и открыл небольшое запыленное окошко. Отсюда, с высоты нескольких метров, через большие стекла окон Дома связи, был хорошо виден весь переговорный зал. Агент достал сигареты и закурил. Со стороны могло показаться, что человек просто вышел покурить на лестничную клетку, чтобы не дымить в комнате.

Ждать долго ему не пришлось. Макарьев со своей спутницей, - а следом за ними, и их провожатые, - покинули Дом связи не более чем через четверть часа. Как только они двинулись по аллее к центру города и скрылись из виду, Агент отшвырнул окурок, быстро спустился вниз и стремительной походкой вошел в переговорный зал.

- Девушка, милая, - он наклонился к окошку оператора, - тут только что мой друг разговаривал из третьей кабинки, а я на минутку вышел и мы разминулись. Вы не могли бы подсказать, он два звонка сделал или один?

Миловидная девушка - казашка пробежала глазами по записям переговоров в журнале регистраций:

- Ваш товарищ сделал один звонок.

- А куда, можно узнать?

Девушка-оператор подозрительно-оценивающе стрельнула на него глазами, но все же ответила:

- В Рязань, время разговора семь минут. Больше он ничего не оплачивал.

- Спасибо, девушка, - Агент растянул губы в ухмылке. – А можно у вас сделать заказ еще на один звонок? Москва, номер...

Агент еще несколько минут покрутился в зале, а потом вышел на улицу и зашагал прочь. Вскоре телефонисты дадут заказ на Москву, но заказавшего переговоры в зале не окажется. Обычная история, так часто бывает: заказал человек разговор, а потом передумал. И девушка-казашка, если вдруг кому-то приспичит узнать, что Агент делал в Доме связи, вспомнит не о том, что он интересовался чужим звонком в Рязань, а о его московском заказе. Заказал, но разговора не дождался. Наверное, просто передумал.

Макарьева и его провожатых Агент, конечно, уже потерял из виду. Можно было пройтись по улицам в надежде отыскать лейтенанта и его «хвост». Но особого смысла Агент в этом не видел. Ну, куда еще мог пойти в Ленинске этот растреклятый лейтенант со своей девчонкой? На киносеанс в Доме офицеров? Снова в какую-нибудь кафешку? Какой смысл тащиться за ним следом? Есть только риск попасть на глаза отслеживающим Макарьева «топтунам».

Поэтому Агент от Дома связи направился к себе домой. Дома, плотно поужинав, он устроился в кресле напротив телевизора. Шел какой-то второстепенный футбольный матч всесоюзного чемпионата. Футболисты ползали по полю как сонные мухи, и мысли Агента постепенно снова вернулись к событиям минувшего дня, к этому все время путавшемуся у него под ногами лейтенанту.

«Что ему могло понадобиться в Рязани? Или кто мог понадобиться? Гм... Мало ли... Может, у него там кто-то из знакомых живет. Или родственник. А может родня этой девицы - телефонистки? Рязань... Кто-то мне что-то говорил об этом городе. И причем совсем недавно... Вспомнить бы!»

Несколько минут Агент добросовестно пытался отыскать в памяти, кто и в какой связи в последние дни упоминал при нем о Рязани, но так ничего и не вспомнил. В конце концов, он махнул рукой, выключил телевизор и отправился спать.

...Проснулся он в половине третьего ночи. Проснулся оттого, что именно во сне к нему пришел ответ - кто, где и когда вел разговор о Рязани.

Вечером двадцать седьмого августа, в прошлую субботу, в каптерке у Лопатина собрался очередной «мальчишник». Собрались посидеть после трудового дня, немного расслабиться, выпить чаю и по сто грамм разведенного водой - серебрянкой спирта. Ближе к концу вечера подвыпивший Лопатин стал жаловаться, что из-за летних отпусков в наряды ходить стало некому. Кто-то с ходу и предложил послать в караул к ракете капитана Полякина. Просто для хохмы: караул под «елочкой» считается легким нарядом, для лейтенантов, капитаны в него обычно не ходят. Вот пусть и идет - ха-ха - Полякин. Чтобы, значит, «мальчишники» наши не пропускал. Как сегодня, например. Но Лопатин возразил, что у Полякина уважительная причина для пропуска «мальчишника». Почти неделю назад он уехал в очередной отпуск. В Рязань, к родителям жены.

«Вот где я слышал недавно про эту гребаную Рязань, - рот Агента искривился в судорожной ухмылке. - Да, все-таки выпил я тогда порядочно... Не удивительно, что не смог вспомнить сразу».

Он повернулся на бок, закрыл глаза и снова - уже в который раз за последние сутки! - попытался успокоить нервы и уснуть. Но сон не приходил. С полчаса помаявшись в кровати, Агент встал и босыми ногами прошлепал к холодильнику. Достал початую бутылку армянского коньяка, наполнил почти до краев рюмку и залпом выпил. Рюмка коньяка без закуски, натощак, иногда помогала ему расслабиться.

Агент присел на краешек табуретки. По желудку медленно разливалось приятное тепло, даря телу ощущение физического удовлетворения.

«Все-таки есть в жизни маленькие радости, - сразу чуть повеселев, подумал Агент. – В том-то и прелесть судьбы, что она иногда способна дарить неожиданные подарки. Маленькие, но приятные сюрпризы».

Он вдруг почему-то вспомнил, как в тот вечер, двадцать седьмого августа, в каптерке капитана Лопатина неожиданно просто разрешилась «проблема Макарьева». Проблема неожиданно вернувшегося из отпуска лейтенанта, который своим присутствием мог сорвать четко спланированный ход всей операции. А не послать ли Макарьева в наряд? Что, есть несогласные? А давайте тянуть жребий. Вытащите сломанную спичку - в караул «под елочку» идет Макарьев, целую - найдем офицера из другого отделения.

Вот тут уж его не подвела смелость и природная смекалка. Незаметно для других Агент сломал не одну, а две спички. Вытащили, естественно, сломанную, и в наряд отправился Макарьев.

«Хотя, наверное, все-таки было бы лучше, если бы тогда в наряд пошел кто-нибудь другой, - Агент с горечью вздохнул. – Даже если бы этот другой и выжил после стычки с диверсантами, он не стал бы сейчас путаться под ногами, как этот настырный лейтенант!»

«Наверное, я зря запаниковал, - подумал он, уже лежа в кровати. - Все это просто цепь случайных совпадений. В стычке с афганцами Макарьев остался жив волей случая. С девицей-телефонисткой с узла связи у него обычный романчик. А Полякину лейтенант, наверное, звонил просто по дружбе, просто потрепаться... Гм, чего ж это я завелся, а? Нервы. Нервишки шалят!»

…Утром Агент проснулся бодрым и отдохнувшим. От вчерашних страхов и тревог не осталось и следа. Без забот прошел и весь следующий день. Но вот потом...

Первую половину дня в пятницу его мысли были заняты испытательными работами на «Прогрессе». Но все же, делая замеры давления в баках системы жизнеобеспечения корабля, проверяя краны заправки и заполняя журналы проверок, он нет-нет, да и поглядывал в сторону Макарьева. Просто так, почти по привычке, без всякой конкретной мысли.

Следившие за Макарьевым парни снова сменились. Сегодня это были совершенно другие люди. Но Агент опять вычислил их достаточно быстро. Во-первых, в испытательном корпусе работает не так уж много людей, чтобы не заметить нового лица. А во-вторых, оба «топтуна» старательно имитировали работу, а не работали по-настоящему.

«Слабаки, - с легким презрением подумал Агент. - Что же это за страна, где даже работники спецслужб откровенно халтурят? Господи, скорей бы отсюда смотаться»...

Незадолго до полудня работы на «Прогрессе» закончились. Агент, на ходу снимая рабочий халат, спустился с испытательного стенда. Теперь он был свободен до утра завтрашнего дня. Можно было со спокойной душой уйти в комнату отдыха, перекинуться в картишки или же посмотреть телевизор, который тайком от начальства притащили на территорию испытательного корпуса ребята - телеметристы. Но какое-то почти незаметное ощущение тревоги на самой границе сознания все же заставило его задержаться в монтажном зале.

Агент зашел за старый испытательный стенд, который остался в зале еще со времен запуска первых «Союзов», и присел на низкую алюминиевую скамеечку.

Отсюда, из-за стенда, Агенту хорошо был виден весь зал. Вот протопали тяжелыми ботинками по металлическому перекрытию солдаты из отделения обслуживания головного обтекателя с громоздкими серыми ящиками в руках. Коротко прогрохотал по рельсам мостовой кран под потолком, перетаскивая в глубину зала чье-то испытательное оборудование.

Сворачивают в бухты прорезиненные шланги наддува два ефрейтора из расчета двигателистов капитана Колодина. Лейтенант Макарьев - снова этот Макарьев, черт его возьми! - пружинящей походкой шагает к соседнему испытательному стенду, на котором готовят к консервации резервный корабль «Союз».

«Куда это его понесло? - Агент насторожился. - Работ на «Союзе» у нас сегодня нет. Куда же он собрался?»

После предстартовой ночи он возненавидел Макарьева. Вопреки его замыслу, желторотый лейтенант каким-то чудом остался в живых и даже вышел победителем из схватки с диверсантами. Поэтому пришлось лихорадочно импровизировать и срочно кончать Бехтерева...

Агент впился взглядом в спину лейтенанта. Макарьев подошел к стенду и о чем-то заговорил с капитаном Якушиным. Лица лейтенанта Агент видеть не мог, а вот на лице капитана сначала появилась улыбка, но к концу разговора Якушин почему-то нахмурился и брови его сошлись у переносицы. Да и на лицо Макарьева, когда он расстался с капитаном и вышел из зала, легла тень озабоченности и задумчивости. Разговор, начавшийся на радостной ноте, закончился далеко не весело.

Агент подождал еще несколько минут и тоже направился к стенду «Союза».

- Привет, Тарас, - на лице Агента заискрилась доброжелательная улыбка. - Что это ты с утра такой задумчивый? Работа замучила? Может пора собраться и чуток расслабиться, а?

- На этой неделе не получится, - Якушин устало качнул головой. - Веришь - комиссия за комиссией. Одни проверили, не успела дверь закрыться, глядишь - а на пороге уже другие. А в понедельник - вторник - давай, соберемся.

- Только, Тарас, чтобы все наши ребята были! А то некоторые совсем от рук отбились. Вот Макарьев без

дела по залу шляется. Что, наверное, опять куда-то отпрашивался?

- Нет, он Кирилла Ушакова разыскивает. Загулял где-то наш инженер-стажер...

- На то он и стажер, чтобы стажироваться! - Агент загоготал, растягивая губы в ухмылке. - Опыт приобретать! Инженерно-сексуальный!

Простившись с капитаном, Агент с застывшей на лице улыбкой поднялся в свою комнату, запер дверь на ключ и почти упал на кушетку, стоявшую около стены.

Интуиция не подвела его и в этот раз. Наш дорогой лейтенантик что-то явно разнюхал и взял след. Копает наш Антоша Макарьев. В очень опасной близости копает.

Ситуация круто изменилась. Воевать на два фронта - и против контрразведки, и против сопляка Макарьева - опасно. Хотя, если разобраться, какой из Макарьева может быть противник? Так, щенок. Но будет очень неприятно, если в разгар поединка с контрразведкой этот щенок вдруг в самый неподходящий момент тяпнет за ногу. Нет, Макарьева нужно как-то обезвредить. И чем раньше, тем лучше.

...Окончательное решение Агент принял, когда рейсовый пассажирский автобус со сто тринадцатой площадки подвозил его к Ленинску. Именно здесь в прохладном - за кабинкой водителя трудолюбиво урчал небольшой кондиционер, - и полупустом салоне, покачиваясь на поворотах и небольших ухабах в мягком и удобном кресле, он пришел к выводу, что должен убить ненавистного ему лейтенанта.

Только нужно сделать так, чтобы Макарьев умер вроде бы случайной смертью. Например, в результате несчастного случая. Который может произойти во время испытательных работ.

Тогда и все концы в воду.

23.
2 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.

Ровно без пяти минут двенадцать Антон Макарьев поднялся на третий этаж монтажно-испытательного корпуса и позвонил в дверь командного пункта. Дверь приоткрылась почти сразу же – словно находившийся за ней дежурный ждал звонка. Дежурным сегодня оказался совсем молоденький солдатик.

- Добрый день! - Макарьев предпочел неуставную форму приветствия. - Будь добр, пригласи-ка мне ефрейтора Соронину.

- Слушаюсь! - солдат прикрыл перед Макарьевым дверь и отправился в глубь командного пункта.

Не прошло и минуты, как Антон с замиранием сердца услышал звенящий перестук каблучков, и Ульяна выпорхнула в коридор.

- Здравствуйте, Уля! - сердце Макарьева снова учащенно забилось.

- Здравствуйте, Антон, - Ульяна улыбнулась и сходу поинтересовалась:

- Как продвигается наше расследование? У вас есть новости?

- Я, кажется, нашел человека, который мог звонить мне в ночь перед стартом и говорил голосом Бехтерева! – с радостью выпалил Макарьев.

- Вот как! И кто же это? – левая бровь девушки вопросительно приподнялась.

Они отправились в столовую, и по дороге Макарьев рассказал Ульяне, о фотографиях, полученных от замполита Андрущакова, и о том, как он вспомнил об артистических талантах Кирилла Ушакова.

- Очень любопытно, - печать задумчивости легла на лицо Ульяны. - Получается, что линия нашего расследования вдруг уперлась в фигуру инженера Ушакова. Который вдруг загадочным образом исчезает как раз после вашей стычки с диверсантами...

- Честно говоря, мне не верится, что за этим телефонным звонком - если, конечно, я прав и звонил именно Ушаков, - стоит злой умысел, - засомневался Макарьев. - Я немного знаю Кирилла. Его стиль - шутить, петь песни, устраивать розыгрыши...

- Розыгрыши? - на лбу Ульяны появилась едва заметная морщинка. Послушайте, Антон, а не мог ли тот звонок на КПП быть простым розыгрышем?

- Розыгрышем? Гм... Конечно, мы были знакомы с Кириллом... Но вовсе не были настолько близки, чтобы он решился на такой розыгрыш. Отправить с КПП вооруженный наряд по ложному заданию - это, знаете ли...

- Да, крутовато для розыгрыша. И не ясно, почему сразу после звонка Ушаков исчез? Или сбежал?

- Потому, что он стал нежелательным свидетелем, - предположил Антон. – Если он звонил мне по чьему-то поручению, - а так, скорее всего, и было, - то Ушаков – ключ к разгадке всей этой истории. Ключ, который решили упрятать. Или убрать как можно дальше.

Ульяна замедлила шаг:

- Ладно, сбежал Ушаков или не сбежал - покажет время. А пока в нашем расследовании появился первый реальный подозреваемый... Антон, а часто Кирилл Ушаков демонстрировал свои эстрадные таланты?

- На моей памяти всего один раз, - подумав, ответил Макарьев. – В день старта «Союза» с советско-болгарским экипажем. Мы тогда собрались после запуска в «каптерке» у Лопатина… Успешный старт корабля отметить, ну, и слегка расслабиться…

Ульяна сжала локоть Макарьева и остановилась:

- Антон, вспомните, пожалуйста, кто тогда присутствовал на вашем празднике?

- Кто присутствовал? – Макарьев наморщил лоб, припоминая:

- Из нашего отделения были я, капитан Полякин, Беланов… Михаил Зеленин был в отпуске… Были еще Глуховцев с Бехтеревым. Разумеется, Лопатин… От

управленцев – Михайленко, Доцинов, Петровин. Ну, и гражданские инженеры были: Симонов, Шестюк, Кузин. Гм, Симонов тогда только на космодром приехал, первый раз с нами запуск отмечал… И, конечно, был Кирилл Ушаков.

- Тринадцать человек, - подсчитала Ульяна. - Если Кирилл Ушаков больше никому не демонстрировал свои таланты, то убийцу Бехтерева нужно искать среди них.

- Это еще почему? – слегка опешил Макарьев.

- Элементарно, Холмс, - засмеялась девушка. – Предположим, что некто решил использовать Ушакова, чтобы голосом Бехтерева отдать вам приказ проверить периметр. Для этого он должен знать о талантах Ушакова. А их Кирилл демонстрировал на публике только однажды…

- Не факт, Уля, - возразил Макарьев. – Ушаков мог копировать голоса и в других компаниях. В гостинице, например. Или у себя в общежитии. Ну, и кто-нибудь из нашей компании мог рассказать о талантах инженера своим знакомым…

- Тем не менее, Антон, к тем, кто был в тот день на вашей пирушке стоит пристально присмотреться.

- Да почему же?! – лейтенант слегка нахмурился, все еще не понимая, куда клонит девушка.

- Бехтерев умер от яда. Если это не самоубийство, то яд ему мог дать только убийца, - пояснила Ульяна с абсолютной уверенностью в голосе. - Как? Например, Бехтерев мог выпивать с убийцей. Антон, как вы думаете, стал бы ваш майор пить с незнакомым человеком?

- Ни в коем случае, - Макарьев решительно тряхнул головой. – Трофимыч только с самыми близкими людьми позволял себе выпить рюмку-другую.

- Угу, вот и я о том же, - кивнула Соронина. – Те, кто слышал, как Ушаков копирует голоса на вашем празднике после успешного запуска, и были самыми близкими товарищами вашего майора. Разве не так?

- Э… Так, - вынужден был согласиться Макарьев.

- Если исключить из числа знавших о талантах Ушакова умершего Бехтерева, капитана Полякина, который сейчас в Рязани, и вас, Антон, то у нас останутся…

- Десять человек, - Макарьев принялся загибать пальцы. – Сам Ушаков… Глуховцев, Лопатин, Беланов, Симонов, Кузин, Шестюк, Петровин, Доцинов Михайленко.

- Мне подсказывают женская интуиция и логика, - в глазах Ульяны блеснул шаловливый огонек, - что возможного убийцу и пособника диверсантов нужно искать среди этой десятки.

24.
3 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.
Монтажно-испытательный корпус 1А.

- Ребята, сегодня проводим проверку герметичности стыковочного узла!

Подполковник Михаил Васильевич Доцинов, маленького роста, плотный и коренастый, с выгоревшей на солнце белесой шевелюрой и такими же белесыми ресницами над водянисто-серыми глазами, едва не светился от счастья. Проверка была простенькой и по времени занимала от силы два с половиной - три часа. После этого можно было со спокойной душой отправляться по своим делам, которых у Михаила Васильевича в связи с предстоящим в конце года дембелем становилось все больше и больше.

- Работать будем, как обычно, двумя расчетами, - Доцинов достал из нагрудного кармана рубашки лист бумаги, развернул его и принялся читать:

- Первый расчет будет работать около стыковочного узла. От воинской части работает старший лейтенант Беланов, от управления - подполковник Петровин, от фирмы - изготовителя - инженер Шестюк.

Второй расчет работает в нижней части испытательного стенда, около насосов. Работают лейтенант Макарьев, майор Михайленко и инженер Кузин. Мы с Артуром Семеновичем, - он покосился на стоявшего рядом Симонова, - обеспечиваем общее руководство.

Доцинов спрятал план работ в карман и скользнул взглядом бесцветно-серых глаз по стоявшим перед ним в одной шеренге людям:

- У кого есть вопросы? Нет вопросов. Тогда по рабочим местам, товарищи.

- Ну, что, начнем? - майор Михайленко снял фуражку и повесил ее на вентиль неподключенной к воздушной сети пневмосистемы. - Где насосы и оборудование?

- Все уже на месте, - Антон мотнул головой в сторону подножия испытательного стенда. - Мы с Белановым еще вчера насосы установили. Осталось только собрать электросеть.

- Хо, это годится! - обрадовался Виктор Иванович. Теперь ему не светило вместе с Макарьевым тащить на своем горбу весившие едва ли не полцентнера насосы от комнат отделения систем жизнеобеспечения до места проведения работ. А значит, роль майора Михайленко в проведении испытаний сводилась, в основном, к простому наблюдению и оперативному контролю. - Ладно, тогда мы с Виталей сходим перекурить, а ты пока разберись с электрокабелями.

Он барственно взмахнул рукой и шлепнул по плечу ладонью инженера Виталия Кузина:

- Виталя, ты что сегодня куришь?

- Как обычно, - Кузин извлек из кармана рабочего халата пачку «Явы». – Традиции непоколебимы, сэр! Угостить?

- Как обычно, - Михайленко раскатисто захохотал. Он уже месяца два как перестал покупать курево - по настоянию жены бросал курить. Но каждое утро по-прежнему «соблазнялся» на парочку-троечку сигарет за чужой счет. Как правило, жертвой желающего

подзарядиться очередной порцией никотина майора становился безотказный Виталик Кузин.

Кузин был, пожалуй, самым беззаботным и веселым человеком из всей команды гражданских специалистов, работавших по обслуживанию систем жизнеобеспечения. Вихрастый, со всегда всколоченными длинными рыжими кучерявыми волосами, немного неопрятный и патологически забывчивый, Виталик Кузин производил впечатление человека, вся жизнь которого построена на шутках, уморительно смешных анекдотах и дружеских подначках. Вместе с тем он слыл человеком умным, с хорошо развитым логическим мышлением.

И порядок проведения испытаний, и всю необходимую для этого технику Макарьев знал, как свои пять пальцев. Поэтому работал почти автоматически: руки соединяли разъемы вакуумных шлангов и контакты электрокабелей, а мысли витали очень далеко от схем испытаний и проверок.

…Вчера вечером Макарьев с Ульяной допоздна гуляли по городским улицам. Прямо с мотовоза Ульяна отправилась домой, чтобы сменить форменные юбку и рубашку на обычное гражданское платье. Макарьев терпеливо дожидался ее на деревянной лавочке у входа в общежитие.

- Антон, - окликнула его Ульяна, приоткрыв окно. - Вы как насчет перекусить?

- Э... Я еще не проголодался, - Макарьев попытался оказать видимость героического сопротивления.

- Не верю, - жестко отрубила в ответ Ульяна. - Ну-ка, поднимайтесь сюда. Второй этаж, комната двадцать семь.

Дважды приглашать Макарьева не пришлось. Он ракетой взлетел по лестнице на второй этаж и постучался в дверь Ульяниной комнаты.

- Заходите, Антон, - Ульяна распахнула перед ним двери. - Я сейчас быстренько приготовлю бутерброды, а вы...

Она взяла со стола чайник и вручила его Макарьеву:

- А вы пока вскипятите воду для чая. Кухня у нас в конце коридора. Спички у вас есть?

- Никак нет! - Макарьев стал по стойке «смирно», выпятил подбородок и округлил глаза. Округлый пузатый чайник он попытался зажать под мышкой.

Ульяна весело прыснула:

- Очень плохо, товарищ лейтенант. То, что вы не курите, - это хорошо. А вот спички должны быть при вас на все случаи жизни!

- Виноват! - Антон тряхнул головой и щелкнул каблуками туфель.

- Ладно, придется вам помочь. В виде исключения, - Ульяна пошарила рукой на полке над столом и протянула Макарьеву коробок спичек. - Это избавит вас от необходимости добывать огонь трением.

- Разрешите идти?

- Как, вы еще здесь? - Ульяна изобразила на лице крайнюю степень удивления. - Кругом и шагом марш!

Потом они пили чай с приготовленными Ульяной бутербродами. Когда чаепитие уже подходило к концу, дверь комнаты распахнулась и на пороге появилась стройная черноволосая женщина в форме ефрейтора.

- Так, - она демонстративно насупила брови. - Мужчина на женской половине! А я-то думаю, куда это прямо с дежурства рванула наша Ульянка! Только пятки засверкали!

- Познакомься, Антон, - немного смутившись, сказала Ульяна. - Это Зина Кислицкая. Зин, это Антон Макарьев. Ну, я тебе говорила, помнишь? Мы решили чаю попить...

- Не оправдывайся, Соронина, - Зинаида, наконец, зашла в комнату и закрыла за собой дверь. - Чай да еще с бутербродами - это замечательно! Особенно после напряженного трудового дня.

Она взяла с тарелки бутерброд с сыром и откусила:

- Что я ценю в людях - так это здоровый практицизм! Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда.

Косметика и краска для волос сделали Зинаиду почти точной копией Ульяны. Если не вглядываться пристально в черты лица, их действительно можно было спутать. Различия становились заметны только тогда, когда Зинаида начинала двигаться и говорить. Ее движения были более резкими и порывистыми, а речь - более грубой и непосредственной.

- Представляешь, Улька, - Зинаида в два счета доела бутерброд и потянулась за следующим, - сегодня у капитана Клюева грандиозная вечеринка. Юбилей, между прочим! Вчера ему, оказывается, стукнуло тридцать, а он, паразит, молчит. Но мы с Анжелкой его разоблачили! Придется теперь нашему капитану сегодня накрывать стол! Слушайте, мальчики и девочки, а давайте вместе завалимся на огонек к Клюеву?

- Опять гуляешь? - Ульяна слегка нахмурилась. - Ох, Зина, не доведут до добра эти твои вечеринки. Каждый день столько пить - не многовато ли?

- Пустое, отобьемся! - Кислицкая отмахнулась и подмигнула Макарьеву:

- Это, лейтенант, в нашей Ульяне педагог проснулся. Она же у нас праведница! Почти что святая! Знаешь, как она иногда любит поучить уму разуму? Зануда страшная! Берет человека и пилит, и пилит...

- Зинка, стыда у тебя нет! - Ульяна возмущенно вспыхнула. - Это когда же я тебя пилила?

- Вот-вот, - Зинаида похлопала Макарьева по плечу и окинула подругу насмешливым взглядом. - Она еще и юмора не понимает! Находка, а не любимая женщина. Учти, лейтенант!

Зинаида налила себе в кружку чаю и уже серьезно сказала:

- А, правда, ребята, присоединяйтесь. Изысканного общества у Клюева я вам, конечно, не обещаю, но весело будет, это уж точно.

- Мы лучше пойдем погулять, - Ульяна покачала головой. - Правда, Антон?

- Пожалуй, действительно лучше куда-нибудь пройтись, - с готовностью поддержал ее Макарьев. Ему очень хотелось провести предстоящий вечер только с Ульяной, а вовсе не в очередной пьяной и развеселой компании.

- Ну, как хотите, - их отказ нисколько не расстроил Зинаиду. - А я сегодня расслабляюсь по полной программе.

Она повернулась к Макарьеву, и на лице ее снова появилось озорное выражение:

- Так, Макарьев! Чай пил? Бутерброды ел? Теперь хватай на руки свою принцессу - и марш из комнаты. Мне переодеваться пора!

- В общем, Зинка хорошая девчонка, - сказала Ульяна Макарьеву, когда они вышли на улицу. - Немного ветреная и выпить любит, но если что, всегда готова помочь.

Она взяла Антона под руку и заглянула ему в глаза:

- Куда мы сегодня пойдем гулять?

- Честно говоря, я даже и не знаю, - Антон растеряно улыбнулся в ответ. - Можно пойти в парк. Или снова в кафе.

- Да, Ленинск - это не Москва, - Ульяна огорченно вздохнула. - Здесь с развлечениями особо не разгонишься... Знаете что, Антон, а давайте пойдем сегодня в кино? В Доме офицеров, говорят, новый фильм. Фантастика.

- Отлично, - не раздумывая, с радостью согласился Макарьев. Ему было абсолютно все равно, куда идти, лишь бы только Ульяна была рядом. - Я, между прочим, обожаю фантастику. Особенно хорошую.

...К корпусу женского общежития они вернулись только к полуночи.

- Антон, вы из-за меня сегодня опять не выспитесь, - Ульяна виновато усмехнулась. - Мне очень стыдно, честное слово...

Антон взял ее руку, поднес к губам и поцеловал кончики пальцев:

- Вы замечательная девушка, Уля...

Он осторожно потянул Ульяну к себе.

- Вот этого делать не стоит, Антон, - она засмеялась и отрицательно тряхнула головой. - Прямо перед окнами, на глазах у всей общаги... Начнутся догадки и предположения...

- У меня есть желание пренебречь общественным мнением, - губы Макарьева сами собой растянулись в улыбке.

- Твердое желание? - искоса посмотрела на него Ульяна и в ее глазах блеснули шаловливые искорки. - Жалеть не будете?

- Никогда! - горячо выдохнул Антон.

Ульяна провела мягкой, теплой и узкой ладошкой по его щеке, приподнялась на цыпочки и поцеловала Макарьева в губы. Резко повернулась, почти бегом взбежала по ступенькам на крыльцо общежития и скрылась за дверью.

-...Макарьев, ты что заснул? - окрик майора Михайленко над самым ухом вернул Антона к реальности. - Стоит, смотрит на стену и улыбается!

- По второй площадке, - со смешком произнес подошедший к ним Виталий Кузин, - ходят упорные слухи, что нашего лейтенанта видели вчера в обществе очаровательной молоденькой дамы...

- Болтун - находка для шпиона, - краснея, отрезал Макарьев, и шутя ткнул Кузина кулаком в бедро.

- Так его, Антошка! – голова Женьки Шестюка высунулась со второго этажа стапеля:

- Бей трепача!

Кузин погрозил Шестюку пальцем, кашлянул и фальцетом запел:

- Выходите, девки, замуж
За Виталю Кузина –
У Витали Кузина
Большая кукурузина!

Все, кто находился в этот момент около испытательного стенда, прыснули со смеху.

Майор Михайленко, вытирая выступившие на глазах от смеха слезы, с наигранной строгостью рявкнул:

- Кончай бардак, инженеры! У нас испытания или концерт самодеятельности?

Антон, чутко уловив смену настроения майора, повернулся к Виктору Ивановичу и отчеканил:

- Товарищ майор, испытательная схема для проверки герметичности стыковочного узла собрана!

Михайленко удовлетворенно кивнул и поднес к губам микрофон переговорного устройства:

- Первый расчет! Вы готовы? Эй!

- Готовы, Виктор Иванович! - отозвался с четвертого этажа стенда Беланов, высунувшись над перилами ограждения. - Не насилуй микрофон, связь опять барахлит!

- Проклятье! - Михайленко гневно сжал губы и в сердцах швырнул микрофон на стул. - Мужики, ну когда же у нас будет хоть какой-то порядок? Надоело уже все это безобразие!

Виктор Иванович Михайленко обладал ярко выраженным холерическим темпераментом. Малейшая неувязка во время испытательных работ могла резко изменить его настроение и привести Виктора Ивановича в состояние едва ли не бешенства. Смуглое лицо майора наливалось кровью, глаза сужались, а крючковатый нос становился похожим на клюв готовящегося атаковать добычу орла. Требовалось хорошее знание психологии, чтобы вовремя утихомирить готового взорваться Виктора Ивановича. Поэтому подполковник Доцинов неспроста во время испытательных работ всегда сводил вместе Михайленко и Кузина. Только веселая безмятежность Виталика Кузина могла вовремя погасить воспламенявшегося темпераментного майора.

- Крепись, Иваныч! - Кузин вовремя вынырнул откуда-то из-за стенда и похлопал Михайленко по плечу. - Сам знаешь, техника в зале давным-давно выработала

свой ресурс, а финансы как всегда поют романсы... Так что, давай, отрабатывай командирский голос!

- Антон, подключай питание! – остывая, распорядился Михайленко и, сложив руки рупором, гаркнул:

- Эй, наверху! Беланов! Включаюсь в сеть!

- Понял! - светловолосая голова Олега снова показалась над перилами ограждения на четвертом этаже. - Начинай!

Макарьев взял в руки тяжелую металлическую вилку и направился к распределительному щиту. Толстый, похожий на огромных размеров змею, электрический кабель постепенно разматывался из кольцевой бухты и волочился за ним.

- Внимание, включаюсь! - Антон остановился у электрощита. Он приподнял вилку на высоту груди и поднес к розетке. Очередной виток электрокабеля сполз с бухты. Упругая волна прошла по змеевидному телу, выворачивая запаянный в пластиковую изоляцию провод. Металлическая вилка на конце кабеля, словно живая, рванулась из рук Антона. Макарьев едва успел перехватить неожиданно высвободившийся электрокабель, левой рукой поймав его уже в воздухе за пластиковую оплетку почти у самой горловины металлической вилки. Может быть, именно это судорожное движение и спасло Макарьеву жизнь.

Вилка, всего лишь на доли секунды выскочившая из рук Макарьева, коснулась корпуса розетки. Мощный бело-голубой электрический разряд молнией полыхнул между металлическими корпусами вилки и розетки. Антон шарахнулся назад, зацепился ногой за размотавшийся по полу кабель и, уже в падении ударившись затылком об стальной угол гелиевого течеискателя, рухнул на спину. Он еще успел увидеть летящие над головой яркие желто-оранжевые искры, прежде чем весь мир вокруг него завертелся в беспорядочном танце и погрузился в вязкую пелену мрака.

...Он был без сознания всего пару минут. Макарьев открыл глаза и увидел в вышине над собой яркие размытые пятна, а чуть ниже - раскачивающиеся из стороны в сторону и непрестанно смешивающиеся друг с другом розовые и салатно-зеленые лоскуты. Звуки исчезли, уши словно заложило плотной ватой.

Макарьев зажмурился и снова открыл глаза. Зрение постепенно стало восстанавливаться, пятна и лоскуты приобретать четкие очертания, превращаясь в горящие под потолком неоновые лампы и склонившиеся над лейтенантом испуганные лица испытателей. Несколькими секундами позже вернулся слух. А потом пришла тупая боль в области затылка.

- Смотрите, он открыл глаза! Кажется, приходит в себя.

- Где врач? - рявкнул чей-то бас почти над самым ухом. - Врача сюда, черт возьми!

- Он дышит? – тряским испуганным голосом спросили слева вверху. - Может попробовать искусственное дыхание?

Макарьев замычал и покачал головой. Затылок отозвался тупой и ноющей болью. Антон оперся руками об пол и сделал попытку приподняться:

- Не надо врача. Я сейчас встану.

Губы стали чужими, невероятно пухлыми и бесчувственно - деревянными. Голос звучал хрипло и сдавлено.

- Лежи, Антон, лежи, - Макарьев узнал голос Петровина. Подполковник придержал лейтенанта за плечи. - Пусть врач тебя сначала посмотрит, тогда и встанешь...

- Гляди, какая ссадина у него на затылке, - громко зашептали сзади. - И крови много!

Антон скользнул взглядом по сгрудившимся над ним людям:

- Да все нормально, ребята... Голова только немного болит...

Кто-то с трудом пытался протиснуться сквозь собравшихся вокруг Макарьева испытателей.

- Врач? Нет? Ах, да... Пропустите...

Решительно раздвинув в стороны испытателей, Ульяна Соронина опустилась на колени рядом с Макарьевым:

- Антон, Антошка... Ты меня слышишь?

- Конечно, слышу. И даже вижу, - Макарьев сфокусировал взгляд на испуганном, мертвенно-бледном лице девушки и сделал попытку улыбнуться. Улыбка на одеревеневших губах получилась жалкой и едва заметной.

- Живой, - облегченно выдохнула Ульяна. Ее глаза наполнились влагой, и крупные капли слез медленно покатились по щекам. - Живой... Антошка...

25.

3 сентября 1988 года.

Околоземная орбита, космическая станция «Мир».

- Я, уважаемые коллеги, скоро утрачу все навыки практикующего врача, - Полинов скатал в трубку бумажные ленты кардиограмм и сунул их за поясок крепления на настенной панели. - Неужели нельзя хотя бы раз в месяц кому-нибудь из вас четверых схватить самый простой насморк, а? Нельзя же быть все время абсолютно здоровыми! Это подозрительно, в конце-то концов!

Муса Монарев легонько толкнул локтем в бок Владимира Тутова, мотнул головой в сторону Полинова и захохотал:

- Володя, слышишь? Оказывается, медицина не довольна нашим здоровьем!

- Вот я и думаю, Муса, - проверявший приборы ориентации Тутов принял шутливый тон разговора и озабоченно почесал затылок, - может мне и вправду заболеть чем-нибудь? А то ведь и в самом деле Валера

лечить разучится. Градусники ставить, банки, клизмы там всякие...

- Клизма в невесомости? - Полинов ухмыльнулся и деловито потер руки. - А почему бы и нет? Такой экспериментик в космосе ни у нас, ни у американцев еще, кажется, никто не выполнял. Может, и впрямь попробуем? Ну-с, господа, кто из вас первым рискнет подвергнуться процедуре очищения кишечника в условиях невесомости? Смелее, смелее, ваше имя будет золотыми буквами вписано в историю мировой космонавтики...

- Шутники, - Лахов неуклюже выбрался из стыковочного отсека и с легкой укоризной покачал головой. - Честное слово, я вам завидую, ребята. Вы действительно свежо выглядите. Ну, прямо, как огурчики!

- Ну, да, такие же зеленые и пупырчатые, - сострил Монарев и оттолкнувшись от кожуха стационарной фотокамеры КАТЭ-140, уплыл под потолок станции. - И заметьте, милые друзья, все это несмотря на восемь месяцев интенсивного маринования в нашей металлической банке!

- А я бы с удовольствием сейчас с вами поменялся, - продолжал Лахов. - Семидневный полет - это все-таки очень мало. Не успеешь привыкнуть к невесомости, а уже пора возвращаться на Землю. Слушайте, мужики, а может, уговорим руководство, и я кого-нибудь из вас заменю? Муса, ты как?

- Вот уж дудки, - со смешком запротестовал Монарев из-под потолка. Он закреплял ремнями отцепившийся спальный мешок. - Восемь месяцев - это, Афанасьич, ни то, ни се. Мы с Володькой настроились летать ровно год. Вопреки всем случайностям и неожиданностям. Правильно, Вов?

- Ага, - Тутов наклонил голову в знак согласия и хитро усмехнулся:

- Знаешь, после трех подряд моих неудач, Владимир Афанасьевич, хочется хоть в этом полете

оторваться на полную катушку. Чтоб уж налетаться всласть.

Последние лет пять Володя Тутов был в отряде космонавтов живым средоточием всех бед и несчастий, которые могут выпасть на долю человека, готовящегося к длительному орбитальному полету. В первом полете Тутова сорвалась стыковка космического корабля со станцией «Салют-7». Оказалось, что в требуемое положение не развернулась антенна системы сближения, которая контролировала расстояние между двумя летящими по орбите аппаратами. Почти двое суток Тутов пытался «на глазок» состыковать свой корабль со станцией, но все попытки оказались тщетными, и экипажу пришлось вернуться на Землю досрочно. Вторую попытку отправиться в длительный космический полет Тутов предпринял через полгода. Но из-за неисправности топливного клапана ракета взорвалась еще на старте. Тутов и его бортинженер Стрекалин остались в живых только благодаря системе аварийного спасения, которая отбросила корабль от горевшей на стартовой позиции ракеты. А полтора года назад экипаж Тутова сняли с полета всего за пару суток до объявленного старта. У медиков возникло подозрение, что бортинженер в экипаже Владимира болен гепатитом. Опасения врачей оказались напрасными. Последующие обследования не подтвердили диагноз. Но было уже поздно - в полет ушел дублирующий экипаж. И только в конце прошлого года мечта Тутова совершить длительный полет начала, наконец, сбываться. Вместе с Мусой Монаревым ему первому из землян предстояло прожить на космической станции ровно один год.

- Жаль, - разочарованно вздохнул Лахов. - А у меня этот полет уже третий. Вряд ли еще удастся слетать...

- Не горюй, - отозвался Полинов. Он повис вниз головой над тренажером «бегущая дорожка» и пытался уложить в кейс шаловливо расплывающиеся в невесомости провода медицинской аппаратуры. – Бери

пример с Джанибекина. Орел! Пять раз в космос слетал. И еще рвется!

- Ну, ты нашел с кем сравнить! - скептически ухмыльнулся Лахов. - Володька Джанибекин - спец по коротким экспедициям. А мне бы еще раз на полгодика слетать...

- Размечтался ты, Владимир Афанасьевич, - Монарев неодобрительно покачал головой. - Знаешь, сколько пацанов в отряде сейчас ждут своего первого полета? А «Союзы» пока летают всего два - три раза в год.

- Не печалься, Афанасьич, ты еще обязательно слетаешь, - Тутов дружески похлопал Лахова по плечу. - Вот «Буран» этой осенью начнет летать. Сколько на нем человек может за один раз стартовать? Семь - восемь? Я так думаю, что и нам с тобой в этой птичке место найдется. Вот погоди, начнутся регулярные полеты...

- Дело не в технике, Володя, - тихо возразил Лахов. - Месяц назад мне исполнилось сорок семь лет. Для космонавта почти предельный возраст.

- Ну, это ты, братец, врешь, - Полинов, наконец, пристроил свой кейс с медоборудованием на креплениях около левого борта и повернулся лицом к собеседникам. - Какой, к черту, предельный возраст? Сколько лет было Слейтону, когда он участвовал в проекте «Союз» - «Аполлон», ты помнишь? Пятьдесят с хвостиком?

- Так это же американцы, - пожал плечами Лахов. - У них и медицинские критерии другие.

- Здоровье - оно и в Африке здоровье, - провозгласил Полинов, смешно кувыркнувшись около стойки с приборами. - Будет здоровье плюс удача - будешь летать. Это я тебе могу гарантировать. От имени всей советской космической медицины.

- Ну, да, - скептически хмыкнул Лахов, - это ты на орбите расслабился, Валерка. А на Земле твоя медицина может так прижать - только пищать будешь!

- Лично я возрастного барьера признавать не собираюсь, - Полинов твердо гнул свою линию. - Я на

сколько лет тебя младше? Меньше, чем на год. Так вот, смею тебя заверить, что летать собираюсь еще многие годы. Что и тебе настоятельно рекомендую. А возрастные барьеры, Владимир Афанасьевич, мы с тобой как-нибудь преодолеем. Или обойдем.

- Что-то я проголодался, мужики, - Тутов взглянул на часы. - Э, ребята, до обеда-то осталось всего полчаса. Кто у нас сегодня дежурит по камбузу?

- Я дежурю, - Монарев прямо из-под потолка нырнул к правому борту станции и открыл откидную крышку стола. – По очереди будем обедать, или все вместе поместимся?

- Давайте все вместе, - предложил Тутов. - Кстати, ребята, а где Абдул?

- Батюшки светы, - Полинов хлопнул себя ладонью по лбу. - У нас же эксперимент еще идет! Абдул сейчас в орбитальном отсеке на «Союзе»!

Он оттолкнулся от кожуха фотокамеры и, перебирая руками по фиксаторам на стенах, поплыл в переднюю часть станции.

Абдул Ахад Моуманд действительно расположился на небольшом диванчике в орбитальном отсеке и сосредоточенно листал журнал с полетной документацией.

- Ну, ты тут как? - осведомился Полинов, показавшись в отверстии переходного люка. - Снял показания?

По условиям эксперимента «Лабиринт» они с Абдулом поочередно изучали координацию передвижений в условиях невесомости. Для этого на тело космонавта одевалось штук десять медицинских датчиков, и в пустом орбитальном отсеке корабля он должен был оценивать свое положение в пространстве.

- Показания снял, даже дважды, - радостно сообщил Моуманд. - И результаты записал. А вот с изменениями в методике следующего эксперимента что-то никак не разберусь...

- Давай этим после обеда займемся, - предложил Полинов, закрывая полетный журнал. - Мы с тобой и так сегодня идем с опережением программы.

Они закрыли люк в транспортный корабль и вернулись в базовый блок орбитальной станции.

К их появлению Монарев успел достать из холодильника на левом борту бытовой зоны пять комплектов пищевых концентратов для обеда, заправить пакетики с супом водой и установить их в электроподогреватели на столе.

- Пять минут - и все будет готово, - подмигнул он Полинову. - Медицина может снимать пробу.

- Медицина дает общее добро, - врач повелительно взмахнул рукой. - Мышей на вашей кухне, слава Богу, не водится, мух и тараканов тоже.

Когда пакеты с первым блюдом подогрелись, космонавты расположились вокруг обеденного стола.

- Что у нас по программе после обеда? - осведомился Тутов, вскрывая пакет с супом.

- Работы выше крыши, - Муса отправил в рот квадратный брикетик хлеба. - Мы с тобой, Вов, займемся фотометрией атмосферы.

- У нас с Абдулом продолжение «Лабиринта», - Полинов кивнул в сторону служебной зоны. - Будем по очереди крутиться, как белки в колесе.

- А я, пожалуй, займусь демонтажем ложементов в «Союзе», - позевывая, сообщил Лахов. - Вот время летит! Кажется, что только вчера прилетели, а послезавтра уже обратно, домой!

- Почту только с собой взять не забудьте, - напомнил Тутов. - У моего отца в следующую пятницу, девятого сентября, день рождения. Я поздравительную открыточку написал. Хочу, чтобы как раз к девятому числу и дошла.

- Обязательно дойдет, - заверил Лахов. - Авиапочта сколько дней идет? Трое суток? Ну, вот считай... Во вторник утром мы с Абдулом будем уже на Земле, и я

сразу же передам твою открытку встречающей смене. К пятнице как раз и дойдет!

Лахов и предположить не мог, какой неприятнейший сюрприз ждет их с Моумандом утром во вторник во время посадки космического корабля…

26.
3 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, Ленинск.
Военный госпиталь воинской части 11284.

Макарьева привезли в госпиталь еще до полудня. В отделении травматологии Антону аккуратно выбрили волосы вокруг раны на левой части затылка и уложили на кушетку в перевязочной комнате.

Спустя несколько минут в перевязочную торопливо вошел одетый в белый халат плотный седовласый мужчина лет пятидесяти с крупным холеным лицом. Он властным голосом велел Макарьеву перевернуться на живот, внимательно осмотрел все еще сочившуюся кровью ссадину.

- Ну, хирургического вмешательства, к счастью, не потребуется. Полина, окликнул он возившуюся со шприцами медсестру, - будьте добры, сделайте молодому человеку перевязочку. Пожалуй, будет достаточно обыкновенного ватного тампона и пластыря.

Доктор, мурлыча под нос какой-то песенный мотивчик из репертуара Аллы Пугачевой, прошелся по комнате к окну и выглянул наружу. Оперся рукой о подоконник и повернулся к лежавшему на животе Макарьеву:

- А вы, товарищ лейтенант, можете перевернуться на спину. Или на бок - это уж как вам удобнее. Кстати, эта стройная черноволосая дама, сидящая сейчас на лавочке под окном, наверное, ваша подруга?

- Э... Да, - буркнул Макарьев, неловко поворачиваясь на бок. Он догадался, что речь идет об Ульяне.

- Бестия, - со смешком восхищенно произнес доктор и перевел взгляд на медсестру:

- Представляете, Полина, минут десять назад провожу я совещание отделения в своем кабинете. И вдруг распахивается дверь и в дверном проеме появляется... Нет, не девушка! Появляется черноволосая амазонка и прямо с порога голосом, не терпящим никаких возражений, требует, чтобы весь присутствующий на совещании личный состав нашего травматологического отделения немедленно спустился на первый этаж и оказал срочную медицинскую помощь некоему героическому лейтенанту, которого только что доставили в приемный покой! При этом голубые глаза этой девицы, Поля, - хотите - верьте, хотите - нет, - излучают нечто такое, что мои хирурги все как один покорно вскакивают со стульев с явным намерением бежать за этой маячащей в проеме двери барышней, чтобы спасти ее кавалера!

Медсестра Полина весело прыснула, прикрывая ладонью рот, и выглянула в окно, видимо, желая лично убедиться в существовании амазонки.

- Мало того, - продолжал доктор, едва сдерживаясь, чтобы самому не рассмеяться, - я сам, как шестнадцатилетний мальчишка, чуть ли не вприпрыжку выбегаю из-за стола и, перескакивая по лестнице через две ступеньки, бегу сюда к вам!

Он больше не мог сдерживаться и захохотал. Полина тоже засмеялась, смешно морща курносый носик. Макарьев почувствовал, что его лицо заливает краска.

- А вы знаете, молодой человек, - доктор достал из кармана халата носовой платок и промокнул выступившие на глазах слезы, - что сейчас все травматологическое отделение, образно говоря, стоит на ушах? Для вас в срочном порядке готовят специальную реанимационную камеру... Которых, между прочим, у нас

в стране всего три... А в операционной приводят в готовность оборудование для трепанации черепа и операции на мозге!

Макарьев лежал на кушетке красный, как рак, и не знал, что ответить.

- Ох, - доктор рукой взялся за грудь. - Давно я так не смеялся... Да, молодой человек, вам можно только позавидовать. Если у вас такая подружка... Ох, бестия! Валькирия!

Он затряс головой и стремительным шагом вышел из перевязочной.

- Это ваш главный врач? - шепотом спросил Антон, повернув лицо к медсестре.

- Заведующий отделением, - поправила Полина. Она отошла от окна, открыла дверцы стеклянного медицинского шкафа и взяла с полки коробку с пластырем и ватой. - Между прочим, светило мировой науки, профессор и лауреат Ленинской премии.

- Елки-палки, - смущенно пробормотал Антон. - Неудобно-то как получилось...

- Ложитесь-ка снова на живот, товарищ лейтенант, - деловито распорядилась медсестра. - Сейчас я вам сделаю перевязку.

После перевязки Макарьева отвели в отдельную палату на втором этаже. Дежурный врач, высокий худой капитан с крупными залысинами на голове, выписал на Антона больничную карту и сообщил:

- Полежишь у нас до вечера, лейтенант. Травма у тебя пустяковая, только кожу немного на затылке содрал и голову ушиб. Вечером - шагом марш домой, отдыхать. А в понедельник с утра - можно уже и на службу. Голова, кстати, сейчас не кружится?

- Нет, побаливает только немного.

- Это ничего, - успокоил доктор. - При ушибах так, обычно, и бывает. Ладно, отдыхай.

Он положил больничную карту на тумбочку около кровати и вышел из палаты, плотно прикрыв за собой дверь.

Антон какое-то время лежал, уставившись взглядом в молочно-белый потолок. События последних пяти дней и тревоги сегодняшнего утра совершенно измотали его. Макарьев осторожно, чтобы не задеть пластырь на затылке, повернулся на бок, закрыл глаза и почти сразу заснул.

...Когда Антон снова открыл глаза, за распахнутым в госпитальный сад окном по-прежнему ярко светило солнце. Но по чуть удлинившимся теням на полу палаты Макарьев понял, что время уже давно перевалило за полдень.

«Наверное, я проспал два или три часа», - подумал Антон и слегка скосил глаза в сторону. На табурете рядом с кроватью сидела Ульяна в белоснежном халатике и увлеченно читала какую-то толстую книгу в потрепанной серой обложке. Она еще не заметила, что Макарьев проснулся.

- Эй, девушка, приветик! - тихо позвал Антон и засмеялся. - Можно несчастному больному познакомиться с самой красивой медсестричкой?

- В виде исключения - можно, - Ульяна отложила книгу в сторону. В глазах ее блеснули веселые искры. - Хотя несчастный больной не заслуживает, чтобы с ним общались...

- В чем же его вина? - Макарьев придал лицу виноватое выражение. - Чем он провинился перед прекрасной принцессой?

- Говорят, что он не соблюдал правила техники безопасности, - лицо Ульяны стало серьезным. - Поэтому сегодня утром его едва не убило электрическим током.

- Это кто же такую чепуху городит? - оставив шутливый тон, Антон опустил ноги на пол и сел на кровати.

- Так утверждает майор из отделения охраны труда, с которым я приехала в госпиталь. Пока ты спал, я успела с ним поговорить...

- Ничего он не знает, этот твой майор, - раздраженно проворчал Макарьев. - Я все делал точно по

инструкции... А что случилось с розеткой - до сих пор не пойму...

- Да Бог с ней, с этой розеткой, - Ульяна успокаивающе коснулась пальцами руки Макарьева. - Главное, что ты остался жив.

- Мы перешли на «ты», ты заметила? - Антон взял ее руку в свои ладони. Пальцы Ульяны были теплыми и почти невесомыми.

- Заметила, - подтвердила Ульяна и вздохнула. - Пожалуй, это единственный положительный результат всей сегодняшней эпопеи...

- Слушай, Уль, а как ты оказалась в испытательном зале? Ну, после того, как шарахнул разряд и я упал...

- Сыщик ты, сыщик, - Ульяна усмехнулась и осторожно коснулась ладонью его лба. - Шерлок по фамилии Холмс... Во время испытаний рабочая связь работает постоянно. Сначала все шло, как обычно. А потом кто-то закричал, что около стенда офицера током ударило. И фамилию твою сказали... Я когда прибежала в зал и увидела тебя лежащим на полу, в крови, думала с ума сойду...

- Да стукнуло меня хорошо, - невесело согласился Антон и легонько тронул пальцем пластырь на затылке. – Но могло быть и хуже… Если бы я рукой держался не за оплетку кабеля, а за металл... Н-да... В общем, можно считать сегодняшний день днем моего второго рождения.

- Я твою одежду привезла, - сообщила Ульяна. - Брюки, рубашку и туфли.

- Молодчина, - похвалил Макарьев. - Врач пообещал меня вечером домой отпустить, а одеть мне нечего. Слушай, а мой рабочий комбинезон, наверное, был весь в крови?

- Ну, не весь, но левое плечо и верхняя часть спины были немного испачканы. Да ты не волнуйся. Я твою куртку постираю. И следа крови не останется.

- «А молодого коногона несут с пробитой головой», - басом пропел Антон и с горечью заметил:

- Все случилось совсем, как в песне...

- Ты сейчас, кстати, как себя чувствуешь? - снова забеспокоилась, Ульяна. - Голова не болит?

- Немного побаливает… Где-то чуть повыше затылка, сударыня, - Антон шутливо тряхнул головой. – Но поскольку ваш покорный слуга чувствует себя абсолютно здоровым, есть предложение сменить больничную пижаму на военную форму и прогуляться куда-нибудь к реке. Ты как?

- Это совершенно исключено, - строго сказала Ульяна и погрозила ему пальцем. - Тебе прописан постельный режим - вот и лежи. До вечера. А я - так уж и быть - посижу у кровати больного.

- Ах, больного! - Макарьев взял ее за руку и властно потянул к себе. - Вот мы как заговорили!

- Антошка, ты сумасшедший! - Ульяна засмеялась и уперлась ладонями ему в грудь. - Дверь же открыта, сейчас кто-нибудь войдет...

- А я, милая моя, и не скрываю своего сумасшествия, - Макарьев все-таки отпустил ее и показал пальцем на пластырь у себя на затылке:

- Там у меня что? Правильно, ушиб головы. Значит, я ушибленный. Со всеми вытекающими отсюда последствиями... Поэтому целоваться – и немедленно!

- Ну, хорошо… Но только в терапевтических целях, - Ульяна склонилась над Макарьевым и быстро поцеловала его в губы.

- Мало, - запротестовал Антон. – Хорошо бы увеличить дозу!

- Хватит, лекарство отпускается строго по рецепту, - блеснула шальными глазами Ульяна. – И я очень надеюсь, товарищ лейтенант, что травма головы не скажется на ваших дедуктивных способностях.

- О, кстати! - Макарьев встрепенулся. - Раз мы не идем гулять, предлагаю заняться нашим расследованием. Ну-ка, кто там у нас на подозрении? Где притаился коварный враг?

- Шутки шутками, Антошка, но дело действительно принимает серьезный оборот, - Ульяна нахмурила брови.

- Три трупа диверсантов, странное самоубийство Бехтерева. Теперь вот исчезновение Кирилла Ушакова…

- Поэтому, милая моя, я и задаю тебе очень серьезный вопрос: кого нам следует подозревать в первую очередь?

- Подозреваемых у нас с тобой раз, два и обчелся, - Ульяна задумалась. – И конкретных фактов очень мало… Антошка, мне почему-то кажется, что наше расследование зашло в тупик…

- Но у нас еще есть Кирилл Ушаков, - возразил Макарьев. - Человек, который мог позвонить ко мне на КПП и отдать приказ голосом Бехтерева...

- Мог - это еще не значит, что действительно звонил, - с сомнением покачала головой Ульяна. - Презумпция невиновности есть презумпция невиновности. Вот если бы можно было поговорить с Ушаковым...

- Для того, чтобы с ним поговорить, его сначала нужно найти. И вот что… Я не уверен, что именно Ушаков звонил мне в ту ночь. Все-таки я его чуть-чуть знаю. Не тянет он на злоумышленника, Уля... Можешь так и записать в нашем плане расследования, мой милый доктор Ватсон!

- Кстати, о плане расследования, - Ульяна не приняла шутливого тона. - Антошка, а почему бы нам действительно не составить такой план на бумаге? По-моему, это сильно облегчило бы нашу работу.

- Да, хорошо бы действительно составить план расследования, - посерьезнев, согласился Макарьев. - Жаль только, что у меня сейчас нет ни бумаги, ни ручки.

- Чем писать, положим, найдется, - Ульяна расстегнула свою сумочку, которая висела на спинке кровати, пошарила рукой внутри и достала синий фломастер. - Это сойдет?

- Вполне, - кивнул Антон. - А где взять бумагу?

- Я могу попросить несколько листов у дежурной медсестры, - Ульяна поднялась с табурета. - Или можно воспользоваться твоей записной книжкой.

- Записной книжкой? - брови Макарьева удивленно поползли вверх. - Какой записной книжкой?

- Твоей, - пожала плечами Ульяна. - Той, которую ты носишь в кармане рубашки.

- Что-то вы путаете, барышня, - Антон засмеялся. - Я никогда не носил записную книжку в кармане рубашки!

- Да? А чья же это книжка?

- Гм… У меня нет никакой записной книжки. А свой рабочий блокнотик я обычно ношу в заднем кармане брюк...

- Шутить изволите, товарищ лейтенант? За нос бедную девушку водите? - Ульяна подошла к развешенной на спинке стула зеленой форменной рубашке, расстегнула пуговку на правом кармане и достала из него маленькую книжечку в пластиковом переплете. - А это что?

- Записная книжка, - Антон ошарашено захлопал ресницами. - Но у меня никогда не было такой записной книжки!

- Все-то ты врешь, - Ульяна взъерошила волосы у него на голове. - Когда я забирала твою одежду из комнаты отделения, эта книжка выпала из кармана твоей рубашки.

- Из кармана рубашки? А что разве карман был расстегнут?

- Ну, если книжка выпала на пол, значит, был.

Макарьев задумчиво потер ладонью подбородок:

- Видишь ли, Уля... Во-первых, я никогда не носил записных книжек в карманах рубашки. Во-вторых, карманы рубашки у меня всегда застегнуты. Тем более, когда я переодеваюсь в рабочую одежду и ухожу на испытательные работы. Ты уверена, что эта книжка выпала именно из моего кармана?

- Уверена. Мне Олег Беланов сказал, что это твоя рубашка. А других рубашек с погонами лейтенанта в вашей комнате, кстати, и не было.

- Странно. Ну-ка, дай мне эту книжечку...

Антон взял записную книжку из рук Ульяны и пролистал:

- Всего несколько записей. И все, между прочим, сделаны не моей рукой.

- Слушай, Антошка, может, кто-то по ошибке положил эту книжку в твой карман? Например, перепутал рубашки.

- В помещении отделения обычно переодеваются только свои: я, Беланов и Зеленин. Ты же сама сказала, что других рубашек с погонами лейтенанта там не было. Ничего не понимаю...

Макарьев еще раз внимательно пролистал записную книжку. Его внимание привлек бумажный уголок, краешек которого был едва заметен из-под пластиковой обложки. Антон ногтями поддел бумажку и вытащил ее наружу.

- Какие-то цифры написаны... Что за чепуха?

- Похоже на шифр, - заметила Ульяна, заглянув в записку через плечо Макарьева. - Гляди, четыре колонки по десять восьмизначных чисел в каждой.

- Шифр? – осененный догадкой Макарьев прищурил глаза, размышляя. - Слушай, Уля, а если эта книжка оказалась в моем кармане не случайно, а?

- Ты хочешь сказать, что кто-то подложил ее к тебе в карман? Но зачем? Ты бы сразу же ее обнаружил, когда после работы стал бы переодеваться...

- А ты представь, что обнаружить ее должен был не я, - перебил Ульяну Макарьев и прищелкнул фалангами пальцев. - Может быть, тот, кто положил ее в мой карман, на то и рассчитывал, что эту записную в кармане моей рубашки найду вовсе не я!

- Что-то я не улавливаю нить твоих рассуждений, - покачала головой Ульяна. - Ну-ка, объясни!

- Все очень просто, Улька! - Антон вскочил на ноги и прошелся по палате. Резко повернулся к Ульяне и на одном дыхании выпалил:

- Я уверен: подбросивший эту книжку знал, что сегодня утром я должен буду умереть от удара

электрическим током! Найти эту книжку и шифр в ней должен был уже не я, а те, кто вел бы следствие по факту моей гибели!

- Боже мой! - Ульяна испуганно прикрыла рот рукой. - Но это же значит... Антошка, это значит, что сегодняшнее происшествие с тобой - вовсе не случайность?

- Ага, - с азартом закивал Антон. - Кто-то тщательно спланировал мою смерть. Несчастный случай - это блеф. Кто-то очень ловко подстроил все так, чтобы моя смерть выглядела случайной!

- Но кому и зачем нужна была твоя смерть?

- Кому? Тому, кто хочет замести свои следы! Настоящему убийце Бехтерева - вот кому!

Он снова присел на кровать и горячо продолжал:

- Вот что бы подумали особисты, если бы нашли шифр в моем кармане? Они бы, конечно, решили, что я был вражеским агентом. Знаешь, Уль, я не удивлюсь, если окажется, что и записи в этом блокнотике - не простые телефоны и адреса, а ключ к шифру в записке. А уж в зашифрованном сообщении я наверняка докладываю какой-нибудь вражеской разведке о выполнении ее задания. Например, об убийстве Бехтерева.

- Чушь! - уверенным тоном произнесла Ульяна. - Неужели ты думаешь, что контрразведка купилась бы на такую дешевую фальшивку? Не верю!

- Мне тоже хочется сейчас заорать: «Не верю!» - Макарьев саркастически усмехнулся. - Но шифровка... Вот она. Да, контрразведка не поверила бы в такую примитивную подставку, ты права. Но проверять этот след стала бы основательно. И потратила бы на такую проверку, как минимум, несколько дней. Что убийце, видимо, сейчас и нужно.

- То есть ты полагаешь, что он решился пойти на убийство только для того, чтобы выиграть всего несколько дней?

- Это во-первых. А во-вторых, думаю, что мы с тобой где-то все-таки сумели наступить ему на мозоль. Я стал представлять для него опасность, понимаешь?

- Вот ужас! – голубые глаза Ульяны округлились. - Получается, что убийца теперь будет охотиться за тобой?

- Может быть и да, а может быть и нет, - Макарьев задумался. - Хотя теперь, после неудавшегося покушения, охота, скорее всего, прекратится. Попытка убрать меня не удалась. Второй раз он уже не рискнет пойти на убийство.

- Ты так думаешь? - голос Ульяны по-прежнему звучал испуганно. - Антошка, я боюсь...

- Ты - и вдруг боишься? - Макарьев выпучил глаза и захохотал. - А вот теперь я и в самом деле - не верю!

- Ах, так! - щеки Ульяны зарумянились. - Я же за тебя боюсь, балбес!

- О, вот это гораздо ближе к истине! - Антон приобнял ее за плечи одной рукой. Ульяна несильно шлепнула его ладонью по локтю:

- Не распускайте руки, товарищ лейтенант! Кто мне обещал заниматься только расследованием?

- Если действительно оставить шутки в стороне, - продолжил Макарьев уже серьезно, - то сегодня мы с тобой получили первое реальное подтверждение, что убийца действительно существует. И что это не простой убийца, а вполне возможно, вражеский агент. Записная книжка с фальшивой шифровкой - это бесспорный факт. Материальное доказательство, а не наши с тобой догадки.

- Нам нужно отдать эту книжку вместе с шифровкой в контрразведку, - подумав, предложила Ульяна. - Пусть они разбираются.

- Кто будет разбираться? - Антон немедленно вспыхнул. - Наш полковой особист Бубенин? Самодовольный подполковник Жуков из управления дивизии? Они еще чего доброго скажут, что это я сам подкинул себе эту книжку. Ума хватит!

- Что же делать?

- Мы сами во всем должны разобраться, - решительно произнес Макарьев. - Я думаю, что у меня есть реальный шанс уже сегодня лично увидеться с агентом! Лицом к лицу, так сказать!

- Ты думаешь, что он придет сюда? - испуганно выдохнула Ульяна. - Прямо в палату?

- Ага, - весело подмигнул Антон. - Появится, как миленький.

- И откуда такая уверенность? - в глазах Ульяны читалось сомнение.

- Потому, что убийца очень рассчитывал на мою смерть, - заключил Макарьев. - Ну, а поскольку с несчастным случаем не получилось, записную книжку в кармане рубашки теперь найдут не особисты, а я сам. Агент должен понимать, что я смогу сложить два и два и понять, что несчастный случай - не более чем хитрая инсценировка, чтобы после смерти замазать меня, сделать из меня убийцу и шпиона. Нет, Уля, агент сделает все, чтобы как можно скорее вернуть себе эту книжечку. Это его последний шанс сохранить инкогнито.

- Хочу тебя разочаровать, - сказала Ульяна. - Сюда он не придет.

- Почему ты так думаешь?

- Потому, что в коридоре стоит охрана. Парочка крепких парней, у которых едва ли не на лбу написано, что они из контрразведки.

Макарьев быстро встал с кровати, подошел к двери и выглянул в коридор:

- Гм... Ты права. Вот ведь невезуха!

Он снова уселся на кровать.

- Чего раскис? - Ульяна присела рядом и легонько толкнула его локтем в бок. - Неужели ты всерьез верил, что агент явится сюда сам? Может, еще и блюдечко с голубой каемочкой с собой захватит?

- Не иронизируй, - Антон немного обиделся. - Я и в самом деле почти убедил себя, что уже сегодня встречусь с этой сволочью лицом к лицу...

- Увы, - Ульяна сокрушенно развела руками. - Ты вряд ли сможешь сегодня взглянуть в безупречно честные глаза нашего дорогого шпиона. А вот я - другое дело. У меня это может получиться!

- То есть? - Макарьев недоуменно уставился на нее.

- Что, еще не догадываешься, дорогой мой Шерлок Холмс? - она лукаво прищурилась.

- Не догадываюсь, - честно признался Антон. - Объясняй!

- Все очень просто, миленький мой тугодумчик, - хихикнула Ульяна и легонько щелкнула Макарьева мизинцем по носу. - Когда агент увидел, что ты остался жив, первым делом он должен был забрать обратно эту злополучную книжку из твоего кармана. Забрать ее еще до того, как рубашка попадет к тебе в руки. В противном случае эта книжка и шифровка в ней фактически становятся личным заявлением агента о его существовании!

- Погоди, - Макарьев задумчиво потер лоб. - Значит, ты думаешь, что он, когда понял, что инсценировка несчастного случая не удалась, сломя голову должен был броситься в комнату отделения, к моей рубашке?

- Конечно! - Ульяна весело рассмеялась. - Но, увы... Ключ от комнаты есть только у тебя и у Беланова. Тебя увезли в госпиталь, и твой ключ остался при тебе. Агенту остается только терпеливо ждать, пока в комнату вернется Беланов. Но агента опередила некая телефонистка с узла связи командного пункта...

- Очень мило, - обескуражено пробормотал Антон. - Но постой-ка...

Он схватил Ульяну за руку:

- Теперь получается, что смерть грозит тебе! Если агент узнает, что рубашку взяла ты...

- Ты делаешь мне больно, - Ульяна осторожно высвободила ладонь из его пальцев. - Смерть мне не грозит. Я думаю, агент видел, что я взяла твою рубашку

из комнаты. Видеть-то видел, - а сделать ничего не мог. Близок локоток - да не укусишь. Едва я вышла из испытательного корпуса, подкатил на «газике» этот смешной майор из группы охраны труда. До Ленинска мы с ним доехали вместе. А преследовать нас агент не мог - было бы слишком подозрительно, если бы он посреди рабочего дня сорвался в погоню.

- Значит, он будет поджидать тебя сейчас, где-нибудь возле госпиталя, - хмуро заключил Макарьев. - Уля, тебе угрожает серьезная опасность!

- Вы снова ошибаетесь, Холмс, - Ульяна коснулась указательным пальцем кончика носа Антона и рассмеялась:

- Агент, может быть, проследит за мной. Издали, чтобы я его случайно не увидела и не узнала. А точнее сказать, следить он будет не за мной, а за тем, есть ли у меня в руках сверток с твоей одеждой. Но вреда он мне не причинит. Если рубашки у меня нет, значит, она осталась в госпитале. Тогда какой смысл покушаться на меня? Если агент увидит рубашку у меня в руках, тоже нет смысла нападать – ему станет ясно, что меня не пустили к тебе в палату, и фальшивую записную книжку в своем кармане ты не нашел. Какой смысл убирать меня почти в центре Ленинска? Намного проще под любым предлогом напроситься ко мне в гости и тихонько изъять из кармана твоей рубашки эту фальшивку. Поэтому сегодня я возьму вашу зеленую форменную распашоночку, товарищ лейтенант, в свою общагу.

- Через мой труп! - рявкнул Макарьев и одним прыжком оказался у повешенной на спинке стула рубашки. - Ты с ума сошла? Он же тебя убьет!

- Зачем? - Ульяна сделала удивленный вид и снова заулыбалась. - Чтобы снова привлечь к себе дополнительное внимание? Ему сейчас нужно сидеть тихо, как мышке в норке, перед которой спит кошка! Нет, Антошка, агент попытается выкрасть эту записную книжку. Вот тут я его и застукаю. С поличным.

- Нет! - Макарьев твердо продолжал стоять на своем. - Это все авантюра!

- Это наш единственный шанс выманить агента из его норы, - спокойным голосом возразила Ульяна. - Второго такого шанса может и не быть!

- Я сказал нет, значит - нет, - Антон заскрипел зубами от злости. - И даже не думай! Рубашка останется у меня!

- Ну, и пожалуйста! - Ульяна обижено надула губы. - Мы бы уже сегодня вечером узнали, кто подложил эту книжку тебе в карман...

- Это опасно, как ты не понимаешь? – запальчиво произнес лейтенант. - Все, что ты говорила о своей безопасности, Уля, хорошо только в теории. А на практике мы с тобой имеем дело с очень жестоким и решительным человеком. Он не будет смотреть издалека, несешь ты пакет с моей рубашкой или нет. Он выберет момент и убьет тебя. Это во-первых. А во-вторых... Если я отдам рубашку тебе, в чем я сегодня вечером поеду домой? В майке?

- Гм... Вот об этом я как-то не подумала...

- Нам с тобой вообще есть о чем подумать. Агент сегодня утром пытался убить меня только потому, что где-то я - и сам еще не знаю, где, - коснулся его тайны...

- Вот это тоже очень интересно, Антон, - Ульяна постаралась сменить тему разговора. - Где мы с тобой могли его зацепить?

- Не знаю, - растерянно пожал плечами Макарьев. - Единственная реальная ниточка в нашем расследовании - это Кирилл Ушаков. Эх, если бы его можно было найти!

27.

3 сентября 1988 года.

Космодром Байконур, Ленинск.

Корпус женского общежития.

Ульяна Соронина и Антон Макарьев ошиблись.

Агент вовсе не запаниковал, когда понял, что его план, так, казалось бы, тщательно продуманный и

подготовленный им вчера, полностью не осуществился и благодаря счастливой случайности лейтенант Макарьев снова остался жив.

Поразмыслив, Агент пришел к выводу, что даже такой результат его устроит. Теперь, после полученной травмы, Макарьев на пару - тройку дней будет выведен из активной игры. А это значит, что действий на два фронта - против рыщущей по площадке контрразведки и одновременно против путающегося под ногами настырного лейтенанта – можно будет на какое-то время избежать. Теперь серьезную опасность можно ожидать только с одной стороны.

Фактором, немного осложняющим выстроенную логическую конструкцию, оставалась записная книжка, которую Агент сегодня утром незаметно сунул в нагрудный карман рубашки Макарьева, висевшей на крючке в шкафу. Это удалось сделать во время общего совещания испытательных расчетов в комнате отделения систем жизнеобеспечения перед самым началом работы. Агент рассчитывал, что найти и книжку, и фальшивую шифровку в ней должна была контрразведка. Найти уже после смерти лейтенанта Макарьева.

Но лейтенанту опять сказочным образом повезло, и он снова остался в живых. Агент видел, как врач и два санитара посадили Макарьева в машину и повезли в военный госпиталь в Ленинске. Он видел, как черноволосая телефонистка, - кажется, ее зовут Ульяна, - вместе с Белановым сразу после отъезда санитарной машины отправилась в рабочие комнаты отделения систем жизнеобеспечения.

Старясь остаться незамеченным, Агент двинулся следом за ними. Раз Макарьев жив, записную книжку нужно немедленно изъять из кармана его рубашки.

В старом зале монтажно-испытательного корпуса в эти утренние часы почти никого не было. Только в самом конце зала, возле отсека барокамер, возились с электромотором системы открытия наружных ворот

несколько солдат под командованием переодетого в рабочий комбинезон офицера. Агент незамеченным проскользнул вдоль стены зала до входа в небольшой коридорчик, ведущий к двери в рабочие комнаты отделения систем жизнеобеспечения.

Около входа в коридор стояли высокие шкафы оборудования для пневмоиспытаний, за которыми Агент решил спрятаться. Отсюда, через отверстие вентиляционной решетки в стене, ему хорошо было слышно все, о чем говорили в комнате Ульяна и Беланов. Говорили они, конечно, о Макарьеве и о том, что случилось с ним сегодняшним утром. И еще они собирали и упаковывали в пакет вещи лейтенанта. Черноволосая девчонка-телефонистка собиралась немедленно ехать в госпиталь следом за Макарьевым. На фальшивую записную книжку в кармане рубашки ни Ульяна, ни Беланов, не обратили ни малейшего внимания.

Агент дождался, пока они выйдут из комнат отделения, и продолжил слежку, идя на расстоянии. Беланов все еще был в рабочей одежде, и Агент пришел к выводу, что Ульяна собирается ехать в город одна. Значит, где-то по дороге ее можно будет попробовать перехватить и отобрать злополучную книжку.

«А чтобы ты, девочка, ничего не запомнила, - подумал Агент, мысленно обращаясь к Ульяне, - придется нежно погладить тебя по хорошенькой черноволосой головке. Например, вот этой сложенной газеткой. С чем-нибудь тяжелым внутри».

Он воровато огляделся, снял с пожарного стенда у входа в старый испытательный зал короткий ломик и аккуратно завернул его в бумагу. Теперь оставалось только выбрать место, где он мог бы напасть на Ульяну так, чтобы поблизости не оказалось ненужных свидетелей.

Днем добраться с испытательной площадки до города можно было или на рейсовом автобусе, или на попутной машине. Чтобы оказаться на ведущем к

Ленинску шоссе, Ульяна должна была пересечь весь жилой городок.

«Конечно, в жилом городке я ее никак не возьму, - лихорадочно думал Агент, шагая следом за Белановым и Ульяной. - Слишком много людей вертится вокруг. И солдаты, и офицеры, и гражданские...»

А вот остановка на шоссе сейчас может оказаться безлюдной. Те, кто оставался работать в ночь, уже сменились и уехали. А те, у кого работы скоро заканчиваются, поедут в город рейсовым автобусом через полтора часа.

Значит, эта девчонка, если она действительно поедет сейчас в Ленинск, может рассчитывать только на попутный транспорт. И на остановке она, скорее всего, окажется одна.

«Вот там мы с ней и встретимся», - принял решение Агент.

Он вспомнил, что в нескольких метрах за остановкой по степи проложен рукав дренажной канавы. Так уж повелось, что рукав служил не столько для слива воды пожарными расчетами из воинской части, сколько для свалки мелкого мусора.

«Здесь ты у нас и полежишь, милая, - снова мысленно обратился к Ульяне Агент. - Недолго. Пока какой-нибудь не в меру любопытный солдатик не обнаружит тебя среди кучи мусора».

Девчонку вряд ли скоро хватятся. Сослуживцы будут думать, что Ульяна Соронина находится в госпитале у Макарьева. А сам Макарьев, напротив, будет уверен, что она занята работой на площадке.

«А чтобы трупик этой девки те, кто его найдет, не связали с моей работой, - Агент недобро ухмыльнулся, - я, пожалуй, имитирую попытку изнасилования. Юбочку порвать, трусики стащить… Чтобы следаки поверили: пошла девочка в степь гулять, встретила солдатиков, - те и позабавились»…

Но всем этим планам Агента было не суждено сбыться. Едва Беланов и Ульяна вышли из здания

испытательного корпуса, около них, резко взвизгнув тормозами, остановился болотно-зеленого цвета «газик». Распахнулась передняя дверца, и из машины выглянул сухощавый черноволосый майор. Он что-то спросил у Беланова и Ульяны. Издали Агент не мог расслышать ни единого слова. Он только видел, что девушка согласно закивала в ответ. Майор тоже удовлетворенно кивнул и жестом пригласил Ульяну в машину. Беланов распахнул перед девушкой заднюю дверь, и Ульяна забралась внутрь автомобиля. «Газик» резво рванул с места и, миновав контрольно-пропускной пункт, выехал за ворота двора испытательного корпуса. Беланов проводил машину взглядом, повернулся и зашагал обратно.

«Сорвалось, черт возьми, - с досадой подумал Агент. - Упорхнула наша девочка. Интересно, что это за тип ее подобрал? Контрразведчик?»

Он раздосадовано сплюнул прямо на пол, швырнул в мусорную урну обернутый в газету ломик и неторопливо вышел из дверей испытательного корпуса навстречу Беланову:

- Олег, куда нашего лейтенанта повезли? В Ленинск или в здешнюю санчасть?

- В Ленинск, конечно. Антона должны осмотреть специалисты. Может и операцию придется делать, если рана серьезная.

- А что это за девчонка около него вертелась? - Агент мотнул головой в сторону ворот, за которыми только что исчез «газик».

- Ульянка Соронина? Телефонистка с командного пункта связистов. У них с Антошкой, кажется, любовь...

- Любовь–морковь, значит… А майор, который сейчас в «газике» подъезжал, - это кто? Новый заместитель командира группы? Вместо Трофимыча назначили?

- Нет, - Беланов покачал головой и полез в карман за сигаретами. – Этот майор из группы охраны труда. А вместо Бехтерева пока никого не прислали.

Входная дверь распахнулась, и на пороге испытательного корпуса появился оперативный дежурный:

- Вот вы где! Ребята, вас приказал срочно разыскать полковник Паршинов. Травмы - травмами, а график проведения испытаний никто не отменял!

Агент про себя чертыхнулся и следом за Белановым поплелся в зал проводить проверку герметичности стыковочного узла на грузовике «Прогресс».

Освободиться он смог только после полудня. Сменив рабочую одежду на обычную, Агент отправился к шоссе ловить попутную машину, чтобы добраться до города. Спешить уже не было смысла: за прошедшую пару часов Ульяна не только наверняка добралась до госпиталя и отдала Макарьеву пакет с одеждой, но, наверное, успела вернуться домой, в общежитие. Правда, был еще шанс, что травма лейтенанта оказалась все-таки серьезной и девчонку сразу не пустили в палату к Макарьеву. Тогда пакет с одеждой мог сейчас оказаться в ее комнате. Вот туда, в женское общежитие, Агент и решил заглянуть. Идти к госпиталю он посчитал опасным: вряд ли контрразведка после случившегося сегодня утром происшествия сняла наблюдение с Макарьева. Скорее даже напротив усилила.

Ему повезло, и он быстро добрался до Ленинска. Машина, которую вел разговорчивый шофер - грузин с 250-й площадки, подвезла Агента до самого женского общежития.

- На свидание собрался, дорогой? - рассмеялся шофер, прочитав надпись на табличке около дверей здания. - Удачи тебе!

- Спасибо, генацвале! - натужно хохотнул в ответ Агент. - Удача в таком деле не лишняя, верно?

Он зашел в общежитие, выяснил у дежурного вахтера, в какой комнате живет «красивая черноволосая девушка Ульяна Соронина» и поднялся на второй этаж.

Комнату Ульяны в длинном коридоре он нашел почти сразу. Несколько секунд постоял перед порогом, внутренне настраиваясь на возможное дело, коротко стукнул согнутыми пальцами в дверь.

- Открыто, заходите!

Агент осторожно приоткрыл дверь и заглянул в комнату.

Волосы у нее были черные как смоль. Голубые глаза светились удивлением.

- Привет, моя радость, - он вошел в комнату и плотно прикрыл за собой дверь. - Что, не ждала в гости?

- Кого я вижу! - Зинаида Кислицкая, сослуживица Ульяны и ее соседка по комнате в общежитии, не скрывала своей радости. - Ежик! Сколько лет, сколько зим!

- Шел мимо и решил зайти...

- И правильно сделал, что решил, - одобрительно тряхнула головой Кислицкая. - Признавайся, соскучился, Ежик?

Она звала его «Ежиком» еще с их первой встречи. Тогда, больше года назад, на космодроме стояла страшная жара. Чтобы меньше потеть, Агент решил коротко постричься. Зинаиду его короткие, стоявшие почти торчком жесткие волосы привели в совершенный восторг.

- Конечно, девочка, - он ухмыльнулся. - Старая любовь, Зиночка, не ржавеет...

- Да? - Кислицкая хихикнула и кокетливо стрельнула глазами. - А я-то уже решила, что твоя любовь прошла. Сколько ты не появлялся у меня, а, Ежик? Больше, чем полгода?

- Работы много, - Агент неуверенно пожал плечами. Разговор начинал его тяготить. - Многое меняется в человеке, Зин. И в душе, и внешне. Ты, вот, волосы постригла и покрасила...

- Что не нравится? - Зинаида подбоченилась. - Зато теперь мы с Ульянкой как сестры-близняшки!

- С какой это Ульянкой? - он изобразил на лице удивление.

- С моей соседкой по комнате, - беспечно махнула рукой Кислицкая. - Нас теперь все знакомые мужики путают!

- Ну? И где же твоя «сестренка»?

- Да у хахаля своего, - Кислицкая залилась переливчатым смехом. - Нашелся тут герой-мужчинка, понимаешь ли. В звании лейтенанта.

«Снова я опоздал, - с сожалением подумал Агент. - Записная книжка уже наверняка в руках у Макарьева».

- А ты что это Улькой интересуешься? - Зинаида хитровато прищурила глаза и подозрительно покосилась на него:

- Слушай, Ежик, а ты часом не к Ульяне моей заявился, а?

- Да ты что! - Агент подошел к ней вплотную и привычным движением обнял за талию. - Бежать от такой женщины, как ты, к какой-то Ульяне?

- Врешь, - довольно захохотала Зинаида, положила ему руки на плечи и заглянула в глаза. - Ой, врешь же, злодей?

- А вот ни капельки! - он притянул ее к себе и поцеловал.

...Лежа в кровати и слушая спокойное дыхание заснувшей у него на плече Зинаиды, Агент снова мысленно вернулся к событиям нынешнего утра и пришел к выводу, что ничего опасного пока не произошло. Даже если книжка и попала в руки Макарьева, это еще не значит, что лейтенант добрался и до спрятанной в ней шифровки.

Ну, а если и добрался? Побежит в контрразведку? Вряд ли. Скорее всего, продолжит свои детские игры в частного детектива. Чем еще больше усилит подозрения контрразведчиков на свой счет. Оттянет на себя часть их сил. А это сейчас самое главное.

Ведь осталось всего несколько дней.

28.
4 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.

Контрразведчик исподлобья оглядел присутствующих, кашлянул в кулак и осведомился:

- Ну, у кого есть какие соображения, голуби вы мои сизокрылые?

Чекмаев неслышно вздохнул. За несколько лет совместной работы он хорошо успел изучить привычки Контрразведчика. Фраза «голуби сизокрылые» - да еще с вопросительной интонацией - означала крайнюю степень раздражения и недовольства шефа.

- Что молчите, как будто воды в рот набрали? - тон, которым были произнесены эти слова, действительно не предвещал для присутствующих на совещании офицеров ничего хорошего. - Сказать нечего? Ладно, тогда я скажу. Для завязки нашей предстоящей милой беседы.

Контрразведчик скользнул по подчиненным испепеляющим взглядом и, чеканя слова, произнес:

- То, что произошло, товарищи офицеры, - это не просто оплошность. Это крайняя степень нашего ротозейства и разгильдяйства. За это в нашем ведомстве принято снимать с плеч погоны. Если перед этим вам, конечно, не сняли голову.

Не в силах более сдержать охвативших его чувств, он раздраженно хлопнул ладонью по поверхности стола:

- Под угрозой оказалась жизнь одного из центральных фигурантов по нашему делу. А мы довольствовались ролью простых наблюдателей! И снова проморгали действующего у нас под самым носом врага! Что, нюх потеряли, товарищи контрразведчики?

Полковник перевел колючий взгляд на сидевшего у края стола молодого светловолосого офицера:

- Старший лейтенант Смородин!

- Я! - офицер пружинисто вскочил со стула и вытянулся.

«С младшего по званию начал, - мысленно вздохнул капитан Чекмаев. - Совсем плохо. Значит, разборка пойдет по нарастающей».

- Доложите о результатах осмотра места происшествия! - грозно рыкнул Контрразведчик.

- Сразу после того, как лейтенант Макарьев был увезен в госпиталь, мы со старшим лейтенантом Светловым под видом инспекторов группы по обеспечению безопасности труда осмотрели электрическое оборудование на испытательном стенде. Осмотр показал, что имеет место повреждение кабеля подвода питания к высоковольтной розетке...

- «Имеет место повреждение кабеля!» - зло передразнил Контрразведчик. - Вы что по памяти протокол читаете? Оставьте этот суконный язык для нашей канцелярии, товарищ старший лейтенант! А мне и своим коллегам просто и понятно извольте объяснить, почему на поверхности металлической розетки оказалась электрическая фаза?

- На кабеле подвода питания была повреждена пластиковая оплетка, Вадим Алексеевич, - сообщил Смородин. Чекмаев заметил, что уши старшего лейтенанта стали пунцово-красного цвета. - Когда Макарьев коснулся вилкой розетки, произошло короткое замыкание. Если бы он в этот момент держался руками за вилку, а не за оплетку кабеля, смерть от поражения электрическим током была бы практически неизбежна...

- Раз уж вы действуете под вывеской инспекции по охране труда, - с едва заметной издевкой в голосе произнес Контрразведчик, пожирая взглядом стоявшего перед ним офицера, - объясните мне, почему в испытательном зале используются металлические вилки и розетки?

- Это стандартные вилки и розетки для высоковольтных линий, - снова не растерялся Смородин. - Внутри них имеются специальные керамические проставки. В целом, соединение получается очень

надежным. Если, конечно, вставки исправны и кабель не поврежден...

«А молодец наш старлей, - отметил про себя Чекмаев. - Шеф - вопрос, он - ответ. Новый вопрос - новый ответ. Молодчина!»

- Когда последний раз выполнялся осмотр проводки?

- Двадцать четвертого августа, Вадим Алексеевич, - уши старлея предательски пылали, выдавая его волнение, но отвечал он по-прежнему четко и без запинки. - Перед прибытием космонавтов для последних тренировок на корабле. Имеются все записи в журнале контроля...

- Записями в журнале контроля очень удобно прикрывать задницу, - резко прервал Смородина Контрразведчик. - Иногда это удается, даже если записи делаются задним числом. Вы уверены, что кабель был в исправном состоянии и двадцать четвертого, и в последующие дни?

- Нами взяты объяснения у всех сотрудников ремонтно-эксплуатационной группы, - старший лейтенант достал из лежавшей перед ним рабочей папки несколько исписанных разными почерками листов. - Объяснения взяты через полчаса после осмотра места происшествия. Поэтому вероятность сговора сотрудников группы для дачи ложных показаний можно практически исключить.

- Хорошо, - Контрразведчик немного смягчился. - Значит, двадцать четвертого проводка была исправна?

- Так точно! - без тени сомнения в голосе ответил Смородин. - Кроме того, старший сержант Борискин, непосредственно ответственный за этот электроразъем, утверждает, что осматривал кабель вчера после полудня. Повреждения не было, Вадим Алексеевич.

- Ладно, пока примем на веру показания старшего сержанта Борискина, - голос Контрразведчика звучал теперь почти спокойно. «Шторм» явно шел на убыль. - Значит, проводка была повреждена в интервале времени

от вчерашнего полудня до сегодняшнего утра. Так получается, Смородин?

- Да, Вадим Алексеевич.

- Характер повреждения?

- Мы со старшим лейтенантом Светловым сняли соскоб с поврежденной проводки. Пробы самолетом отправлены в Москву на экспертизу.

- А ваши предварительные соображения, товарищ старший лейтенант? – по иезуитски ввернул вопрос полковник. - Характер повреждений механический?

- Никак нет. Создается впечатление, что на кабель была пролита кислота, которая и расплавила пластиковую изоляцию, - без запинки ответил старлей.

- Кислота? – густые седые брови Контрразведчика удивленно изогнулись. - Откуда в монтажном корпусе могла появиться кислота?

- С растворами серной и соляной кислоты в испытательном зале работает только отделение обслуживания наземной техники. Командир капитан Пажитнов. На балконе второго этажа испытательного корпуса, как раз над поврежденным кабелем, особистом части старшим лейтенантом Бубениным был найден поврежденный кислотный прибор. Рядом с корпусом прибора - лужица кислоты. Сквозь щели балкона кислота могла протечь вниз и прожечь оплетку кабеля.

- Почему на балконе оказался неисправный кислотный прибор?

- Вот это самое странное, Вадим Алексеевич… По документам капитана Пажитнова этот прибор проходит как списанный. Более того, около недели назад он был вывезен на свалку.

- Чудеса, да и только! - Контрразведчик развел руками. - Что же этот кислотный прибор своим ходом вернулся в испытательный корпус?

Он повернул голову к сидевшему слева от него крепышу с густой черной шевелюрой:

- Капитан Никитенко, что дала дактилоскопическая экспертиза места происшествия? Вы, Смородин, можете сесть. Пока...

Никитенко поднялся с места. Роста он был невысокого, полноват, над ремнем под рубашкой уже угадывались очертания округлого живота.

- Дактилоскопия, Вадим Алексеевич, пока не дала конкретных результатов. На кабеле, розетке и кислотном приборе поверх многочисленных отпечатков пальцев нами обнаружены свежие смазанные следы. Такое впечатление, что со всеми тремя предметами не далее, как сегодня утром работал кто-то в легких матерчатых перчатках. С поверхности прибора мы даже сняли микроворсинки материала этих перчаток...

- О, а вот это очень интересно! - на лице Контрразведчика впервые за все время разговора мелькнуло подобие легкой улыбки. - Если я вас правильно понял, товарищ капитан, нынче утром чьи-то руки в перчатках касались и электрокабеля, и розетки, и списанного прибора на балконе второго этажа? Так?

- Так, Вадим Алексеевич, - кивком подтвердил Никитенко. - Более того, у меня есть основания полагать, что оплетка кабеля, перед тем как на нее была пролита кислота, все-таки была механически повреждена. Разрез на оплетке был замаскирован разлитой позднее кислотой.

- Вот даже как... - Контрразведчик задумался. - Гм, а ведь любопытная вырисовывается картина... Некто в матерчатых перчатках берет со свалки кислотный прибор и заносит его на второй этаж балкона в зале испытаний. Вскрывает прибор... Так вскрывает, чтобы из раскуроченного корпуса натекла лужица кислоты. Потом в какую-то емкость сливает остатки кислотного раствора и спускается вниз, в зал. Ножом разрезает пластиковую оплетку электрокабеля и поливает разрез кислотой. Вот и все - готовы все предпосылки для несчастного случая!

- Именно так, Вадим Алексеевич, - поддакнул Никитенко. - Экспертиза в Москве, конечно, скажет

последнее слово, но, по-моему, имитация несчастного случая очевидна.

- Хорошо, Николай, присаживайся, - взгляд Контрразведчика еще более потеплел.

«Ну, если шеф начинает обращаться по имени, значит, буря точно миновала», - с облегчением подумал Чекмаев.

- Если лейтенанта Макарьева с помощью имитации несчастного случая пытались вывести из игры, - Контрразведчик ухмыльнулся, - значит, он где-то наступил на мозоль человеку, которого мы с вами ищем.

Он повернул голову к капитану Чекмаеву:

- Костя, а что это за девушка была около Макарьева сегодня в зале? Черноволосая, худенькая...

- Телефонистка узла связи командного пункта ефрейтор Ульяна Соронина. В ночь перед стартом она дежурила на смотровой площадке, откуда на КПП стартовой позиции якобы звонил майор Бехтерев.

- Гм, смотровая площадка, говоришь? Вот, значит, куда наш Макарьев уже добрался. Я так понимаю, Константин, что с этой девицей они раньше знакомы не были?

- Не были, Вадим Алексеевич. Скорее всего, поводом для их знакомства и послужило присутствие Сорониной на смотровой площадке. Но в последние двое суток Макарьев с Сорониной почти все свободное время проводят вместе. По-моему, у них роман...

- Павел Викторович, - взор Контрразведчика обратился к майору Казинцеву, - ты сопровождал Макарьева в госпиталь? Что говорят врачи?

- В общем-то, ничего страшного с Макарьевым не случилось, - с едва заметным пренебрежением взмахнул рукой сухощавый и длинный, как жердь, майор. - У нашего героя легкий ушиб головы и большая ссадина на затылке. Вечером его отпустят из госпиталя. Пару дней побудет дома, полежит, отдохнет.

- Так... И чем он сейчас занимается?

- Развлекается, - Чекмаев ухмыльнулся. – Тайком выбрался из палаты и вместе с Сорониной гуляет по городу. Наши ребята его по-прежнему ведут.

- Глаз с Макарьева не спускать, - распорядился Контрразведчик. - Ни днем, ни ночью. Возможно, вражеский агент попытается повторить покушение. И вот что, Константин…

Лед в словах Контрразведчика окончательно растаял, бесследно сгинул и холод в строгих серых глазах:

- Подготовь-ка мне подробную сводку обо всех происшествиях, которые произошли на космодроме двадцать девятого августа.

Контрразведчик замолчал, замер, о чем-то размышляя, и поднял взгляд на сидевших перед ним офицеров:

- Подведем некоторые итоги. Конечно, подготовку покушения на Макарьева мы с вами проворонили. Это очень плохо… Но нет худа без добра. Где-то наш лейтенант зацепил важную ниточку и затаившийся на площадке враг задергался. Наша с вами задача, товарищи офицеры, чтобы он продолжал нервничать. Чем больше он будет терять над собой контроль, тем скорее начнет ошибаться по-крупному и обнаружит себя. Что нам сейчас и нужно!

29.
4 сентября 1988 года,
Космодром Байконур, Ленинск.
Корпус женского общежития.

Все получилось как-то само собой…

Они снова долго бродили по городу. Прошлись вдоль Сырдарьи от кинотеатра «Сатурн», мимо стадиона к обзорной беседке на берегу реки – той самой, в которой любил бывать академик Сергей Павлович Королев и космонавты перед полетами. Прокатились на «чертовом

колесе» в парке отдыха, дошли по бульвару имени Гагарина до самой городской окраины и снова вернулись в центр Ленинска.

Говорили и целовались. Обнимая хрупкие плечики Ульяны, касаясь пальцами ее нежной кожи, Макарьев чувствовал, как что-то невидимое, теплое, ласковое и бесконечно доброе входит в его тело, добирается до каждой клеточки, сладко останавливает и снова заставляет биться сердце.

«Ульяна, Уля, Уленька… Каким плоским и серым был мир до нашей встречи! Господи, как же я мог жить без нее? Нет, не жить… Существовать! Как же я мог?»

Уже совсем стемнело, когда они оказались у порога женского общежития.

- До завтра? – Ульяна вопросительно взглянула в глаза Макарьеву.

- Тебя опять караулит твоя дуэнья Зинаида? – Антон вздохнул.

- Зинка сегодня на работе, - усмехнулась Ульяна. – Ладно, заходи… Давай выпьем чаю. Ты не против?

- Я по д-д-дороге с-с-страшно з-з-замерз! – Антон шутливо задрожал. – Очень хочется горяченького чайку!

- Шут гороховый! – весело фыркнула Ульяна и поцеловала его в губы. – Пойдем, бедный странничек!

Они поднялись в Ульянину комнату. Девушка сунула Макарьеву в руки чайник и спички:

- Вперед на кухню. А я сейчас что-нибудь сооружу перекусить…

Антон задержал ее пальцы в своей ладони, властно притянул к себе и поцеловал. Ульяна, чуть откинув назад голову, ответила на его поцелуй.

- Уля, я тебя люблю, - прошептал Макарьев, заглядывая в бесконечную голубизну ее глаз.

- Антошка, - Ульяна провела пальцами по его лицу. – Милый мой Антошка… Боже мой, да поставь же, наконец, куда-нибудь этот чайник!

…Они любили друг друга. Не существовало больше комнаты, здания общежития, города за окном.

Вокруг была только огромная, усеянная золотыми булавками звезд и планет Вселенная, необозримая и бесконечная. И все это Мироздание, состоящее из несчетного количества галактик, туманностей и планетных систем, в ту летнюю жаркую ночь вращалось вокруг оси, образованной двумя слившимися в единое целое страстными телами…

30.
5 - 6 сентября 1988 года.
Околоземная орбита,
орбитальный комплекс «Мир» - космический корабль «СоюзТМ-5»

- Присядем, что ли, «на дорожку»? - Лахов пристроился в небольшой нише рядом с люком стыковочного узла. Пакет с почтой и бортжурналами он положил к себе на колени.

- Сейчас бы по бокальчику пива, а? - мечтательно вздохнул Тутов, висевший под потолком. - Да еще если с тараночкой!

- Автоинспекция не поймет, - прыснул в кулак Полинов. – Представляете картину, ребята? Афанасьич собирается включить двигатель, но вдруг слышит стук в люк. Открывает, а там - инспектор ГАИ. С полосатым жезлом и в скафандре. «Товарищ Лахов? Предъявите водительские права и дыхните в трубочку!»

Все дружно захохотали.

- Ладно, мужики, - Лахов пальцем вытер навернувшуюся от смеха на глаза слезу. – Посидели – и хватит. Нам пора отчаливать.

Они по очереди с Моумандом обнялись с остающимися на орбите космонавтами и пожали им руки.

- До встречи! - Абдул помахал рукой на прощание и нырнул в орбитальный отсек «Союза».

- Володя, Муса, буду встречать вас на Земле, - заверил Лахов, полуобернувшись в проеме люка.

- Вот и замечательно, - улыбнулся в ответ Тутов. - Заодно и Новый год вместе встретим!

- Ты, Афанасьич, самое главное Снегурочек с собой взять не забудь, - подхватил Монарев и придал своему лицу растроганно мечтательное выражение. - Я, знаешь ли, страшно люблю встречать Новый год с длинноногими и симпатичными Снегурочками!

Все снова засмеялись. Лахов взмахнул рукой, прощаясь, и перебрался в корабль. Округлая выпуклая крышка повернулась вполоборота, и люк стыковочного устройства с глухим стуком закрылся. Лахов несколькими оборотами небольшого круглого штурвальчика запер замки. Извлек из-за резинового фиксатора на стене мягкий шлем с ларингофоном и наушниками, неуклюже натянул его на голову и доложил:

- «Заря», я – «Протон». Двадцать три часа сорок пять минут по московскому времени. Переходной люк закрыт.

- Принято, «Протон», - отозвался с Земли заместитель руководителя полетом Виктор Благинов. Сегодня ночью в подмосковном Центре управления полетами дежурила его смена. - Готовьтесь к расстыковке.

Следующие два с половиной часа у Лахова и Моуманда ушли на то, чтобы надеть скафандры и еще раз проверить бортовые системы корабля. До трех пополуночи оставалось ровно десять минут, когда раскрылись замки стыковочного узла и пружинные толкатели мягко оттолкнули «Союз» прочь от переходного отсека орбитального комплекса «Мир».

- Есть отделение корабля от базового блока, - раздался в наушниках голос Тутова. - Вижу, как «Союз» немного закручивается вокруг продольной оси.

- Все нормально, - успокоил его с Земли голос оператора. - Закрутка идет в пределах нормы.

Абдул прильнул стеклом гермошлема к иллюминатору. Орбитальный комплекс постепенно удалялся, разворачиваясь и заваливаясь куда-то влево.

Лучи выглянувшего из-за горизонта Солнца яркими бликами играли на фиолетовых фасеточных покрытиях солнечных батарей, похожих на огромные крылья.

- Володя, смотри как красиво, - в голосе Моуманда послышался восторг. Он даже на мгновение выронил из пальцев гибкую нить с шариками-четками.

- Красиво, - подтвердил Лахов, оторвав озабоченный взгляд от рабочего пульта. - Смотри пока. Программа спуска включится минут через сорок. Там уж, брат, будет не до зрелищ...

В половине четвертого утра автоматика задействовала пиропатроны и отшвырнула в сторону от корабля орбитальный отсек. В небольшое окошко в боку спускаемого аппарата Лахову хорошо было видно, как похожий на огромное зеленое яблоко отсек, беспорядочно вращаясь, уходит прочь, уволакивая за собой змеящиеся кабели расстыкованной электропроводки.

- Сейчас мы будем садиться, - Лахов повернул голову к Моуманду. Сгруппируйся в кресле. Будет толчок, но не очень сильный.

- Угу, - афганец поерзал спиной в кресле, устраиваясь поудобнее. - Я готов, командир.

«Союз» летел над серо-синими водами Атлантики, огибая южную оконечность Южной Америки. Там, внизу, недалеко от берегов Аргентины, качалось на волнах научно-исследовательское судно «Невель». На него для оперативного контроля поступали сейчас все доклады экипажа и бортовая телеметрическая информация.

- Двигатель проработает двести четырнадцать секунд, - напомнил афганцу Лахов. - Где-то над Северной Африкой мы войдем в плотные слои атмосферы и начнется перегрузка...

- Десять секунд до момента включения тормозной двигательной установки, - в наушниках сквозь треск и завывание радиопомех пробился голос оператора с «Невеля». - Экипаж, внимание!

- «Невель», я – «Протон», - отозвался Лахов. - Вас понял. Ждем включения двигателя.

- ...Семь, шесть, пять... - Моуманд шепотом начал обратный отсчет. - Четыре, три, два, один...

Лахов сгруппировался и закрыл глаза. Сейчас будет толчок и даже сквозь днище спускаемого аппарата они ощутят вибрацию от включившегося двигателя.

- Ноль, - произнес Абдул, сделал паузу и снова повторил:

- Ноль!

Оба космонавта замерли в напряженном ожидании, но ни толчка, ни вибрации не почувствовали. Секундная стрелка на часах в уголке рабочего пульта стремительно перепрыгивала с деления на деление, а корабль все так же спокойно продолжал свой орбитальный полет. В эфире стояла тишина, нарушаемая только легким потрескиванием атмосферных помех.

- Ничего нет, - громко прошептал Моуманд сдавленным и напряженным голосом. - Тишина, командир!

Лахов открыл глаза и усмехнулся:

- Это бывает. Автоматика - она, брат, штука тонкая. Наверное, пошла какая-то задержка...

Он посмотрел на часы. Секундная стрелка успела проскакать почти круг после расчетного момента включения двигателя.

- Н-да, вот еще приключение на мою голову, - озабоченно протянул Лахов. - Мы, дружище, с тобой уже километров на пятьдесят вышли за расчетную точку приземления.

- То есть как это? – растерянно заморгал ресницами Моуманд.

- Если движок сейчас включится, мы с тобой приземлимся в полусотне километров от расчетного места посадки, - с готовностью пояснил Лахов. - Сам понимаешь, нас там никто ждать не будет. И чем дольше длится сейчас задержка, тем дальше мы уходим от района, где нас должны встречать спасательные службы.

- «Протон», я – «Невель», - позвал голос с Земли. - Команда на включение двигателя прошла. Доложите о срабатывании систем.

- «Невель», двигатель не включился, - произнес Лахов в микрофон. Голос его по-прежнему звучал спокойно. - Повторяю, двигатель на торможение корабля не включился.

Пауза длилась почти минуту. Наконец, оператор из телеметрического центра опять вышел на связь:

- «Протон», мы анализируем телеметрию. Прошу вас до входа в зону прямой связи с Центром управления полетами ничего не предпринимать.

- Понял, «Невель». До начала сеанса прямой связи ничего... - Лахов не успел договорить. Кресло мягко, но ощутимо ткнуло его в спину. Подлокотники и стенки спускаемого аппарата вздрогнули и завибрировали в лихорадочном ритме. Двигатель корабля, наконец, включился на торможение.

- Ах, ты твою мать! - Лахов ругнулся и бросил на часы быстрый взгляд. - Черт побери, только этого нам еще и не хватало!

Он протянул руку и с силой вдавил в пульт тумблер отсечки двигателя. Через секунду за спинками их кресел что-то глухо хлопнуло, вибрация прекратилась и снова наступила тишина.

- Володя, ты выключил двигатель? - в голосе Абдул звучали недоумение и страх. - Но зачем?

- Задержка была уже свыше семи минут, - Лахов повел подбородком в сторону циферблата часов на пульте. - Ты хочешь приземлиться где-нибудь в Западном Китае?

- Нет, в Китай я не хочу, - Моуманд отрицательно покачал головой. - И что мы теперь будем делать?

- Прежде всего, доложим о наших проблемах в Центр управления полетом. А уже потом - посмотрим по обстоятельствам.

Афганский космонавт, успокоившись, прикрыл лаза и принялся перебирать деревянные шарики четок.

В зону радиовидимости из подмосковного Центра «Союз» вошел минут через пятнадцать.

- «Протон», на связь! Володя, как меня слышишь? - Лахов узнал встревоженный голос Валерия Рюминова. С Валерием он почти десять лет назад полгода работал в космосе на станции «Салют». Сейчас Рюминов был руководителем их полета. - Что там у тебя стряслось?

- Валера, задержка включения двигателя была больше семи минут, - Лахов старался говорить спокойно и уверенно. «Паникеров, наверное, сейчас и без меня хватает, - решил он. - Хотя бы в том же Центре управления». - Перелет места посадки был больше восьмисот километров. Мы бы сели вместо Аркалыка где-то в Китае. Поэтому я выключил движок примерно на шестой секунде работы.

- Ясно, Володя, - отозвался Рюминов. - Попробуем повторить посадку на следующем витке. Вы с Абдулом пока отдохните, а мы займемся анализом ситуации.

«Легко сказать - отдохните, - Лахов сложил руки на коленях. - А если всякая чертовщина так и лезет в голову?»

- Что будем делать, командир? - напомнил о себе Абдул.

- Ждать, - довольно резко отрезал Лахов. - И отдыхать. Можешь немного поспать. Или в иллюминатор посмотреть.

- Я лучше подремлю, - сказал Моуманд и зевнул. - Совершенно не выспался сегодня...

«Хорошо, хоть Абдул не паникует, - Лахов осторожно скосил глаза в сторону напарника. - А может просто еще не понимает всю сложность ситуации, в которую мы вляпались?»

Ничего хорошего в отказе двигательной установки, разумеется, не было. Даже при постоянном пассивном торможении в разреженных слоях атмосферы, без включения двигателей «Союз» в ближайшие десять - двенадцать суток не сможет вернуться на Землю. А

запасы системы жизнеобеспечения - воздух, вода, пища, - рассчитаны только на трехсуточный полет.

...На следующем витке, примерно через полтора часа, программу автоматической посадки запустили снова. Двигатель где-то глубоко под днищем спускаемого аппарата опять глухо чихнул, проработал около трех секунд и самопроизвольно выключился.

- Попробуем включить вручную, - Лахов подмигнул напряженно сжавшемуся в кресле Абдулу, протянул руку к пульту управления и щелкнул тумблером включения двигательной установки. - Хрен с ней, с автоматикой!

- Хрен с ней! - поспешно согласился Моуманд. Лахов отметил про себя, что лицо его было непривычно бледным. Наверное, афганец уже осознал всю серьезность происшедшей аварии. - Я тоже никогда полностью не доверяю автоматике, Володя!

Почти незаметная вибрация стенок корабля сообщила о включении тормозного двигателя.

- Работает! - облегченно выдохнул Абдул и принялся считать. - Один, два, три, четыре, пять, шесть...

Снова глухой хлопок где-то за спиной. И тишина.

- Вот такая чертовщина получается, дружище, - бесцветным голосом констатировал Лахов и выглянул в боковой иллюминатор. Земной шар поворачивался и уплывал из-под корабля куда-то в бок. Это означало, что «Союз» потерял ориентацию.

- «Протоны», Центр управления на связи, - взволнованный голос оператора прорвался сквозь эфир. - Доложите, как включился двигатель.

- Включился вовремя, но работал всего три секунды, - ответил в микрофон Лахов. - После ручного включения двигатель работал еще около шести секунд и снова выключился. Кроме того, визуально наблюдаю потерю стабилизации корабля.

- Володя, - в наушниках снова зазвучал голос Рюминова, - следующую попытку посадить корабль будем делать завтра. На сегодня - отбой.

- Понял, Валера, переходим в дежурный режим, - Лахов отключил микрофон и повернулся к Моуманду. - Придется нам с тобой, дружище Абдул, вспомнить забытое детское искусство писать в собственные штаны.

- Не понимаю, - афганец искоса недоуменно зыркнул на него и возмущенно тряхнул головой.

- А тут и понимать нечего, - Лахов невесело усмехнулся и пояснил:

- Туалет и умывальник у нас где были? В орбитальном отсеке. А что мы с тобой отстрелили три часа назад, а?

Моуманд несколько секунд сидел молча, переваривая услышанное, а потом спросил:

- Володя, но где же теперь я буду делать омовение?

31.
5 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.
Монтажно-испытательный корпус 1А.

- И это все? - Контрразведчик разочаровано пробежал взглядом по листу бумаги. – Это все происшествия за двадцать девятое августа? Больше вы ничего не накопали?

- Ничего, Вадим Алексеевич, - капитан Чекмаев развел руками. - Только вот эти четыре позиции. И все они включены в сводку.

- Вижу, - Контрразведчик разочаровано вздохнул, надел очки и углубился в чтение. - Так... Трое солдат из роты технического контроля выясняли отношения около солдатской столовой... Кто-то разбил окно в музее воинской части... В отделении термостатирования не вышел на работу инженер-стажер Ушаков. Гм... «Газик» испытательной службы стоял не на месте... Костя, у тебя этот пункт в перечне помечен галочкой. Это как понимать?

- По-видимому, это самый любопытный случай из всего, что мы смогли отыскать, - капитан, казалось, обрадовался, что Контрразведчик, наконец, добрался до четвертого по счету пункта в сводке. - Вам вкратце доложить или с подробностями?

- Давай с подробностями... – оживился полковник. - Спешить нам с тобой пока особо некуда...

- За каждой группой гражданских испытателей закреплен свой автомобиль, - приступил к объяснениям Чекмаев. – «Газик» - тот, о котором идет речь в сводке происшествий, - и водитель Железняк Михаил Федотович работают с расчетом подготовки систем управления ракеты-носителя. В ночь перед стартом, где-то около половины четвертого, Железняк подъехал на «газике» к административному зданию заводской экспедиции. Это то строение, которое находится около шоссе, на самом краю жилого городка...

- Я знаю, где это, - нетерпеливо перебил Контрразведчик. - Давай подробнее о деталях происшествия...

- Так вот, Железняка вызвали, чтобы срочно отвезти в Ленинск какие-то протоколы технических испытаний. Он оставил машину на стоянке слева от административного здания и поднялся в приемную на второй этаж, где ему и нужно было забрать бумаги. Но в приемной никого не оказалось. Дверь вообще была заперта. Железняк прождал около получаса, но никто так и не появился. Ну, водитель и решил, что пока он ехал, планы у начальства изменились, и его услуги больше не требуются. Железняк спустился на первый этаж и решил вернуться обратно в гостиницу. Но не обнаружил свою машину на стоянке. Его «газик» стоял за воротами экспедиции. Вот, собственно, и все.

- Вот и все... - задумчиво протянул Контрразведчик. - А этот Железняк не мог сам оставить машину за воротами. Оставить и попросту забыть, а?

- Клянется и божится, что нет, - покачал головой Чекмаев. - Я, кстати, посмотрел его личное дело.

Водителем на предприятии работает более двадцати лет, и за все время нет ни одного взыскания. А вот поощрялся и премировался многократно.

- Ну, и почему же машина оказалась за воротами? - Контрразведчик поверх очков вопросительно взглянул на капитана. - Ты сам-то как считаешь?

- Тут вот какое дело, Вадим Алексеевич, - с готовностью откликнулся Чекмаев. - Когда Железняк подъезжал к административному зданию экспедиции, стоянка была пустой. А когда вышел - на месте его машины стояли два грузовика, которые только что пришли со складской базы на тридцать второй площадке. Железняк и решил, что его «газик», скорее всего, мешал разгрузке и его просто отогнали за ворота. Ну, и немного повоспитывал водителей грузовиков. По матушке, так сказать. Едва до драки не дошло!

- Железняк что же, ключи зажигания оставляет в машине? - поразился Контрразведчик.

- У испытательских расчетов так принято: если за машиной закреплены несколько водителей, ключи оставлять в замке зажигания, - пояснил Чекмаев. - Угонов автотранспорта за все годы существования космодрома практически не было. Да и куда угонять-то? До первого КПП?

- Интересные порядки, - Контрразведчик развеселился. - Нам бы такие завести, а, Костя? Где-нибудь в центре Москвы, представляешь? Чтобы выходить из машины, оставлять в замке ключи и не бояться угона! Сказка! Ладно... Так что же получается, кто-то из водителей грузовиков без спроса отогнал за ворота железняковский «газик»?

- В том-то и дело, что нет, - капитан ухмыльнулся. - Вот тут-то как раз и начинается чертовщина, Вадим Алексеевич... Я лично опросил обоих водителей грузовиков и их экспедиторов. Никто из них даже не прикасался к машине Железняка. Они в один голос утверждают, что когда подъехали к зданию экспедиции, на стоянке вообще не было машин. Ни одной.

- То есть ты хочешь сказать, что пока Железняк сидел около приемной, кто-то взял его машину попользоваться? Напрокат?

- Получается, что так, Вадим Алексеевич, - Чекмаев кивнул, помолчал, собираясь с мыслями, и добавил:

- А потом этот кто-то захотел поставить машину на место, но стоянка уже была занята грузовиками. Поэтому «газик» Железняка и был оставлен за воротами.

- Одну минуточку, Костя, - жестом руки остановил его Контрразведчик. - А что стоянка такая маленькая, что три машины там не поместятся?

- Напротив, стоянка как раз достаточно просторная. «Газик» легко бы уместился на ней вместе с грузовиками. И еще бы место для других машин осталось... Но стоянка ночью освещается фонарями, а вот пространство за воротами экспедиции - нет. Я думаю, что кто-то не захотел, чтобы его увидели выходящим из машины Железняка. Его и не увидели - ни шоферы, ни экспедиторы не обратили никакого внимания на то, когда за воротами появился «газик» и кто из него вышел.

- То есть неизвестный водитель «газика» хотел остаться незамеченным? Ты это хочешь сказать? - осведомился Контрразведчик.

- Так точно, Вадим Алексеевич, - на лице Чекмаева заиграла хитрая улыбка. - Или все это может оказаться простой случайностью, или некто явно не хотел привлекать к себе внимание.

- Да, это уже интересно, - Контрразведчик поправил пальцем съехавшие на кончик носа очки. - Послушай-ка, Константин, а как этого самого Железняка вызвали на работу?

- Он говорит, что ему позвонили среди ночи и... - капитан вдруг осекся и глянул на Контрразведчика широко открывшимися от удивления глазами:

- Вы думаете, что...

- А почему бы нет? - перебил его Контрразведчик и, стремительно поднявшись со стула, зашагал по комнате, заложив руки за спину. - Раз уж мы с тобой взялись

измышлять гипотезы, то почему бы и нет? Кто-то от имени Бехтерева звонит Макарьеву и приказывает проверить периметр вокруг старта. И этот же кто-то звонит Железняку и вызывает его на работу! В котором часу, ты говоришь, ему позвонили?

- Э... Где-то около половины третьего...

- Вот-вот... Заметь, Костя, по времени-то второй звонок практически совпадает с первым!

- Вы и вправду считаете, что и Макарьеву, и Железняку мог звонить один и тот же человек?

- Может быть, может быть...- Контрразведчик на секунду задумался, глядя в степную даль за окном, и резко повернулся к Чекмаеву:

- А ты не спрашивал у Железняка, кто именно из руководства звонил ему в ту ночь и вызывал на работу?

- Спрашивал. Железняк говорит, что звонил начальник отдела Волынцев. Звонивший сказал, что в приемной заводской экспедиции придется подождать минут тридцать-сорок. Но с самим Волынцевым я еще не беседовал, Вадим Алексеевич.

- С Волынцевым поговоришь немедленно. Прямо сейчас. И сразу же ко мне с докладом. Это первое. Теперь второе, - Контрразведчик взял со стола ручку и пододвинул к себе чистый лист бумаги. – Костя, с какой максимальной скоростью может двигаться «газик»? С учетом того, что ехать придется ночью и, в лучшем случае, по шоссе, которое соединяет вторую площадку с Ленинском.

- Ну, километров шестьдесят - семьдесят в час можно выжать... - капитан наморщил лоб, размышляя.

- Возьмем по максимуму - семьдесят километров, - Контрразведчик вывел число на бумажном листе. - А сколько, ты говорил, времени прождал Железняк в приемной?

- Он утверждает, что где-то около получаса.

- Значит, тоже возьмем по максимуму - полчаса. За это время кто-то воспользовался машиной Железняка и вернул ее на место. Спрашивается, на какое

максимальное расстояние этот некто мог удалиться за примерно тридцать минут, которые были в его распоряжении? Такая вот простенькая задачка...

- Скорость умножим на время и получим расстояние, - на лице капитана мелькнула улыбка. - Учебник по физике. Шестой класс.

- Молодец, сразу видно, что в школе учился на «отлично»!- с язвинкой подшутил Контрразведчик. - Ладненько... Значит, если на дорогу в оба конца ушло максимум полчаса, то путь к цели занял всего пятнадцать минут. Предположим, что все это время «газик» ехал на максимальной скорости. То есть семьдесят километров в час. Умножаем семьдесят на четверть часа... И получаем, что от административного здания экспедиции машина могла уйти за это время на семнадцать с половиной километров. Это если по максимуму и по хорошей дороге.

Контрразведчик еще раз внимательно окинул взглядом расчеты и поднял взгляд на Чекмаева:

- Вот что, Костя... Во-первых, ты в самом срочном порядке находишь Волынцева и выясняешь, кому и когда он звонил в ночь перед стартом. Если он вообще звонил, конечно... Во-вторых, немедленно поднимаешь по тревоге роту спецназначения. От моего имени, конечно. Пусть наши ребятишки самым внимательным образом прочешут весь этот пятачок от здания экспедиции до отметки семнадцать с половиной километров. Неторопливо, двигаясь по спирали, так, чтобы ни одного местечка, где даже теоретически можно что-либо спрятать, не пропустить. Ни единого! Ясно?

...Через час капитан Чекмаев доложил Контрразведчику, что начальник отдела Алексей Иванович Волынцев в ночь перед стартом водителю Железняку не звонил и на работу его не вызывал.

А еще через два с половиной часа, когда сумерки уже начали сгущаться над степью, поисковое отделение группы специального назначения на территории корпуса 2Б, - том самом, в котором готовили к запуску ракеты-носители, - обнаружило труп Кирилла Ушакова. Тело

инженера было найдено в цистерне с остатками жидкого азота, которая стояла в железнодорожном тупичке около компрессорной.

32.
6 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.

Майора Демиденко, своего постоянного партнера по преферансу, Агент заметил еще издали, когда вышел из столовой и спускался по ступенькам в сторону нижнего строевого плаца. Демиденко считался одним из лучших специалистов по вычислительной технике на космодроме. Всегда веселый и улыбчивый, сейчас он шел навстречу Агенту с озабоченным выражением на лице.

- Привет, Александр Михайлович! – бодрым голосом окликнул его Агент. - Что это ты сегодня не в настроении? Что-нибудь случилось?

- А, это ты… Привет, - Демиденко поднял на Агента рассеянный взгляд, остановился и пожал протянутую руку. – Случилось… Ты разве еще ничего не знаешь?

- Нет. А что?

- Большие неприятности на орбите. Космонавты не могут приземлиться.

- Да что ты? - Агент изобразил на лице удивление. Его сердце сжалось в радостном возбуждении. Устройство, которое три с половиной месяца назад он тайно поместил в спускаемый аппарат космического корабля, сработало!

Когда Агент получал это задание и оговаривалась сумма вознаграждения, единственным условием со стороны заказчика был подтвержденный факт срабатывания внедренной в вычислительный комплекс «Союза» микросхемы. Только после этого деньги за проведение всей операции будут переданы ему через почтовый ящик с очередным курьером. И только после

этого его работа здесь, на Байконуре, будет считаться завершенной и ему дадут координаты канала для ухода за пределы этой взрастившей его, но все-таки такой ненавистной ему страны.

- И что же случилось? - Агент изо всех сил старался ни словом, ни жестом не выдать собеседнику своей радости. - Движок полетел?

- Черт его знает, - Демиденко неопределенно пожал плечами. - С двигателями вроде бы все в порядке. От «Мира» «Союз» отстыковался нормально, сбросил перед спуском орбитальный отсек. Лахов стал готовить двигатель к включению. И вдруг - на тебе, нестандартное включение двигателей, а потом - сбой в ориентации!

- Хреново! - Агент озадачено присвистнул. - Без двигателей и с потерей ориентации машинку на Землю не посадишь!

- Представляешь, какая неприятность: отказали оба инфракрасных датчика! - от волнения лицо Демиденко стало покрываться красными пятнами. - Оба! И основной, и резервный!

- Ничего себе! Ну, а если попробовать вручную сориентироваться?

- Да так поначалу и хотели сделать! Сразу же на следующем витке. Подготовились, экипажу передали инструкции. Лахов включает двигатель, несколько секунд нормальной работы - и вдруг сбой в вычислительном комплексе. И корабль снова теряет ориентацию.

- Вот это да! - Агент округлил глаза. – Михалыч, и что же теперь будет?

- Посадка перенесена на завтрашнее утро, - хмуро буркнул в ответ Демиденко. - Все управленческие расчеты переведены в дежурный режим. По крайней мере, на предстоящие сутки.

- Михалыч, а если и завтра их посадить не удастся? Тогда что?

- А тогда полный звездец! – в сердцах ругнулся Демиденко и пояснил:

- Запасов воздуха у Лахова и афганца хватит на трое с половиной суток. Потом - все, хана...

- Ох, ни хрена себе, - Агент приоткрыл рот, демонстрируя собеседнику, крайнюю степень своей растерянности. - Это ж два трупа и международный скандал как минимум!

- Если, не дай Бог, ребятам не удастся завтра вернуться на Землю, - Демиденко еще больше нахмурился, - наши особисты здесь камня на камне не оставят!

- Да мы-то причем? Авария ведь на орбите, а не здесь!

- Не здесь, говоришь? А диверсанты неделю назад? А смерть Сереги Бехтерева? Поверь мне, кое-кто из кожи будет лезть, чтобы связать все в один клубок!

- Пожалуй, ты прав, Михалыч. Под раздачу достанется всем, - задумчиво протянул Агент и заторопился:

- Ладно, Александр Михайлович, я пойду. У меня сегодня еще одна проверочка на «Прогрессе».

- А, ну бывай, - Демиденко кивнул на прощание и зашагал в сторону столовой.

Агент спустился на нижний плац, достал сигареты и закурил.

Итак, та штуковина на «Союзе» сработала. А это значит, что обещанные деньги уже почти у него в кармане. Деньги есть и в перспективе будет свобода. Дня два, от силы три, - и прости - прощай, дорогой космодром. Прости – прощай, родная страна!

Агент затянулся на полную грудь, щелчком отшвырнул окурок в сторону и пружинистой походкой зашагал к воротам испытательного корпуса.

Впереди его ждало светлое будущее. Деньги и свобода.

33.
6 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.
Монтажно-испытательный корпус 1А.

- Присаживайтесь, ребята, - Контрразведчик привычным жестом указал майору Казинцеву и капитану Чекмаеву на стулья около письменного стола. - Чем порадуете?

Майор молча достал из кожаной рабочей папки несколько стянутых скрепкой листов бумаги и протянул Контрразведчику:

- Здесь отчет оперативной группы по Кириллу Ушакову, Вадим Алексеевич. Акты экспертиз, докладные моих сотрудников и краткие выводы.

- Вот с кратких выводов, Паша, пожалуй, и начнем. Командование сегодня утром горячо поздравило меня со вторым трупом. Им там, в Москве, нет дела до того, что тело Ушакова неделю пролежало в жидком азоте и является, если так можно выразиться, всего лишь еще одним дополнительным штрихом в общей картине той распроклятой предстартовой ночи. Труп есть труп, а видимых результатов нашего расследования пока нет... Так что шею мне сегодня намылили и стружечку со спины сняли. Поочередно из каждого начальственного кабинета и по полной программе… Итак, какие соображения по Ушакову, ребята?

- Смерть Ушакова наступила мгновенно, от колотой раны под левой лопаткой, - полистав свои бумаги, Чекмаев извлек заключение патологоанатомов. - Осмотр тела убитого кровоподтеков и других прижизненных повреждений не выявил. То есть, следов драки нет.

- Я полагаю, Вадим Алексеевич, - снова вступил в разговор Казинцев, - что Ушакова мог убить только хорошо знакомый ему человек. Во-первых, нет следов борьбы. А я уверен, что человек комплекции Ушакова не дал бы себя так просто убить. Удар, скорее всего, был нанесен неожиданно – в тот момент, когда убитый

инженер не ждал нападения. Во-вторых, расположение раны на теле почти исключает вариант нападения из засады. Значит, остается предположить, что смертельный удар был нанесен человеком, которого Ушаков знал достаточно близко. Возможно, во время разговора Ушаков почему-то на долю секунды повернулся к собеседнику спиной. Убийце хватило этого времени для единственного и точного удара.

- Так... Мотивы убийства?

- Вадим Алексеевич, у меня на этот счет есть кое-какие соображения, - Чекмаев щелкнул пальцами. - Макарьев утверждает, что в ночь перед стартом именно Бехтерев отдал ему по телефону приказ проверить периметр ограждения вокруг стартового комплекса. В то же время все телефонисты в один голос говорят, что ни на смотровой площадке, ни в испытательном корпусе Бехтерев к телефону и близко не подходил. Тогда кто мог звонить Макарьеву?

- Ты полагаешь, что нашему лейтенанту мог звонить Ушаков? - угадав логику рассуждений капитана, засомневался Контрразведчик. - Ну, и на чем основываются это твое предположение?

- Знаете, какое хобби было у Ушакова? - на лице Чекмаева появилась хитрая ухмылка. – Игра КВН и любительский театр. Говорят, он был настоящим докой по части имитации чужой речи! Мог заговорить любым голосом!

- Значит, по-твоему, голосом Бехтерева с Макарьевым говорил Ушаков?

- Конечно, Вадим Алексеевич! По чьей-то просьбе Ушаков звонит Макарьеву. А потом его убивают! Мавр сделал свое дело…

- И теперь мавр может уходить... Ладно, считай, что я принимаю твою версию. Предварительно. А зачем тогда нужна смерть Бехтерева?

- Макарьев мог погибнуть в схватке с диверсантами, а мог и остаться в живых. Так случилось, что лейтенант выжил. Первый вопрос следствия: как

караул оказался около периметра стартовой позиции? По приказу Бехтерева. А Бехтерев - если бы его оставили в живых, - обязательно заявил бы, что Макарьеву он не звонил. Значит, мы бы сразу стали искать человека, умеющего подделывать голоса. И непременно бы вышли на Ушакова!

- Н-да... Выглядит логично, как считаешь, Павел Викторович?

- Константин Геннадиевич сегодня явно заслужил вкусный пирожок с полки, - сказал Казинцев и заговорщицки подмигнул Чекмаеву. - Агент, тут следует отдать ему должное, Вадим Алексеевич, - мужичок ловкий и сообразительный: пара трупов и мы всей нашей следственной группой целую неделю жевали версию о самоубийстве Бехтерева!

- Ну, это ты преувеличиваешь, Павел Викторович! - решительно запротестовал Контрразведчик. - Версии мы с вами отрабатывали самые разные. Хотя версия самоубийства, - тут я с тобой, пожалуй, соглашусь, - была у нас основной. Ладно, будем считать, что неделю агент у нас выиграл. Один ноль в его пользу, но мячик сейчас на нашей стороне и можно контратаковать. Чем мы и займемся!

- Я думаю, что нервишки у агента начинают серьезно пошаливать, - с пренебрежительной ухмылкой констатировал Казинцев. - Он на грани провала и вот-вот должен обнаружить себя.

- Поэтому для убыстрения этого процесса мы с сегодняшнего дня открываем второй фронт в лице лейтенанта Макарьева. Пусть агент ощутит реальную угрозу себе еще и с этого направления, - Контрразведчик повернулся к Чекмаеву:

- Вот что, Костя... О том, что найден труп Ушакова, пока никому вне нашей службы не сообщать. А вот Макарьева немедленно привлечь к опознанию тела Ушакова. Как лицо, пользующееся нашим особым доверием.

- Ясно, Вадим Алексеевич.

- И вот что еще… После опознания пусть кто-нибудь из твоих ребят побеседует с лейтенантом, - продолжал Контрразведчик. - А во время беседы - вроде бы так, невзначай, - расскажет ему о похищении «газика» у Железняка и о том, где именно и как был найден труп Кирилла Ушакова.

34.
6 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.

- Антошка, ты куда пропал? Что-то случилось?

Ульяна отыскала Макарьева в летней беседке за зданием монтажно-испытательного корпуса. Антон сидел на узкой деревянной лавке под острым колпаком раскалившейся от солнечных лучей металлической крыши. Сидел, безвольно сгорбившись, с опущенными плечами, положив руки на колени и понурив голову. Лицо Макарьева посерело и осунулось, а неподвижные, словно остекленевшие глаза уставились куда-то в пространство без всякого выражения.

- Антон, да что случилось-то? - ладонь Ульяны осторожно коснулась его плеча. - На тебе же лица нет!

Он поднял голову, посмотрел на девушку погасшим и совершенно отсутствующим взглядом и тихо произнес:

- Присядь, Уля.

- Я еле тебя нашла, - Ульяна перевела дыхание и опустилась на лавку рядом с Антоном. - Олег Беланов сказал, что ты как ушел на обед, так и не появлялся. Где я тебя только не искала! Мы же с тобой договаривались сегодня встретиться в обеденный перерыв, ты помнишь?

- Извини, что не смог прийти. Я был на опознании тела, Уля.

- Где?!

- На опознании тела Кирилла Ушакова, - бесцветным голосом повторил Макарьев. - В подвале под зданием управления дивизии. Ушакова убили, Уля…

Ульяна испуганно охнула и прикрыла рот ладонью.

- Картина, как говорится, была еще та... Не для слабонервных, - хмуро продолжал Макарьев. – Кирилл Ушаков почти неделю пролежал в жидком азоте. Знаешь компрессорную станцию около корпуса 2Б? Ну, там, где собирают ракеты носители?

Ульяна кивнула. В ее округлившихся синих глазах застыл страх.

- Вот там Кирилла Ушакова и нашли. В цистерне с азотом. Замороженного...

- Его что же, живьем столкнули внутрь?!

- Нет, сначала его ударили ножом под лопатку. Прямо в сердце. Потом погрузили в «газик» и довезли до этой цистерны. А затем тело спрятали внутри...

- Боже мой, - прошептала Ульяна, облизав кончиком языка враз пересохшие губы. - Сначала Бехтерев, теперь Ушаков... Уже двое...

- Этой сволочи, которая здесь завелась, наплевать на человеческие жизни, - Макарьев скрипнул зубами и зло сжал кулаки. - Эта тварь прет вперед с упорством танка!

- Антошка, - Ульяна коснулась пальцами его руки, - этот мерзавец ни перед чем не остановится...

- Да, решительная вражина нам с тобой попалась, - в голосе Макарьева зазвучали металлические нотки. - Ему есть что терять!

Ульяна положила голову на плечо лейтенанта. По ее щеке поползла маленькая слезинка:

- Антошка, я боюсь. Он же может ударить по тебе в любой момент! Подло, из-за угла, в спину!

Макарьев обнял девушку за плечи и легко коснулся губами ее лица:

- А я больше не собираюсь ждать его ударов, Улечка! Знаешь, мне страшно надоело быть

потенциальной жертвой. Пора разделаться с этой мерзостью раз и навсегда!

- Как? Ты знаешь, как это сделать? Он же почти не оставляет следов! А все наши с тобой догадки, в конце концов, приводят только в тупик.

- Говоришь, он не оставляет следов? - на лице Антона появилась злая ухмылка. - Так мы эти следы оставим за него! А его убедим, что эти следы настоящие. Прямо носом его в них и ткнем! Пусть задергается, гад!

- Ну, и что ты предлагаешь? - Ульяна вытерла носовым платком влажные глаза и легонько отстранилась от него. - Только имей в виду, Макарьев, рисковать собой я тебе больше не позволю!

- Вот это исключительно приятно услышать! - Антон усмехнулся, снова притянул к себе Ульяну и поцеловал в губы.

- Я серьезно говорю, Антошка, - Ульяна упрямо тряхнула головой. - Больше никакого риска, слышишь? По крайней мере, в одиночку.

- О, вот это очень существенная оговорка! - Макарьев засмеялся. - Значит, не в одиночку рисковать мне можно?

- Макарьев, а хочешь по шее? - в глазах Ульяны сверкнули шальные искры. - Я же о тебе беспокоюсь, балбес!

- Все-все, сдаюсь на милость победительницы, - Антон шутливо поднял руки. - Обязуюсь впредь действовать исключительно под вашим контролем, Ваше Высочество!

- Ну, а если серьезно, - лицо Ульяны смягчилось, она поправила упавшую на лоб прядь волос, - у тебя и в самом деле есть план, как нам поймать этого мерзавца?

- План? План есть, - Макарьев перестал улыбаться. - О том, что Кирилл Ушаков умеет имитировать чужие голоса, знали всего несколько человек: я, Беланов, Доцинов, Петровин, Михайленко, Симонов, Шестюк, Кузин, Глуховцев, Лопатин и покойный Бехтерев. Так ведь?

- Так, - кивком подтвердила Ульяна. – Это наш список из десяти подозреваемых. Ушакова мы теперь можем вычеркнуть – он стал жертвой убийцы. Остается девять человек…

- Сегодня у капитана Лопатина соберется наш очередной «мальчишник», - продолжал Антон. - В своем обычном составе. За исключением, конечно, уехавшего Полякина и убитых Бехтерева и Ушакова…

- Ну, и что?

- А вот теперь послушай, какой у меня есть план, - Макарьев пододвинулся поближе к Ульяне. – Сегодня вечером я собираюсь напроситься в суточный наряд по монтажно-испытательному корпусу...

35.
6 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.
Кабинет капитана Лопатина.

В «каптерке» у капитана Лопатина все собрались к пяти часам.

Первыми пришли Макарьев и Беланов. Пару часов Антон и Олег просидели в комнате отдыха отделения, болтая о том и о сем, сыграли несколько партий в шахматы, а потом отправились в магазин за закуской.

- Александр Васильевич, я сегодня по части фирменных напитков - пас, - честно предупредил Макарьев, когда они с Олегом со свертками и пакетами в руках переступили порог кабинета Лопатина. - Мне в наряд по испытательному корпусу заступать.

- Тебе? Сегодня? - брови Лопатина вопросительно изогнулись. – А, по-моему, Рома Семеновский должен...

- Мы поменялись, - отмахнулся Антон. - Ромка сегодня идет на день рождения к знакомой девчонке. Без пяти минут его невеста, понимаете? Вот и пришлось выручать товарища...

- Ладно, - охотно согласился капитан. - Значит, пить не будешь, будешь только закусывать. Давайте-ка с Олегом пока колбасу и сыр порежьте.

- Это мы всегда запросто, - Антон принялся выгружать продукты из пакетов. - По части приготовления холодных закусок мы с Белановым кому угодно фору дадим! Правда, Олег?

Чуть позже, все вместе, втроем, явились управленцы: Доцинов, Петровин и Михайленко. Доцинов притащил целый пакет зелени. Зелень Михаил Васильевич вот уже несколько лет подряд выращивал на небольшом приусадебном участке, по-мичурински пытаясь адаптировать лук, щавель и укроп к казахской земле. Подполковник Петровин тоже пришел с сюрпризом: выставил на середину стола полулитровую бутыль с темно-красной жидкостью, закупоренную деревянной пробкой.

- Домашняя? - плотоядно поинтересовался Беланов, бросив на бутыль оценивающий взгляд. – Наливка?

- Ага, - весело подмигнул в ответ Петровин. - Вчера из дому посылку получил. Знаете, ребята, у меня батя по части домашних вин – ну, просто спец. Да вы сами сейчас убедитесь!

- Убедимся, убедимся, - радостно подхватил Михайленко и энергично потер руки. - Может, сразу и начнем убеждаться?

- Это кто тут без представителя фирмы начинать собирается? - в дверях показалась высокая худощавая фигура Симонова. - Совсем наши управленцы от рук отбились, правда, Александр Васильевич?

- Так на то мы и управленцы, чтобы управлять общим процессом, - надув щеки, захохотал Доцинов, покровительственным жестом похлопывая Симонова по спине. - Ты, Артур Семенович, лучше скажи, где летают твои орлы? А то, знаешь ли, действительно семеро одного не ждут...

- Орлы на подлете, - Симонов взглянул на часы. - Обещали быть ровно к пяти часам.

«Орлы» - Виталий Кузин и Евгений Шестюк – себя долго ждать не заставили и действительно явились через несколько минут с полной сумкой бутылок с минеральной водой.

- Александр Васильевич, принимай груз, - провозгласил прямо от дверей Кузин и принялся выставлять запотевшие бутылки на стол. - Холодненькая! Знаешь, откуда? Прямо из азотохранилища!

Последним в «каптерку» пришел подполковник Глуховцев. По его посеревшему от усталости, изможденному лицу было заметно, что прошедшая неделя далась подполковнику нелегко. Макарьев отметил, что всегда энергичный и жизнерадостный Александр Николаевич за последние дни осунулся и ссутулился, а под его глазами залегли глубокие тени.

- Все собрались? - Лопатин скользнул взглядом по присутствующим, разместившимся на стульях и деревянных табуретах вокруг застеленного старыми газетами большого рабочего стола. - Ну, давайте, что ли, по первой...

Он достал из сейфа полутора литровую флягу с разведенным водой серебрянкой спиртом и наполнил рюмки.

- А я, с вашего позволения, водички, - Макарьев налил себе минералки в стакан. – Скоро построение в наряд...

- Позвольте мне сказать, ребята? - Глуховцев с рюмкой в руках поднялся со стула. - Вот Александр Васильевич сказал, что все здесь собрались... Не все, Саша... Нет с нами больше Сережки Бехтерева... Нашего Трофимыча... Как там на самом деле было, пусть следствие разбирается... А я хочу помянуть хорошего мужика и нашего с вами друга. Пусть земля ему будет пухом!

- А что следствие говорит, Александр Николаевич? – поинтересовался Петровин, когда все выпили и потянулись за бутербродами.

- Следствие? - рассеянно переспросил Глуховцев. Чувствовалось, что его мысли блуждали где-то далеко от этого стола. - Следствие пока ничего конкретного не говорит. Самоубийство - и точка. Сегодня дали, наконец, разрешение на похороны... Завтра хоронить будем, во второй половине дня.

- Как раз на девятый день, - мысленно подсчитал Кузин. - Эх, Трофимыч... Упокой, Господи, его душу.

- Не знаю, как вы, - Лопатин покачал головой, - а я до сих пор не могу поверить в это самоубийство!

- Но по результатам экспертизы... - начал Михайленко.

- Да что мне эта экспертиза! - взорвался Лопатин. На его щеках проступили красные пятна. - Пусть они засунут свою экспертизу, знаешь куда, Витя? Я не верю! Не верю, что Трофимыч мог наложить на себя руки! Ну, не такой он мужик, понимаешь?

- Я-то понимаю, Саша, - с горечью вздохнул Михайленко. – Но кому и что ты докажешь?

- Я тоже не верю в самоубийство Сережки, - тихо произнес Глуховцев. - Я, ребята, знаю... Знал Сергея Трофимовича дольше вас всех... Больше десяти лет вместе, на одной воинской группе. Еще с лейтенантских погон... Я не верю ни в какое самоубийство. Да, что там говорить, не стал бы Трофимыч травиться, не стал!

- Так ты думаешь, что его отравили, Александр Николаевич? - подавшись вперед, спросил Симонов. - Но кто? И зачем?

- Ох, не знаю, Артур Семенович. Да и не мое это дело - знать. Пусть те разбираются, кому положено, - Глуховцев прикрыл глаза, и устало опустил подбородок на грудь.

- Я тоже считаю, что Трофимыча убили, - подполковник Доцинов потер ладонью лоб, словно стараясь избавиться от головной боли. - Вот только за

что, неясно. Но что умер он не по своей воле, не отравился - это точно!

- А мотивы для убийства есть? - вступил в разговор Евгений Шестюк и заинтересовано покосился на Макарьева. - Может быть, это как-то связано с теми диверсантами, которых перебил наш Антошка?

- Ну, я не следователь, - слегка раздраженно пожал плечами Михаил Васильевич. - Про мотивы я тебе, Женя, сказать ничего не могу.

- Я думаю, что и с мотивами разберутся и убийцу найдут, - с абсолютной уверенностью в голосе произнес Макарьев. - По оставленным им следам и найдут.

- А если их не окажется, следов этих? - скептически ухмыльнулся майор Михайленко. - Ну, какие могут быть следы?

- Следы всегда остаются, - решительным тоном возразил Антон и взял с тарелки очередной бутерброд. - Может быть, на первый взгляд они незаметные… Но если хорошенько поискать, обязательно найдется что-нибудь, что точно укажет на убийцу.

Он обвел взглядом хмурые лица товарищей и продолжал:

- Вот мне во время отпуска знакомый милиционер рассказал такой случай. Парня, молодого инженера, убили ударом ножа. Под левую лопатку ударили, точно в сердце. Ночью убийца вывез труп на угнанном «газике» и спрятал - где бы вы думали? - около компрессорной станции в почти пустой железнодорожной цистерне. Машину потом поставил на место и затаился. Думал, мерзавец, что все концы надежно спрятал в воду и его не найдут. А ведь нашли! Не прошло и недели, как нашли. И знаете как? Левое переднее колесо на «газике» оказалось с дефектом. Очень характерный глубокий порез на резине. А подъезд к той цистерне, где убийца спрятал труп, был по грунтовке. Вот колесо и отпечаталось. Сначала по отпечатку колеса нашли машину. А потом и самого убийцу. Обнаружился и свидетель, который видел, как убийца ставил угнанную машину на место. Ну,

и в самом автомобиле нашли небольшую безделушку, которую убийца впопыхах выронил и на которой остались его отпечатки пальцев.

- Ну, это милиции просто повезло со следами, - со скептической усмешкой сказал Кузин. - А сколько случаев, когда убийц так и не находят?

- Значит, плохо ищут, - резко отрезал Макарьев. - Чтобы получить какую-то информацию, нужно или копать поглубже или платить тому, кто может копать...

- Давайте лучше сменим тему, ребята, - предложил Петровин. - Муторно как-то на душе и без этих ваших разговоров... Тоже мне пинкертоны нашлись...

- Выпить еще надо, - Лопатин принялся разливать разбавленный спирт по второму кругу. - Между первой и второй, как говорится, промежуток небольшой...

Капитан собрался было плеснуть спирт и в рюмку Антона, но Макарьев помотал головой, накрыл свою стопку ладонью и шепотом напомнил:

- Мне в наряд…

Снова выпили. Разговор постепенно перекинулся на другие темы и к недавним событиям на космодроме больше никто не возвращался. Когда дело дошло до дегустации присланного Петровину из дома «зверобоя», Макарьев засобирался уходить. Пора было идти получать оружие и заступать на дежурство.

36.
6 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.
Кабинет капитана Лопатина.

«Сволочь! - подумал Агент, едва сдерживая раздражение. - Он же все знает! Но откуда? Откуда?!»

Он сидел за столом в «каптерке» капитана Лопатина, вертел в руках пустую рюмку, из которой только что выпил водку, и с ненавистью сверлил

взглядом неторопливо прихлебывающего из граненого стакана минеральную воду лейтенанта Макарьева.

«А может быть, я ошибаюсь? - Агент попытался успокоиться и взять себя в руки. - Может все то, что сейчас рассказал Макарьев, это просто цепь случайных совпадений?»

«Посмотрим... Что он там говорил, этот долговязый лейтенант? На теле, вытащенном из цистерны, была обнаружена ножевая рана под левой лопаткой. Смертельная рана. Первое совпадение.

Теперь второе... Машина, которую я угнал, а потом поставил на место. В рассказе лейтенанта тоже угоняют машину. И тоже ставят на место. И угнанная машина тоже «газик». Ах, ты, твою мать!

Третье. Место, где было спрятано тело Ушакова. Цистерна с азотом около компрессорной станции. У Макарьева - тоже цистерна, и стоит она тоже около компрессорной».

«Нет, все это, конечно же, не случайность! - Агент пришел в ужас. - Это не простое совпадение! Он все-таки что-то знает, этот желторотый птенец!»

«Погоди-ка, но ведь труп Ушакова пока не нашли... - его лоб покрылся холодной испариной, а скулы свело нервным напряжением. - Точно, не нашли. Иначе об этом гудела бы вся площадка... Тогда что же получается? Макарьев сам все узнал? Но откуда?»

«Следы... Лейтенант что-то говорил о следах. Которые всегда остаются. Может, я и вправду где-то наследил? Наследил и сам не заметил, что наследил?»

«Хорошо, допустим, что Макарьев с самого начала меня заподозрил. Потом случайно наткнулся на кого-то, кто действительно видел, как в ту проклятую ночь перед стартом корабля я садился в «газик». Или, наоборот, как ставил машину на место. А тут еще у «газика» левое колесо оказалось с дефектом. И, наверное, действительно хорошо отпечаталось на грунтовке, - там, около цистерны. Прямо как опознавательный знак, так его и растак!»

«Дорог - грунтовок в округе не так уж и много. И все ведут к малолюдным местам, где как раз и можно спрятать труп. Предположим, что узнав о моей поездке на «газике», Макарьев стал осматривать все грунтовки в ближайших окрестностях. И на той из них, которая ведет к компрессорной, и в самом деле обнаружил след колеса с глубоким порезом. А потом нашел и тело Ушакова в цистерне. С-сволочь!»

«Так, спокойно... Это еще не все. Как сказал Макарьев, есть еще что-то, что я обронил в самом «газике». Какая-то мелочь, какая-то вещица, на которой могут оказаться мои отпечатки пальцев».

«Получается, что он сейчас лупит меня по трем позициям. Свидетель, который меня видел и, наверное, сможет опознать. След колеса на грунтовке около цистерны с трупом. Какая-то штуковина с моими отпечатками пальцев. По отдельности все это - чепуха, но взятое вместе, в целом...»

«Хорошо, а зачем он рассказал обо всем этом сейчас? При всех, но в то же время не называя имен. Странно... Очень странно...»

«А вдруг Макарьев блефует? Рассчитывает на то, что я занервничаю и где-нибудь засвечусь, выдам себя? Может быть, лейтенант вообще работает по заданию контрразведки?»

«Нет, не получается, - сразу же возразил себе Агент. - Во-первых, Макарьев рассказал все очень точно. Слишком точно для простого блефа. Рассказал так, как все и было на самом деле. Как будто он, сволочь, стоял где-нибудь за углом и подсматривал! Во-вторых, вряд ли он работает на контрразведку. Если бы он был связан со спецслужбами и выложил им все те факты, о которых сейчас рассказал, я бы уже здесь не сидел. Они бы наверняка меня уже сцапали. Как же иначе при таких-то фактах? Какой смысл было бы со мной играть в прятки? Да никакого!»

«Что, если рассказ Макарьева попробовать проверить? Но вот только как? Имени свидетеля он не

назвал. Что я мог потерять в машине, он тоже не сказал. Остается только колесо с дефектом. Если на колесе есть порез, значит, он не блефует. Значит, ему действительно удалось каким-то образом выйти на меня».

«Поэтому нужно срочно и очень внимательно осмотреть левое переднее колесо на том «газике». И тогда сразу все станет ясно».

«Нет! А вот этого делать как раз и нельзя! Может быть, Макарьев и рассчитывает на то, что я сейчас побегу к машине, смотреть на это распроклятое колесо? Факт моего появления в гараже и будет окончательным доказательством в его пользу. И я сам, как последний дурак, залезу в петлю!»

«Тогда что же получается? Получается, что решающего доказательства моей вины у Макарьева нет. И этот его рассказ о найденном в цистерне теле должен спровоцировать какие-то мои действия…»

«Вот оно что! Он знает очень многое, он нашел «газик», на котором я вывез мертвого Ушакова, нашел следы на грунтовке и какую-то вещь с моими отпечатками в машине. Но у него нет решающего доказательства! Того самого доказательства, с которым он мог бы спокойно пойти в контрразведку и сдать меня с потрохами. И сейчас эта сволочь хочет, чтобы я запаниковал и добровольно полез в ловушку, которую он подготовил мне в гараже!»

«Ах, ты сопляк! - Агент уставился на Антона, едва сдерживая клокотавшую в груди злость. - Так ты решил поиграть со мной в прятки, дрянь? Хорошо, мы с тобой сыграем! До кровавой юшки из носа сыграем!»

Ненависть накатила на него черным валом, заставив гулко биться сердце.

Агент попытался взять себя в руки и часто задышал, успокаивая нервы. Сейчас он больше всего опасался, что кто-нибудь из присутствующих в комнате офицеров и гражданских специалистов заметит его внезапное волнение, перехватит его напряженный и полный ненависти взгляд. Но все были увлечены общей

беседой. На помалкивавшего за столом Агента никто не обратил внимания.

«При любом раскладе, Макарьев узнал слишком много, - подумал Агент, чуть успокоившись. - Непростительно много. С таким количеством опасных знаний на свете долго не живут. Поэтому Макарьева нужно убирать и убирать срочно. Он сегодня идет в наряд по испытательному корпусу. Контрразведка, конечно же, снимет наблюдение – нет смысла «пасти» лейтенанта в пустом монтажном зале… Значит, убирать Макарьева нужно сегодня же вечером. И не тянуть! Пока он действительно не успел кому-нибудь проболтаться или не пошел в контрразведку. А заодно нужно попробовать выяснить у него, кто мог меня видеть около «газика» в ночь перед стартом и что я обронил в машине».

Приняв решение, Агент несколько расслабился. Ему нужно было собраться с духом и морально подготовиться к предстоящей сегодняшним вечером работе, лишние негативные эмоции были сейчас совершенно ни к чему. И он, уже почти полностью успокоившись, стал выпивать вместе со всеми, пьяно хохотать над застольными шутками, и даже сам рассказал парочку пикантных анекдотов.

37.
6 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.

«Вот это номер! - сказать, что Резидент был потрясен, значило, не сказать ничего. - Ай да лейтенант Макарьев! У этого мальчишки и в самом деле есть голова на плечах!»

Резидент слушал рассказ Макарьева о найденном в цистерне трупе с замиранием сердца. Самая обычная застольная байка, если бы не одно «но».

Эта лейтенантская байка, рассказанная только что в хмельной мужской компании, как две капли воды была похожа на отчет Агента, который Резидент получил в начале недели через «почтовый ящик» - тайник и на днях по каналу курьерской связи переправил в разведывательный Центр. Совпадала до мельчайших деталей. Смертельная ножевая рана под левую лопатку, украденный и тайно возвращенный «газик», цистерна, как место для сокрытия трупа. Полный комплект совпадений. По всем пунктам.

Слушая рассказ Антона, Резидент отчетливо понимал, что случайных совпадений двух разных событий до таких мелочей в реальной жизни просто не бывает. Следовательно, и в рассказе лейтенанта, и в докладе Агента речь идет об одном и том же событии. А это значит, что лейтенанту Макарьеву каким-то образом стало известно об убийстве инженера Кирилла Ушакова и о том, где спрятан его труп. И вполне возможно, что Макарьев знает имя убийцы. То есть знает имя Агента.

Совершенно не важно, чем Макарьев руководствовался, рассказывая своим сослуживцам эту историю о якобы найденном в цистерне трупе, и на какую их реакцию рассчитывал. Может быть, он хотел вынудить Агента начать активные действия…

Гораздо важнее сейчас другое: можно с полной на то уверенностью утверждать, что Агент провалился. Это, к сожалению, уже бесспорный и объективный факт.

Агент никогда непосредственно не был связан с Резидентом. Они очень хорошо знали друг друга, виделись здесь, на космодроме, едва ли не ежедневно, но Агент никогда и не подозревал, что человек, иногда оказывающийся в буквальном смысле рядом с ним, - это его руководитель по разведывательной деятельности, его Резидент. Их деловое взаимное общение шло исключительно посредством нескольких тайников, «почтовых ящиков», умело выбранных в самых, казалось бы, неожиданных местах и на второй площадке, и в Ленинске.

Если Макарьеву действительно стало известно имя Агента, и он сегодня или завтра сдаст его контрразведке, ниточка расследования вряд ли потянется к Резиденту. Если, конечно, он, Резидент, вдруг не захочет покончить жизнь самоубийством и не полезет в один из «почтовых ящиков», которые контрразведчики после провала Агента несомненно возьмут под контроль. Но Резидент вовсе не собирался кончать жизнь самоубийством. Значит, даже при полном провале и аресте Агента, он по-прежнему останется вне поля зрения контрразведки.

Все это, конечно, замечательно, но... Но был еще сам факт вербовки Агента полтора года назад, к которому Резидент, увы, оказался причастен самым непосредственным образом. Если Агент сейчас попадет в руки контрразведки и начнет говорить, то рано или поздно встанет вопрос о том, как он был завербован. Кем и когда. На чем сломался и почему согласился работать на зарубежную разведку. А поэтому нечего и думать, что контрразведка не сможет умножить два на два и получить в результате искомую четверку. То есть ту самую ниточку, которая и протянется прямо к Резиденту.

Значит, если он не хочет в не столь уж отдаленной перспективе свести близкое знакомство с сотрудниками контрразведки, эту потенциальную ниточку нужно перерезать. Решительно и однозначно отсечь. Вместе с болтающимся на ее конце и пока еще не проглоченным контрразведкой Агентом. Тем более что Агент уже сделал свое дело и теперь, в общем-то, больше не нужен.

Разумеется, никто в Центре никогда и не собирался платить Агенту реальные деньги за выполненную им работу, а тем более, вывозить его за границу. Обещания, обещания, сладкие иллюзии и красивые миражи…

Сейчас, после выполнения поставленных перед ним задач, Агент стал больше не нужен. Более того, даже опасен. Значит, его следовало тем или иным способом убрать.

Один из вариантов завершения операции, разработанной в Центре, предусматривал, что убирать Агента будет поручено именно Резиденту.

«Будем считать, что этот вариант начал реализовываться, - Резидент принял окончательное решение. - Пусть спонтанно, пусть на один или два дня раньше вероятного срока - это сейчас уже совершенно не важно».

Важно, чтобы Агент замолчал раз и навсегда. И ведущая от него к Резиденту пока еще никому не заметная ниточка оказалась оборванной. Тоже раз и навсегда.

38.
6 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.

Когда все стали расходиться, Агент, махнув на прощание рукой Лопатину, нетвердой походкой вышел в коридор и мигом стряхнул с себя и легкое опьянение, и ненужную больше показную улыбку.

На лестничной клетке он нос к носу столкнулся с Ульяной Сорониной и Зинаидой Кислицкой. Девушки шли в сторону командного пункта и о чем-то весело болтали.

- О, привет! - обрадовалась Зинка и сходу чмокнула Агента в щеку. - Ты куда это собрался, ежик?

- Ежик… - Ульяна удивленно фыркнула и окинула его оценивающим взглядом. – А что, Зин, если смотреть в профиль – похож! Только мрачноватый какой-то… Что, неприятности?

Агент вяло отмахнулся:

- Черная полоса в жизни…

- Не унывайте, ежик, - бодро посоветовала Ульяна и достала из сумочки шоколадную конфету. – Вот вам, чтобы скрасить горести…

- Так, Ульяна, - с наигранной строгостью произнесла Зинаида, - ты чего это моего кавалера конфетами прикармливаешь?

- Убегаю, убегаю, - рассмеялась Соронина. – Зин, так мы с тобой договорились?

- Ага, - тряхнула черноволосой головой Зинаида. – Заметано!

- Тогда пока, - Ульяна коснулась губами щеки Кислицкой и вприпрыжку поскакала вниз по лестнице.

- Стрекоза, - неодобрительно проворчал Агент, сверля взглядом спину Ульяну.

- Счастливая и влюбленная девчонка, - Кислицкая усмехнулась и взяла его за руку. – Ты домой?

- Пока еще нет, Зинуль, - Агент отрицательно покачал головой. - Есть еще кое-какие делишки здесь на площадке...

- А то заглянул бы вечерком, - Зинаида кокетливо улыбнулась и захихикала. - Ульянка сегодня зачем-то напросилась на дежурство. Так что я до утра буду одна. Имей в виду, Ежик!

«А почему бы и нет? Прекрасное будет алиби на всю ночь!» - подумал Агент и снова растянул губы в ухмылке:

- Обязательно зайду, Зинчик! Часиков в девять – десять буду, о'кей?

- Хоккей, - передразнила его Кислицкая и погрозила наманикюренным пальчиком. - Только чур, не опаздывать! Я к твоему приходу прическу новую сделаю. Смотри, какой гель я купила!

Она достала из маленькой дамской сумочки небольшую круглую коробочку, открыла крышку и показала Агенту светло-зеленую, похожую на густой кисель, субстанцию.

- Ой, ежик, а хочешь, я и тебе укладку сделаю? - Зинаида обмакнула в гель указательный палец и быстро провела им по волосам Агента. - Прямо сейчас!

- С ума сошла, Зин! - Агент дернул головой, отстраняясь, и довольно засмеялся. - Подожди уж до вечера!

- Подожду, подожду, - многозначительно подмигнула ему Зинка, спрятала коробочку в сумку и легко сбежала по лестнице. Внизу, уже на первом этаже, она на секунду обернулась и послала Агенту воздушный поцелуй. – Пока, ежик!

«Вот ведь дура-баба, - с легким презрением подумал Агент, глядя вслед удаляющейся Зинаиде. - Одно только на уме!»

Он повертел в руках конфету, которую ему дала Ульяна, развернул обертку и сунул конфету в рот.

В конце коридора его окликнул майор Михайленко:

- Ты как насчет кофейка попить? Я вчера в магазине бразильский купил…

Агент взглянул на часы. До возвращения Макарьева с развода дежурных смен в испытательный корпус есть еще минут сорок.

- А почему бы и нет? – Агент изобразил на лице дружескую улыбку. – Пошли!

39.
6 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.
Комнаты отделения систем жизнеобеспечения.

После общего построения дежурной группы на нижнем плацу Антон вернулся в монтажно-испытательный корпус.

Макарьев разбил свою смену - четырех солдат и двух сержантов - на две подгруппы и определил, кому и когда дежурить и отдыхать в предстоящие сутки. Сам же через все испытательные залы неторопливо направился в комнаты отделения систем жизнеобеспечения.

Близился вечер, испытания техники в монтажном зале уже практически завершились. Правда, еще

копались около стоявшего на стапеле «Прогресса» телеметрические группы капитанов Гоголева и Блиняева, но, судя по интенсивности их передвижений вокруг корабля, испытательные работы этих расчетов тоже успешно шли к завершению, и где-нибудь через полтора-два часа монтажный зал можно будет закрыть и опечатать до завтрашнего утра.

«Вот и ладненько, - с удовлетворением отметил Макарьев. - Если я все рассчитал верно, пары часов мне будет достаточно. Тут уж, как говорится, или пан, или пропал. Или ловушка сработает, или останется пустой. Третьего варианта попросту нет».

Комнаты отделения систем жизнеобеспечения находились на первом этаже монтажно-испытательного корпуса номер 1. Это был самый старый испытательный корпус, построенный на Байконуре еще в середине пятидесятых годов. Его стены видели первый спутник, собаку Лайку, надевающего скафандр Гагарина, подготовку «Востоков», «Восходов» и первых «Союзов». Комнаты отделения, в котором служил Антон Макарьев, располагались в правом крыле зала.

Антон открыл ключом входную дверь и зашел внутрь помещения. Правая дверь из узкой прихожей вела в небольшую комнату отдыха, в которой офицеры отделения обычно собирались посовещаться или перекусить, переодеться в рабочие комбинезоны и подготовиться к политзанятиям. Прямо из прихожей полутемный коридорчик вел в ближнюю и дальнюю рабочие комнаты. Здесь на установленных вдоль стен металлических шкафах было аккуратно разложено оборудование, используемое для проведения испытательных работ на космической технике, запасные части приборов и слесарные инструменты.

Входную дверь Макарьев решил не запирать и оставить приоткрытой. Наклонившись, он внимательно осмотрел металлическую плиту на полу у входа. Полтора десятка таких плит прикрывали сверху проложенный через все комнаты канал прямоугольного сечения для

размещения электрических и пневмокабелей. Плиту около входной двери Антон чуть сдвинул вбок, так, чтобы она приподнялась над уровнем пола примерно на полсантиметра и легла основанием на ребро следующей прямоугольной плиты. Теперь, если перешагнуть порог, плита ударялась торцом в следующую плиту и издавала почти неслышный для входящего человека металлический звук. Волна деформации бежала дальше по положенным с нахлестом друг на друга плитам, и даже за столом в дальней рабочей комнате по легкому позвякиванию металлических плит было слышно, что в дверь кто-то вошел.

Закончив возиться с установкой плиты, Антон зашел в комнату отдыха, снял портупею и ремень с воронено блеснувшим из кобуры «макаровым» и повесил их на спинку стула – так, чтобы портупею и ремень хорошо было видно из распахнутой в прихожую двери. Отправился в дальнюю рабочую комнату, достал с полки похожий очертаниями на старинный однозарядный пистолет клапан выдачи высокого давления и соединил его с выходящим из стены шлангом системы продувки, заправленной сжатым воздухом. Клапан Антон положил на стол прямо перед собой. Раскрыл кожаную папку-портфель с инструментами, вытащил из подсобки давно пришедший в негодность прибор для проверки герметичности люков, похожий на полуметровый серебристый металлический бублик, и принялся без спешки разбирать его на запчасти. Все приготовления к предстоящей встрече с вражеским агентом были закончены. Ловушки расставлены. Теперь охотнику оставалось только ждать зверя в засаде, попутно, для окончательного успокоения нервов, разбирая на части отслуживший свой срок прибор.

Долго ждать не пришлось. Минут через пять в коридоре послышались чьи-то уверенные шаги, скрипнула, открываясь настежь, входная дверь и металлическое позвякивание плиты под ногами сообщило, что к Макарьеву пожаловал гость. Мгновением

позже на пороге большой комнаты нарисовалась щуплая фигура Виталия Кузина.

«Вот так-так! Неужели вражеский агент - это Виталька Кузин? - Макарьев мысленно усмехнулся. - Хотя почему бы и нет? Остряк, затейник и балагур Виталик Кузин вполне может оказаться тем самым убийцей Бехтерева и Ушакова, встречи с которым я сейчас ищу».

Антон ощутил какую-то противную пустоту под диафрагмой. По спине пополз ледяной холодок. Сердце учащенно забилось.

«Игра начинается! – Макарьев облизал пересохшие от волнения губы. – Что же, добро пожаловать, господин шпион!»

- Добрый вечер, Антошка! - Виталий остановился в дверях комнаты. – К тебе Симонов не заходил?

- Привет, Виталя, - кивнул в ответ Макарьев, стараясь успокоить нервы, и указал рукой на стул около рабочего стола. - Проходи, присаживайся.

Кузин шагнул вперед и послушно уселся, забросив ногу на ногу и откинувшись на спинку стула.

- Никак не могу найти нашего Артура Семеновича, - пожаловался инженер. - Половину корпуса обошел, а его нигде нет. Решил вот к тебе забежать. Может, ты его видел...

- Не встречал, - пожал плечами Антон и поинтересовался:

- А почему ты в город на мотовозе не уехал?

- Ребята из экспедиции через полчасика на автобусе отвезти пообещали. Сказали, что весь наш расчет заберут, и даже прямо по домам развезут. Вот только нашего Артура я что-то отыскать не могу...

- Чайку попить не желаешь?

- Почему бы и нет? - лицо Кузина расцвело доброй улыбкой. - Угощай!

Он производил впечатление человека, который выпил на вечеринке чуть больше обычного и, видимо по этой причине, был расположен поболтать.

Макарьев сходил в комнату отдыха за электрочайником, стаканами, заваркой и банкой с сахаром. Сунул вилку чайника в розетку и поставил его закипать на выложенный керамической плиткой стол в углу комнаты.

Антон чувствовал, что у него напряжен каждый нерв. Поединок начался. Борьба сегодня пойдет до конца и будет беспощадной…

- Жаль, что ты с нами у Лопатина до конца не остался, - сказал Кузин, позевывая. - Хорошо посидели.

- Служба есть служба, - ухмыльнулся в усы Антон. - От наряда, брат, не отмажешься. А потом, согласись, не слишком веселые в этот раз были наши «посиделки»...

- Да... Жаль Трофимыча... Никак в толк не возьму, как он мог решиться на самоубийство? И зачем?

- Я могу тебе совершенно точно доказать, что смерть Бехтерева не была самоубийством, - Макарьев бросил изучающий взгляд на собеседника. Но на лице Виталия не мелькнуло даже тени напряжения или страха.

«Либо он очень хорошо владеет собой, либо Кузин - не агент и зашел ко мне действительно случайно, - отметил про себя Антон. - Неужели весь наш с Улькой план летит к чертям? Скверно... Ну, ладно, посмотрим».

- Смерть Бехтерева не была самоубийством, - уверенно повторил Макарьев. - Его убили.

- Убили? - теперь на лице Кузина ясно читалось удивление. - А ты откуда знаешь?

- Предполагаю.

- Ах, предполагаешь... - немного разочаровано протянул Кузин. - Версий сейчас можно выдвигать много, но вот есть ли доказательства? Вот в чем вопрос...

«Неужели все-таки он? - Макарьев внутренне напрягся. - С чего бы это он вспомнил о доказательствах? А как держится! На лице ни следа волнения! Что же, говори, дорогой мой, говори...»

- Доказательств насильственной смерти майора, как я понимаю, - продолжал абсолютно спокойным тоном Кузин, - у следствия как раз и нет.

Металлическая плита у ног Макарьева тихонько звякнула. Антон выжидательно посмотрел на входную дверь комнаты, но в проеме дверей никто не появился.

«Ах, вот значит как! Еще один гость? И тайком... Ладно, ребята, работаем дальше!»

Напряжение и страх сменились азартом. Драться – так драться. На полную катушку.

- Доказательств, может быть, пока и недостаточно, - Макарьев чуть повысил голос. Он хотел, чтобы из прихожей его было хорошо слышно. - Но есть логика. Железная логика, против которой не попрешь!

- И какая же логика в смерти Бехтерева? - Кузин не скрывал своего скептического отношения к словам лейтенанта.

- Да почти элементарная, - Антон широко улыбнулся, стараясь скрыть чувство тревоги. Кто-то стоял в прихожей и явно не собирался афишировать своего присутствия. - Можно сказать, простейшая. Ну, вот смотри. Почему считают, что Бехтерев покончил с собой?

- Он оставил записку... - Кузин наморщил лоб, припоминая. - И в записке, кажется, было что-то о причинах самоубийства...

- В записке ничего толком сказано не было, - решительным образом возразил Макарьев. - Трофимыч только написал, что он совершенно запутался. Заметь, записка написана на оторванном неизвестно откуда клочке тетрадного листа, хотя в столе у Бехтерева было много чистых листов писчей бумаги. С чего бы это вдруг ему вздумалось писать на обрывке?

- Не знаю... - Кузин почесал затылок. - Гм, а ведь действительно...

- Все дело в том, что Бехтерев не писал предсмертную записку. Слова на этом клочке тетрадного листа были написаны совсем в другое время и в другой обстановке. Я, конечно, не знаю, в чем и где запутался Бехтерев. Может быть, в каких-то расчетах. Он же готовился поступать в академию, так? Но только не в

жизни он запутался, наш Трофимыч. Не такой он был человек!

Макарьев несколько секунд помолчал, собираясь с мыслями, и продолжал:

- Убийца где-то нашел эту запись, оторвал ту часть, которая его интересовала, и после убийства оставил на месте преступления. Вот и получилась предсмертная записка.

- Но зачем кому-то было убивать Бехтерева? - на лице Кузина читалось искреннее недоумение.

«Да он просто гениальный актер, если все это игра, - восхитился Макарьев. - Ладно, там будет видно. Поехали дальше».

- Знаешь, как наш караул навели на диверсантов в ночь перед стартом? Очень просто! На КПП кто-то позвонил и голосом Бехтерева отдал мне приказ проверить ограждение по всему периметру стартового комплекса.

- Тогда получается, что позвонивший тебе знал о налете диверсантов заранее? Заранее знал их маршрут? - на лице Виталия появилась скептическая ухмылка. - Он что же, получается, имел связь с диверсантами?

- Вот именно, что имел связь, - подтвердил Антон. - И, заметь, очень надежную связь – маршрут и время появления диверсионной группы звонивший знал точно.

Чайник выпустил из носика струйку пара и засвистел. Макарьев выдернул вилку из розетки, плеснул в стаканы заварку из фарфорового заварника и долил кипятка:

- Держи, сахар клади сам, по вкусу.

- Спасибо, - Кузин пододвинул к себе мигом покрывшийся испариной стакан и потянулся к сахарнице:

- Если следовать, твоей логике, Антон, то мы имеем дело не просто со злоумышленником, а с настоящим шпионом.

- Я, дружище Штирлиц, пришел к такому же выводу, - рассмеялся Макарьев.

- Гипотеза, конечно, интересная, - Виталий помешивал ложечкой быстро растворяющийся в чае сахар. - Но у нее есть и слабая сторона. Зачем шпиону потребовалось звонить к тебе на КПП? Зачем ему фактически сдавать своих же? Так что, группенфюрер Мюллер, - он весело подмигнул Антону, - ваше предположение несколько прихрамывает...

- Выстрел из «Стингера» не решал задачу уничтожения космонавтов со стопроцентной вероятностью. Если бы диверсанты даже попали в ракету-носитель, на космическом корабле есть система аварийного спасения. Она бы утащила в сторону от взорвавшейся ракеты спускаемый аппарат с космонавтами. Террористический акт должен быть рассчитан так, чтобы у космонавтов не было ни малейших шансов на спасение.

- Тогда какой смысл был посылать эту диверсионную группу?

- Чтобы замаскировать настоящую диверсию. Я, Виталя, думаю, что неполадки с двигателем на «Союзе» перед посадкой - это и есть диверсия. А тройка диверсантов должна была только прикрыть эту настоящую акцию против советско-афганского экипажа.

Макарьев сделал глоток чая и продолжил:

- Диверсанты при любом раскладе должны были умереть. Поэтому тот, кто планировал это прикрытие, подстраховался троекратно. Во-первых, диверсанты были настоящими фанатиками, которым годами вбивалось в голову, что плен - это позор, что главная цель их жизни - умереть во славу Аллаха. Так что сдаваться живыми они явно не собирались. Во-вторых, - как я полагаю, - все гранаты в их боекомплекте были с дефектом. Дергаешь за кольцо - и сразу взрыв. Так, кстати, и получилось в той ночной перестрелке. Ну, и третье. На диверсантов буквально навели наш караул. Это и для того, чтобы создать условия, когда дефектные гранаты придется применить, и для того, чтобы была еще

одна гарантия гибели диверсантов - в открытом бою, который неминуемо бы завязался.

- Да, фантазия у тебя, Антошка, замечательная! - восхищенно покачал головой Кузин. - Надо же, как туго связал все события в один клубок! Из всего сказанного следует, что Бехтерев был шпионом?

- Гм, а с чего ты взял? – не понял Макарьев.

- Но ведь именно он звонил тебе на КПП?

- Нет, - Антон покачал головой. - Бехтерев - не шпион. Звонил другой человек. Но говорил он голосом нашего Трофимыча.

- Шпион и голоса умеет подделывать? – удивившись, хохотнул Кузин. - Слушай, ну он прямо Джеймс Бонд какой-то!

- Увы, голоса шпион подделывать не умеет, - Макарьев с горечью вздохнул. - Если бы умел, Кирилл Ушаков, может быть, остался бы в живых.

- Кирилл Ушаков? Погоди, это тот инженер из отделения термостатирования, который неделю назад пропал? А он тут причем?

- Сейчас объясню. Но сначала вернемся к смерти Бехтерева. Зачем потребовалось убивать майора? Шпион не был уверен, что я, - единственный, кто слышал голос Трофимыча, отдающий приказ проверить периметр ограждения, - погибну в стычке с диверсантами. Случись это, и никто бы не узнал, что кто-то вел разговор по телефону голосом Бехтерева. Но могло быть - и случилось! - иначе: я остался в живых. Знаешь, какой первый вопрос мне задали особисты на следствии? Их очень интересовало, как и почему наш караул оказался около ограждения. По чьему приказу. Я ответил, что по приказу Бехтерева. Если бы Трофимыч был жив, он бы, конечно, на допросе заявил, что не звонил мне и не посылал караул на проверку. У следствия сразу бы возникли три версии: лгу я, лжет Бехтерев и третье - правду говорим мы оба. Можешь мне поверить, первые две версии из-за отсутствия мотивов отпали бы достаточно быстро, а по третьей выходило бы, что

телефонный звонок был сделан не Бехтеревым, а кем-то еще, кто умеет имитировать чужие голоса. Кирилл Ушаков как раз и умел это делать. За что и был убит.

- Убит?! Кирилл Ушаков убит?! – лицо Кузина исказила гримаса удивления и ужаса.

- Да, убит. Убит тем же человеком, который отравил Бехтерева.

- Складно у тебя все получается... – хмуро констатировал Кузин. - Диверсанты прикрывают настоящего шпиона. Бехтерев и Ушаков убиты, чтобы ниточка от них не потянулась все к тому же шпиону. Гм, и вправду все выглядит вполне логично!

- Очень уж все замечательно получилось у этого шпиона, - увлеченно продолжал излагать свою версию лейтенант. - Ушаков пропал, и никто теперь не догадается, что звонок Бехтерева был фальшивкой. Кирилла Ушакова вообще не будут связывать с событиями той предстартовой ночи, пока не найдут его труп. Бехтерев будет считаться самоубийцей. По тексту его предсмертной записки нельзя точно сказать, был ли он связан с диверсантами, так ведь? Значит, ни один след теперь не ведет к настоящему убийце и шпиону!

- Н-да... Чистая работа!

- Не совсем, - Макарьев покачал головой. - Следы убийца все-таки оставил. А я эти следы нашел. Следы четкие, ясные и неоспоримые.

- Которые, конечно, и выведут прямо на шпиона? - Кузин отодвинул в сторону пустой стакан. - Что же, версия у тебя получается занятная, Антон. Если только ты не ошибся в трактовке фактов и все, что ты сейчас говорил - это правда.

- К сожалению, он не ошибся и все это правда, - раздался приглушенный голос от двери.

40.
6 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.
Монтажно-испытательный корпус 1А.

Контрразведчик вернулся к себе в кабинет, и устало опустился на стул за рабочим столом.

День выдался суматошным. С утра накатила лавина звонков из Москвы. Все столичное руководство, начиная с первого зама начальника Управления генерал-лейтенанта Вересова и кончая коллегами из соседних отделов, хотело знать, что за труп обнаружен вчера на второй площадке? Связан ли этот труп с попыткой диверсии в ночь перед стартом советско-афганского экипажа? И что предпринимает Контрразведчик и подчиненные ему структуры для поиска убийцы и скорейшего завершения дела?

Контрразведчику пришлось четыре часа к ряду давать подробные объяснения, старательно выслушивать наставления и поучения из высоких кабинетов, молодцевато рапортовать по телефону о проделанной работе и доверительно сообщать о наиближайших планах розыскной группы.

К концу четвертого часа телефонного общения с вышестоящим начальством голова у Контрразведчика гудела как растревоженный пчелиный улей. Он уже, наверное, в десятый раз пожалел, что не привез с собой из Москвы портативный магнитофон, на который следовало бы записать все его ответы на дотошные вопросы руководства и время от времени вставляемые в разговор реплики типа «Так точно», «Слушаюсь» и «Будет сделано».

Ближе к полудню на космодроме стало известно о неприятностях на орбите и переносе посадки космического корабля «Союз» ровно на сутки. И снова накатила лавина звонков. Теперь Москва хотела знать, был ли обеспечен надлежащий контроль подготовки к старту находившегося сейчас в аварийном положении

космического корабля. Пришлось срочно поднимать архивы и готовить соответствующие справки о том, кто и как три с половиной месяца назад, еще в мае, обеспечивал и осуществлял охрану «Союза» в испытательном корпусе и на стартовой позиции. Московское начальство получило справку с космодрома, бегло просмотрело ее и отложило в сторону. Если завтра космонавтов не удастся вернуть на Землю и ЦК партии в срочном порядке начнет искать «стрелочников», справка надежно прикроет руководящие зады. Если же советско-афганский экипаж благополучно вернется из космоса, справка будет скомкана и отправлена в мусорную корзину.

Потом было оперативное совещание в Ленинске, где обсуждались итоги работы контрразведывательной службы за прошедшую неделю. Попытка прорыва к стартовому комплексу с перестрелкой и в итоге пять трупов - Бехтерева, Ушакова и трех афганцев - это не шутка. Это уже похоже на начало боевых действий. А точнее, как выразился один очень умный подполковник из московского штаба, имел место факт переноса афганскими моджахедами боевых действий на территорию СССР накануне начала вывода советских войск из Афганистана. Что ставит под сомнение правильность решения о политическом урегулировании афганской проблемы. Вот так-то. Не больше и не меньше.

Немного расслабиться Контрразведчику удалось только в «каптерке» у Лопатина. Но только до того момента, как Макарьев начал рассказывать свою поучительную историю о трупе, найденном в цистерне.

«Опять что-то задумал шельмец, - Контрразведчик ухмыльнулся и устало потер ладонью лоб. - Неспроста же, ох неспроста лейтенант завел речь о трупе Ушакова. Правда, Макарьев не называл фамилий, но сразу же ясно, о ком и о чем шла речь».

«Минуточку, - тут же остановил он себя. - А кому и что ясно? Макарьеву, потому что он был на опознании трупа. Мне, потому что я полковник контрразведки и веду

всю эту операцию. А еще кому? Остальные шестеро или семеро - это как раз те фигуранты в деле, среди которых, скорее всего, и может находиться вражеский агент. Макарьев, очевидно, тоже пришел к такому же выводу. И уж конечно, эту историю о трупе в цистерне Макарьев рассказывал ни мне, и ни себе. И даже не тем ребятам - сослуживцам, которые не имеют никакого отношения к попытке диверсии. Рассказ был адресован только одному человеку - агенту. Персонально, так сказать, и лично. Вот только зачем?»

«Гм, ясно зачем! Чтобы агент занервничал! Занервничал и стал действовать. Вышел из тени, в которой он затаился, и как-то обнаружил себя. Вот Макарьев и решил рассказать о трупе в цистерне тем своим сослуживцам, среди которых, скорее всего, и находится искомый вражеский агент».

«Ну, и что же должен предпринять агент в этой ситуации? Поставим себя на его место... Труп Ушакова официально пока не найден. Но о трупе откуда-то знает лейтенант Макарьев. Тот самый лейтенант, который уже неделю путается у агента под ногами. Тот самый лейтенант, которого агент уже пытался нейтрализовать, имитировав несчастный случай с поражением электрическим током. Если тогда агент почему-то испугался Макарьева, то сейчас, когда лейтенант - публично, при свидетелях! - однозначно дал понять, что знает о трупе Ушакова в цистерне, угроза разоблачения со стороны Макарьева выросла десятикратно. Ну, и что же будет делать агент? Ха, это же ясно, как день: попробует убрать Макарьева. Причем убрать немедленно, чтобы лейтенант не успел рассказать о трупе еще кому-нибудь. Или чтобы не пошел со своим сообщением прямо в контрразведку. Значит, мы сейчас должны глаз не спускать с Макарьева! Агент со стопроцентной вероятностью вот-вот нарисуется рядом с ним!»

«Кстати, о каком это порезе на колесе машины говорил Макарьев? И что это за штуковина с отпечатками пальцев, которую нашли в «газике»?

Контрразведчик снял телефонную трубку и набрал номер:

- Константин? Слушай, я что-то не припомню, в протоколе осмотра машины по делу Ушакова было что-нибудь о дефекте на левом колесе? Глубокий порез, который оставляет след на грунтовке?

- Нет, - чуть помедлив, ответил Чекмаев. - Ничего подобного не было, Вадим Алексеевич.

- Вот значит как... А в самом «газике» ничего не находили? Брелок какой-нибудь или расческу?

- Нет, Вадим Алексеевич, - в голосе капитана слышалось удивление. - А в чем дело?

- Так... Костя, а где сейчас стоит этот «газик»?

- В гараже экспедиции. На площадке за корпусом 2Б.

- Немедленно пошли туда пару-тройку наших ребят. Пусть задерживают всех, кто попытается подойти к машине. И имей в виду - тот, кто придет осматривать левое колесо, может быть вооружен.

- Ясно, Вадим Алексеевич. А мне...

- А ты отправишь ребят гараж – и сразу же ко мне. Немедленно.

Контрразведчик положил телефонную трубку и снова погрузился в раздумья.

«Макарьев сегодня провоцировал убийцу на действие. И если вражеский агент и вправду засветится, есть шанс взять его за хвост».

Он прошелся по кабинету, размышляя, остановился у полки с книгами.

«И вот что еще интересно… Сегодня в «каптерке» у Лопатина все собрались выпить в том же составе, как и тогда, за два дня до старта... Вот только Макарьева в тот вечер, на прошлых «посиделках», как раз и не было… Помнится, жребий еще ребята тянули, отправлять лейтенанта в наряд или нет. Вот ведь судьба - злодейка!

Если бы тогда вытянули целую спичку, прошел бы Макарьев в стороне от всех этих событий. И сейчас в центре расследования был бы какой-нибудь Рома Семеновский или Сережа Бороздин…»

«Ну, да ладно... Жребий - он и есть жребий. Слепое орудие рока. Как судьба распорядится, так и будет. Фатум, как говорится, не обманешь... Хотя, конечно, с другой стороны... Были же попытки перехитрить судьбу? И вроде бы даже совсем небезуспешные. Вот хотя бы посредством все того же жребия. Н-да, жребия... Погоди-ка... – он замер у рабочего стола. - Елки-палки, как же я сразу не сообразил!»

Контрразведчик коленом отшвырнул в сторону не кстати подвернувшийся под ноги стул и почти выбежал в коридор. Перескакивая через две ступеньки лестницы, он буквально взлетел на четвертый этаж.

Лопатин еще не ушел, возился с какими-то документами около стоявшего в углу его кабинета огромного сейфа.

- Александр Васильевич, - Контрразведчик остановился на пороге комнаты, кашлянул, прочищая горло, - ты помнишь, как на прошлых наших «посиделках» здесь у тебя жребий тянули? Посылать Макарьева в караул под «елочку» или нет?

- Помню, - Лопатин воззрился на него, удивленно округлив глаза. - А что случилось?

- Саша, дорогой, - Контрразведчик сделал глубокий вдох, пытаясь унять бешено колотившееся сердце, - вспомни, пожалуйста, кто держал спички в руках, когда тянули жребий?

Ответ Лопатина обескуражил его. Он наскоро простился с капитаном, вернулся к себе в кабинет и некоторое время задумчиво мерил шагами комнату. Потом набрал номер телефона подполковника Доцинова:

- Добрый вечер, Михаил Васильевич! У меня к тебе маленький вопросик. В тот день, когда Макарьева чуть током не убило, кто составлял расписание наших групп для проверки? Как получилось, что Макарьев оказался

внизу, около электрощита, а не в составе группы, которая работала на стенде со стыковочным узлом «Союза»?

- Обычно состав групп определяю я сам, - с готовностью пояснил Доцинов. – Но в тот раз получилось иначе…

Контрразведчик выслушал ответ, поблагодарил подполковника и положил трубку. Тяжело опустился на стул и долго смотрел, как секундная стрелка рывками прыгает по делениям на циферблате.

Просил поставить группу с Макарьевым около электрощита и держал спички во время шутливой жеребьевки в кабинете Лопатина один и тот же человек.

Контрразведчик взял со стола чистый лист бумаги и карандаш. Нарисовал несколько кружков, вписал в них фамилии и стал соединять стрелками. Все стрелки - так или иначе, раньше или позже - упирались в кружок с одной и той же фамилией.

Контрразведчик еще раз прошелся внимательным взглядом по схеме на листе бумаги, критически оценивая все прорисовавшиеся связи и свои логические выводы. И принял решение.

Его рука снова потянулась к телефонному аппарату, но телефон, словно угадав его мысли, зазвонил сам. Контрразведчик снял трубку:

- Я слушаю.

- Вадим Алексеевич, - в голосе капитана Чекмаева звучала тревога. - У меня срочные новости по Макарьеву...

41.

6 сентября 1988 года.

Космодром Байконур, вторая площадка.

Комнаты отделения систем жизнеобеспечения.

На пороге комнаты с пистолетом в руках стоял Евгений Шестюк. Дуло пистолета было направлено в сторону Макарьева.

- Да, к сожалению, все, что ты сейчас рассказал - это правда, - Шестюк криво ухмыльнулся и шагнул в комнату. - Хотя есть и кое-какие неточности.

- Можешь познакомиться, Виталя, - Макарьев снова повернулся к замершему на стуле с открытым от удивления ртом Кузину и кивнул в сторону Шестюка. - Это и есть тот самый шпион и убийца. Евгений Николаевич Шестюк. Как говорится, во всей своей красе.

- Ну, мужики, вы даете! - Кузин перевел взгляд с Макарьева на Шестюка, округлил глаза и захохотал:

- Так это вы на пару меня разыграть решили, да?

Он оперся рукой о столешницу и приподнялся на стуле, собираясь встать.

- Сидеть! - сквозь зубы зло процедил Шестюк и угрожающе повел пистолетом в сторону инженера. - Шевельнешься - пристрелю!

- Женька, ты с ума сошел? - рыжие тонкие брови Кузина возмущенно изогнулись дугами. - Перестань в меня тыкать этой дурой! А если она и вправду выстрелит?

- Сиди тихо, придурок! - Шестюк хищно оскалился. На его коротком, похожем на бульдожий, носу блеснули мелкие капельки пота.

- Сядь на место, Виталя, - Макарьев постарался, чтобы его голос прозвучал как можно более спокойно и убедительно. - Наш общий знакомый, к сожалению, не шутит.

- Ничего не понимаю... – пролепетал Кузин, не сводя глаз с направленного на него пистолета, и снова медленно опустился на стул.

- Вот так-то лучше, - на побелевшем от напряжения лице Шестюка снова мелькнула кривая ухмылка. Он перевел взгляд на Макарьева:

- А тебе, лейтенант, сейчас придется ответить на несколько моих вопросов. И очень подробно ответить.

- С удовольствием, - лицо Антона оставалось непроницаемым и внешне совершенно спокойным. - В

свою очередь у меня тоже будут к тебе кое-какие вопросы.

- А ты наглец, - проворчал Шестюк. Взгляд его круглых, как у совы, глаз оценивающе скользнул по Макарьеву. - Мне нравится, как ты держишься. В отличие от нашего друга Виталика, который едва не наложил в штаны.

- Просто для Виталия твое появление здесь - полная неожиданность, усмехнувшись, пояснил Макарьев. - А я знал, что ты придешь.

- Знал? - Шестюк насторожился. - И откуда же ты это знал?

- Разве после рассказанной мной истории на сегодняшних «посиделках» у тебя не возникло острого желания встретиться со мной где-нибудь в очень укромном уголочке и при минимуме свидетелей? - Антон рассмеялся. - На этом твоем желании, Женя, и строились все мои расчеты. Как видишь, я не ошибся. К тому же, я просто слышал, как ты вошел во входную дверь.

Он пару раз стукнул каблуком сапога по металлической плите под ногами. Металл отозвался легким дребезжанием.

- Слышишь? Если кто-то появляется около порога, здесь раздается примерно такой же звук. Так что плитки в нашей комнате работают почти как сигнализация. Жаль, конечно, что ты об этом не знал, правда?

- Вот, значит, как... - изрек Шестюк и на его лице появилось выражение почти детской обиды. - Ты с самого начала знал, что я стою в прихожей и слушаю...

- Конечно, - губы Антона сложились в озорную улыбку. – И говорил я сейчас больше для тебя, чем для Виталика.

- Сигнальчик, значит, придумал, - Шестюк зло зыркнул на Макарьева и недобро ухмыльнулся. - А ты ловкач, лейтенант!

- Мне есть с кого брать пример. Ты тоже парень не промах…

- Да, головка у тебя работает! А знаешь, вдвойне приятно побеждать умного соперника!

Агент пригладил левой рукой торчащие ежиком волосы на голове. Словно сам себя погладил.

- Умного всегда одолеть приятно, - согласился Макарьев и заинтересованно спросил:

- Кстати, это у тебя в руках случайно не мой пистолет?

- Твой, - подтвердил Шестюк и весело хохотнул. - Вот говоришь, что ждал меня, а оружие оставляешь в соседней комнате. Не хорошо… Пришлось позаимствовать. Временно, конечно.

- Что ж, и на старуху бывает проруха, - пожал плечами Макарьев. - Ладно, давай перейдем ближе к делу. Ты вот сказал, что в моей версии на твой счет есть какие-то неточности. Интересно, какие?

- Нет, ну ты мне определенно нравишься! - Шестюк снова захохотал. - Это же надо! Стоит под дулом пистолета и задает вопросы!

- Спрос, как известно, не бьет в нос, - без тени волнения парировал лейтенант. - А умеренное любопытство никогда не было пороком.

- Умеренное, говоришь? А впрочем, ты прав. Любопытство твое очень умеренное. И во времени, и в пространстве. Ты, надеюсь, понимаешь, что отсюда живым уже не выйдешь? Еще пять - от силы десять минут и тю-тю, Макарьев... Конец!

- Ну, вопрос продолжительности моего существования мы еще с тобой, надеюсь, обсудим. А теперь все-таки вернемся к вопросу о неточностях.

- Гм... Ну, да черт с тобой! Мне сказать не жалко. Ты же скоро будешь очень надежным хранилищем для любых секретов. Прямо, как могила, - Шестюк довольно оскалился, задумался на секунду и произнес:

- Знаешь, иногда очень хочется, чтобы мои действия кто-то оценил со стороны. Согласись, очень приятно, когда тебя считают профессионалом. Особенно, если это говорит поверженный тобой противник.

- Да, в известной степени, это способствует самоутверждению. Хотя бы в собственных глазах, - Макарьев холодно улыбнулся.

- Иногда и этого достаточно. Ты правильно угадал, что я для звонка на КПП использовал Ушакова. Уговорил его, дурака, подшутить над тобой. Он, правда, потом порывался еще раз тебе позвонить. Чтобы извиниться и сказать, что пошутил. Но телефон, как ты уже, наверное, догадался, именно в этот момент вдруг перестал работать. А перезвонить с другого аппарата он, бедняга, не успел. Потому что внезапно заболел и умер, - Шестюк снова осклабился. - Пацан он был зеленый, твой Ушаков. Простой и доверчивый… А когда его трупик остывал в цистерне с жидким азотом, я с Виталиком и Белановым уже доблестно трудился на «Прогрессе». Правда, Виталя?

- Правда, - буркнул в ответ Кузин. Он сидел на стуле бледный и поникший. – Трудился…

- Чудесное получилось алиби! Красиво было придумано, Макарьев, верно? – агент самодовольно ощерил желтоватые прокуренные зубы. - Вывести тебя на диверсантов и одновременно обеспечить себе самое настоящее алиби. Железное алиби.

- Задумано действительно хорошо, - подтвердил Антон.

Лейтенант замолчал, нервно покусывая губы и пристально рассматривая лицо человека, которого совсем недавно считал если не другом, то, по крайней мере, близким товарищем. Он всегда думал, что хорошо знает Женю Шестюка – крепкого, надежного парня, умеющего постоять за себя, всегда уверенного в своих словах и действиях. Но сейчас тот Женька, с которым они плечом к плечу работали на «Союзах» и «Прогрессах», куда-то вдруг подевался. Напротив Макарьева с пистолетом в руке стоял маленький и злобный человечек, похожий на хорька с приплюснутым и вздернутым носиком, с кривой нечеловеческой гримаской на устах, обнажавшей его мелкие и острые с

желтизной зубки. Зверек скалился и торжествовал, злобно посверкивая из-под бровей недобрыми темными глазками. Он уже был абсолютно уверен в своей победе. Антон гневно сжал кулаки и спросил:

- А смерть Бехтерева? Она зачем тебе понадобилась?

- Бехтерева я достал под утро. Предложил ему выпить по сто грамм хорошего армянского коньячку - для бодрости, после беспокойной и бессонной ночи. А в стаканчик кое-что незаметно подсыпал… - тонкие и почти бесцветные губы Шестюка расплылись в довольной ухмылке. Агент нервно смахнул тыльной стороной ладони пот с лоснящегося лба. - Я уже точно знал, что после перестрелки с диверсантами ты остался в живых. Сам понимаешь, говорящий майор Бехтерев в такой ситуации мне был совсем ни к чему. Чтобы он через час или два на вопросы контрразведки ответил, что не звонил тебе? Меня это никак не устраивало. Ну, и пришлось попросить майора помолчать. Да ты не расстраивайся, Макарьев. Он хорошо умер, быстро.

- Получается, что ты закрылся со всех сторон, - бесстрастным голосом констатировал Антон. Он едва сдерживал свою ненависть к стоявшему напротив и скалившему зубы в довольной ухмылке человеку. - Даже и не подступишься. Признайся честно, наверное, уже решил, что оставил всех нас с носом? Ну, а тут вдруг такая неожиданность: я вылез со своим рассказиком на «посиделках». Вот ты и заволновался. Так ведь?

- А ты бы на моем месте не заволновался? - глаза Шестюка снова недобро блеснули. - А вообще, конечно, ты молодец. Трупик Ушакова нашел вполне профессионально.

- Спасибо за комплимент, - одними губами усмехнулся Макарьев и с едва заметной иронией добавил:

- Мне исключительно приятно услышать такую высокую оценку именно от тебя.

- Даже жаль такой талант губить, а придется, - с наигранной озабоченностью вздохнул Шестюк и поиграл пистолетом. - Но только сначала, Антоша, ты мне тоже кое-что расскажешь. Меня очень интересует, кто все-таки видел меня около «газика»? И какую потерянную мной вещь ты нашел в самой машине?

- Отвечу на все твои вопросы с величайшим удовольствием, - Макарьев уже совершенно искренне широко улыбнулся. - Тебя никто около «газика» не видел и ничего я в автомобиле не находил.

Агент несколько бесконечно долгих секунд сверлил лейтенанта недобрым взглядом.

- Нехорошо, Макарьев, - голос Шестюка едва заметно напрягся, и он укоризненно покачал головой. - Я тебе исповедовался со всей, понимаешь ли, откровенностью, с открытой душой… А ты? В героя решил поиграть, лейтенант? В Мальчиша - Кибальчиша?

- Не веришь? Жаль... – Антон сокрушенно вздохнул. - А я говорю правду. Все, что ты слышал сегодня в кабинете у Лопатина - это всего лишь моя выдумка. И порез на левом колесе «газика», и штуковина, которую якобы я нашел в машине. Я же просто хотел спровоцировать тебя на эту нашу встречу. Лицом к лицу. И вот видишь, получилось.

- Сука ты, лейтенант, - зло прошипел Шестюк. Лицо его побелело от гнева, а глаза хищно прищурились. - Все равно моя взяла, слышишь? Ты сейчас подохнешь! Неужели ты этого не понимаешь? Я же сейчас кончу и тебя, и этого придурка!

Он кивнул подбородком в сторону оцепеневшего от страха Кузина и ловким движением выхватил из кармана десантный нож. Щелкнуло, раскрываясь, лезвие.

- Да, экипировался ты солидно, - уважительно заметил Макарьев.

- Виталика я пристрелю из твоего пистолета, - сообщил Шестюк, делая короткий шажок вперед. - А тебя немного порежу вот этим маленьким ножичком. Пистолетик положу в твою руку, а на ноже оставлю

отпечатки пальцев нашего Виталика. Вот и получится, что Виталик напал на тебя. Зарезал он тебя, гад. А ты, значит, теряя сознание, успел пальнуть в него из табельного оружия. И все, Антоша, концы в водичке.

Ни один мускул не дрогнул на окаменевшем лице Макарьева. Чуть прищурив глаза, Антон внимательно следил за каждым движением агента.

- Кстати, Виталику я положу в карман свой старый шифроблокнот, - продолжал витийствовать Шестюк. - Пусть следствие разбирается, кто из вас настоящий вражеский агент!

Кузин испуганно шмыгнул носом, заерзал на стуле.

Макарьев хранил молчание. Рот его сжался в жесткую линию.

- Хотя, можешь поверить, долго они разбираться не будут! – противно захихикал агент. - Когда завтра космонавты на орбите закопытятся окончательно, здесь начнется такая суета и полетят такие большие головы, что вычислять, кто из вас настоящий шпион, а кто - невинная жертва вражеских спецслужб, будет некогда и некому. А я, милые мои ребятишки, буду уже очень далеко. И что главное, - при очень больших деньгах.

- Вот как получается, - с трудом сдерживая себя, выдавил сквозь зубы Антон. - Значит, неприятности с системой управления на «Союзе» - это и в самом деле твоя работа? Я не ошибся?

- Разумеется, - Шестюк снова ухмыльнулся. Его буквально распирало от гордости. - С этого-то все и началось, Антоша. Еще в мае. Вот это ты и проглядел, частный детектив Макарьев.

Он довольно рассмеялся.

- Но не расстраивайся, не ты один оказался незрячим. Ваша контрразведка тоже проморгала всю мою операцию. Простофили, млин…

- Ты, кстати, тоже далеко не все предусмотрел, - Макарьев сложил руки перед собой на столе, стараясь привести нервы в порядок.

- Например? - лицо Шестюка настороженно закаменело. - Объясни, что это я не предусмотрел?

«А ведь он боится, - с интересом отметил про себя Антон. - Панически трусит, несмотря на всю свою браваду! Впрочем, так и должно быть… Что же, пожалуй, пришла пора взять нашего бычка за рожки!»

- Хорошо, я тебе скажу, - Макарьев пожал плечами. Тон лейтенанта изменился, стал тверже. - Только сначала прекрати вертеть у меня под носом моим же пистолетом. Кстати, хочу тебя огорчить. Этот пистолет не будет стрелять.

- Это еще почему? – лицо Шестюка вытянулось, он скосил глаза на оружие в своих руках. - Заряжен, снят с предохранителя...

- Я открою тебе маленький секрет: на этом пистолете стоит спиленный боек, - подсказал Макарьев и пояснил:

- Я получил оружие в дежурной части, зашел в учебную комнату и вытащил из демонстрационного пистолета ударник со спиленным бойком. Настоящий ударник из моего пистолета лежит сейчас в сейфе в комнате дежурного по монтажному корпусу. А у тебя, Женя, в руках пистолет с учебным ударником.

- Врешь, - сдавленным голосом выдохнул Шестюк. Его глаза остекленели от страха. Он резко выкинул руку с оружием в сторону Кузина и нажал спусковой крючок. Пистолет звонко щелкнул, но выстрела не последовало. Кузин запоздало шарахнулся в сторону и едва не свалился со стула.

- Вот видишь, - весело подытожил Макарьев. Напряжение оставило его. Он почувствовал прилив сил и совершенно успокоился. Пока все шло строго по плану. - А ты мне не верил. Только Виталика зря напугал...

- Ах, ты сволочь! - Шестюк нервно сглотнул и яростно зашипел. - Решил в цацки со мной поиграть, гаденыш?!

Он сунул ставший бесполезным пистолет в карман брюк и ловко перебросил нож из левой руки в правую.

- Что же, план немного меняется, - агент хищно оскалил зубы и волком посмотрел на Макарьева. - Придется резать вас обоих. И тебя, и этого кретина, - он мотнул головой в сторону вжавшегося в спинку стула Кузина.

- А вот это не получится по двум причинам, - Антон по-прежнему оставался абсолютно спокойным. - Видишь, на столе, слева от меня, микрофон внутренней связи? Обрати внимание, кнопочка связи нажата и заблокирована изоляционной лентой. Поэтому все, о чем мы с тобой сейчас говорим, записывается на магнитофон в командном пункте связи...

- Снова блефуешь, лейтенант? - лицо Шестюка испуганно вытянулось. - Время тянешь? Не поможет!

- …Параллельно идет прямая трансляция нашей беседы во все рабочие помещения монтажно-испытательного корпуса, - невозмутимо продолжал Макарьев. - Начиная с того момента, когда как ты переступил порог этой комнаты. Помнишь, я в самом начале нашей с тобой милой беседы сказал Виталику: «Вот шпион и убийца, во всей красе»? «Во всей красе» - это и есть кодовая фраза, Шестюк. Услышав ее, оператор на командном пункте связи нажал пару кнопок - и сразу начались и запись, и трансляция.

- Эта твоя девка! - прохрипел Шестюк. - С-сука!

- А второй мой аргумент - вот он, - Антон взял со стола похожий на старинный пистолет клапан высокого давления и направил его выходным отверстием в сторону Шестюка. - Здесь давление пятнадцать атмосфер. Узкой струей. Ты все еще желаешь подойти поближе со своим перочинным ножичком, Женя?

- Гнида! - Агент заскрипел зубами и сделал полшага вперед. - Я же тебя голыми руками сейчас порву, гад!

- Виталя, ну-ка стань за моей спиной, - приказал Макарьев Кузину, поднимаясь со стула, - Господин Шестюк, кажется, думает, что мы с ним шутим, и собирается дать нам свой последний и решительный бой.

Кузин, как будто только и ждал этих слов, мгновенно вскочил, оттолкнул в сторону стул и оказался рядом с Макарьевым.

- Вот так-то лучше, - с облегченьем произнес Антон. - По крайней мере, Виталя, теперь он не сможет использовать тебя как живой щит, чтобы подобраться ко мне. А тебе, Шестюк, я предлагаю положить ножичек на пол. И сдаться. Может быть, твои записанные на магнитофон признания сойдут в контрразведке за явку с повинной. Иного разумного выхода у тебя просто нет.

Макарьев стоял, выпрямившись и расправив плечи. В его глазах, в его позе было столько непоколебимого превосходства и несгибаемого достоинства, что агент отшатнулся, заколебался, затянул паузу.

- Говоришь, нет выхода? – Шестюк шумно сглотнул образовавшийся в горле ком. По его округлому с залысинами лбу медленно ползли крупные капли пота. - Терять мне уже, получается, нечего, да? Может быть, и так! Только тебя-то я все равно достану, лейтенант!

По глазам агента было видно, что он мечется, лихорадочно думает, пытаясь найти хоть какой-то выход из ситуации. Черные зрачки Шестюка заледенели в смертельном страхе.

Наконец, переборов самого себя, он растянул губы в ухмылке и медленно стал отводить правую руку с зажатым в пальцах ножом назад:

- Нож ведь можно и метать, Макарьев. А у меня, знаешь ли, это всегда получалось неплохо!

- А ты когда-нибудь метал нож против легкого ветерка с давлением в пятнадцать атмосфер? - Антон иронически улыбнулся и снова направил воздушный клапан точно на Шестюка. – Хочешь попробовать?

- Пожалуй, сейчас можно обойтись и без демонстрации всех этих талантов, - раздался насмешливый голос из темноты коридора.

В комнату с пистолетом в руке шагнул Артур Семенович Симонов.

Макарьев почувствовал, что сердце у него остановилось. Еще одного гостя он не ждал.

42.
6 сентября 1988 года. Околоземная орбита,
Космический корабль «СоюзТМ-5».

Нет бога, кроме Аллаха. Аллах велик, милостив, милосерден…

Абдул говорил едва слышным шепотом, но в тишине крошечного пространства спускаемого аппарата его слова звучали ударами колокола.

Лахов, закрыв глаза, расслабленно откинулся в кресле-ложементе и попытался уснуть. Но сон не шел, а все мысли вертелись вокруг сегодняшней аварии.

«Если завтра не сядем – все… Кранты… Трое, ну, от силы четверо суток продержимся, не больше…

Умирать-то как не хочется…

Помолиться, что ли, вместе с Абдулом? Но по-нашему, по-христиански, за здравие и счастливое возвращение. Надежда – только на Бога…

А может, я преувеличиваю? На Земле что-нибудь придумают и нас спасут…

Что можно сделать?

Первое, что приходит на ум, – организовать спасательную экспедицию с Земли. В монтажно-испытательном корпусе стоит запасной корабль «Союз». Если его пристыковать к ракете и вывести на орбиту, то у нас появляется шанс на спасение.

Нет, ничего не получится… Сколько суток нужно, чтобы расконсервировать «Союз»? Даже если работать аврально, круглосуточно, – дня два. Заправить топливом – это еще сутки. Потом состыковать корабль с ракетой и вывезти на стартовую площадку, проверить и заправить ракету топливом – плюс пара суток. На запуск и сближение с наши «Союзом» тоже отведем сутки. Итого получается… Шесть суток. Это по самой

оптимистической прикидке. Много… Столько мы не продержимся…

Так, второй вариант… А зачем запускать «Союз» с Земли? К «Миру» сейчас подстыкован тот «Союз», на котором мы стартовали с Земли. Сажаем Володьку Тутова в корабль и по командам с Земли он сближается с нами. Стыковочного узла у нашего «Союза» теперь нет – он остался на орбитальном отсеке, который мы отстрелили. Значит, состыковаться Тутов не сможет… Но он сблизится вплотную с нашим кораблем. Ну, хотя бы до расстояния метров пять… Мы с Абдулом даже в наших легких скафандрах сможем перейти через космос на Володькин «Союз». Тутову только потребуется разгерметизировать орбитальный отсек на своем «Союзе» и перебросить нам трос…

Фантастика. В теории красиво, а на практике – один шанс из ста за удачный исход. Как навести на наш корабль Володькин «Союз»? Хватит ли на корабле топлива для такого маневра? Вопросы, вопросы, вопросики… И не на один нет ответа.

Третий вариант… Что еще можно придумать? Гм, американцы готовят к полету шаттл. Первый полет после взрыва «Челленджера». Могут они нам помочь? Выйти на орбиту, сблизиться и механической рукой – манипулятором взять наш «Союз» на борт. А из их грузового отсека мы с Абдулом переберемся в кабину шаттла.

Но с американцами еще нужно договариваться и им тоже нужно время на подготовку к полету. Как минимум, неделя, не меньше. Значит, вариант отпадает…

Что еще? Какой может быть четвертый вариант? А что если попробовать запустить наш «Буран»?

Нет, не получается. Он должен лететь где-то в конце октября. Значит, сейчас корабль еще полностью не готов к старту. И потом – это первый полет, испытательный, без космонавтов. Сможет ли такая махина в автоматическом режиме сблизиться с нашим «Союзом»? Вряд ли. На нем даже нет аппаратуры для

сближения. Да и вообще… Корабль может просто не взлететь с Земли. Черт его знает, какой сюрприз преподнесет техника…

Н-да… Не один вариант спасательной экспедиции не годится… Так, сяк еще второй, но…

Нет, надеяться придется только на свои силы. На то, что все-таки удастся запустить двигатель нормально. Так что, или голова в кустах, или грудь в крестах!»

«Завтра будет трудный день, - устало подумал Лахов. – Поэтому сейчас нужно расслабиться и уснуть. А там посмотрим… Утро вечера мудренее».

43.
6 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.
Комнаты отделения систем жизнеобеспечения.

- Извините, не знаю, как воздушная струя в пятнадцать атмосфер, а пуля все-таки летит быстрее ножа, Шестюк, - с ледяной улыбкой на устах, произнес Симонов. Ствол его пистолета смотрел точно в грудь агента. - И с реакцией у меня тоже все в порядке, можете в этом не сомневаться. Поэтому я настоятельно рекомендую вам воспользоваться предложением лейтенанта Макарьева и бросить нож на пол.

Не отрывая напряженного взгляда от смотревшего на него черного зрачка пистолета, мертвенно-бледный Шестюк медленно разжал пальцы правой руки, и лезвие соскользнуло на пол.

- Вот так-то будет лучше, - Симонов удовлетворенно кивнул и, чуть повернув голову назад, но по-прежнему ни на мгновение не отводя глаз от застывшего посреди комнаты агента, приказал кому-то невидимому у себя за спиной. - Обыщите его!

Молниеносно и бесшумно, словно бестелесные тени, из коридора появились двое худощавых и похожих друг на друга как близнецы парней. Не прошло и

нескольких секунд, как Шестюк уже стоял, уперев лоб в стену, со скованными за спиной наручниками руками и широко расставленными в стороны ногами.

- Что же, давайте знакомиться по-настоящему, ребята, - Симонов опустил пистолет и повернулся к Макарьеву и Кузину. - Я - полковник контрразведки Стрельников Вадим Алексеевич.

- Вот это да, - восхищенно выдохнул Антон и обескуражено развел руками. - Ну, никогда бы не подумал!

Напряжение разом схлынуло, и Макарьев как-то сразу обмяк. Вялыми руками он опустил клапан высокого давления на стол, сделал пару нетвердых шагов и скорее упал, чем опустился на стул.

- А как же Симонов? – оживился Виталик Кузин, дураковато захлопав глазами. Антон подумал, что события последнего часа, кажется, серьезно выбили парня из колеи. - Наш Артур Семенович?

- Настоящий Симонов по-прежнему работает в Подмосковье на одной из фирм, - Стрельников располагающе улыбнулся. - А мне пришлось по служебной необходимости на время воспользоваться его именем. Чтобы поближе познакомиться с гражданином Шестюком.

- Так вы с самого начала знали, что агент - это Шестюк?! - охнул Макарьев.

- Нет, конечно, - контрразведчик решительно покачал головой. - Если бы мы это знали, разве мы допустили бы смерть Бехтерева и Ушакова? Нам, Антон, было известно, что враг готовит диверсию на космодроме во время старта советско-афганского экипажа. Но самого главного: кто готовит, где именно и когда - этого мы не знали.

- Теперь знаете, - Макарьев мотнул головой в сторону Шестюка, которого уже успели обыскать и усадить на стул:

- Он все только что рассказал. И про отравление Бехтерева, и про убийство Кирилла Ушакова. Кстати, авария «Союза» на орбите - тоже его рук дело.

- Да, весьма активный оказался агент у наших противников... Его причастность к неполадкам на нашем космическом корабле - вот что сейчас самое для нас интересное, - Стрельников сделал шаг в сторону агента. – Шестюк, я думаю, что играть в молчанку вам теперь не имеет смысла?

- Явку с повинной мне запишите? - агент криво ухмыльнулся и сплюнул прямо на пол. Макарьев заметил, что губы его мелко дрожат. – Как говорится, чистосердечное признание смягчает наказание? Расскажите эту байку вашему лейтенанту, полковник. Макарьев еще молодой, он поверит этим басням!

- Наворотили дел вы предостаточно, - Стрельников словно и не заметил злобной тирады агента и присел на краешек стола рядом с сидящим на стуле Шестюком. – Откровенно говоря, еще пару лет назад вам за ваши художества светила бы только высшая мера наказания. Но времена меняются, Шестюк. В стране полным ходом идет перестройка. Началась правовая реформа, направленная на общее смягчение наказаний. Так что, если вы начнете сотрудничать с нами, есть шанс сохранить вам жизнь. Буду говорить честно: шанс очень маленький, но он есть. Все теперь будет зависеть только от вас.

- Хотите получить козыри для игр с Америкой? - пот стекал по лицу Шестюка едва ли не струйками. Капли скатывались по щекам и срывались вниз, оставляя на рубашке агента крупные мокрые пятна.

- Причем здесь Штаты? - на лице Стрельникова мелькнуло недоумение. - Ах, вот в чем дело! Вы, видимо, полагаете, что до сего момента доблестно трудились на американское Центральное разведывательное управление? Вынужден вас разочаровать, Евгений Николаевич. Разведки некоторых стран часто используют «марку» ЦРУ и нашего КГБ для вербовки агентов. Агент

думает, что в поте лица работает на дядю Сэма или старается во имя торжества идеалов социализма, а на самом деле трубит на какого-нибудь мелкого, но амбициозного политического князька на Ближнем Востоке или кровавого бандита из африканских джунглей. Вы, Шестюк, например, работали на антавийскую разведку.

- На кого?! – лицо агента окаменело от удивления.

- На военную разведку Антавии, - глядя прямо в глаза Шестюку, повторил Стрельников. - Знаете, есть такое небольшое исламское государство, расположенное не слишком далеко от наших южных границ?

- Нет... Не может быть... - Шестюк нервно дернул шеей и часто задышал. - Значит, все, что они говорили о деньгах... Нет, я вам не верю! Вы лжете!

- Увы, это правда, - Вадим Алексеевич иронично улыбнулся и покачал головой. - Могу сказать почти наверняка, что вас купили очень щедрыми обещаниями перечислить деньги на тайный личный счет в банке где-нибудь в центре Европы и оказать содействие в бегстве из страны. Так ведь?

- Сволочи! - Шестюк злобно оскалился и заскрежетал зубами. - Суки проклятые!

- Может быть, ЦРУ или западногерманская БНД и поступают как благородные джентльмены в отношении своих агентов, - невозмутимо продолжал Стрельников. - Но только не антавийские спецслужбы. Вы для них были и останетесь всего лишь продажным иноверцем. Дешевым расходным материалом. Вы где-нибудь встречали чудаков, трогательно заботящихся о сохранности дешевых расходных материалов? Нет? Я тоже не встречал. Ни разу за более чем двадцать лет работы в контрразведке. Поэтому вас, Шестюк, в итоге ждали бы вовсе не вожделенные деньги и выезд за границу, а такой же, как и ваш, нож в горло или под левую лопатку. Такое иногда случается даже с лучшими шпионами. Как говорится, идут за шерстью, а возвращаются стриженными…

Полковник замолчал, оценивая, какое впечатление произвели на агента его слова, видимо, остался доволен сделанной оценкой и продолжил назидательным тоном:

- Героя из вас не получится. У вас, к моему искреннему сожалению, несколько иное амплуа. Мелкий предатель, о котором хозяева забудут на следующий же день после провала.

- Хорошо, - Шестюк закашлялся и густо покраснел. По лицу его по-прежнему стекали тонкие струйки пота. - Если я действительно расскажу вам все… Явки, адреса, подробности операций… Вы можете дать мне хоть какие-то гарантии?

- Гарантии сохранить вашу жизнь может дать только суд, - ответ Стрельникова прозвучал достаточно резко. – Конечно, я мог бы обмануть вас пустыми обещаниями, но я хочу играть нашу с вами партию честно и открыто. Со своей стороны я могу гарантировать максимальное содействие в будущем рассмотрении судом вашего дела. В положительном для вас ключе, разумеется. Но это только в том случае, если вы согласитесь сотрудничать с нами. Причем согласитесь немедленно. Прямо сейчас. Потому, что время и в самом деле не терпит. Возможно, что от вашего решения рассказать правду, зависят жизни наших космонавтов на «Союзе». Итак, ваш выбор, Шестюк?

- Гарантии слишком зыбкие, - дыхание Шестюка сделалось прерывистым и тяжелым. - И уж слишком ни к чему вас не обязывающие!

- Зато честные и открытые, - спокойно и веско парировал Стрельников. - Давайте ближе к делу, Шестюк. Еще раз спрашиваю: вы согласны сотрудничать с нами?

- Согласен, - рот агента приоткрылся в косой ухмылке. Тонкая струйка слюны потекла из угла рта к подбородку.

- Вам что, плохо? - Стрельников приблизил лицо к собеседнику и заглянул ему в глаза. Зрачки у агента были мутновато-болотного цвета, словно их начала застилать пелена зеленоватого тумана. - Я бы не советовал вам

заниматься симуляциями в любой форме, Шестюк. Это бессмысленно.

- Какая может быть симуляция, полковник? - Шестюк ухмыльнулся подрагивающими губами и зажмурился, потряхивая головой, так, будто хотел прогнать какое-то видение, появившееся перед его глазами. - Зачем мне это теперь? Я все вам скажу... Все... Только душно здесь что-то... Это все мои нервы... Нервы, понимаете?

- Кирилл, - Стрельников стремительно повернулся к одному из сопровождавших его парней, - ну-ка, давай быстро за врачом! И передай капитану Чекмаеву, чтобы немедленно шел сюда.

- Что-то мне совсем плохо, - едва слышно пробормотал Шестюк. Он сидел, скорчившись на стуле, и на его скулах постепенно расплывались серо-белые пятна. - Мало воздуха... И темнеет почему-то... Это все мои нервы... И жара...

- Сейчас придет врач, - Стрельников по-прежнему не спускал глаз с агента. - Ну-ка, откиньтесь на спинку стула и расслабьтесь. Это облегчает дыхание.

- Спасибо, полковник, - язык Шестюка заплетался как у пьяного. - Я вам все скажу... Там, на «Союзе»... Микросхема в контуре управления... Под центральным пультом... Чуть левее... Искажение команд...

Он вдруг захрипел, дернулся всем телом и рывком вытянул ноги.

- Да что же это с ним? - Стрельников снова встревожено склонился над агентом. Шестюк развалился на стуле и закатил глаза. Голова его безвольно запрокинулась влево, рот был приоткрыт. - Черт, сердечный приступ у него что ли?

- Может ему дать воды? - Макарьев наполнил стакан из-под чая уже успевшей остыть водой из чайника и протянул его Стрельникову.

- Шестюк, вы меня слышите? - Полковник взял стакан и поднес к губам агента. - Выпейте!

Стрельников приподнял подбородок Шестюка левой рукой и попытался влить немного воды в его искривленный застывшей ухмылкой рот, но голова агента вдруг судорожно дернулась в сторону, расплескивая воду из стакана. Тело Шестюка упруго изогнулось дугой над сиденьем и спинкой стула, но уже в следующее мгновение обмякло, и он боком начал сползать на пол.

Огибая стол, Макарьев рванулся к заваливавшемуся на бок Шестюку. Ему удалось подхватить соскальзывавшего вниз агента под мышки и удержать на стуле.

- По-моему, он без сознания, - Стрельников несколько раз легко шлепнул Шестюка ладонями по щекам. Агент был смертельно бледен, голова его безжизненно моталась из стороны в сторону. - Черт, я не знал, что он сердечник...

- Никакой он не сердечник! – возразил Виталий Кузин, который, наконец-то, уже совладал со своими эмоциями. - Никогда на сердце не жаловался...

Минут через пять в сопровождении капитана Чекмаева и еще нескольких контрразведчиков появился врач - круглолицый пожилой подполковник из управления дивизии. Коротко поприветствовав присутствующих кивком головы, он склонился над полулежащим на стуле Шестюком. Приоткрыл пальцами веки, пощупал пульс.

- Что с ним? - нетерпеливо спросил Стрельников. - Сердечный приступ? Он без сознания?

- Он мертв, - врач выпрямился и осторожно отпустил руку Шестюка.

- Мертв?!

- Скончался несколько минут назад, - бесстрастным голосом констатировал врач. – И, скорее всего, не от сердечного приступа, а от удушья. Подробнее я смогу сказать только после вскрытия.

44.
6 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.
Командный пункт.

- Работы на корабле «Прогресс» закончены, - голосом полковника Паршинова сообщил динамик оперативной связи. - Прошу все испытательные расчеты покинуть зал. Дежурной смене провести прием и опечатывание помещений.

Ульяна стащила с головы наушники, отстегнула от воротника микрофон и устало потянулась. После той сумасшедшей и бессонной ночи любви, проведенной с Антоном Макарьевым, ей постоянно хотелось вздремнуть. Ну, хотя бы на часок или даже на полчасика! Вот и сейчас глаза слипаются... Эх, хорошо бы забыть о дежурстве и спать, спать, спать....

Нет, если бы не желание помочь Антошке поймать вражеского агента, Ульяна сегодня точно бы выпросила у начальника узла связи капитана Беклемишева внеочередной выходной и завалилась бы спать. Или, - что еще лучше, - просто бы не стала вставать сегодня утром с постели. Так бы и проспала весь день.

Она сладко зевнула и посмотрела на часы. Боже мой, только половина восьмого! Впереди больше двадцати часов этого нудного и однообразного бдения около дежурных пультов! Хорошо, что хоть сегодня ночью работать не придется. Испытательные работы закончены, через полчаса, максимум - через час, последние испытатели покинут корпус, и дежурная смена опечатает залы до самого утра. Вот тогда и можно будет прилечь на мягком диванчике за ширмой в углу комнаты и поспать всласть! Или, может быть, все-таки лучше сходить в гости к Антошке?

«Антошка... – сердце Ульяны сжалось от нежности. - Какой же он умница! Придумать такую замечательную ловушку для этого распроклятого агента! И ведь получилось же! Все, прошло, как по маслу!»

Правда, она чуть с ума не сошла от страха, когда сначала Кузин, потом Шестюк и, наконец, Симонов - Стрельников по очереди появились в комнате отделения систем жизнеобеспечения. Обхватив ладонями мягкие тарелочки наушников и затаив дыхание, Ульяна вслушивалась в произносимые Антоном слова, стараясь хотя бы по интонациям его голоса определить, что сейчас происходит там, рядом с ее милым, хорошим и – да, да, да, любимым! – человеком. Это оказалось так тяжело - слышать, соприсутствовать и сопереживать, но не видеть!

Сначала Ульяна решила, что вражеский агент - это Виталий Кузин, который появился в комнате отделения систем жизнеобеспечения почти сразу же следом за Макарьевым. И Антон вот-вот произнесет заранее обусловленную ими кодовую фразу – «во всей красе», - чтобы она включила запись. Но Макарьев почему-то все медлил и медлил. И Ульяна поняла, что Антошка все еще сомневается. Затеяв с Кузиным разговором о смерти Бехтерева и Ушакова, он снова старается спровоцировать агента на ответные и совершенно очевидные враждебные действия.

Но Виталик Кузин почему-то вел себя совсем не так, как они с Антошкой предполагали. Или Кузин - агент все-таки понял, что оказался в подстроенной ловушке и решил хитро их переиграть, или Виталий вообще не был вражеским агентом.

Все окончательно прояснилось, когда в комнате отделения объявился Евгений Шестюк. Это произошло так неожиданно и настолько испугало Ульяну, что она на несколько секунд утратила контроль над собой и едва не пропустила мимо ушей произнесенную Антоном кодовую фразу.

Но страх за жизнь любимого человека, оказавшегося сейчас лицом к лицу с безжалостным врагом, уже в следующее мгновение заставил ее пальцы с силой вдавить кнопку включения записи в панель управления магнитофона. Запись пошла, весело

подмигнули разноцветными глазками контрольные лампочки, почти неслышно зашелестела магнитофонная лента, и только через несколько томительно долгих секунд Ульяна сообразила, что по-прежнему что есть силы давит пальцами на зафиксировавшуюся во включенном положении кнопку. Медленно, чтобы – не дай Бог! - не прервать запись, она отвела в сторону свою словно окаменевшую правую руку. От нервного напряжения пальцы свело судорогой, и Ульяне пришлось пару минут ладонью левой руки массировать словно оледеневшие фаланги и кисть правой.

Ну, а дальше все пошло примерно так, как они с Макарьевым изначально и предполагали. Шестюк раскрылся. Вражеский агент, ощущая свое явное превосходство над Антоном, выдал себя с головой. Дело было сделано.

Единственное, что теперь оставалось выполнить Ульяне из их с Антоном плана, - вызвать по телефону в комнаты отделения систем жизнеобеспечения дежурную группу из особого отдела, чтобы арестовать разоблаченного вражеского агента Евгения Шестюка. Но для этого нужно было дождаться еще одной кодовой фразы - когда Антон скажет, что их разговор с агентом транслируется в открытом режиме для всей рабочей смены.

На самом деле, конечно, никакой открытой трансляции разговора Макарьева с Шестюком не было. В зале шли работы с интенсивным радиообменом. Ульяне то и дело приходилось отвлекаться от прослушивания, чтобы выдать очередную команду работающим на «Прогрессе» расчетам. Ну, какая может быть в таких условиях открытая трансляция? И зачем, если будет хорошая магнитофонная запись более чем откровенных признаний Шестюка?

Ульяна сгорала от нетерпения, ожидая, когда Антон произнесет вторую условленную кодовую фразу. А когда, наконец, дождалась, немедля ни секунды сорвала с головы наушники, щелчком ногтя переключила

динамики на громкую связь и опрометью бросилась к телефону. Дрожащими от возбуждения пальцами, она набрала заранее записанный на бумажке номер дежурного особого отдела дивизии. Но к ее ужасу трубку на том конце телефонного провода никто не снял. Ульяна еще и еще раз исступленно крутила телефонный диск, нетерпеливо тыкая пальцами в круглые отверстия над цифрами, но слышала в ответ только длинные и унылые гудки телефонного вызова.

Она уже окончательно отчаялась и собралась сама бежать за помощью хоть к кому-нибудь, когда в динамике громкой связи раздался спокойный и чуть ироничный голос контрразведчика Стрельникова.

Сначала Ульяна не поняла, что происходит, и просто окаменела от испуга. Но через пару минут все стало на свои места. Контрразведчики даже без ее телефонного звонка появились удивительно вовремя. Агент был схвачен и – самое главное! – жизни Антошки теперь больше ничего не угрожало.

Ульяна вернулась к рабочему столу и отключила магнитофон от линии внутренней связи. Бережно, словно величайшую ценность, вытащила из магнитофона кассету с записью разговора Макарьева с Шестюком, и облегченно вздохнула. Вот и все. Теперь можно выбросить из головы хотя бы на время все мысли о кознях шпионов и диверсантов и со спокойной душой заняться рутинными опытно - испытательными работами, которые уже минут пять нетерпеливыми голосами полковника Паршинова и капитана Блиняева настойчиво требовали к себе внимания дежурного оператора связи командного пункта.

И Ульяна, решительно отогнав усталость, сразу же и полностью сосредоточилась на работе. Только один раз за следующие два часа, когда в идущих на «Прогрессе» испытаниях появилось небольшое свободное окошко, Ульяна отвлеклась, и по внутренней связи вызвала Макарьева. Антошка рассказал ей о внезапной смерти Шестюка, о предстоявшем разговоре с

полковником Стрельниковым и пообещал зайти к Ульяне сразу же после беседы с контрразведчиком.

- А между тем уже почти восемь часов, а вашего кавалера, сударыня, все нет и нет, - мельком взглянув на настенные часы, вслух произнесла Ульяна.

В командном пункте связи ей сегодня выпало дежурить в полном одиночестве. Только в коридоре около входной двери маялся от безделья молоденький дежурный солдатик.

– Резонный вопрос для любой скучающей девицы: чем бы таким заняться в ожидании милого друга? Почитать, что ли?

Она придвинула к себе свою сумочку и вытащила захваченную из дома книгу. Маргарет Митчелл, «Унесенные ветром». Открыла книгу, пролистала несколько страниц. Нет, читать что-то не хочется…

Может быть, с Антошкой что-то случилось?!

Антошка… Он так неожиданно вошел в ее жизнь…

С мужем Ульяна рассталась полтора года назад, и за прошедшие месяцы у нее не было ни одного сколько-нибудь серьезного романа. Конечно, она нравилась многим. Но ухаживания женатых мужчин Ульяна отклоняла однозначно и достаточно резко, а среди холостяков, которые приглашали ее на свидания, ее сердце не обнаружило ни одной кандидатуры, достойной внимания.

И вот появился Антошка… Странно то, что она заметила его, выделила из всех остальных офицеров полка еще год назад. Но это еще не была любовь или хотя бы простая заинтересованность. Ульяна только отметила, что есть такой высокий и симпатичный парень, Антон Макарьев, - и ничего более. Понадобилось встретиться с ним лицом к лицу, сблизиться, чтобы сердце забилось сладостным ожиданием любви…

Входная дверь скрипнула и приоткрылась. В образовавшийся проем просунулась светловолосая головка младшего сержанта Марины Вербининой:

- Привет, Уля! Ты одна?

Она стрельнула глазками влево и вправо.

- Как видишь, - пожала плечами Ульяна.

- Уль, у меня к тебе дело на миллион рублей! – Вербинина впорхнула в комнату. Она была Ульяниным одногодком, но служила на узле связи на год больше, и уже успела обзавестись сержантскими погонами.

- Ну, если только на миллион, - рассмеялась Ульяна. – Давай, выкладывай!

- Уль, я даже не знаю, как сказать… - Марина вдруг залилась румянцем. – Ты только пойми меня правильно…

- Мариш, ну не тяни кота за хвост! Что ты хочешь?

Вербинина покраснела еще больше.

- Уля, ты не можешь на ночь уступить мне эту комнату, - шепотом выдавила из себя Марина.

- Уступить? – Ульяна ошарашено округлила глаза. – Это как?

- Ну… - лицо младшего сержанта Вербининой пылало. – Уступить нам с Володькой… До утра не будет никаких испытательных работ. Чего же тебе здесь сидеть? Ты же наверняка собиралась лечь спать… Тебе ведь все равно, где отдыхать. А нам с Володькой…

Она покосилась в сторону диванчика за ширмой.

Недели три назад Марина Вербинина вышла замуж за молодого лейтенанта из группы обслуживания электрооборудования. Командование обещало молодой семье квартиру, но… Но пока медовый месяц семейство Вербининых проводило, кочуя по квартирам друзей и знакомых.

- Ну, ты даешь Маришка… - проворчала потрясенная Ульяна. – Это же командный пункт!

- Ну, и что? – улыбнулась робкой улыбкой Марина. – Никто же не узнает!

- А если проверка? Или что-то случится?

- С капитаном Беклемишевым я уже договорилась, чтобы на сегодня тебя подменить, - беспечно махнула рукой Вербинина. – Если что случится, буду действовать по обстановке… Ульяшка, ну, пожалуйста!

- Ах, вот как… Ну, раз уже договорилась… Хорошо, подруга, принимай дежурство. Я убегаю!

- Спасибо, роднуля! – Вербинина поцеловала Ульяну в щеку. – С меня презент!

45.
6 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.
Комнаты отделения систем жизнеобеспечения.

Тело Евгения Шестюка на руках вынесли к грузовым воротам монтажного зала и погрузили в тот самый автобус, который вечером должен был развезти расчеты отделения систем жизнеобеспечения по домам. Стрельников созвонился с управлением контрразведки полигона и получил приказ срочно отправить труп агента в Ленинск для вскрытия и экспертизы. Сопровождали тело несколько сотрудников контрразведки и констатировавший смерть агента дивизионный врач. Сам полковник, хмурый и озабоченный, направился на пункт связи дивизии. Стрельникову предстоял далеко не простой разговор со своим руководством в Москве: смерть вражеского агента спутала контрразведчикам все карты. Уже выходя из зала, Вадим Алексеевич обернулся к Макарьеву:

- Антон, ты, пожалуйста, будь на месте. Нам с тобой еще о многом нужно будет поговорить.

Оставшись в комнатах отделения один, Макарьев снова вскипятил чайник, приготовил себе крепкий чай, удобно устроился на стуле и задумался.

Итак, их с Ульяной план увенчался успехом. Агент среагировал на мнимую угрозу, сунулся в ловушку и был пойман с поличным. Выдержка и хладнокровие на этот раз изменили Евгению Шестюку. Парадоксально, но именно страх разоблачения погнал его в расставленную Макарьевым и Ульяной ловушку. Страх быть раскрытым, в конечном итоге, и привел агента к провалу.

Но Макарьев не испытывал никакой радости от того, что враг оказался повержен. Как-то сразу навалилась накопившаяся за полторы недели постоянных тревог и волнений усталость. И темной давящей массой легла на душу случившаяся всего полчаса назад прямо у всех на глазах смерть Евгения Шестюка.

Странная смерть... Очень странная смерть...

По словам врача, даже без вскрытия, - правда, с некоторой долей вероятности, - можно утверждать, что Шестюк скончался не от сердечного приступа. Никто и никогда не слышал от него жалоб на больное сердце. Конечно, при такой жаре и сильных нервных нагрузках приступ мог начаться внезапно, но... Но насколько Макарьев разбирался в медицине, налицо были скорее все симптомы удушья, чем сердечного спазма. Да и врач из управления дивизии, осматривавший тело Шестюка сразу после кончины, подтвердил, что смерть агента действительно наступила от недостатка кислорода в организме.

Очевидно, что Евгения Шестюка в последние минуты его жизни никто не душил. И если смерть агента не была следствием каких-то естественных причин или скрытой патологии, то, скорее всего, речь следует вести об отравлении. Это значит, что какое-то отравляющее вещество было введено в организм Шестюка совсем незадолго до его смерти. Вещество, которое достаточно быстро, но не мгновенно, распространилось в теле агента и в конечном итоге заблокировало дыхательные каналы.

«Могла ли эта смерть быть самоубийством? – Макарьев задумчиво потер лоб. - Практически исключено... Агент идет на риск разоблачения, чтобы расправиться с угрожающим ему противником, и перед началом операции принимает ампулу с медленно действующим ядом... Нелогично и даже смешно. И потом, в последние минуты своей жизни Шестюк - это было очевидно для всех, кто присутствовал в комнате в

момент его кончины, - явно не понимал, что с ним происходит. Он не ожидал смерти. Напротив, очень активно стал торговаться со Стрельниковым о гарантиях сохранения своей жизни в будущем. А это значит, что версию о самоубийстве Евгения Шестюка можно со спокойной душой отбросить в сторону».

«Тогда получается, что смерть агента стала результатом преднамеренного отравления. Кто-то ввел в организм Шестюка медленно действующий яд. Почему именно медленно действующий? Да потому, что убийце важно было выйти из круга подозреваемых, и не быть застигнутым врасплох около мертвого тела каким-нибудь неожиданно подвернувшимся свидетелем».

«Значит, снова отравление. Как и в случае с Бехтеревым… Только майор умер быстро, от цианистого калия. А Шестюк умирал медленно…»

«Но сам Евгений Шестюк до последней минуты своей жизни не подозревал, что умирает. Скорее всего, и предположить не мог, что его могли отравить. Значит, тот, кто дал ему яд, не воспринимался Шестюком как убийца. Да что там как убийца! Даже как потенциальная угроза не воспринимался! Поэтому и смог нанести смертельный удар незаметно для самой жертвы».

«Кем может быть этот неизвестный убийца? Вторым вражеским агентом? Или даже резидентом, руководителем Шестюка по шпионской работе? Хорошо, будем считать его резидентом. По крайней мере, пока».

«Но зачем резиденту нужно было убивать Шестюка? На ум приходит только одно разумное объяснение: если резидент как-то узнал, что Шестюк находится на грани провала и при его аресте какая-нибудь ниточка, за которую, конечно же, ухватится следствие, неминуемо приведет к разоблачению и самого резидента».

«Но вот еще загадка: откуда резидент смог узнать о надвигающейся на него опасности?»

Макарьев поднялся со стула, потянулся, распрямляя плечи, прошелся по комнате.

«Шестюк сам мог рассказать об этом резиденту. После окончания «посиделок» у Лопатина в распоряжении Шестюка было около получаса, в течение которых он вполне мог встретиться с резидентом».

«Хорошо, допустим, что Шестюк идет на встречу со своим коллегой по шпионскому ремеслу и сообщает ему о появившейся угрозе. Что делает резидент? Предлагает Шестюку выпить за здоровье стаканчик вина, тайно насыпает в него яд, а потом благословляет на убийство путающегося у агентов под ногами лейтенанта Макарьева? Абсурд. Яд-то медленно действующий. И у резидента нет никакой гарантии, что перед смертью Шестюк не догадается о своем отравлении, и не назовет имя отравившего его человека. Нет, так резидент рисковать бы не стал…»

«Значит, яд должен был попасть в организм Шестюка совершенно незаметно. Так, чтобы даже в случае смерти Шестюка на глазах очевидцев, умирающий агент не мог выдать резидента. Потому, что до своего последнего вздоха и предположить бы не мог, что его отравили. И еще потому, что даже в момент собственной смерти не воспринимал бы резидента как возможного отравителя. То есть Шестюк в принципе не должен был видеть в резиденте опасного человека, не должен был воспринимать его, как своего соратника по работе на вражескую разведку. Только при таких условиях резидент мог решиться на отравление своего агента медленно действующим ядом».

«Так что же получается, Шестюк не знал, что рядом с ним находится резидент? Выходит так… Резидент каким-то образом узнал, что Шестюк находится на грани провала, и нанес упреждающий удар, чтобы обезопасить себя от замаячившей на горизонте возможности провала».

«Но как резидент мог узнать о грозящем Шестюку разоблачении? Да только если он сам, своими ушами слышал выдуманную Макарьевым историю о разоблачении убийцы по оставленным им следам!

Слышал и сопоставил эту историю с реальными событиями на космодроме в последние дни!»

«Тогда получается, что резидент тоже был на «посиделках» в кабинете Лопатина? Был именно в тот момент, когда я рассказывал о найденном в цистерне теле Ушакова, угнанном «газике» и следах на грунтовке. Выслушав историю, рассказанную мной, резидент понял, что Евгений Шестюк фактически уже разоблачен. Поэтому он решил, не мешкая, разделаться со своим коллегой, ставшим для него слишком опасным. Незаметно подсыпал в рюмку Шестюку яд и...»

«Занятная картинка вырисовывается... Ну, и кто же у нас претендует на роль очередного врага-отравителя? Стрельников, он же Симонов, отпадает. Полковник контрразведки, который охотится за вражеским агентом и при этом сам является агентом той же стороны, - это слишком уж круто. Кузин. Ловкач, талантливо играющий роль беззаботного и веселого человека. Исподтишка травит Шестюка и опрометью бежит сюда, ко мне, к тому, кто фактически разоблачил агента. Бежит, чтобы обеспечить свое алиби. Возможно такое? Теоретически, конечно, возможно».

«А что остальные, - все, кто был в этот вечер у Лопатина? Беланов, Глуховцев, Доцинов, Петровин, Михайленко и, конечно, сам Лопатин? Любой из них мог оказаться в роли отравителя».

«Так, подведем предварительные итоги. Имеем семь подозреваемых. То есть семь вероятных кандидатов в резиденты… Семь кандидатов - это замечательно. Кажется, кто-то тут радовался, что разоблачил вражеского агента? Ну-ну... Наша песня хороша, начинай с начала...»

«Хотя, если призадуматься... Зачем чужой разведке вообще нужен второй агент – тем более, резидент! - в испытательных расчетах отделения систем жизнеобеспечения, если там уже доблестно трудится их агент Евгений Шестюк? Что эти расчеты у нас стоят на самом острие технического прогресса? Нет. Вся техника

времен, в лучшем случае, начала семидесятых годов. Или может быть, наши расчеты вдруг стали заниматься чем-то особо секретным и перспективным? Например, программой многоразового космического корабля «Буран». Тоже нет. Иметь сразу двух агентов здесь - это уже явный перебор. Два агента рядом, в одном расчете или пусть даже в одной испытательной группе, почти локоть к локтю, - этот факт противоречит всякой логике. Явный и совершенный нонсенс».

«Поэтому, если и далее следовать логике, сам собой напрашивается вывод: второй агент, работающий рядом с первым, не нужен. Более того, даже опасен, поскольку рано или поздно агенты либо столкнутся лбами при выполнении задания своего разведывательного центра, либо - что еще хуже - сами того не желая, «засветят» друг друга перед контрразведкой».

«А это значит, что всех, кто был сегодня в «каптерке» у Лопатина, можно смело вынести за рамки подозрений. Если действительно следовать принципам логики и целесообразности, резидента среди них быть не должно. Если, конечно, разведслужбы исламской Антавии не решили пачками вербовать технических работников на космодроме Байконур. На перспективу, так сказать... Нет, будем все же пока полагать, что и зарубежные шпионские центры придерживаются элементарных логических принципов. По крайней мере, пока обратное не доказано».

«Что же, в конце концов, получается? Резидент не мог узнать о провале от Евгения Шестюка. Потому, что Шестюк и не подозревал о том, что резидент существует. Резидент не мог присутствовать на «посиделках» у Лопатина. Потому, что не один находящийся в здравом уме руководитель разведки не станет сажать своих секретных агентов за один стол без острой на то необходимости».

«Но откуда-то ведь резидент узнал о нависшей над Шестюком угрозе! Если Шестюк никому ничего не

говорил, и резидент не мог находиться во время рассказа Макарьева в комнате у капитана Лопатина, остается только одна возможность получения резидентом информации. С помощью банального подслушивания».

«Как можно было подслушать разговор в «каптерке» Лопатина? Стать в коридоре и приложить ухо к поверхности входной двери, оббитой металлом? Гм, ну, во-первых, так мало что расслышишь - слишком толстая дверь в кабинете замкомандира группы по испытательным работам. И вдобавок хорошо подогнанная к дверному косяку. А во-вторых, это слишком рискованный способ получения информации. Любой проходящий мимо по коридору гражданский сотрудник или военнослужащий непременно обратит внимание на человека, который замер около двери, прижавшись ухом к ее поверхности. Есть еще и в-третьих. Если допустить, что информация о провале Шестюка была получена резидентом путем подслушивания, то коллега Шестюка по шпионажу – настоящий ясновидящий. Потому что еще до появления в коридоре около дверей комнаты Лопатина, резидент должен был знать, что Макарьев собирается провалить Шестюка. Иначе, зачем ему вообще появляться около «каптерки» капитана? Послушать пьяные байки офицеров и гражданских спецов? Сомнительное хобби для законспирированного агента. А о готовящемся блефе с якобы обнаруженными следами агента знали только два человека – я и Уля».

«Еще можно нашпиговать рабочий кабинет Лопатина миниатюрными подслушивающими устройствами. Теоретически, конечно. Потому, что практически никакой агент ставить в «каптерке» капитана «жучки» не станет. Что секретного там можно услышать? Тосты на «посиделках» два или три раза в месяц? Нет, «жучки» отпадают».

Динамик системы оперативной связи на рабочем столе неожиданно ожил, оглушительно кашлянул и голосом полковника Паршинова сообщил:

- Работа закончена. Прошу все испытательные расчеты покинуть зал. Дежурной смене провести прием и опечатывание помещений.

Макарьев несколько секунд не отрывая взгляда смотрел на металлическую коробку системы оперативной связи. Той самой системы, которую они с Ульяной так умело сегодня использовали, чтобы записать шпионские откровения Евгения Шестюка. Система охватывала практически все помещения в испытательном корпусе. Небольшой микрофон внутренней связи позволял связаться с оператором на командном пункте. Нужно было только нажать кнопку на микрофоне и удерживать ее в нажатом состоянии.

«Гм, вот готовая и легальная прослушка, - усмехнулся Антон. - Стоит всего лишь добавить устройство, незаметно включающее микрофоны во всех помещениях испытательного корпуса. И посадить своего оператора для сортировки и записи на какой-нибудь миниатюрный магнитофон поступающей информации. Периодически переключаясь из одного помещения на другое и выискивая интересные разговоры, такой оператор сможет держать руку на пульсе практически всех работ. Да это же рай для настоящего агента! Просто таки шпионский Клондайк!»

«А чтобы не вызывать подозрений, лучше всего поместить оператора-слухача не где-нибудь в тайном закоулке, а прямо у всех на виду. Там, куда сходятся все каналы управления в испытательном корпусе. В командном пункте связи, например».

Макарьев стремительно поднялся из-за стола.

Если его догадка верна и в системе оперативной связи действительно обнаружится устройство для дистанционного включения микрофонов, станет ясно, как был подслушан разговор в кабинете Лопатина.

А если еще узнать, кто дежурил в командном пункте связи в этот момент...

- Тогда мы узнаем имя второго агента, - вслух произнес Макарьев. - Или даже резидента!

46.
6 сентября 1988 года.
Подмосковье, Калининград.
Центр управления полетом.

- Нам удалось установить причину аварии, - Виктор Благинов заскользил взглядом по лицам присутствующих.

В зале совещаний за длинным столом собралось человек тридцать. Руководители отделов, представители фирм - подрядчиков, начальники дежурных смен. Собрались члены кризисной группы по предстоящей посадке «Союза».

- Причина аварии кроется в нештатной работе системы ориентации корабля. Точнее, двух датчиков инфракрасного построения вертикали.

По залу волной покатился шум. Николай Грищенко, полный и не по годам грузный представитель фирмы - изготовителя датчиков, поднялся из кресла и протестующе замахал руками:

- Да что вы такое говорите, товарищ Благинов? Наши изделия...

- Николай Фомич, ты погоди с возражениями, - жестко осадил его Рюминов, сидевший за столом рядом с Благиновым. - Сначала дослушай до конца.

- Собственно говоря, к самим датчикам у нас никаких претензий нет, - Благинов успокаивающе кивнул в сторону присевшего на место Грищенко, - но в комплексе вся система ориентации сработала в нештатном режиме. При первой попытке посадки ориентация корабля строилась как раз на рубеже теневого и освещенного полушария Земли. То есть на границе света и тени. При таких условиях датчики инфракрасного построения вертикали - и основной, и резервный, - не смогли построить правильную ориентацию «Союза». Поэтому и пошла задержка программы спуска на семь минут. Потом, когда корабль

уже вышел из переходной световой зоны и датчики заработали нормально, компьютер включил двигатель «Союза», но перелет за район предполагаемой посадки был уже почти тысяча километров. Поэтому Лахов и выключил всю систему.

- А что, вручную экипажу сориентироваться было нельзя? – с иронией в голосе осведомился представитель поисковой службы Леонид Васильченко. – Чтобы без автоматики?

- Можно, конечно, - бесстрастно пожал плечами Благинов. - Но для этого Лахов должен был четко представлять причину отказа...

- Это мы сегодня с утра поумнели, - с сарказмом заметил Рюминов. Он устал после бессонной ночи, проведенной в зале Центра управления полетом, и словесные выпады коллег слегка раздражали его. - А вчера, до анализа телеметрии, ничего еще толком не было ясно...

- Кое-что мы до сих пор так и не поняли, - подтвердил Благинов. - Особенно много у нас вопросов по второй попытке спуска. Через полтора часа после первого отказа, когда «Союз» сделал один оборот вокруг Земли, с корабля «Невель» была вторично дана команда загрузки программы посадки. И снова был зафиксирован сбой. По той же причине: нештатная работа инфракрасных датчиков. Тогда Лахов самостоятельно, без согласия Центра управления полетом, снова включил двигатель. И вот тут начинаются странности… Бортовой компьютер не стал выполнять программу спуска и начал работать по программе стыковки с орбитальной станцией. Продолжительность работы двигателя корабля вместо двухсот четырнадцати секунд составила всего шесть.

- Быть этого не может, товарищи, - не вставая из-за стола, возразил Геннадий Сидорчук, заместитель генерального конструктора из проектного бюро систем управления. - Бортовой компьютер не может сам

переключаться на выполнение других программ. Это же не искусственный интеллект, в конце-то концов!

- Увы, Геннадий Лукич, - Рюминов развел руками. - Не может, но переключился...

- Чепуха ерундейшая! – повысив голос, твердо продолжал стоять на своем Сидорчук. – Это же вообще получается совершенно иная управленческая схема!

- Лукич, я тебе дам расшифровку телеметрии, сам убедишься, - Благинов передал по столу заранее припасенную папку с документацией. - Мы тоже долго не могли поверить, но факт есть факт. Если бы я верил в мистику, то сказал бы, что компьютером корабля стал управлять кто-то со стороны.

- Это действительно напоминало перехват управления, - подтверждая слова коллеги, закивал Рюминов. - Но никаких чужих входных сигналов, поступавших на «Союз», мы не зарегистрировали…

- Поэтому вы, Валерий Викторович, и решили, что наша техника свихнулась! - возмущенно вскинулся Сидорчук и, нацепив на нос очки в тонкой металлической оправе, углубился в чтение переданных Благиновым документов. - Бред!

- Я ничего не решил, - по-прежнему стараясь держаться спокойно, терпеливо возразил Рюминов. - Я просто анализирую ту информацию, которая есть в нашем распоряжении.

- Товарищи, давайте все-таки вести себя корректно, - пророкотал густым басом двигателист Заславский, поднимаясь с места за дальним концом стола. - Я понимаю, что многие здесь вторую ночь без сна, но есть же определенные правила приличия. Давайте сдерживать свои эмоции! И это, прежде всего, касается вас, уважаемый Геннадий Лукич.

- Извините, - буркнул Сидорчук, краснея. - Но и вы меня поймите, товарищи! Я могу голову дать на отсечение, что бортовой компьютер не может сам переключаться с одной программы на другую!

- Геннадий Лукич, давайте сначала посадим корабль на Землю, а потом уже в спокойной обстановке будем разбираться со всеми техническими проблемами, - примирительно произнес Рюминов. - И с внезапно проклюнувшимися возможностями вашего компьютера в частности.

- Ситуация на борту «Союза», - как ни в чем не бывало, продолжил Благинов после наступившей паузы, - осложнилась еще и тем, что компьютер самопроизвольно не просто стал работать по программе стыковки, но еще и параллельно запустил процесс разделения спускаемого аппарата и приборно-агрегатного отсека. Как вы понимаете, если бы приборно-агрегатный отсек с двигателями отделился от спускаемого аппарата, то наши космонавты были бы обречены на гибель. К счастью, Лахов среагировал очень быстро и вручную прервал процесс разделения отсеков. Мы решили на сутки отложить спуск с орбиты.

- Вот и поговорим о посадке подробнее, - Заславский повернулся к Рюминову. - Валерий Викторович, какие Центром управления полетом планируются действия, чтобы вернуть космонавтов на Землю? Нам уже сутки никто толком ничего сказать не может…

- Около восьми часов утра будем снова пытаться посадить «Союз», - сухо проинформировал присутствующих Рюминов. - Попробуем третий раз задействовать бортовой компьютер. Если снова будет программный сбой, через виток дадим Лахову разрешение вручную сориентировать корабль и произвести посадку.

- Я прошу вас, товарищи, после окончания совещания не расходиться, - сказал Благинов. - Возможно, что дежурной смене сейчас понадобятся ваши советы и консультации. Особенно это касается вас, Геннадий Лукич, и вас, Олег Петрович, - он кивнул в сторону Сидорчука и Заславского. – Вопросы могут

возникнуть и по двигателю корабля, и по системе управления.

- Конечно, конечно, - поспешно согласился Сидорчук. Ему было неловко за свою излишнюю резкость несколько минут назад.

Рюминов уже собрался объявить об окончании совещания, когда входные двери широко распахнулись, и в зал заседаний стремительной походкой вошел руководитель дежурной смены Владимир Соловин:

- Валерий Викторович, вас к телефону. Правительственная связь.

- Извините, товарищи, - Рюминов поднялся из-за стола и следом за Соловиным по коридору прошел в свой кабинет.

- Рюминов слушает, - он снял трубку с красного телефонного аппарата с гербом СССР на диске.

- Валерий Викторович? С вами говорит полковник контрразведки Стрельников, - пророкотал голос на другом конце провода. - Помните такого?

- Как же, как же, Вадим Алексеевич, - Рюминов улыбнулся. Со Стрельниковым они были знакомы давно и довольно близко. – Сколько лет, сколько зим! Что-то ты совсем пропал с горизонта в последнее время...

- Дела, Валерий Викторович, дела, - в голосе Стрельникова слышалась усталость. – «Союз» завтра утром сажать собираетесь?

- Попробуем. Хватит Володьке Лахову болтаться на орбите.

- Ну, тогда слушай. С минуты на минуту ты получишь официальное распоряжение и от своего руководства, и от моей службы. А пока я тебя предварительно проинформирую. По-дружески.

- Случилось что-нибудь серьезное? - у Рюминова внутри все похолодело.

- Случилось, Валерий Викторович. В систему управления «Союза», того самого, в котором сейчас загорают на орбите Лахов с афганцем, еще до старта

была установлена посторонняя микросхема. Отсюда и все сбои в работе корабля...

- Что?! - у Рюминова перехватило дыхание. - Вадим Алексеевич, ты соображаешь, что говоришь?!

- Я похож на шутника, Валера? - осведомился Стрельников ледяным тоном.

- Нет, но...

- Раз «нет», так слушай и не перебивай, - смягчился контрразведчик. - Немедленно останови любые операции с бортовым компьютером. Ты понял? Любые! Это первое. Теперь второе. Лахов хорошо знаком с устройством пульта управления «Союзом»?

- Конечно, он перед полетом сдавал специальные экзамены по конструкции корабля.

- Замечательно. Необходимо будет вскрыть кожух пульта и еще до включения двигателя извлечь из контура управления постороннюю микросхему. Если Лахов знаком с устройством пульта, то он ее должен увидеть сразу. Микросхему, разумеется, нужно будет доставить на Землю. Для детального, так сказать, изучения.

- Понятно, Вадим, - Рюминов ногой пододвинул к себе кресло и сел. - Это что, диверсия?

- Возможно, Валера, - после паузы отозвался Стрельников. - Мы сейчас работаем и по этой версии. Кстати, имей в виду, что после снятия микросхемы бортовой компьютер нужно будет протестировать и перезагрузить заново. Только потом можно начинать динамические операции с использованием автоматики.

- Это понятно, - подтвердил Рюминов. - Мы как раз подготовили новую программу после вчерашних неприятностей...

- Вот и замечательно, Валерий Викторович, - в голосе Стрельникова вновь прозвучали официальные нотки. - И вот что еще... Постарайся, чтобы об этой операции с извлечением микросхемы знало как можно меньше народу. В идеале - ты, Благинов, Соловин и еще пара-тройка человек.

- Ясно, Вадим Алексеевич. Сделаем все, как ты сказал.

- Ну, все. Я отключаюсь. Удачи.

- И тебе того же!

Рюминов положил трубку и несколько секунд сидел неподвижно, переваривая услышанное.

- Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, - пробормотал он едва слышно, рывком поднялся из кресла и шагнул к двери.

И в ту же секунду телефоны на его рабочем столе оглушительно затрезвонили. Три или четыре одновременно.

47.

6 сентября 1988 года.

Космодром Байконур, вторая площадка - Ленинск.

- Вадим Алексеевич, у меня есть предложение, - робко кашлянув, нарушил тишину Макарьев.

Он сидел на заднем сидении мчавшейся по шоссе к Ленинску черной «Волги», зажатый между сонно посапывающим майором Казинцевым и необычно молчаливым сегодня капитаном Чекмаевым.

- Какое предложение, Антон? - Стрельников полуобернулся к лейтенанту. Он тоже подремывал, расположившись в машине на правом переднем сидении.

- Можно я пойду туда первым?

- Зачем? - полковник окинул его недоумевающим взглядом и иронично прищурился. - Что, снова погеройствовать захотелось, орел?

- При чем здесь геройство? - Макарьев обиженно вспыхнул и подался вперед. – Там могут оказаться случайные люди, Вадим Алексеевич. А наш противник, наверняка, вооружен и после отравления Шестюка держится настороже. Если первыми войдете вы или ваши сотрудники, у резидента могут сдать нервы и начнется самая настоящая пальба. И - упаси, конечно, Боже, - кто-нибудь из посторонних может пострадать. А меня

резидент знает… Довольно близко знает, и мое появление не будет неожиданностью…

- В словах нашего лейтенанта есть определенная логика, Вадим Алексеевич, - дипломатично заметил майор Казинцев. - Предварительная разведка перед началом операции нам бы не помешала...

- Логика, говоришь, есть? - переспросил Стрельников и ухмыльнулся. - Логика, конечно, - логикой, а кто будет отвечать, если резидент вдруг залепит ему пулю в сердце, а?

Он повел подбородком в сторону Макарьева.

- Не залепит, - Антон энергично затряс головой. - Если в комнате действительно окажутся другие люди, я произнесу заранее оговоренную с вами кодовую фразу или слово и как можно скорее оттуда ретируюсь. Но так, чтобы, естественно, не вызвать никаких подозрений у резидента. Тогда в действие вступит другой вариант захвата. Если же никого, кроме резидента, в комнате нет, я произношу другую обусловленную фразу и опять же спокойно выхожу в коридор. А дальше пусть работает группа захвата.

- Теория, Антон, это все только теория, - Стрельников протяжно вздохнул. - Ну, а если резидент все-таки что-то заподозрит и использует тебя как живой щит? Или вообще приставит тебе пистолет к виску и захватит в заложники?

- И потребует самолет, чтобы вылететь в Антавию? - не сумев скрыть своей иронии, хохотнул Макарьев.

Стрельников смерил его строгим взглядом и насмешливо кивнул Казинцеву:

- Гляди, Павел Викторович, какие у нас пошли смышленые лейтенанты. Двух лет не успел прослужить в армии, а стратегическое мышление уже на уровне начальника Генерального штаба. Смело затыкает за пояс полковников из контрразведки.

- Извините, товарищ полковник, - Антон почувствовал, как его лицо заливает краска стыда.

- Да ладно, - Стрельников миролюбиво усмехнулся. - Я же не в упрек тебе. Так, для общей профилактики... Чтобы, значит, слишком не зазнавался. А в целом, предложение дельное. Надо обмозговать.

«Волга» лишь на секунду тормознула у поста на КПП и въехала в город.

- Едем к военной комендатуре, - Стрельников повернул голову к молчаливому казаху-водителю. - Там сейчас должен находиться руководитель оперативной группы. Да и до общежития оттуда всего пара сотен метров.

У ворот комендатуры их встретил невысокого роста стройный подполковник:

- Здравия желаю, Вадим Алексеевич!

- Привет, Николай Владимирович, - Стрельников по приятельски хлопнул встречающего по плечу. - Что твои гвардейцы?

- Полностью блокировали общежитие по периметру, - с готовностью сообщил подполковник. - Муха в шапке-невидимке - и та незамеченной оттуда не вылетит. Группа захвата готова.

- Так... А как там наш объект?

- Свет в его комнате горит. Такое впечатление, что объект кого-то ждет.

- Еще в комнате кто-нибудь есть?

- Пока это не удалось установить, товарищ полковник. Шторы на окне достаточно плотные и сквозь них ничего не видно. А внутрь здания я своих парней пока не пустил.

- Вот и хорошо, что не пустил. Резидент сейчас явно настороже и было бы очень некстати, если бы он до начала операции заметил твоих ребят, - Стрельников поискал глазами Макарьева:

- Что же, Антон, наверное, придется и в самом деле действовать по предложенной тобой схеме...

- Я готов, Вадим Алексеевич, - Макарьев сделал шаг вперед.

- Готов! – проворчал Стрельников. - Тоже мне пионер-герой! Ну-ка, пойдем, обсудим общий план твоих действий, юный ленинец!

Он неторопливо двинулся в сторону плаца комендатуры, увлекая за собой Антона.

- Значит, договоримся вот как, - контрразведчик скосил глаза в сторону Макарьева. - Ты стучишь в дверь и заходишь внутрь комнаты. Делаешь пару шагов вперед. Если резидент в комнате один, ты громко и отчетливо говоришь «Привет!». Если же там есть еще кто-нибудь, ты произносишь «Здравствуй!». Это и будет то самое кодовое слово, после которого группа захвата выберет тот или иной способ своих дальнейших действий.

- Понятно, - нетерпеливо тряхнул головой Антон. - А после этого...

- Макарьев, ну когда ты научишься не перебивать старших по званию? – недовольно поморщился полковник и продолжил:

- Если резидент в комнате один, ты, когда скажешь кодовую фразу, ни секунды не медля падаешь на пол и больше ни во что не вмешиваешься. Понял?

- Падаю на пол? А если просто выйти?

- Антон, - Стрельников остановился и внимательно посмотрел ему в глаза, - я не хочу тебя подставлять под пулю, понимаешь? Резидент далеко не простак. Расшифровать наш с тобой план для него может оказаться парой пустяков. Секундным делом. И если он вооружен, - а этого нельзя не допускать, - за то время, пока ты будешь поворачиваться и двигаться назад к двери, он вполне успеет всадить в твою спину парочку - троечку пуль. Поэтому давай договоримся: после того, как ты произнесешь кодовую фразу, ты сразу же валишься на пол. Быстро приседаешь и мягко заваливаешься на левый бок. Лицо закрываешь коленями. Понял?

- Так точно, Вадим Алексеевич!

- И запомни, орел: никакой самодеятельности!

48.
7 сентября 1988 года.
Околоземная орбита,
космический корабль «СоюзТМ – 5»

Время в корабле тянулось очень медленно. Секундная стрелка на часах в правом углу пульта управления лениво перепрыгивала с деления на деление, отсчитывая минуты до очередного сеанса связи.

- Поспать еще, что ли? - сказал вслух Лахов и зевнул.

- Я уже выспался, Володя, - откликнулся Абдул, на мгновение оторвавшись от созерцания земной поверхности, проплывавшей под кораблем за круглым окошком иллюминатора. - Ты поспи, если хочешь, командир. Если с Земли будет срочное сообщение, я тебя разбужу.

Лахов поерзал, устраиваясь поудобнее в кресле - ложементе, и закрыл глаза.

На глухих витках, когда не было прямой связи с Центром управления полетом в подмосковных Подлипках, они с Абдулом проспали больше семи часов. Лахов и не думал, что после всех тревог и волнений предыдущих суток так легко сможет заснуть. Но общая усталость, несмотря на строгий режим работы и отдыха все-таки накопившаяся за неделю космического полета, в конце концов, дала о себе знать, и уже часа через полтора-два после переноса посадки на следующие сутки и Лахов, и Моуманд расслабленно посапывали в своих креслах.

– Может, давай чего-нибудь перекусим? - предложил Лахов, не открывая глаз. - Достанем из аварийного запаса упаковку консервов и позавтракаем? Ты как насчет поесть, Абдул?

- Я бы, конечно, не отказался позавтракать, Володя, - Моуманд вздохнул и сглотнул слюну. - Но

давай лучше потерпим. Неизвестно, сколько нам еще придется лететь по орбите.

«Экономь продукты или не экономь - разницы, по сути, никакой. Все равно система очистки воздуха вырубится через пару суток», - подумал про себя Лахов, а вслух бодрым голосом сказал:

- И то верно. Кстати, если садиться будем все-таки в нерасчетном районе, аварийный запас может ой как пригодиться!

- Угу, - поддакнул Моуманд. - А если не есть, то и туалетом, наверное, реже придется пользоваться. Туалетом, которого нет.

- Это ты тоже прав, - Лахов невесело рассмеялся.

Ему очень хотелось хоть как-то подбодрить афганца. И если афганский коллега считает, что для поддержания духа нужно немного поголодать, - что же, поголодаем за компанию.

- Значит, едой после посадки мы на первое время будем обеспечены? - спросил Абдул.

- Ну, да... На пару дней еды хватит, а потом, если поисковые группы еще не прибудут, можно будет поохотиться или рыбу половить...

- Кстати, о рыбе, - Моуманд приподнялся в кресле и протянул руку к мешку из плотного полиэтилена, приклеенному скотчем под светильником. - Надо бы проверить, как тут поживают наши подопечные?

Сегодня утром, как только они вошли в зону радиовидимости подмосковного Центра управления полетом, на связь вышли биологи и попросили достать из контейнера приготовленных к возвращению на Землю живых рыбок. Оказалось, что рыбки не могут долго существовать без света. Лахов и Моуманд вскрыли оранжевый посадочный контейнер, вытащили упакованных в полиэтилен вместе с водой рыбок и приторочили всю эту конструкцию прямо под светильник на потолке.

Моуманд осторожно постучал пальцем по заполненному жидкостью пакету. Рыбки обеспокоено задвигались, лениво пошевеливая плавниками.

- Живы, - с удовлетворением констатировал Абдул и снова опустился в кресло. - Интересно, как часто их нужно кормить. И чем.

- Тебе не кажется, что в корабле похолодало? - Лахов поежился. - У меня такое ощущение, что температура понизилась на несколько градусов. Ну-ка, посмотри, что там на термометре?

- Восемнадцать градусов по Цельсию, - Моуманд бросил короткий взгляд на шкалу термометра.

- О, вот видишь! А вечером было двадцать три. Я точно помню!

- Думаешь, что система терморегулирования забарахлила?

- Кто его знает, - неопределенно пожал плечами Лахов. - Может, и да. А может, и нет. Пока мы с тобой спали, Центр управления радиокомандой через «Невель» вполне мог изменить температурный режим в корабле. А нам сообщить забыли. Или просто будить не захотели.

- Зачем нужно было менять режим?

- Ну, например, чтобы влага в корабле не накапливалась. Или чтобы стекла наших гермошлемов не запотели. Вот сейчас войдем в зону радиосвязи и спросим.

Но когда - около двух часов ночи - они оказались в пределах прямой связи с Центром управления в Подмосковье, вопрос о небольшом понижении температуры в спускаемом аппарате отпал сам собой.

- Володя, - Лахов безошибочно узнал пробившийся сквозь легкое потрескивание помех голос Рюминова, - сейчас постарайтесь с Абдулом работать очень быстро и точно. Все вопросы переносим на потом. Понятно?

- Понял, Валера, - кивнул Лахов и приготовился внимательно слушать.

- Первое, что ты должен сейчас сделать, - продолжал скороговоркой Рюминов, как будто боялся не

успеть сказать все, что хотел, - это отключить бортовой компьютер от сети электропитания.

- Понял, выключить компьютер из сети, - повторил Лахов и щелкнул тумблером на пульте. Зеленый огонек на панели вычислительной машины мигнул и погас. - Выполнено, Валера!

- Хорошо. Теперь пусть Абдул из-под своего кресла достанет набор с инструментами.

Моуманд тут же запустил руку куда-то вниз под сидение и секундой спустя извлек на свет серую пластиковую коробку небольших размеров:

- Инструменты уже у меня, Валерий Викторович.

- Теперь, Володя, сосредоточься, - в голосе Рюминова послышались едва скрываемое нетерпение и тревожные нотки. - Ты хорошо помнишь устройство электросхемы пульта?

- Спрашиваешь! - Лахов возмущенно фыркнул. - Месяца не прошло, как предполетный экзамен сдавал!

- На всякий случай найди соответствующую схему в бортовой документации, - Рюминов не обратил внимания на сарказм товарища. Документация должна быть в пакете на левой стене.

- Вижу. Достаю, - Лахов пролистал большую книгу. - Так, вот и электросхема пульта.

- Передай документацию Абдулу, пусть он держит ее открытой на той странице, где вклеена электросхема, - деловым тоном распорядился Рюминов. - Сам же бери у него инструменты, доставай отвертку и откручивай винты крышки пульта. Следи, чтобы винты не расплылись по отсеку и не затерялись.

- Понял, Валера, работаю, - Лахов взял из комплекта отвертку, чуть приподнялся из кресла и занялся пультом. Минут через пять освобожденная от креплений крышка пульта оказалась у него в руках. Винты он один за другим сунул в небольшой карманчик на груди скафандра. - Готово, Валера!

- А вот теперь самое главное. Внимательно проверь всю электросеть, связывающую пульт с

бортовым компьютером. Там должна быть посторонняя микросхема.

Лахов удивленно присвистнул:

- Ах, так вот в чем причина! А мы-то с Абдулом на компьютер грешили!

- Не отвлекайся! - резко оборвал его Рюминов. - У нас очень мало времени! Ищи микросхему!

- А что ее искать? - взгляд Лахова уперся в крохотную золотисто-коричневую пластинку между проводами электропитания. - Вот же она!

- Володя, теперь будь очень аккуратен, - Рюминов обеспокоено кашлянул. - Отсоединяй микросхему. Запомни, ее нужно вернуть на Землю в целости и сохранности. Что угодно можешь потерять, но эту штуковину привези сюда, понял?

- Чего уж тут не понять, Валера? - Лахов склонился над распотрошенным пультом, ослабил винты крепления проводки и двумя пальцами вытащил пластинку микросхемы. - Вот она голубушка! Сейчас мы тебя упакуем и отвезем дяде Валере! Он у нас большой любитель всяких электронных штучек.

- Шутник хренов! - миролюбиво огрызнулся с Земли Рюминов. Чувствовалось, что его напряжение немного спало. - Теперь соедини кабели подпитки компьютера и ставь на место крышку пульта.

- Сделано, Валера! - доложил Лахов через несколько минут. - Что дальше?

- Включи в сеть компьютер, - распорядился Рюминов. - Абдул пусть упаковывает инструменты и бортовую документацию.

Лахов снова щелкнул переключателем на пульте. Компьютер радостно замигал огоньками и заурчал.

- Компьютер включился, тестируется, - сообщил Лахов.

- Молодцы, ребята, - в эфире раздался облегченный вздох Рюминова. - Сейчас мы загрузим вам новую программу посадки и на следующем витке, где-то около четырех часов утра, будем вас сажать.

- А если вдруг опять что-нибудь в системе управления забарахлит? - с опаской осведомился Лахов.

- Да не должно вроде бы... Ну, а если опять техника заартачится, вырубай к ядреной фене всю эту автоматику и сажай корабль на ручняке! Понял?

- Понял, Валера, - уже не сдерживая эмоций, громко захохотал Лахов. - К ядреной фене и на ручняке!

49.
7 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, Ленинск.
Корпус женского общежития.

...Макарьева подвезли на машине почти к самому общежитию. Осталось свернуть за угол и пройти метров двадцать.

- Ну, Антошка, ни пуха тебе, ни пера! - Стрельников обнял лейтенанта и крепко пожал ему руку.

- К черту, Вадим Алексеевич! – с нервным смешком ответил Макарьев, повернулся и бодро зашагал по аллее ко входу в корпус.

Едва лишь он взбежал на крыльцо по бетонным ступенькам, рядом с ним, отставая всего на полшага, бесшумно выросли словно из неоткуда ловкие фигуры одетых в маскировочный камуфляж ребят из группы захвата. Макарьев прошел вахту общежития, стал подниматься по лестнице, а фигуры спецназовцев, двигаясь вдоль стен, зыбкими тенями скользили следом за ним. Со стороны все это, наверное, выглядело очень забавно: насвистывающий себе под нос какую-то веселую мелодию и бодро вышагивающий лейтенант и неотступно плывущие за ним фигуры в бронежилетах, с наполовину закрытыми щитками лицами и короткими штурмовыми автоматами наперевес.

Макарьев остановился у дверей комнаты. Штурмовики бесшумно разделились на две группы и замерли около стены с обеих сторон от дверного проема.

- Ну, с Богом! - едва слышно прошептал Антон, поднял руку и постучал по деревянной поверхности двери:

- Можно войти?

Ему показалось, что стук был таким громким, что где-то в глубине длиннющего коридора проснулось и отозвалось деревянной дробью эхо.

- Входите, там открыто! - раздался знакомый голос из-за двери.

Макарьев повернул дверную ручку, толкнул дверь вперед и шагнул в комнату.

«Самое главное в этот момент будет выражение твоего лица и твоих глаз, - сказал ему Стрельников перед самым расставанием. - Держись естественно и раскованно. Можешь даже улыбнуться. Но только не шарь глазами по комнате. Поверь мне, если там есть еще кто-нибудь, кроме резидента, ты и так его увидишь. Помещение небольшое и не заметить боковым зрением человека там просто невозможно».

Она стояла у самого окна, у колыхнувшихся от сквозняка из коридора плотных штор. Хрупкая маленькая фигурка в запахнутом цветном халатике, черные как смоль короткие волосы и пронзительно-голубые, словно бездонные глаза. Удивленно вскинутые вверх ресницы.

И больше никого в комнате. Никого!

Антон широко улыбнулся, сделал шаг чуть в сторону от дверей и спокойным, уверенным голосом произнес:

- Привет!

И тут же скользнул вниз, одновременно приседая на корточки и заваливаясь на левый бок.

Ему показалось, что время затормозилось. Движения людей и предметов замедлились, и сознание лейтенанта теперь успевало зафиксировать даже малейшие подробности происходящего. Макарьев падал вниз и одновременно видел, как выражение безмерного удивления на лице стоявшей напротив него женщины сменяется сначала сковывающим взгляд недоумением и

страхом, потом молниеносно рассыпается на сотни ледяных колючих осколков и из глубины ее озерно-голубых глаз, поднимается холодная волна жуткой, почти звериной ненависти, постепенно превращаясь в решимость бороться до конца. До самой смерти.

Левое плечо Макарьева еще не коснулось пола, а сзади, откуда-то из-за спины, уже стал слышен едва различимый в заполнившей комнату напряженно-ватной тишине скрип проворачивающихся петель и шорох распахиваемой настежь входной двери. Шторы за плечами замершей около окна женщины, увлекаемые сквозняком с улицы, рванулись на середину комнаты, на мгновение распахивая оконный проем.

Она сделала быстрый шаг к окну, рванула вниз штору и попыталась запрыгнуть на подоконник.

Но бежать было уже поздно. Темно-серая тень стремительно пронеслась над головой лежащего на полу Макарьева. Кто-то тяжело и упруго ударил подошвами армейских ботинок о деревянные половицы, оказавшись между лейтенантом и влезающей на подоконник женщиной. В пространстве над Антоном скользнула еще одна ловкая и быстрая тень. И еще одна.

«Группа захвата!» - успел догадаться Антон, прежде, чем тени плотным кольцом сомкнулись вокруг почти уже вставшей на подоконник женщины.

Резидент и не собирался сдаваться. Короткий и энергичный взмах рук. Передняя тень в камуфляже сломалась, отшатнулась и начала неправдоподобно медленно валиться в угол комнаты. Женщина резко повернулась ко второй тени, снова сделала замах рукой, но тень опередила ее, перехватила руку женщины в движении и резко потянула вниз. Женщина потеряла равновесие и медленно начала падать внутрь комнаты. Она еще успела ударить вторую тень ногой куда-то в область левого бедра, и этот удар развернул тень в камуфляже в сторону, но исход схватки был уже ясен. Третья тень повисла на плечах женщины и всей своей массой увлекла ее на пол комнаты.

Еще один длинный как вечность миг и комната наполнилась людьми в пятнисто-камуфляжной форме. Прошло всего лишь мгновение, и эта пятнисто-камуфляжная волна плотным слоем сомкнулась над едва коснувшимися пола телами. Звякнули наручники на заломленных за спину руках женщины, и вот она уже поднята с пола и повисла на поддерживающих ее под мышки крепких мужских руках…

50.
7 сентября 1988 года.
Околоземная орбита,
космический корабль «СоюзТМ – 5»

Опасения Лахова оказались напрасными - переходить на ручное управление не пришлось. После четырех часов утра по московскому времени стрелка на бортовом хронометре успела отсчитать всего пятьдесят четыре секунды, как тормозной двигатель корабля автоматически включился в расчетном режиме, выплюнув в окружающее пространство оранжево-розовую струю раскаленного газа.

- ...Сто десять, сто одиннадцать, сто двенадцать, - Абдул, то и дело сбиваясь со счета, снова шепотом считал прыжки секундной стрелки по циферблату. Его лицо стало влажным от выступившего пота. - Сто тринадцать, сто четырнадцать...

«По программе должно быть точно сто восемьдесят шесть», - Лахов почувствовал, что у него пересохло во рту от волнения. Сердце бешено колотилось в груди.

- ...Сто пятьдесят четыре, сто пятьдесят пять, сто пятьдесят шесть... –длинные гибкие пальцы афганца замерли, судорожно сжимая четки.

«Если двигатель будет работать меньше ста восьмидесяти шести секунд, мы останемся на очень неустойчивой орбите, - подумал Лахов. Левая бровь у

него вдруг нервно задергалась. - Виток - от силы полтора - и корабль все-таки нырнет в атмосферу. Только вот где мы сядем, никто предсказать не сможет!»

-...Сто семьдесят шесть, сто семьдесят семь, сто семьдесят восемь...

«А если двигатель проработает больше ста восьмидесяти шести секунд, то корабль уйдет на баллистический спуск, - напряжение росло и мысли Лахова стали путаться. - Это значит, что «Союз» пойдет через атмосферу по слишком крутой траектории. Тогда перегрузка может стать просто убийственной!»

-...Сто восемьдесят один, сто восемьдесят два, сто восемьдесят три...

«На баллистический спуск идти все-таки нежелательно, - Лахов мысленно встряхнулся, стараясь отогнать сковавшую его тело нервную слабость. - Значит, так... Если сейчас на отметке «сто восемьдесят шесть» движок сам не отсечется, выключаю автоматику и перехожу на ручное управление. К ядреной фене, как говорил Валера!»

-...Сто восемьдесят четыре, сто восемьдесят пять, сто восемьдесят шесть! - Абдул уже почти кричал.

- Ну?! – рявкнул Лахов и рванулся из кресла вперед.

Сзади, под днищем спускаемого аппарата, гулко хлопнуло, и наступила тишина.

- Есть! - радостно выдохнул Моуманд. - Получилось, Володя! Получилось!

Лахов, мгновенно расслабившись, рухнул в кресло. В наступившей внутри корабля тишине слышалось только мерное жужжание перегонявшего воздух вентилятора в углу кабины.

- «Протоны», двигатель сработал нормально! - ожили динамики системы связи. Лахов узнал голос начальника Центра подготовки космонавтов генерал-лейтенанта Шаталина. - Корабль идет по посадочной траектории! Штатный спуск, Володя, слышишь?

- Слышу, Владимир Александрович! - кашлянув, прохрипел в микрофон Лахов. Ему все еще было трудно дышать. - Идем на управляемый спуск!

Абдул ослабил фиксирующие ремни и приподнялся в кресле.

- Ты куда это собрался? - опешил Лахов.

- Рыбок упаковать забыли, - Моуманд мотнул головой в сторону закрепленного под фонарем пакета с водой и осклабился:

- Кому биологи будут голову первому откручивать, а, Володя?

- Ах, мать их так и растак! - Лахов свирепо заскрипел зубами. - Ну, давай упаковывай. Только быстро!

Абдул аккуратно, стараясь не повредить полиэтиленовую упаковку, отодрал пакет от фонаря и осторожно положил в контейнер рядом с собой.

- Готово, командир! – афганец открыл в улыбке блеснувшие жемчугом зубы.

«Союз» потерял орбитальную скорость и теперь, тормозясь уплотняющейся атмосферой, постепенно приближался к Земле. Ровно через двадцать минут после отсечки двигателя коротко рявкнула сирена, и в следующее мгновение сильный толчок возвестил об отстреле приборного отсека.

- Прошло разделение отсеков! - доложил Лахов и скосил глаза в сторону Моуманда. - Абдул, сейчас войдем в плазменную зону, радиосвязь временно пропадет. Я тебе очень рекомендую посматривать на иллюминатор. Ты еще никогда не летал внутри горячей плазмы? Вот и смотри, зрелище впечатляющее!

Афганец покорно повернул голову к округлому окошку, перебирая четки легкими, привычными движениями пальцев.

Спускаемый аппарат на высоте нескольких десятков километров несся сквозь воздушное пространство над побережьем Северной Африки, оставляя за собой бело-серый дымный след. Медленно

возрастая, невидимой тяжелой тушей навалилась перегрузка. По постепенно черневшему от оседавшей копоти иллюминатору кабины поползли змеящиеся разводы сгоревшего теплоизоляционного покрытия.

Потом перегрузка резко ослабла. Сзади, глубоко под креслами, за обшивкой кабины, раздался короткий грохот, и космонавты почувствовали ощутимый толчок.

- Сброшен теплозащитный экран! – вполголоса прокомментировал Лахов. - Сейчас пойдут парашюты!

Вверху, внутри стенки отсека, что-то металлически лязгнуло, послышался нарастающий свист, сменившийся переливчатым клекотом, и мгновение спустя корабль сильно рвануло вверх.

- Я – «Протон», прошло наполнение парашюта! - сообщил в микрофон Лахов и весело подмигнул Моуманду. - Теперь, Абдул, мы можем с тобой хоть песни петь!

- «Протон», здесь борт триста сорок три, группа наблюдения, - раздался чей-то незнакомый голос из динамиков. – Вижу оранжевый купол парашюта над кораблем! Раскрытие парашюта штатное!

- Здесь борт двадцать восемь, - пробился сквозь эфир еще один голос уже с другого вертолета. - Подтверждаю раскрытие парашюта над объектом! Буду садиться рядом с кораблем и обеспечивать эвакуацию экипажа! Владимир Афанасьевич, готовьтесь!

- Вот, пожалуй, и все, Абдул, - небритое лицо Лахова расплылось в усталой улыбке. - Кончились наши с тобой приключения...

- Эттихад-э-шурави – Советский Союз – самая лучшая в мире страна, - сказал Моуманд восторженным голосом. – И техника у вас – тоже самая лучшая!

…Когда им помогли выбраться из спускаемого аппарата и усадили в эвакуационные кресла, к космонавтам сквозь толпу спасателей и медиков пробрались телевизионщики и журналисты.

- Валерий Куликов, Всесоюзное радио, - улыбчивый полноватый крепыш приблизил к лицу

Лахова микрофон. – Владимир Афанасьевич, когда вы планируете начать подготовку к своему четвертому космическому полету?

Лахов подставил лицо под налетевший свежий ветерок, сделал глубокий вдох, прищурившись, посмотрел на яркое оранжевое солнышко, постепенно выкарабкивающееся из-за горизонта на розово-голубой ковер утреннего неба, на золотисто-желтую траву в бесконечном просторе степи, и покачал головой:

- Нет, ребята. Полковник Лахов полеты закончил. Все! Дембель!

51.
7 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, Ленинск.
Корпус женского общежития.

Время снова обрело прежнюю скорость и естественный ход…

Макарьев присел на полу и принялся отряхивать испачканные на коленях брюки.

- Не ушибся, лейтенант? - раздался над ухом голос полковника Стрельникова.

- Я в полном порядке, Вадим Алексеевич, - Антон поднял голову. Стрельников стоял в проеме дверей и смотрел не столько на Макарьева, сколько на окруженную спецназовцами женщину. - Только вот ребята ваши меня чуть не затоптали! Слоны…

- Чуть в нашем деле не считается, - все также, не глядя на Антона, бросил Стрельников, шагнул к задержанной и с металлом в голосе произнес:

- Зинаида Кислицкая, вы арестованы по подозрению в убийстве и шпионаже в пользу иностранной разведки!

Волосы на голове Зинаиды сбились, длинная челка наполовину закрывала глаза. Она тряхнула головой, отбрасывая спутавшиеся волосы назад, и на ее

лице проступило выражение недоумения, обиды и едва сдерживаемого возмущения.

- Что вам здесь нужно? - ее голос дрожал и ломался. - По какому праву вы врываетесь ко мне в комнату?

- Давайте не будем ломать комедию, Кислицкая, - Стрельников чуть повысил тон. - Мы вскрыли вашу систему прослушивания переговоров...

- Какую еще систему? - Зинаида снова входила в роль простой разбитной девахи и в ее голосе стали прорезаться истерические нотки. - Я не понимаю, что вам от меня нужно?!

- Для начала я хочу, чтобы вы подробнейшим образом рассказали мне, зачем вели прослушивание и запись всех переговоров в испытательном корпусе, - жестким тоном потребовал полковник. - Кстати, на аудиокассетах полно ваших отпечатков пальцев. Так что не советую вам валять дурака...

- Вадим Алексеевич, - капитан Чекмаев, первая из «теней» в камуфляже, которые появились из коридора, наконец, выбрался из-под поваленных стульев в углу комнаты, - ну, и реакция у нашей милой дамы! Так меня саданула, что я до сих пор толком не могу очухаться!

Он стащил с лица маску с прорезями для глаз и, массируя рукой ушибленное плечо, подошел к Зинаиде:

- Слушай, боевая подруга, и где это тебя таким приемчикам обучили, а?

Зинаида молчала и сверлила лицо капитана взглядом, в котором ясно читалось презрение. Потом медленно повернула голову в сторону Макарьева и зловещим шипящим голосом выдавила:

- Об одном жалею, лейтенант. Жаль, что Шестюку так и не удалось тебя кончить...

- Ну, вот и ладненько, - Стрельников довольно улыбнулся и шутливо подмигнул Макарьеву. - Вот наша дамочка и заговорила!

- Мне кто-нибудь может объяснить, что здесь происходит? – звонкий голос из коридора заставил всех обернуться.

Перед распахнутой в комнату дверью стояла Ульяна Соронина. Ее антрацитовые брови хмурились под черной челкой. В небесно-голубых глазах с удлиненным разрезом сталью сверкали гнев и недовольство.

52.
10 сентября 1988 года.
Космодром Байконур, вторая площадка.
Монтажно-испытательный корпус 1А.

- Проходите, ребята, проходите, - Стрельников неуклюже выбрался из-за стола и двинулся навстречу Макарьеву и Ульяне. - Рад вас видеть!

Он крепко пожал руку Антона, с улыбкой кивнул Ульяне и широким жестом указал на стулья:

- Присаживайтесь. Нам есть о чем поговорить, не так ли?

Усевшись в кресло, Вадим Алексеевич бросил на гостей ироничный взгляд:

- Я так понимаю, что за последнюю пару недель у вас накопилась ко мне масса вопросов. Что же, я готов удовлетворить ваше любопытство. Не выходя, разумеется, за рамки служебной тайны. Хотя из бесед с моими коллегами вы, наверное, уже и сами о многом догадались…

- А о чем не догадались, то дофантазировали, - Ульяна приветливо улыбнулась.

- Ну, с логическим мышлением и фантазией у вас обоих все в полном порядке, - хохотнул Стрельников. - И лучшее подтверждение этому пойманные с вашей помощью шпионы Шестюк и Кислицкая! Ну, с чего начнем наш вечер вопросов и ответов?

- Вадим Алексеевич, больше всего у нас вопросов по Зинаиде Кислицкой, - вступил в разговор Антон. -

Честное слово, до сих пор в голове как-то не укладывается, что она - резидент иностранной разведки!

- Гм... Начнем с того, что в действительности она никакая не Кислицкая, - полковник чуть нахмурил густые с легкими серебристыми прожилками седины брови. - Зинаида Кислицкая - настоящая Зина Кислицкая - была убита почти два года назад. А женщина, которая проживала с тобой, Уля, в одной комнате общежития всего лишь использовала ее имя и фамилию, ее документы.

- Боже мой, - глаза Ульяны испуганно расширились. - И кто же она на самом деле?

- Вся эта история, ребята, - Стрельников закинул ногу на ногу, поудобнее устраиваясь в кресле и явно готовясь к долгому разговору, - началась примерно лет десять назад. В одной небольшой азиатской стране – в Антавии - к власти пришли люди, которые очень хотели создать мощное исламское государство, включив в него территории некоторых соседних государств, в том числе и территории некоторых наших союзных республик. Для этого внутри страны была установлена диктатура, подавлены гражданские свободы, запрещены все политические партии. Не только за участие в антиправительственной борьбе, но и за сочувствие оппозиции, людей хладнокровно убивали прямо на улицах. Без суда и следствия. Умело и методично, как на бойне. Вот такая была в Антавии внутренняя политика… Ну, а во внешней политике курс был взят на то, чтобы столкнуть лбами разные государства и спровоцировать региональные, а если удастся и глобальные войны. И нужно признать, что кое-что из своих бредовых планов лидерам Антавии удалось осуществить. Один иранско-иракский конфликт, к примеру, чего стоит... Или поддержка воюющих между собой самых разных группировок в Афганистане. Лидерам Антавии было все равно, кому помогать - Наджибулле, Раббани или, например, какому-нибудь клану Моджададди. Лишь бы война шла подольше. Лишь бы в конфликт втянулись и

завязли в нем по горло и Советский Союз, и Соединенные Штаты, и Китай. Потому что только в условиях всеобщей нестабильности в азиатском регионе и могла реализоваться сокровенная мечта этих политических нуворишей о панисламском государстве… Хотя, если толком разобраться, приверженцами ислама они были только на словах. На самом деле их целью была власть, ничем не ограниченная диктаторская власть. А ислам был только удобным временным прикрытием. Ширмой.

Стрельников замолчал и несколько секунд задумчиво тарабанил пальцами по столешнице, собираясь с мыслями, а затем продолжил:

- Ну, а для дестабилизации положения в азиатском регионе использовались самые разные методы. Диверсии, террористические акты, шпионаж. В рамках реализации одной из таких вот террористических программ антавийский разведывательно-диверсионный центр начал вести подготовку женщин-агентов. Та, кого мы с вами, ребята, знаем как Зинаиду Кислицкую, прошла подготовку в этом террористическом центре. Более того, Фатима - это было ее кодовое имя - была гордостью выпуска, их лучшим агентом. Ульяна, вот как ты думаешь, сколько лет Кислицкой?

- Она старше меня почти на три года, - Ульяна недоуменно пожала плечами. Возраст Зинаиды никогда не был для нее загадкой, и вопрос Стрельникова несколько обескуражил ее. - Значит, ей двадцать семь лет. Ну, или около того.

- На самом деле, она старше тебя на девять лет.

- На сколько?! - лицо Ульяны удивленно вытянулось. - Не может быть!

- Да-да, она старше тебя на целых девять лет, - Стрельников хитро прищурился и усмехнулся. - Месяц назад нашей дорогой Фатиме исполнилось ровно тридцать три года.

- Но выглядит она... - Ульяна была совершенно ошарашена. - У нее же молодые и лицо, и тело!

- И в медицине, и в косметике есть специалисты, способные творить настоящие чудеса, - с легким смешком парировал Вадим Алексеевич и вернулся к своему рассказу:

- Так вот, значит, Фатима... Несколько раз она участвовала в очень серьезных террористических операциях. Захват посольства в Иране в 1980 году, нападение на теплоход в 1981 году, еще через год взрыв дискотеки и торгового центра в одной из европейских столиц. У нее очень длинный послужной список, ребята. Длинный и кровавый... По всей видимости, ей просто нравилось убивать. Несколько оставшихся в живых свидетелей захвата теплохода у берегов Индии в 1981 году, к примеру, утверждают, что помощника капитана судна Фатима расстреляла просто так, ни за что. Причем стреляла таким образом, чтобы человек умер не сразу, а еще помучился перед неизбежной смертью...

- Ах, Зинаида, Зиночка, - Макарьев криво усмехнулся. - А казалась такой милой и разлюбезной дамочкой...

- Фатима была очень ловкой террористкой и диверсанткой. Но, как говорится, и на старуху найдется проруха. В 1984 году одна из ее операций в Северной Ирландии провалилась, Спецслужбы Великобритании крепко сели Фатиме на хвост. Настолько крепко, что правительство Исламской республики Антавии даже было готово вопреки всем существующим в среде спецслужб правилам сдать ее, чтобы избежать международного скандала. Но в конечном итоге руководитель антавийской разведки генерал Халеф решил поступить иначе. Террористка Фатима должна была исчезнуть навсегда, превратившись из субъекта, который убивает и взрывает, в источник, поставляющий важную информацию. Проще говоря, превратиться из террористки в шпионку. И вот в начале 1985 года Фатима якобы погибает в автокатастрофе под Парижем. Чей-то обезображенный до неузнаваемости труп хоронят на местном кладбище. А самой Фатиме в Швейцарии тайно

делают пластическую операцию и усиленно готовят к предстоящей новой работе. Примерно в это же время где-то в Подмосковье исчезает настоящая Зина Кислицкая - девушка, которая из маленького уральского городка приехала в столицу поступать в университет. Кандидатура была выбрана очень точно. У настоящей Зинаиды не было родителей, она воспитывалась у бабушки, которая умерла буквально за несколько недель до ее роковой поездки в Москву. Хирурги «подгоняют» лицо и тело Фатимы так, чтобы она стала практически неотличима от настоящей Кислицкой...

- Какой ужас, - еле слышно подавленно прошептала Ульяна.

- Как раз в это время антавийское руководство, - продолжал Стрельников, - начинают очень интересовать вопросы создания ядерного оружия и современной ракетной техники. Фатиме в ее новом облике поручают внедриться на советский космодром Байконур. С точки зрения логики операция была задумана исключительно умно. У английских спецслужб вряд ли будет возможность искать бывшую международную террористку на территории СССР – одного из своих вероятных противников. Несмотря даже на взаимные политические симпатии Маргарет Тэтчер и Михаила Сергеевича Горбачева… И вот пару лет назад в узле связи на второй площадке космодрома Байконур начинает работать веселая и жизнерадостная девушка Зина Кислицкая...

Полковник сделал паузу, повертел в руках футляр с очками, размышляя, и заговорил снова:

- За несколько месяцев Фатима, словно паук в темном углу, оплела своей сетью все наше хозяйство. Задумка, ребята, была почти гениальной. Система подслушивания была создана на основе нашей системы рабочей связи и выведена на операторский пульт самой Кислицкой. Сделано все было так искусно, что обнаружить подслушку случайно или даже при поверхностном осмотре техники, было практически

невозможно. Поэтому более двух лет разведка Антавии получала информацию практически обо всех наших ракетно-космических разработках и технологиях. И какую информацию! Объект разведки был выбран безупречно. Вы, конечно, знаете, что вся техника, которая эксплуатируется на нашей площадке, - это техника далеко не новая. Некоторым разработкам далеко за три десятка лет. Но это очень надежная и многократно проверенная техника. Воссоздать именно такую, не слишком передовую, но очень надежную технику как раз и по силам на той технической и промышленной базе, которой располагают антавийцы. Они очень точно рассчитали свои возможности, хозяева Фатимы...

- Да, уж чего-чего, а сообразительности и прагматизма им точно не занимать, - недовольно фыркнув под нос, вставил Антон.

- И хитрости, - добавил Стрельников и перевел взгляд на Ульяну:

- Когда вы, Уля, пришли работать на узел связи, Фатима сообразила, что внешне вы очень похожи. Немного краски и косметики – и вы с ней стали почти близнецами… Я думаю, что в будущем Фатима как-то хотела использовать ваше сходство в своей шпионской деятельности. Возможно, она планировала покинуть нашу страну с вашими документами…

- А как же я? – Ульяна едва не задохнулась от ужаса и побледнела.

- Фатима могла устранить вас перед побегом, - предположил Стрельников самым будничным тоном. – А ваш труп спрятать, снабдив его документами Зинаиды Кислицкой…

Ульяна тихо охнула, Макарьев успокаивающе накрыл ладонью руку девушки.

- Года полтора назад руководство антавийского разведцентра, - продолжал полковник, - пришло к выводу, что их агент успешно адаптировался на космодроме. И значит, пора постепенно расширять агентурную сеть. Если Кислицкой ставилась задача

добывать общую информацию о космической и ракетной технике, то конкретные технологии должен был «срисовывать» другой агент. Было желательно, чтобы этот агент имел доступ к ракетной технике и на космодроме, и на заводе в Подмосковье, на котором собираются ракетно-космические аппараты. Фатима приступила к усиленным поискам человека, который удовлетворил бы информационные аппетиты ее зарубежных хозяев. Вот тут-то в поле ее зрения и оказался относительно молодой и очень амбициозный инженер Евгений Шестюк.

- Рыбак рыбака видит издалека, - со смешком констатировал Ульяна. Она уже успокоилась.

- Ну, в данном случае рыбак скорее увидел рыбу, - поправил ее Стрельников. - Такую, знаете ли, жирную и самодовольную рыбину рядом со своей сетью. Просто грех такую не поймать... Способ вербовки был выбран простейший и старый, как мир. Шестюка поймали, как у нас говорят, на женщину. В качестве женщины-приманки выступила сама Фатима. Причем все устроилось так, что интимная близость между Шестюком и Кислицкой произошла на диванчике в той самой комнате, где перед стартом космонавты одевают скафандры. Миниатюрный фотоаппарат, вмонтированный в сумочку Фатимы, работал в автоматическом режиме и надежно зафиксировал самые пикантные сцены той бурной ночи. А еще через пару месяцев, когда Евгений Шестюк вернулся из командировки на космодром в конструкторское бюро в Подмосковье, его разыскал неприметный человечек из посольства Исламской республики Антавии. Поговорив сначала с Шестюком о том и о сем, под конец разговора антавийский шпион выложил перед ошарашенным инженером четкие и профессионально сделанные фотоотпечатки тех самых любовно эротических сцен в одном из самых секретных помещений космодрома. И тут же предложил Шестюку выбор: либо любвеобильный инженер начинает активно работать на иностранную разведку, либо фотографии,

свидетельствующие о моральном разложении советского гражданина, по почте отсылаются в первый отдел по месту работы Шестюка.

- Вот ведь сволочи! - Макарьев не смог сдержать эмоции. - Как точно рассчитали удар!

- Ну, в знании психологии мелкого советского карьериста нашим противникам явно не откажешь, - полковник наклонил голову, соглашаясь, - Шестюк, конечно же, понимал, что если его собеседник приведет свою угрозу в исполнение, его служебная карьера рухнет в одночасье. Помещение, в котором космонавты надевают скафандры перед стартом, как я уже говорил, всегда считалось совершенно секретным объектом со строго ограниченным кругом доступа. А здесь - едва ли не оргия... Конечно, на самом деле, шантажисты ни за что не стали бы посылать компрометирующие Шестюка фотографии на его фирму. Ведь помимо Шестюка на них была запечатлена и их резидент - Фатима. Но Евгений Шестюк не знал, что девица, с которой он провел ночь на космодроме - иностранный агент! Он был уверен, что его антавийский собеседник готов пожертвовать Кислицкой с такой же легкостью, как и самим Шестюком...

Стрельников закашлялся, сделал пару глотков из стоявшего перед ним на столе стакана с давно остывшим чаем, и вернулся к рассказу:

- Поэтому угроза вербовщика и сыграла свою роль. Шестюк испугался разоблачения. И принял условия шантажистов. Разумеется, агент-вербовщик предложил ему порвать связь с «этой проституткой», которая была изображена вместе с ним на фотографиях. Якобы она очень неуравновешенная особа и слишком болтлива, а потому опасна. На самом же деле разведывательный центр просто не хотел, чтобы Шестюк узнал о том, что Фатима - Кислицкая - это их агент. А происхождение компрометирующих фотографий Шестюку объяснили наличием миниатюрной фотокамеры, которая была в свое время тайно установлена одним из случайных посетителей в той самой комнате, где инженер вступил с

Фатимой в интимную связь. Поэтому до самой своей смерти Евгений Шестюк не подозревал, что резидент разведывательного центра работает рядом с ним. Его, как выражаются разведчики, вели втемную. Указания и задания он получал и отправлял либо по почте, либо через два надежно замаскированных тайника - в Ленинске и здесь, на второй площадке.

- Слепое оружие для шпионажа и диверсий, - на лице Ульяны читалось презрение.

- А вот сама Фатима прекрасно понимала, что Шестюк является для нее не только агентом, но и потенциальной угрозой. Подвешенным прямо над головой на тонкой ниточке дамокловым мечом. Если бы инженер провалился и был арестован, ему рано или поздно был бы задан вопрос о том, как его завербовал зарубежный разведывательный центр. И тут уж, могу вас заверить с полным на то основанием, - сказочка о миниатюрной автоматической фотокамере, установленной в совершенно секретном помещении, уже бы не прошла. Наша контрразведка прямым ходом вышла бы на Фатиму. Как говорится, в два счета и три прихлопа… Вот поэтому, когда операция по организации диверсии на нашем космическом корабле была завершена, а ты, Антон, еще и припугнул Шестюка разоблачением, Фатима решила пожертвовать инженером. В ее распоряжении имелось очень необычное отравляющее вещество, внешне похожее на фиксирующий гель для волос. Достаточно было провести смазанным им пальцем по волосяному покрову на теле человека - и примерно через час наступала смерть от удушья...

- Получается, что вместо обещанных денег Шестюк получил от своих хозяев смерть, - устремив взгляд в пространство за окном кабинета, задумчиво произнесла Ульяна. - Смерть, как плату за предательство и два убийства...

- Ну, денег Шестюк при любом раскладе событий не дождался бы никогда, - Стрельников усмехнулся. -

Такие выплаты не в чести у разведывательных служб большинства азиатских стран.

- Неужели Шестюк оказался таким легковерным? - Макарьев с сомнением покачал головой.

- Трудно сказать, Антон... - полковник задумался. - Я думаю, что Шестюк панически боялся разоблачения. Это был тот самый кнут, занесенный над его спиной, о котором агент постоянно думал. А когда думаешь о кнуте, не слишком обращаешь внимание на качество подслащенного пряника под носом - деньги, возможность тайно выехать за рубеж... Но прошло совсем немного времени, и Шестюк психологически врос в новые правила игры, предложенные ему судьбой. Страх разоблачения отступил на второе место, пропустив вперед азарт и маниакальное желание получить большие деньги. Постепенно Шестюк втянулся в работу на иностранный разведывательный центр. Этому способствовали и полученные им в армии навыки - владение специальными приемами борьбы, метания ножа. Нет, Шестюк, конечно же, до определенного времени не применял все свои способности на практике, но морально он уже был готов и к убийствам, и к диверсиям. И когда задание, допускающее возможность применения силовых методов, им было получено, агент начал действовать почти автоматически, сея вокруг себя смерть. Его жертвами стали Бехтерев и Ушаков. Его третьей жертвой мог стать ты…

- Это когда меня едва не ударило электрическим током?

- Да, во время испытательных работ, - кивком подтвердил Стрельников. – Шестюк попросил подполковника Доцинова поставить группу, в которой были ты, Антон, Михайленко и Кузин, для работ в нижней части космического корабля. Якобы накануне Кузин по секрету жаловался ему на головокружение при работе на высоте…

- Вот ведь негодяй! – не совладав с собой, выпалил Макарьев.

- Шестюк очень рассчитывал на то, что твоя смерть спишет все - и бой с диверсантами, и смерти Бехтерева и Ушакова. Именно ты должен был стать, по замыслу Шестюка, тем самым вражеским агентом, который и устроил всю эту кутерьму в ночь перед стартом советско-афганского экипажа...

- Все-таки кое-что во всей этой истории не складывается, Вадим Алексеевич, - возразила Ульяна. - Если Шестюк хотел выдать Антона за вражеского агента, как же можно было объяснить эту стычку в степи с диверсантами? Ведь настоящий агент ни за что не стал бы ввязываться в бой!

- А вот как раз все обстоит с точностью до наоборот, Уля! - полковник невесело засмеялся в ответ. - Из той шифровки, которую Шестюк подбросил в карман рубашки Антона, нашей контрразведке должно было стать ясно, что стычка с диверсантами планировалась для создания алиби агента Макарьева. «Случайно» убитый электрическим током во время испытаний лейтенант Антон Макарьев хотя бы на несколько дней должен был стать вражеским агентом и повести нас по ложному следу!

- Ну, а как все-таки было на самом деле, Вадим Алексеевич? – с нетерпением осведомился Антон.

- О, вот это самое интересное во всей этой истории! - на лице полковника появилась широкая улыбка. - Настоящая диверсия состоялась еще в мае, когда Евгений Шестюк установил в улетающем на орбиту космическом корабле «Союз» микросхему, которая вносила сбой в систему ориентации. Предполагалось, что этот сбой приведет к гибели советско-афганского экипажа. Катастрофа в космосе должна была стать одним из факторов морального давления на руководство нашей страны, чтобы отменить решение о выводе войск из Афганистана. К сожалению, и у нас, и с той стороны границы есть много людей, которые хотят погреть руки на этом конфликте... В подготовке диверсии совпали интересы разведывательного центра Антавии и

преступного транснационального формирования по производству и транспортировке наркотиков. Наркодельцы особой выдумкой не отличались и решили действовать что называется в лоб: послать группу из трех человек, чтобы расстрелять космический корабль еще на старте. А вот разведчики - коллеги Фатимы - работали намного тоньше. Они просчитали, что при советско-афганском запуске на орбиту меры безопасности будут повышены. Понятно почему: в Афганистане идет война, и многим полевым командирам душманов старт в космос афганского космонавта - как кость в горле. Это же такая мощная пропагандистская акция в поддержку кабульского правительства Наджибуллы! Вот хозяева Фатимы с помощью Шестюка и отправили свою микросхему на орбиту на предыдущем «Союзе» - ведь возвращаться на Землю экипаж Лахова и Моуманда должен был именно на этом корабле. В ночь перед стартом советско-афганского экипажа Шестюк уговорил Кирилла Ушакова выпить: это была первая космическая экспедиция, в подготовке которой Ушаков участвовал уже не как стажер, а как настоящий инженер. Вот Шестюк и соблазнил молодого инженера обмыть успешную работу. Традиция, мол, такая… Ну, а потом, когда Кирилл слегка захмелел, Шестюк предложил ему немного пошутить. Сначала телефонным звонком на работу вызвали водителя Железняка, а потом якобы от имени Бехтерева отправили навстречу диверсантам тебя, Антон…

- Неужели Ушаков не почувствовал подвоха? – удивленно округлил глаза лейтенант.

- Кто его знает… - пожал плечами полковник. - Он ведь был уверен, что эти звонки – всего лишь шутка, и через минуту он сообщит об этом и тебе, и Железняку. Но Шестюк ударом ножа в спину убил инженера, затем отправился за оставленным Железняком во дворе «газиком» и вывез труп Кирилла к цистерне с азотом. А потом спокойно вернулся в испытательный корпус, и

остаток ночи проработал на грузовом корабле «Прогресс».

- А как же он убил Бехтерева? – спросила Ульяна. – И когда?

- Утром стало известно, что ты, Антон, остался жив после стычки с диверсантами. Шестюку ничего не оставалось, как устранить Бехтерева, чтобы скрыть фальшивый приказ по телефону, отданный от имени майора. Работы на «Прогрессе» к тому времени уже закончились, Шестюк проследил, как Бехтерев вернулся в свой кабинет. Зашел, предложил выпить «по чуть-чуть», незаметно сыпанул в рюмку Трофимыча яд… Вот так все и случилось… Ну, а диверсанты, посланные наркодельцами, стали всего лишь прикрытием для всей этой тщательно спланированной операции разведывательного центра. Дополнительным штрихом, так сказать. «Стингер» и гранаты, которыми диверсанты были вооружены, должны были немедленно взорваться при любой попытке их применить.

- Ничего не понимаю! – тряхнула кудрями Ульяна. - Если все было спланировано так ловко, зачем вообще понадобились диверсанты?

- Они должны были очень точно выйти к ограждению стартовой позиции и напороться на якобы случайно оказавшийся там караул. Именно по этому маршруту, Антон, и направил тебя с солдатами Кирилл Ушаков по указке Шестюка, - пояснил Стрельников. – Среди вещей диверсантов заранее были спрятаны материалы с дезинформацией. Не буду вдаваться в подробности, ребята, но если бы руководство нашей страны поверило в эти подброшенные документы, вывод советских войск из Афганистана был бы надолго приостановлен. Но мы с вашей помощью серьезно расстроили планы господ из зарубежья...

Он окинул внимательным взглядом Макарьева и Ульяну, улыбнулся и сказал:

- Поэтому от имени своего командования я хочу выразить вам благодарность за оказанное органам контрразведки содействие.

Антон привстал со стула и уже раскрыл было рот, но Стрельников жестом остановил его:

- Только не надо вскакивать и на весь испытательный корпус орать «Служу Советскому Союзу!», ладно? В данном случае нам, мальчики и девочки, гласность ни к чему.

- Спасибо, Вадим Алексеевич, - Макарьев смущенно кашлянул и снова присел.

- Большое спасибо, - эхом откликнулась Ульяна.

- Благодарность - благодарностью, - продолжал полковник, хитро прищурив глаза, - но хочу поделиться с вами и одним маленьким секретом. Строго, конечно, между нами. Командование космодрома вышло с ходатайством в Министерство Обороны о награждении вас государственными наградами...

53.
11 сентября 1988 года,
Космодром Байконур, Ленинск, кафе «Снежинка»

- Итак, сударыня, мы с вами оказали скромное содействие нашей доблестной контрразведке в поимке вражеских шпионов и диверсантов, - Антон Макарьев наполнил шампанским бокалы и поставил бутылку на стол.

- Да, сударь, - Ульяна приняла его шутливый тон и улыбнулась:

- Но моя роль в вашей шпионской истории оказалась более чем скромной. Я не бегала по степи за диверсантами, я не назначала рандеву шпионам... И не я рисковала своей жизнью во время встречи с Зиночкой-Фатимой.

- Не нарывайтесь на комплимент, сударыня, - наигранно наморщил нос Антон. - Если бы не ваше

деятельное участие, мистер Шестюк, наверное, до сих пор гулял бы на свободе. И наших космонавтов вряд ли удалось бы спасти...

- Я очень боялась за тебя, Антошка, - помолчав, тихо произнесла Ульяна и легко коснулась пальцами руки Макарьева. - Особенно когда поняла, что этот мерзавец держит тебя под прицелом...

- Под прицелом моего собственного пистолета со спиленным бойком, - Антон иронически усмехнулся. - У Шестюка не было никаких шансов, Уленька. Мы с тобой блестяще обвели вокруг пальца господина антавийского шпиона!

- Да, все получилось как по писанному. Совсем как в детективном романе, - с восторгом согласилась Ульяна. - Поздравляю вас, мистер Шерлок Холмс!

- Спасибо, мисс Ватсон!

- Вы проявили себя, как настоящий сыщик, мистер Холмс!

- А вы показали себя настоящей сыщицей, мисс Ватсон!

Они рассмеялись, глядя друг другу в глаза.

- Антошка, - мечтательно произнесла Ульяна, - а почему бы нам с тобой и в самом деле не организовать собственное детективное агентство?

- Хорошая мысль! – прыснул Макарьев. - Всех шпионов и диверсантов на Байконуре мы с тобой уже выловили. А вот расследовать мелкие кражи - почему бы и нет? Вот у меня во взводе у рядового Карсанова вчера пропала расческа...

- Смеешься? - Ульяна шутливо надула губы. - Я к нему с открытой душой и деловым предложением, а он...

- Хорошо, хорошо, я согласен, - поспешно протараторил Антон. - Сдаюсь на милость победительницы. Давай организуем детективное агентство. Можно начать прямо сейчас.

- Вот и замечательно! - Ульяна удовлетворенно кивнула. - Как мы назовем наше агентство?

- Ну...- Макарьев задумался. - Может быть, так: Антон, Ульяна и компания?

- Гм, - Ульяна бросила на него обескураженный взгляд. - С Антоном и Ульяной мне все ясно. А кто будет компанией?

- Э... - Антон почесал затылок. – Ну, я не знаю… У тебя есть другие предложения?

- Можно назвать агентство по первым буквам наших имен.

- «АУ» что ли?

- Нет, «АУ» не годится. Детективное агентство «АУ»...- она наморщила носик. - Смешно.

- Смешно, - согласился Макарьев. - Антон Макарьев и Ульяна Соронина... АМ и УС... Детективное агентство «АМИУС»?

- Не звучит, - Ульяна покачала головой. - Нужно простое и броское название. Сыщик Антон Макарьев и сыщица Ульяна Соронина... «САМ И СУС»?

- Какой еще «САМИСУС»? - передразнил Антон и пренебрежительно скривился. - Что тут простого и ясного?

Погоди-ка... «САМИСУС», - Ульяна задумалась и произнесла раздельно:

- «САМИ С УС»... «САМИ С УСАМИ»? Как тебе такое название: детективное агентство «САМИ С УСАМИ»?

- «САМИ С УСАМИ», - задумчиво произнес Макарьев, разглаживая пальцами усы. - А ничего... По крайней мере, для мужской части детективного агентства очень актуально... Хорошо, что такое «САМИ С УС» - это мне понятно. Но что это за «АМИ» в конце названия?

- Агентство многопрофильных исследований, - Ульяна пожала плечами. - Или агентство многосторонних изысканий. Разве это так важно?

- Действительно, Улечка, это не важно, - Антон весело рассмеялся. - Итак, решено: детективное агентство «САМИ С УСАМИ» создано! Есть предложение поднять бокалы за его будущие успехи!

- За детективное агентство «САМИ С УСАМИ»! - глаза Ульяны блеснули весельем.

- И за любовь! – быстро добавил Макарьев, озорно улыбнувшись.

- За нашу любовь! – мягко поправила Ульяна.

Высокие бокалы с шампанским с легким звоном соприкоснулись над столом.

Словно по сигналу, парнишка-бармен включил музыкальный центр за барной стойкой. Мелодия заполнила кафе ровными и мягкими волнами, завилась, закружилась, захватывая Антона и Ульяну. Ее нежная хрустальная нить засверкала солнечным светом, наполняя собой пространство и унося в будущее двух молодых людей с любовью глядевших в глаза друг другу…

ЭПИЛОГ

28 сентября 1988 года.
Москва, Министерство Обороны СССР.

Заместитель начальника Главного политического управления Советской Армии генерал армии Кудряшкин принял генерал-майора Шумилова в своем рабочем кабинете в новом здании Министерства Обороны.

- В двенадцать ровно у меня совещание. Поэтому в вашем распоряжении, товарищ генерал, не более двадцати минут, - Кудряшкин на секунду оторвал взгляд от разложенных перед ним бумаг и махнул рукой в сторону шеренги стульев, расставленных вдоль длинного стола заседаний. - Присаживайтесь. Вы по какому вопросу?

Он озабоченно наморщил лоб, честно демонстрируя визитеру титаническую попытку одолеть собственный склероз.

- По вопросу о награждении государственными наградами военнослужащих моей воинской части,

товарищ генерал армии, - Шумилов отчеканил заранее заготовленную фразу и присел на один из ближайших к письменному столу Кудряшкина стульев. - Руководство космодрома вышло с ходатайством о награждении некоторых особо отличившихся военнослужащих орденами и медалями за участие в осуществлении советско-афганского космического полета...

- Ах, да, - морщины на лбу Кудряшкина сразу же разгладились. - Теперь я припоминаю... Да, я читал ваш рапорт. И как мне помнится, в награждении некоторым вашим протеже было отказано, не так ли?

- Так точно, товарищ генерал армии, - Шумилов коротко и энергично кивнул. - Представления на награждение старшего лейтенанта Макарьева и сержанта Сорониной вернулись с отказными резолюциями...

- Ага, - на крупном холеном лице Кудряшкина снова появилось озабоченное выражение. - И вы, как я понимаю, не согласны с решением командования?

- Не согласен, товарищ генерал армии, - с готовностью подтвердил Шумилов. - Я убежден, что Макарьев и Соронина достойны высоких государственных наград.

- Не каждому стоит давать государственные награды, товарищ генерал-майор, - со льдом в голосе назидательно заметил Кудряшкин. Он расслабленно откинулся на спинку своего кресла и принялся с нескрываемым интересом рассматривать Шумилова. Так, как будто вдруг узрел перед собой забавную и диковинную зверушку. - Значит, вы решили побороться за справедливость, генерал?

Шумилов несколько смутился от такого прямого вопроса и неловко пожал плечами:

- В данном случае речь идет о людях, которые действительно заслужили награды.

- Да? И чем же, вы полагаете, их следует наградить? - Кудряшкин подвинул к себе лежавшую на письменном столе раскрытую папку и одним глазом заглянул в бумаги. - Ага, вот... Так... Гм, значит, вы

полагаете, что этого старлея и девчонку-сержанта следует удостоить медалей «За отвагу»? Н-да... А ведь это не реалистичный подход, товарищ генерал! Боевые награды вы предлагаете вручить людям, которые служат вдали от мест боевых действий!

- Но Макарьев фактически принял участие в боевых действиях, - чувствуя, как кровь постепенно приливает к лицу, возразил Шумилов, - а сержант Соронина...

- Мы слишком девальвировали само понятие государственной награды в последние годы, - перебил его Кудряшкин, не скрывая раздражения. - Вам так не кажется, генерал? Слишком просто и легко многим у нас доставались ордена и медали. Но это время закончилось раз и навсегда! - он чуть повысил голос и легко хлопнул ладонью по поверхности стола. - Девятнадцатая партийная конференция четко нацелила нас всех на более деловой подход к оценке своей работы. В том числе это касается и порядка награждения государственными наградами. Так что отказ в награждении ваших подчиненных вполне закономерен и логичен.

- Разрешите задать вопрос, товарищ генерал армии? - Шумилов старался сохранять спокойный тон, хотя внутри него все клокотало от едва сдерживаемого гнева.

- Да, пожалуйста, - Кудряшкин лениво наклонил голову в знак согласия. Он достал из стоявшей на углу письменного стола резной деревянной шкатулки сигарету и дорогую позолоченную зажигалку и неторопливо прикурил.

- Почему мой рапорт оказался у вас? - генерал-майор смотрел Кудряшкину прямо в глаза. - Я подавал его своему вышестоящему командованию, а не в Главное Политическое управление...

- Почему рапорт оказался у меня? - удивленно переспросил Кудряшкин. На его лице мелькнула тень недоумения. - Гм, да потому, что политику партии и

правительства в армии должно разъяснять именно Главное Политическое управление. Разве вы этого не знали, генерал? Вот заместитель министра обороны и расписал на меня ваш рапорт с соответствующей визой. Теперь, надеюсь, вам все понятно?

- Так точно, товарищ генерал армии, - Шумилов заиграл желваками на щеках. - Разрешите идти?

Кудряшкин бросил на него внимательный взгляд, раздавил в пепельнице недокуренную сигарету и с легким укором произнес:

- Я вижу, что вас не удовлетворил мой ответ, товарищ генерал? Так ведь?

- Я намерен по этому вопросу обратиться лично к министру обороны и в ЦК КПСС, - Шумилов решительно поднялся из-за стола. - Я уверен, что мои подчиненные...

- Сядьте! - резко оборвал его Кудряшкин. - Если вы не понимаете общей политической ситуации в стране, придется разъяснить вам все на пальцах!

Шумилов снова опустился на стул. Несколько секунд Кудряшкин молча буравил его недобрым взглядом, а потом сказал:

- Вы там, на низах, полностью оторвались от жизни и перестали понимать, какие процессы сейчас идут здесь, в столице, да и в целом по стране!

Одним взмахом руки он раздраженно смел в угол письменного стола разложенные перед ним папки и документы.

- А в стране, между прочим, четвертый год идет перестройка, товарищ Шумилов! Понимаете? Перестройка! Это значит, что у нового руководства страны теперь совсем другие критерии оценки политической и экономической ситуации. И за этими оценками следуют иногда неожиданные для нас выводы и решения! Радикальные и решительные действия, генерал! Невзирая на занимаемые должности и посты, между прочим!

- Я не понимаю, как эти вопросы высокой политики могут повлиять на награждение военнослужащих моей

части, товарищ генерал армии, - голос Шумилова прозвучал тихо и по-прежнему спокойно.

- Не понимаете?! - лицо Кудряшкина перекосилось от уже совершенно не скрываемого раздражения. - Вы не понимаете, что фактически подсовываете нам еще одну историю в стиле этого германского птенца Руста?!

- Причем здесь Руст? - брови Шумилова удивленно взметнулись вверх.

- Сам Руст, черт его побери, конечно, ни при чем! - распалившись, Кудряшкин вскочил из кресла и навис над Шумиловым, уперев руки в поверхность стола. - Но вся ваша история как две капли воды похожа на прошлогодний скандал с этим германским мальчишкой! А, может быть, даже еще хуже! И оргвыводы при разборе полетов на Политбюро, дорогой мой, будут намного круче. Тут уж можете мне поверить!

Кудряшкин почти кричал. Крупное круглое лицо его побагровело от натуги и напряжения:

- Почему диверсанты оказались на территории страны? Кто виноват? Командующего погранвойсками снять с должности и понизить в звании! Руководителей госбезопасности и разведки - в отставку! Министр обороны? Не справился с возложенными на него обязанностями! Тоже в отставку! Вы этого хотите, генерал? Или вы наивно полагаете, что головы полетят только там, на самых верхах? Смею вас заверить, березовой каши на нашу с вами долю тоже хватит! Кто не обеспечил надлежащую охрану испытательного комплекса и стартовой позиции? Генерал-майор Шумилов? Понизить в звании и в отставку! Почему хромает политработа с личным составом? Кто курирует воинские части космодрома в Главном Политическом управлении? Генерал армии Кудряшкин? В глубокую задницу этого Кудряшкина! Пусть налаживает контакты армии с населением в Чукотском автономном округе!

Он запустил пальцы за воротник рубашки и резким движением потянул вниз галстук. Несколько раз глубоко

вдохнул, снова поднял глаза на Шумилова и уже почти спокойно сказал:

- Так вот, генерал, я всего этого не хочу. Я не хочу отставки министра обороны. Я не хочу ехать в политическую ссылку к черту на кулички или в какую-нибудь Тмутаракань. Я не хочу, в конце-то концов, и вашего снятия с должности. Я хочу стабильности и сохранения годами выпестованных нами управленческих кадров, понимаете?

- Но если руководство страны уже знает о событиях на космодроме... - начал Шумилов, но Кудряшкин не дал ему договорить:

- Не знает. То есть, абсолютно не в курсе. Ясно?

- То есть как? - опешил Шумилов. - О попытке диверсии на космодроме не докладывали?!

- В ЦК партии, конечно, докладывали. А вот Генеральному... В августе Михаил Сергеевич как раз был в отпуске. Зачем же беспокоить человека по пустякам, если он отдыхает? Так решили и министр обороны, и председатель КГБ, и начальник нашей разведки. При единодушной поддержке практически всех членов Политбюро, разумеется, - губы Кудряшкина растянулись в торжествующей ухмылке.

- И что, до сих пор...

- И до сих пор, - согласно кивнул генерал армии и, смерив Шумилова ироническим взглядом, осведомился:

- А какой, скажите мне на милость, теперь смысл докладывать, генерал? Полет космонавтов успешно завершен. Да, были замечены неполадки в системе управления, которые на сутки отсрочили посадку «Союза». Но это были обычные технические неполадки. Подчеркиваю: просто технические неполадки, генерал. Так написали все газеты, так сказали и сами космонавты на пресс-конференции. А что касается диверсантов... Не было никаких диверсантов, товарищ Шумилов. А была наша учебно-тренировочная операция, во время которой из-за несчастного случая погибли трое военнослужащих из элитного десантного спецподразделения. Вот такова

официальная версия событий, генерал. Надеюсь, теперь вы все понимаете?

Шумилов молчал, устремив взгляд в начищенную до зеркального блеска поверхность стола.

- Поверьте, вся эта история уже забылась, - продолжал Кудряшкин. - И тут вдруг появляетесь вы со своим раппортом… Ну, зачем ворошить прошлое, генерал? Тем более, совсем недавнее прошлое... И мне, и вам придется ох как не сладко, если история с визитерами из-за рубежа и шпионами на второй площадке космодрома вдруг всплывет на поверхность. Ну, в самом деле, зачем нам с вами лишние заботы, а?

- Мною движет только стремление наградить людей за действительные заслуги перед Родиной, - все также не поднимая глаз, сухо заметил Шумилов. - Они достойны этого.

- А кто говорит, что недостойны? – Кудряшкин пожал плечами. - Вот только не в нашем с вами праве награждать их боевыми медалями за участие в учебной операции. Но, поверьте, без награды они не останутся. Я распорядился, чтобы ваша доблестная парочка получила грамоты ЦК комсомола. Ну, и может быть, еще стоит вручить им какие-нибудь ценные подарки. Часы там или памятный альбом с фотографиями. Я позвоню замполиту космодрома генералу Науджиласу, чтобы он с этим подсуетился. А что касается вашего раппорта... Я думаю, что давать ему ход не стоит. Иначе мы с вами окажемся в очень незавидном положении и наживем себе чрезвычайно много врагов, генерал. Очень много влиятельных и беспощадных врагов. Или вы придерживаетесь другого мнения?

- Никак нет, товарищ генерал армии, - Шумилов снова поднялся со стула. - Я все прекрасно понял. Разрешите идти?

Несколько секунд, показавшихся Шумилову бесконечно долгими, Кудряшкин молча рассматривал стоявшего перед ним генерал-майора, а потом улыбнулся своей обычной вежливо - холодной улыбкой:

- Вот и замечательно, что вы все поняли. Можете идти, генерал.

Он подождал, пока за Шумиловым закроется дверь, поднял трубку телефона и вызвал своего референта.

- Подготовьте мне личное дело генерала Шумилова. Кажется, пора поднять вопрос о несоответствии некоторых наших руководителей занимаемым постам...

Референт понимающе склонил голову и сделал пометку в своем рабочем блокноте.

…Генерал армии Кудряшкин ошибался. Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев был в курсе событий, происшедших в августе-сентябре на космодроме Байконур. Доложили ему и о микросхеме, обнаруженной на борту космического корабля «Союз». Информация пришла от одного из служащих канцелярии Председателя Верховного Совета СССР Андрея Андреевича Громыко.

Прочитав составленную на основе полученной информации справку, Горбачев вызвал своего помощника Олега Станиславовича Федоровского и поручил ему разобраться в сложившейся ситуации. Федоровский вернулся в свой кабинет и немедля пригласил к себе заместителя начальника организационного отдела Павла Николаевича Якушева. В последние годы Федоровский и Якушев часто обсуждали внутрипартийные дела, прежде, чем выйти к руководству с очередным предложением. В коридорах ЦК партии их давно уже за глаза называли «серыми кардиналами».

- Ознакомься, Павел Николаевич, – Федоровский протянул Якушеву папку со справкой.

Якушев открыл папку, бегло просмотрел текст и ухмыльнулся:

- Совсем заигрались наши старички…

- Заигрались?! – Федоровский резко поднялся из кресла, прошелся к окну и вернулся обратно к письменному столу. – Это ты называешь «заигрались»?!

Сокрытие информации от Генерального секретаря ЦК партии, командующего вооруженными силами страны – это теперь называется заигрались?!

Он взял папку из рук Якушева и раздраженно бросил на стол:

- В конце месяца будет пленум ЦК КПСС. Шарахнуть всех одним махом!

- Рано, Олег Станиславович, - Якушев с сомнением покачал головой. - Расклад сил в ЦК и в Политбюро еще не в пользу Горбачева. Сначала нужно серьезно модернизировать политическую систему страны, а уж потом… Иначе аппаратный реванш неминуем.

- Но оставлять без внимания такое… - Федоровский хлопнул ладонью по папке. – Я думаю, что это было бы неправильное решение, Павел Николаевич!

- Нет, конечно, оставлять всю эту историю без последствий для инициаторов сокрытия фактов не следует, - поддержал Якушев, поразмыслил и добавил:

- А вот использовать ее в качестве повода для увольнения нескольких человек из партийной верхушки было бы очень и очень неплохо! И сделать это лучше без скандала, тихо… Просто отправить на пенсию некоторых наших особенно заслуженных товарищей. С почетом отправить… Но негласно дать понять всем – аппаратных игр за спиной Генерального секретаря больше не будет. Сейчас не 1957 и не 1964 годы, а Горбачев – не Хрущев.

Федоровский грузно опустился в кресло, задумчиво потер лоб пальцами и со вздохом согласился:

- Ладно, на ближайшем пленуме отправим в отставку нескольких старичков. Подтянем новые кадры. И кое-кого из консерваторов в ЦК партии серьезно припугнем… Чтобы все поняли: перестройка – перестройкой, демократизация – демократизацией, но любая оппозиция в ЦК партии будет подавляться жестко и без лишних церемоний!

...А Шумилов, поговорив с Кудряшкиным, по дороге обратно в гостиницу, в которой он остановился на время командировки в Москву, попросил водителя

остановить машину у гастронома, в винном отделе едва ли не из-под полы купил две поллитровки водки и вечером, запершись в номере, впервые в жизни напился почти до полного бесчувствия...

4 октября 1988 года.
Париж, Елисейские поля.

В уютном кафе на Елисейских полях Чеслав Волянецкий, известный руководителям советской разведки под псевдонимом «Корнелий», заказал большую кружку пива. Сел за столик у окна с видом на Триумфальную арку и открыл еженедельник, который только что купил в газетном киоске. Прочитал статью о победе сборной СССР по футболу над сборной Бразилии на двадцать четвертых Олимпийских играх, пробежал глазами несколько заметок из светской хроники, нашел раздел политической аналитики и новостей…

Степанакерт… Армянско-азербайджанское противостояние в Нагорном Карабахе… Это пока пропускаем…

Прошел Пленум ЦК КПСС… Гм, интересно… Реорганизация партийного аппарата в свете решений девятнадцатой партийной конференции… Освобождены от своих обязанностей в связи с уходом на пенсию члены Политбюро Андрей Громыко и Михаил Соломенцев, кандидаты в члены Политбюро Владимир Долгих и Петр Демичев… 1 октября 1988 года на сессии Верховного Совета СССР вместо ушедшего в отставку Андрея Громыко председателем избран Михаил Горбачев… Информацию принимаем к сведению…

Продолжается сорок третья сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций… Так, это оставим на потом…

Ага, вот оно! «Исламская республика Антавия, Маузалибад. Уволен в отставку начальник Управления

Секретной службы генерал Анвар Халеф»… Замечательная новость!

А вот и еще одна громкая отставка! «ЦК Народно-демократической партии Афганистана удовлетворил просьбу об увольнении по состоянию здоровья члена политбюро НДПА, министра народного правительства Шаха Нур Махтари»… Какая жалость! Сгорел на работе, бедняга!

Еще новости из Афганистана… «Народный цорандой решительно очищает свои ряды от проходимцев и враждебных элементов. В Кабуле взят под стражу Ахмад Мухаммед Нарханг, уличенный в торговле наркотиками»… Н-да, накрылся оружейно-наркотический бизнес!

Чеслав Волянецкий отхлебнул пива из бокала и усмехнулся в густые усы. Все-таки это очень приятно – читать о результатах работы, к которой ты был причастен.

Пусть даже никто и никогда не узнает, что все это - дело в том числе и твоих рук…

S.V.Chaser

КОТОФЕЙ

Серия детективной, приключенческой и фантастической литературы

Литературно-художественное издание
Остросюжет

Чебаненко Сергей Владимирович

КАРАУЛ ПОД «ЁЛОЧКОЙ».
Выпускающий редактор Д. С. Федотов
Художник Ю.М. Юров
Корректор Г.Г. Свирь
Верстка И.В. Резникова
Художественное оформление М.Г.Хабибуллов

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63,

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 20.11.2012. Формат 84x108 1/32
Гарнитура «PeterburgC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 10. Тираж 12500 экз. Заказ № 1505.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.
e-mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru

ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»
ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.
Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.
Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус I.

Тел.: (499) 940-48-71, (499) 940-48-72, 940-48-73.

Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».
Тел.: (499) 940-48-70.
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!
Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:
В Москве:
Компания «Лабиринт»
115419, г. Москва,
2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79
www.labirint-shop.ru
В Киеве:
ООО «Издательство «Арий»
г. Киев, пр. 50-легия Октября, д. 26, а/я 84.
Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.
E-mail: ariy@optima.com.ua
Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ» в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия», «Московский дом книги», «Новый книжный».

Май 1988 года. Достигнуто соглашение о выводе советских войск из Афганистана в 1989 году. Решение ставит под угрозу тайный бизнес по торговле оружием и наркотиками, который ведут влиятельные лица в руководстве Афганистана. С помощью специальной диверсионной группы они решают сорвать достигнутые договоренности о выводе войск. Для этого нужно устроить крупную диверсию на территории самого Советского Союза. Выбор злоумышленников падает на космодром Байконур, с которого в августе 1988 года должен стартовать советско-афганский космический экипаж. Гибель космонавтов на советской территории обязательно приведет к обострению политической ситуации и притормозит уход войск из Афганистана...

ISBN 978-5-4444-0659-5
9 785444 406595
Вече

ISBN 978-5-4444-0659-5

ISBN 978-5-4444-0659-5

9 785444 406595